

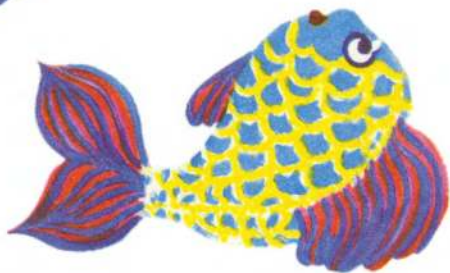
СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

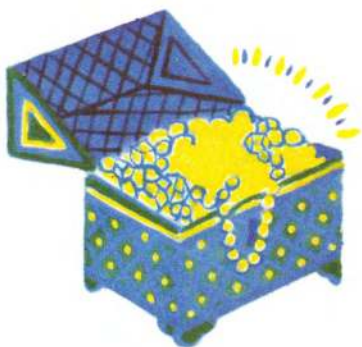

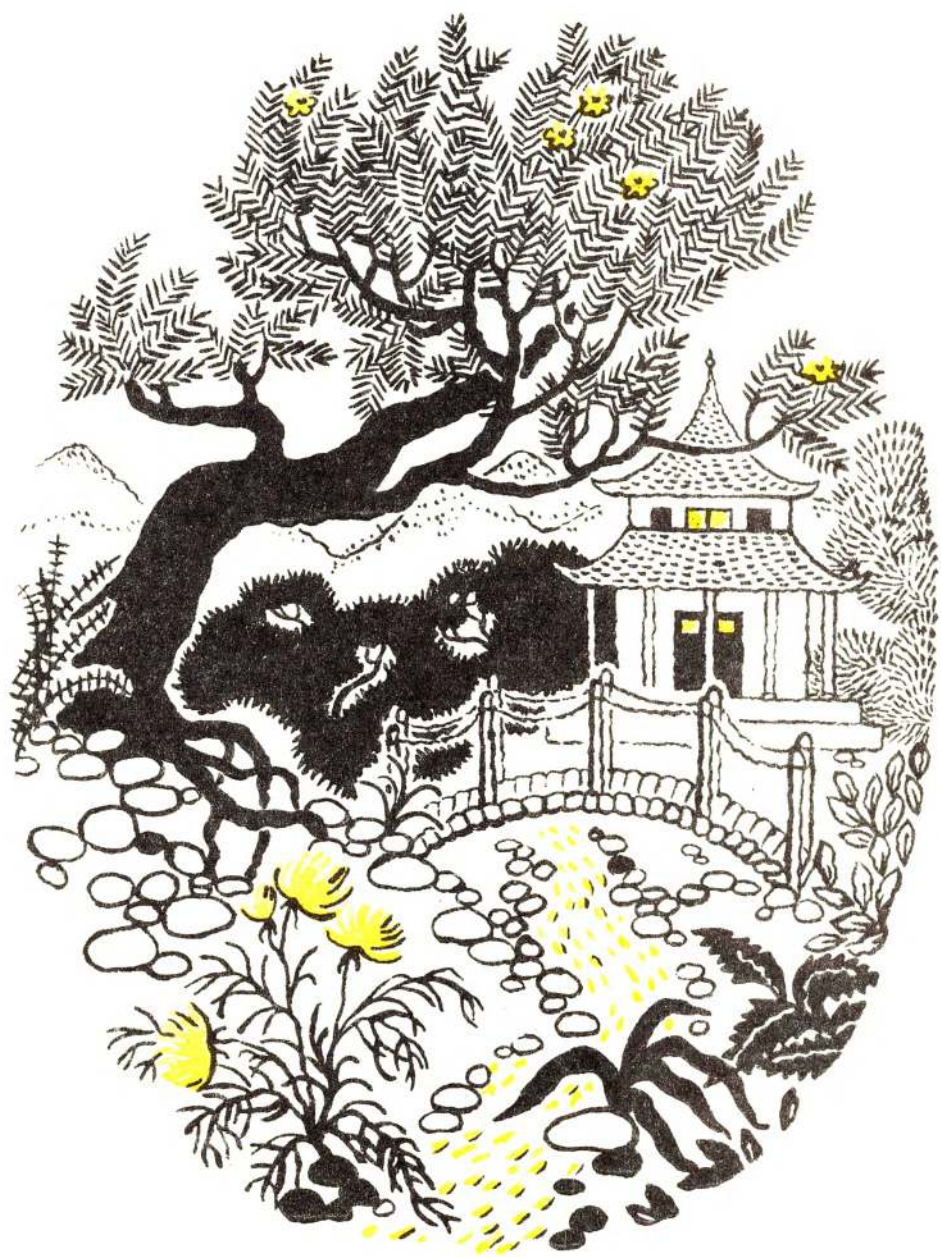
Ширма с драконом

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Ширма с драконом

Японские сказки

1 9 9 3

Москва — Санкт-Петербург
«КИМОС» — фирма «РИТА» — «БИБЛИОПОЛИС»

**Оформление серии
Владимира Волипца**

**Художник
Вера Волипец**

ISBN 5-86138-017-1

**© Составление, оформление.
«КИМОС—АРД», 1993.**

Соловьиный дом

Народные сказки

ГДЕ СВЕТУ КОНЕЦ?

старину, в далекую старину, захотелось однажды птице-каребинге¹ полететь туда, где свет кончается. Покинула она свой родной остров Танэгасима и понеслась, как стрела, над открытым морем.

Семь дней, семь ночей летела каребинга, на восьмой увидела высокое дерево с одной-единственной веткой. Поднималось оно прямо из морской пучины. Отдохнула каребинга на этом дереве и снова пустилась в путь.

Еще семь дней, семь ночей летела она над волнами, — и что же: высится над морем второе такое же дерево! Опустилась птица на ветку, сложила свои усталые крылья.

Вдруг послышался голос из моря:

— Это кто там сидит?

Захлопала каребинга крыльями от испуга.

— Я — птица-каребинга. А ты сам кто?

— Ва-ха-ха-ха! Я — морской омар!

Думала каребинга, что сидит на дереве, а оказалось: это ус громадного омара. Еще сильнее она крыльями захлопала.

— А-ха-ха-ха, — засмеялся омар, — здесь равнина великого моря, я на ней и живу. А ты куда путь держишь?

— Лечу искать, где свету конец.

При этих словах омар еще круче изогнул дугой свою спину и захохотал громче прежнего:

— У-ва-ха-ха-ха! Брось ты эту глупую затею. Хочешь конец света найти, а семь дней, семь ночей летела от одного моего уса до другого. Ва-ха-ха-ха!

¹ Каребинга (санскр. калавинка) — фантастическая птица с очень красивым голосом.

Раскрыла карёбинга клюв от удивления. Не стала она больше искать конец света и вернулась, опечаленная, на свой родной остров Танэгасима.

А омар, напугав карёбингу, развеселился и думает: «Я сам найду конец света».

Поплыл омар. Изогнется кольцом и прыгнет. Изогнется и прыгнет. За один прыжок целую тысячу ри¹ покрывает.

Семь дней, семь ночей плыл омар. На восьмые сутки выбился он из сил. Вдруг видит он: зияет в море большая пещера. Забрался омар в нее отдохнуть. Отдохнул и опять поплыл большими прыжками. Что ни прыжок — тысячу ри за собой оставляет.

Так прошло еще семь дней, семь ночей, и увидел он снова пещеру в океане. Забрался в нее и, притомившись от долгого пути, заснул крепким сном.

Вдруг раздался громовой голос. Вздрыгнул омар от испуга.

— Ты кто такой, негодяй? Как смел в мою ноздрю забраться? Отвечай, а не то убью!

Собрался омар с духом, зашевелил длинными усами.

— Я — морской омар. А ты кто такой?

— Ва-ха-ха-ха! Я — морской скат. Ты куда путь держишь?

— Конец света ищу.

Заколебалась пещера, заходила ходуном, как от землетрясения.

— У-ва-ха-ха-ха! Дурацкая затея! Ведь ты плыл семь дней, семь ночей от одной моей ноздри до другой. Вот тебе мой совет, малютка, возвращайся-ка ты обратно.

Заворчал омар про себя, выдувая пену клубами, но вдруг повернул обратно и быстро скрылся из виду.

Пришла теперь очередь ската. Подумал он: «Я такой большой и сильный. Нет для меня невозможного! Кому же найти конец света, как не мне!»

И пустился в далекий путь. Семь дней, семь ночей плыл он без отдыха.

На восьмой день засверкало под ним морское дно и выступил из моря белый песчаный берег, гладкий и мягкий. Отдохнул на нем скат и снова в дорогу. Еще семь дней, семь ночей он плыл, и вот снова открылся перед ним берег, такой же белый и ровный. Задремал усталый скат на берегу сладким

¹ Ри — японская миля, равна 3,93 километра.

сном. Как вдруг раздался такой громовой голос, что все море всколебалось и заходило бурунами.

— Эй ты, невежа! Как смел ко мне на спину забраться?

Задрожал от страха скат и крикнул, сколько голосу хватило:

— Я — морской скат. А ты сам кто?

— А я — каракатица. Каким ветром тебя сюда занесло? — спросила каракатица насмешливым голосом и вдруг выпустила на ската черное облако.

— Я конец света ищу.

— У-ва-ха-ха-ха! Вот дурацкая выдумка! Семь дней, семь ночей плывешь ты, а еще моей спины не миновал. Брось свою глупую затею, пока не поздно.

Ничего не ответил скат. Повернулся к каракатице хвостом и поплыл обратно.

ГЛАЗА ЗМЕИ

Жил в старину лесоруб по имени Нихати. Однажды, спускаясь с гор, шел он через рощу. Вдруг видит: что-то черное обвилось вокруг дерева и шевелится, как живое.

Не из робких был Нихати, но и его страх пронял. Остановился он, смотрит издали, и что же! Прикручена какая-то незнакомая женщина к стволу дерева черной веревкой.

С опаской подошел лесоруб поближе. Еще страшнее ему стало. Не веревкой привязана эта женщина к стволу, а жгутами собственных длинных волос. Глаза у нее закрыты, словно она без памяти.

Пожалел ее Нихати и, победив свой страх, развязал узлы волос. Упала женщина на траву, глубоко вздохнула и открыла глаза. Была она молода и прекрасна.

— Что случилось с тобой? Кто тебя обидел? — спросил Нихати.

Тут полились у женщины слезы ручьями. Но сколько ни расспрашивал ее лесоруб, она только плакала, уткнувшись в землю лицом, и ничего не отвечала. Постоял, постоял возле нее Нихати и, не добившись толку, пошел было прочь.

Вдруг она поднялась на ноги и позвала его:

— Постой! Подожди!

Нихати обернулся, а женщина просит его:

— Не оставляй меня одну в лесу. Позволь мне пойти с тобою.

Неведомо откуда пришла эта женщина, но как покинуть ее в беде? Приютил Нихати незнакомку у себя в хижине.

Живет она у лесоруба неделю и другую, но о том, что с ней прежде было, не говорит ни слова. Нихати больше и не спрашивал: верно, есть у нее какая-нибудь тайна на сердце.

Но однажды решился лесоруб и сказал ей:

— Не пойдешь ли за меня замуж? Стану я о тебе всю жизнь заботиться.

— Спасибо тебе за то, что ты меня, несчастную, полюбил, — отвечает она. — Я согласна стать твоей женой, но раньше обещаю никогда ни о чем меня не расспрашивать.

— Что было, то прошло! Какое мне до этого дело? Никогда ни о чем тебя не спрошу, — обещал Нихати.

Поженились они и зажили счастливо. Понесла молодая жена дитя под сердцем. Когда пришло ей время разрешиться от бремени, попросила она мужа:

— Построй вокруг дома ограду. И смотри не заглядывай в дом, пока я сама не выйду к тебе с ребенком на руках.

Построил Нихати вокруг дома высокий забор, а сам ушел из дому, как жена велела. Ждет он два дня, ждет три, и напала на него тревога. Места он себе не находит. Жива ли жена? Благополучно ли родила?

Не выдержал он наконец, просверлил в заборе дырку и заглянул...

Тут подкосились у него от ужаса ноги, чуть-чуть он памяти не лишился. Лежит в доме огромная змея. Обвилась она кольцами вокруг младенца.

Насилу опамятовался Нихати, пошел потихоньку прочь. Идет он и горько-горько кается:

— Значит, не человек она, а змея! Но уж раз я на ней женился, так тому и быть. Ах, зачем я не послушался, зачем подглядел!

Через семь дней вышла жена из дому с хорошеньким сынком на руках, а из глаз у нее слезы так и катятся.

— Просила я тебя, уж так молила не подглядывать за мной. Не послушал ты меня. До сих пор ничего я тебе не рассказывала, но, видно, придется теперь все тебе открыть. Разгневался на меня горный бог, проклял меня и обратил в страшную змею. Но все же мне было дозволено принять на время человеческий

образ. Если бы встретился мне верный друг, полюбил меня и не изменил своему слову, то я бы навсегда осталась человеком. Но не сдержал ты слова! Должна я теперь навеки остаться змеей! Прощай! Я вернусь на дно горного озера, а ты позаботься о нашем ребенке. Береги его!

Смотрит Нихати, а она уже до половины змеей оборотилась. Вместо ног чешуйчатый хвост вьется.

Взял от нее Нихати сына и говорит:

— Ты покидаешь меня! Как же я один выращу нашего младенца? Чем я буду его кормить?

— Когда он заплачет, дай ему вот это. Заменит оно материнскую грудь.

Вынула жена у себя из глазницы левое око и пропала, осталась вместо нее змея. Оглянулась змея на опечаленного Нихати, будто прощалась с ним, и медленно-медленно уползла в горы.

Дал лесоруб своему маленькому сыну имя Ботаро и начал растить его один. Только дитя заплачет, даст он ему вместо соски материнское око. Верно, заключена была в нем великая материнская любовь: сразу ребенок утихнет и улыбнется. Но раз от разу становилось око все меньше и однажды растаяло совсем.

Как не стало материнского ока, начал Ботаро криком кричать. Давал ему отец и то и другое, ничего не берет. Измучился Нихати вконец. Привязал он ребенка к спине и пошел искать горное озеро. Долго-долго блуждал по лесам и горам Нихати. Вдруг блеснула перед ним в темной лошине вода. Подошел Нихати к берегу и позвал:

— Где здесь матушка маленького Ботаро? Отзовись, покажись! Я тебе сына принес.

Всколыхнулась вода, и выплыла со дна озера огромная змея, слепая на один глаз.

Сказал ей Нихати:

— Ребенок наш день и ночь криком кричит. С тех пор как ты ушла от нас, он все время кормился только твоим оком. Но понемногу растаяло оно. Боюсь, умрет наше дитя с голоду. Пожалей его, дай для него другое свое око.

Грустно, грустно отвечала ему змея:

— Хорошо, отдам я и второе свое око, но останусь я слепой и уже не смогу отличать утреннего рассвета от вечерних сумерек. Прошу тебя, каждое утро и каждый вечер звони в колокол возле этого озера. Так буду узнавать я, что настал новый день и пришла новая ночь.

Вынула она из глазницы свое правое око и дала его плачущему Ботаро.

— Заботься о нашем сыночке, муж мой. Тяжко мне расстаться с вами, но лежит на мне проклятье горного бога. Такова моя жестокая судьба! Но я и вдали буду хранить нашего ребенка.

Тут полились у нее из пустых глазниц кровавые слезы, и опустилась она на дно озера.

А дитя как взяло в рот материнское око, так сразу утешилось и перестало плакать.

Нихати попросил в соседнем храме большой колокол, повесил его у горного озера и стал звонить каждое утро и вечер.

Так слепая змея узнавала, что настал еще один вечер и занялось еще одно утро.

А когда и второго материнского ока не стало, Ботаро уже подрос. Стал он здоровым и сильным на удивление.

Вот исполнилось ему десять лет. Играет он с деревенскими мальчиками, а сам думает: «У каждого есть родная мать, почему у одного меня нет?» Стал он расспрашивать отца, и рассказал ему Нихати все, как было. Подумал тогда мальчик: «Пусть у меня мать — страшная змея, все равно я хочу ее увидеть».

На другое утро вышел Ботаро потихоньку из дому и отправился к горному озеру.

Стал он на берегу и закричал во весь голос:

— Матушка, матушка, это я, Ботаро, пришел!

Тут всколыхнулась вода, и выплыла со дна озера огромная слепая змея.

Испугался мальчик и кинулся было бежать. Но тут вспомнил он, как мать из любви к нему своих очей не пожалела, вернулся назад и, крепко обняв змею за шею, заплакал, повторяя:

— Матушка, дорогая матушка!

Упали его слезы на пустые глазницы змеи, и вдруг прозрела она и обратилась в женщину:

— Ботаро, Ботаро, не побоялся ты один пойти в глубину гор и обнять меня. Не устрасился ты моего безобразного вида. Теперь проклятье горного бога потеряло власть надо мною и я снова приняла человеческий образ.

С этими словами матушка Ботаро крепко прижала его к сердцу. Пошли они, радостные, домой.

С тех пор все трое жили счастливо и не разлучались до конца своих дней.

ОТКУДА ПОШЛИ ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ

В старину, в далекую старину, жил у самого подножья горы Хикодзан один бедный вдовец по имени Токубэй.

Всю жизнь усердно работал Токубэй, но в старости сломила его болезнь. Слег он в постель. Пришла в дом Токубэя горькая нужда. Каждый день приходилось гадать: умрешь ли сегодня голодной смертью или еще до завтра протянешь? Было у Токубэя двое детей: сын Гэнкити и дочка по имени Юки. Позвал он их однажды и сказал:

— Простите меня, дети мои. Лежу я беспомощный и не могу вас прокормить. Из-за меня вы голодаете.

— Что ты, что ты, отец! Об этом мы и не думаем. Одно нас печалит, что не можем мы для тебя лекарства купить. А ты с каждым днем все больше слабееешь...

Наконец сказал Гэнкити:

— Разве вот что! Пойду-ка я к дяде моему Гондзе, попрошу у него денег в долг. Тогда и ты, отец, поправишься, и сестренка Юки перестанет хныкать от голода.

— Но, Гэнкити, ты ведь знаешь, этот Гондза — страшный скряга. Он хуже собаки. Когда умирала твоя мать, Гондза не подумал навестить ее. А теперь делает вид, будто не знает, что я, его родной брат, при смерти. Если ты попросишь у него денег, только обидных слов наслушаешься. Ведь он готов из-за медного гроша удавиться!

— Но ведь не погибать же нам голодной смертью!

— Ах, бедный мой сын! Прости меня...

— Постой, отец! Пришла мне в голову хорошая мысль. — И с этими словами Гэнкити выбежал из дому прямо под проливной дождь... Но куда бежать, этого он и сам не знал. Гэнкити только хотел успокоить отца.

Понемногу ноги юноши сами понесли его к дому дяди. «А вдруг да сжалится? — думал Гэнкити. — Ведь не каменное же у него сердце!»

Но все случилось, как говорил отец. Гондза его и слушать не стал.

— Нашел тоже богача! Нет у меня денег для таких, как вы, попрошаек. Убирайся отсюда!

— Но ведь отец умирает! Я вам отработаю, дядюшка. Буду трудиться день и ночь.

— Мне какое дело, кто будет жить, кто умрет. Ведь я не бог.

Пошел прочь, ну, живо! Грязный оборванец, весь пол в кухне измарал. Проваливай отсюда!

Выскочил Гэнкити из дома дяди как ошпаренный. Пошел он по горной дороге, ничего не видя от слез. С веток сосен и криптомерий струями лилась вода, будто и они плакали. Долго бродил Гэнкити. Он и сам не знал, сколько времени прошло.

Вдруг услышал он ласковый старческий голос:

— Стой, Гэнкити! Гэнкити, подожди!

— Кто меня зовет?

Перед Гэнкити, как из-под земли, вырос седобородый старик с парой грязных деревянных сандалий* в руках.

— Скажи мне, отчего ты плачешь? — спрашивает старик.

— Мне очень нужны деньги, да негде их взять.

— А для чего тебе деньги?

— Надо купить лекарство и риса.

— Самому они тебе нужны или кому другому?

— Да если б мне самому, не стал бы я плакать. Отец у меня от болезни и голода умирает.

— Хорошо, тогда я дам тебе эти сандалии.

— А что я с ними делать стану!

— Они принесут тебе деньги. Надень — и увидишь... При каждом твоём шаге из-под них червонцы сыпаться будут. Но если одолеет тебя жадность и пожелаешь ты золота для одного себя, то случится с тобой страшная беда. Червонцы польются рекою, но сам ты будешь становиться все меньше и меньше. Помни это да ступай скорее к своему отцу.

И пропал старик из глаз, будто растаял.

«Уж не почудилось ли мне?» — подумал Гэнкити. Но нет, в руках у него пара деревянных сандалий...

Вернулся домой Гэнкити. Надел он сандалии, сделал шаг-другой, у него из-под ног золотые монеты посыпались. Купил Гэнкити на них лекарство для отца. Старик поправился, и сестренка перестала плакать от голода. Зажили они втроем хорошо, как в прежние времена.

Прошел слух об этом чуде по всем окрестным селениям. Один за другим стали наведываться люди к Гэнкити, чтобы попросить у него сандалии в долг, и всем задавал юноша лишь один вопрос:

— Для кого тебе нужны деньги: для себя самого или для других людей?

И он охотно давал сандалии каждому, кто хотел помочь другим.

Но однажды вдруг раздался у его дверей голос:

— Что, братец Токубэй дома? Это я, Гондза. О-о, Гэнкити, каким ты стал молодцом! Ну, я вижу, дела у вас идут на лад, а я-то о вас беспокоился. Как ты себя чувствуешь, братец? Береги себя! Здоровье дороже всего.

— Гондза! Зачем ты к нам пожаловал?

— Зачем? Хе-хе-хе. Дай, думаю, проведаю больного брата.

Но Гондза на брата и не глядел. Так и впился глазами в чудесные сандалии.

— Знаю я тебя, Гондза, хорошо тебя знаю. Только из-за этих сандалий ты к нам и пришел. Недобрая у тебя душа. Уходи отсюда прочь.

— Хе-хе-хе... Но, братец, ведь сандалии-то не твои. Они принадлежат твоему сыну Гэнкити. Выходит, я у тебя ничего не прошу.

— Что? Ах ты, бессовестный! Да как у тебя язык повернулся!

— Ты, братец, помалкивай лучше. Послушай, Гэнкити, добрый мой Гэнкити! Как-никак, я у тебя единственный дядя. Дай мне эти сандалии на один только вечер.

— На один вечер?..

— Только на один!

— Хорошо, Гэнкити, дай сандалии дяде, — приказал Токубэй.

Не успел он договорить, как Гондза уже схватил сандалии с божницы и, не помня себя от радости, помчался домой.

— Ах, отец, беда может случиться! Тому, кто наденет эти сандалии, опасно только о своей корысти думать. Побегу-ка я вдогонку за дядюшкой Гондзой.

Встревоженный Гэнкити помчался по горной дороге следом за Гондзой. Прибежал он к его дому и видит: в пустой комнате золото грудой навалено. Повсюду рассыпаны червонцы. И среди них, поблескивая золотом, бегает маленький жук — все, что осталось от жадного Гондзы.

СЫНОК-УЛИТКА

Жил некогда один богач. В кладовых у него были скоплены несметные сокровища. Кругом, до самых дальних гор, тянулись его рисовые поля. Ни в чем богач себе не отказывал.

А между тем был у него батрак беднее любого нищего: над его очагом никогда дымок не курился. От зари до зари работал батрак со своей женою на полях хозяина, а из бедности не выходил.

Но пуще всего горевали они, что обоим уже за четвертый десяток перевалило, а детей у них все нет. Вернутся батрак с женой в свою пустую лачужку и вздыхают:

— Ах, если б родилось у нас дитя, все равно какое, ростом хоть с лягушонка, хоть с улиточку.

Вот как-то раз отправилась жена батрака полоть траву на рисовом поле. Стоит по колени в воде, полет траву, а в душе молится:

«О, прошу тебя, бог воды на рисовых полях, даруй мне ребенка, ростом хоть с эту улиточку».

Вдруг почувствовала она сильную боль. Словно кто ее ножом режет. Терпела, терпела, а боль все сильнее. Вернулась она с поля домой.

Встревожился батрак, испробовал все средства, какие только знал, ничего не помогло. Лекаря бы позвать, а в доме ни гроша. Что тут делать? Совсем он голову потерял. К счастью, нашлась поблизости повитуха. Пришла она, осмотрела больную и говорит:

— Да ведь она рожает!

Обрадовались батрак с женою. Зажгли поскорее огонь перед божницей и стали просить бога воды, чтобы дитя появилось на свет благополучно. В скором времени родила жена сына: маленькую улиточку.

Огорчился было батрак, но потом сказал:

— Ведь это дитя, вымоленное, выпрошенное нами у бога воды. Хоть какой ни на есть, а все наш родной сыночек!

Налили они в чашку воды, положили туда улитку и поставили чашку на божницу.

Прошло двадцать лет. Сынок-улитка нисколько не подрос за это время и ни единого слова не сказал, но ел он, как настоящий человек.

Однажды надо было отвезти годовой оброк хозяину. Взвалил старик отец тяжелые мешки с рисом на спину лошади и горько вздохнул:

— Услышал бог воды наши мольбы и послал нам желанного сыночка. Уж как мы обрадовались! А только сыночек-то наш — улитка. Какая польза от такого детища! Всю жизнь я работал,

не жалея сил, и теперь на старости лет приходится одному без всякой помощи кормить семью.

Вдруг откуда-то донесся голос:

— Не печалься, отец, сегодня я вместо тебя повезу хозяину мешки.

Посмотрел батрак вокруг, в доме нет никого. Что за чудо! Спрашивает он:

— Кто со мной говорит?

— Это я, отец. Долго ты меня кормил. Настала пора мне и о тебе позаботиться, и себя людям показать. Сегодня я вместо тебя отвезу нашему хозяину оброк.

— Как же ты, сынок, погонишь лошадей?

— Не тревожься, отец. Посади меня на мешок с рисом, вот увидишь, лошадь сама послушно пойдет, куда надо, а за ней и другие две, — ответил сынок-улитка.

Удивился старик. Сын его за двадцать лет ни единого слова не вымолвил, а теперь вдруг так бойко заговорил, да мало того! Сам хочет оброк хозяину отвезти. «Но ведь это говорит сын, посланный мне богом воды. Грех было бы мне противиться», — подумал он и нагрузил мешки с рисом на трех лошадей. Потом снял с божницы чашку, в которой жил сынок-улитка, и поставил ее бережно на спину одной лошади посреди мешков с рисом.

Сказал сынок-улитка:

— До свиданья, отец, до свиданья, матушка! — Да как крикнет на лошадей, будто всю жизнь их погонял: — Хайдо-о, хайдо-о! Эй вы, кони, ну-у, пошли!

Лошади тронулись и вышли из ворот на дорогу. Сынок-улитка едет на передней.

Отпустил батрак сына, а у самого родительское сердце так и щемит, так и ноет. Стоит он в воротах и смотрит вслед.

А той порой сынок-улитка знай себе коней понукает. Как подъедут они к водоему или мосту, кричит, словно заправский погонщик:

— Хай-хай, сян-сян!

Да вдобавок еще затянул он песню погонщиков. Красивый голос так и льется, кони в лад выступают, колокольчиками позвякивают.

Встречные на дороге и крестьяне на полях только диву даются. Слышен звонкий голос, а никого не видно. Ведь это кони батрака! Сразу можно узнать этих заморенных клячонок.

Но кто же песни поет? И кто лошадьми правит? Удивляются люди: «Каких только чудес на свете не бывает!»

Посмотрел отец, посмотрел, как сынок-улитка ловко лошадьми правит, — и бегом домой. Склонились батрак с женой перед божницей и молят оба:

— Внемли нам, бог воды на рисовых полях! До сих пор не ведали мы, какого прекрасного сына ты послал нам, и не так ценили его, как надо. Просим тебя охранять его в пути.

А сынок-улитка знай себе коней понукает. Так и подъехал к воротам богача. Вышли навстречу слуги, ворота отпирают. А как отперли, глазам своим не верят. Стоят клячонки с тяжелой поклажей, а при них и нет никого.

Вдруг со спины коня донесся голос, будто мешок заговорил:

— Эй, слуги! Привез я оброк хозяину. Помогите мешки с лошадей снять.

— Кто это голос подает? Никого словно не видать.

Смотрят, а между мешками примостилась маленькая улиточка.

Говорит им улитка человеческим голосом:

— Сами видите, ростом я не вышел. Не могу снять мешки с лошадей. Уж потрудитесь за меня. Да осторожно положите меня на край веранды. Не раздавите ненароком.

Слуги перепугались:

— Хозяин, хозяин, выйдите поглядеть! Улитка оброк привезла.

Вышел на их зов сам хозяин. Видит, истинная правда! Улитка трех лошадей пригнала. Высыпали тут из дому все домочадцы, ахают, удивляются.

Слуги по приказу улитки снесли мешки в кладовую и лошадей накормили как следует. А улитку пригласили, чество в дом и поставили перед ним столик с разными кушаньями*. Взорвался сынок-улитка на самый край столика. Как он ел, никто не видел, палочки* с места не сдвинуты, а в чашках ни одной рисинки не осталось. Глядят, и миска с похлебкой стоит пустая. Исчезла и рыба.

Наконец молвил сынок-улитка:

— Спасибо хозяевам за вкусное угощение. Теперь бы я чайку выпил!

Хозяин и раньше слышал, что есть у батрака с женой сынок-улитка, вымоленный у бога воды. Говорили, что за весь свой век он слова не вымолвил и ни к чему не пригоден, лежит себе

в чашке воды на божнице. А выходит не то — и разговаривает он человеческим голосом, и работать умеет.

«Мне бы в дом такое бесценное сокровище! — думает богач. — Надо как-нибудь залучить его к себе даром».

И повел он речь ласковым голосом:

— Господин улитка, господин улитка! Наши два дома дружили между собой еще с дедовских времен. Не худо бы нам породниться. Есть у меня две дочери. Бери себе в жены любую!

Услышал эти слова сынок-улитка, обрадовался. Спрашивает он:

— Вправду ли ты это говоришь, хозяин, или шутишь со мной?

— Верное мое слово. Хоть сейчас отдам за тебя любую из моих дочерей, — поручился ему богач.

А отец его и мать места себе от тревоги не находили: «Что-то долго наш сынок не возвращается. Уж не случилось ли с ним чего-нибудь в пути?»

Вдруг зазвякали за воротами колокольчики. Вернулся сынок веселый-развеселый, на одной клячонке сам едет, двух других подгоняет. Собрала мать поужинать. За ужином стал сынок-улитка рассказывать:

— Отдает за меня хозяин одну из своих дочерей.

Родители так и ахнули: может ли это быть? Но потом рассудили: сын у них не простой, а чудесный, с таким все может случиться.

— Ну что ж, — говорят, — пошлем к хозяину сваху. Тогда узнаем, правду ли он сказал.

Послали свахой тетушку сынка-улитки. Не стал богач отнекиваться, позвал обеих дочерей и спрашивает у них:

— Которая из вас согласна идти замуж за улитку?

Старшая так ногами и затопала:

— Что же я, безумная какая или последняя на свете, чтобы взять себе в мужья погань ползучую, гада водяного? Да по мне — помереть лучше!

А младшая ласково молвила:

— Не огорчайся, отец. Уж если обещал ты выдать меня замуж за улитку, то я согласна.

На том и порешили. Поспешила сваха к батраку с радостной вестью. Вскоре доставили приданое на семи лошадях, да еще носильщики принесли сундуки и укладки на семи шестах. А уж ручной клади и не счесть было.

Не нашлось в бедной хижине места для такого богатства, и построил для него отец невесты особую кладовую*.

В доме батрака одни голые стены. Некого было и на свадьбу позвать. Встречали невесту только свекор со свекровью да тетушка-сваха. Всего-то гостей пришло — одна соседняя старуха.

Видят родители, досталась им невеста красивая и приветливая. Порадовались они, что сынку-улитке такое счастье выпало. Стала невестка служить старикам как преданная дочь. И на поле она работала не покладая рук. Хорошо зажили старики.

По обычаю, молодая должна была вскоре после свадьбы навестить родной дом. Выбрали восьмой день месяца зайца*, когда справляется праздник Будды Целителя, чтимого в той деревне. Вишневые цветы только-только начали распускаться.

Вот пришел назначенный день. Хотелось молодой полюбоваться на праздник. Набелилась она, нарумянилась, достала из сундука самое свое нарядное платье и так стала хороша, что ни одной небесной деве с ней не сравниться.

Кончила она наряжаться и молвит своему мужу-улитке:

— Пойди и ты со мной поглядеть на праздник!

— Ну что ж, пожалуй, пойду. Денек нынче выпал хороший. Засиделся я дома зимою, приятно будет на свет поглядеть.

Спрятала молодая улитку в узел своего нарядного пояса и отправилась на праздник, а по дороге с мужем беседует. Кто ни пройдет мимо, всякий на нее оглянется: «Такая красивая девушка, а сама с собой говорит и смеется. Видно, помутился разум у бедняжки!»

Пришла молодая к священным воротам перед храмом Будды Целителя. Вдруг говорит ей улитка:

— Эй, послушай, дальше ворот мне ходу нет. Ты иди себе в храм, а я тебя тут подожду, на меже рисового поля.

— Изволь, но будь осторожен, чтоб не приметил тебя какой-нибудь ворон. Я скоро вернусь, — сказала молодая жена и пошла вверх по склону холма к пагоде. Помолилась там и спешит обратно. Смотрит: пропал муж-улитка, нигде его не видно.

Испугалась жена, ищет там и сям, не может найти. Уж не напал ли на него злой ворон? Может, раздолбил его скорлупку своим крепким носом? Или, может, упал ее дорогой муженек в воду на рисовом поле? Ведь там улиток видимо-невидимо.

Вошла молодая жена в воду по колени, вынимает она из

воды одну улитку за другой, на какую ни поглядит, все не та! Бросит ее обратно и достанет другую.

Ищет жена и поет:

*Улитка, улитка,
Муж мой дорогой!
Где ты, где ты?
Скорее отзовись!
Может, злой ворон
Отыскал тебя?
Тук-тук по скорлупке
Носом застучал:
Тёккура-моккура!
Тёккура-моккура.*

Лицо у нее грязью забрызгано, рукава и подол намокли, а она все шарит руками в воде. Вот уже и стемнело. Начали люди по домам расходиться. Глядят на молодую жену, жалеют:

— Ах, горе, такая красавица, и ума решилась!

Долго искала жена, да все понапрасну!

«Теперь, — думает, — все кончено! Нет больше в живых моей дорогой улиточки. Брошусь я в самую глубокую яму вниз головой и утоплюсь». Только собралась она в яму кинуться, как кто-то ее окликнул:

— Стой, погоди, что ты делаешь?

Оглянулась она. Стоит перед ней прекрасный собой юноша, на глаза широкая шляпа надвинута, за поясом флейта.

Рассказала ему молодая жена все, что с ней случилось.

— Хочу я, — плачет она, — в яме утопиться. Зачем мне жить, если я своего дорогого мужа-улитку потеряла?

— Ну если так, — молвил ей юноша, — не о чем тебе печалиться. Ведь я и есть тот, кого ты ищешь.

Не поверила ему жена: быть того не может!

— Не мудрено, что ты не признала меня. Послал меня моим родителям бог воды на рисовых полях, оттого и родился я полевой улиткой. Но сегодня в награду за твою верность и любовь возвращен мне человеческий образ.

Пошли молодые домой. Не наглядится муж на свою пригожую жену, и ей тоже по сердцу прекрасный юноша!

Обрадовались старик со старухой, ни в одной повести о старых временах, ни в одной сказке такого счастья еще никому не выпадало!

Окружил сынок-улитка своих старых родителей почетом и заботой, а тетушку-сваху выдал замуж в хорошую семью. Не позабыл и нищую старуху соседку, что на свадьбе была.

Всех счастьем оделил!

СОЛОВЬИНЫЙ ДОМ

В старину, далекую старину, жил бедный лесоруб. Каждый день ходил он в горы деревья рубить.

Пришла однажды к его лесному шалашу незнакомая девушка. Лицо у нее белое, от солнца большим зонтом закрывается. Загляделся на нее лесоруб. «Бывают же на свете такие красавицы! Вот бы мне ее в жены!»

— Позволь мне отдохнуть в твоём шалаше, — просит девушка.

— Сделай милость, отдохни.

Стали они беседовать между собой. Спрашивает девушка у лесоруба:

— Не хочешь ли на мне жениться? Ты мне по душе пришелся. Дом у меня просторный, пойдем ко мне жить.

— Да оно бы хорошо... Я ведь младший сын в семье, отцу не наследник, а земли у нас с кошкин лоб.

— Так идем со мной. Я буду о тебе заботиться.

Взял с собой лесоруб все свое добро — пилу и топор, и пошел вслед за девушкой. Повела она его в самую глубь гор.

Шел, шел лесоруб — и усталость его взяла.

— Сестрица, а сестрица, далеко ли еще до твоего дома?

— Да, не близко. Живу я вон за той горой, что за теми горами.

Нечего делать. Пошел лесоруб за девушкой дальше. Перевалили они через одну гору, другую, третью и вышли к озеру. Стоит на его берегу красивый дом под высокой крышей.

— Вот мы и пришли. Входи, будешь здесь хозяином.

Видит лесоруб — в доме покои просторные, убраны богато, а ни души не видно. Кипит чайник над огнем, крышкой позвякивает, в чане горячая вода ждет... Выкупался лесоруб, а столик с едой уже наготове. Никогда лесоруб не ел такого белого риса, не пил такого вкусного вина.

Женился он на девушке и зажил с ней без всяких забот. Все к

его услугам, только пожелай. В скором времени родился у них пригожий сынок.

Однажды говорит лесорубу жена:

— Хочу я своих родителей навестить, пусть полюбуются на внука. Ты оставайся дом сторожить. Вот тебе двенадцать ключей от двенадцати кладовых. Одиннадцать можешь отпереть, но берегись заходить в двенадцатую.

Много раз на прощание наказывала она лесорубу не отпирать двенадцатой двери. Наконец простилась с мужем, посадила ребенка на спину и ушла еще дальше в горы.

Скучно показалось лесорубу одному. Вышел он во двор и стал отпирать одну кладовую за другой.

Первая была доверху полна отборным рисом. Во второй стояли бочки с мисо¹. Третья была набита сахаром, в четвертой высились горы белой ваты, в пятой хранилась соль. В шестой у самого порога ходили волны, а в воде плескалось множество морских рыб.

«Подумать только, здесь, в глубине гор, водится морская рыба!» — удивился лесоруб. Много еще добра было и в других кладовых.

Так, дивясь и любясь, дошел он до двенадцатой кладовой. Тут вспомнились ему слова жены.

Строго-настрога запретила она отпирать двенадцатую дверь.

«Да ведь в доме никого нет. Кто меня увидит?» — подумал лесоруб и стал подбирать ключ к замку. Один слишком велик, другой слишком мал. Наконец щелкнул замок. С опаской приотворил дверь лесоруб, заглянул одним глазом, нет ничего в кладовой — пустая.

— Вот тебе на! Что бы это значило? Стоило тогда держать дверь на запоре!

Пригляделся он получше и увидел, что кладовая перегороджена. Стоит посреди нее стенка, да, к счастью, не глухая, проделано в ней маленькое оконце. «А, будь что будет! Дай посмотрю», — думает лесоруб. Отворил он окошечко и заглянул. И что же он увидел?

Цветет в глубине кладовой сливовый сад. На дворе поздняя осень, а в кладовой ранняя весна. Деревья — словно розовые облака. С ветки на ветку порхают соловьи, заливаясь звонкими песнями.

¹ Мисо — приправа к кушаньям, приготовленная из перебродившей смеси бобов, риса и ячменя.

Замер на месте лесоруб, заслушался.

Но вдруг соловьи перестали петь, вспорхнули стайкой, словно что-то их спугнуло, и улетели неведомо куда. А сливовые деревья сразу осыпались. В кладовой дохнуло осенним холодом... Зашуршала желтая трава, зашелестели сухие камыши.

Испугался лесоруб, выскочил из кладовой и поскорей захлопнул дверь. Вдруг видит: идет навстречу ему жена и горько-горько плачет.

— Что ты наделал! Просила я тебя, уж так просила не заглядывать в эту кладовую. Теперь всему конец! Знай, не человек я, а соловей. Пела я весной на ветке дерева возле твоего шалаша и полюбила тебя. Если бы ты не отпер этой двери, жил бы со мной вечно, не зная ни трудов, ни старости, ни болезней... Но ты не сдержал слова! Теперь мы должны навеки расстаться. В ту, двенадцатую, кладовую часто приходит бог этих гор слушать соловьиное пение. Ты разгневал его, прощай!

И вдруг жена обратилась в соловья, посадила ребенка верхом на свой хвостик и с жалобным криком пропала вдали.

Тут лесоруб словно от сна очнулся. Сидит он в своем шалаше, а в руках у него топор и пила.

КОЛПАК «ЧУТКИЕ УШИ»

Жил в одной деревне старик. Пошел он как-то в лес и нашел там красный колпак. Обрадовался старик находке: хоть и дырявый колпак, да ведь у него и такого не было.

«Впору ли он мне?» — подумал старик и нахлобучил его на голову. И что же? Слышал он до того только щебет и крики птиц, а тут вдруг весь лес наполнился спорами и разговорами. Где мать детей кличет, где муж с женой спорят, а там слышны нежные любовные речи.

Старик даже в сторону шарахнулся от испуга! Сбила ветка колпак у него с головы, и сразу стихли речи, снова зазвенел непонятный птичий щебет. Поднял старик колпак с земли, надел на голову, и опять послышались разговоры и вверху, на ветках, и внизу, в кустах. Снял колпак — снова птичий щебет да шорох листьев. Надел колпак — опять разумные речи.

«Вот оно что! — догадался старик. — Не простую вещь я

нашел, а сокровище, колпак «чуткие уши». Кто его наденет, станет понимать язык всего живого на земле: птиц, зверей и растений. Слышал я про чудесный колпак и раньше, да только не верил, что есть такой!»

Пошел старик дальше в лес, присел отдохнуть под большим деревом и задремал. Проснулся он от вороньего карканья.

— Что это я, соснул, кажется, — встрепнулся старик. Поднял голову и видит: прилетел откуда-то ворон и опустился на ветку того самого дерева, под которым он спал. Вскоре с другой стороны прилетел еще один ворон и сел на ветку рядом с первым.

Надел старик поскорее свой красный колпак и стал слушать.

Повели над ним два ворона разговор странными хрипылыми голосами.

— Давно мы с тобой не встречались, брат, — сказал один ворон. — Ты откуда путь держишь?

— Был я на морском берегу, но пропала там рыба, нечем стало кормиться, вот я и прилетел сюда, — ответил другой ворон. — А ты где летал, брат?

— Прилетел я из Атами. Право, и там не легче. Всюду одно и то же! Лучше скажи, что на свете нового, небывалого?

— Особых новостей нет. Разве вот что: расскажу тебе, что случилось в моей стороне, на морском берегу. Лет шесть назад строил один богач кладовую. Стали настилать над ней крышу из дранки. И случилось так, что заползла в ту пору на крышу змея, ее и прибили гвоздем. Лежит змея, томится, полуживая, и все эти годы ее верная подруга носит ей пищу. Терзает их тяжкое горе. Копится их обида на людей год от года, и поразила змея дочку богача неизлечимой болезнью*. Если никто не догадается приподнять доску и освободить ее, то умрут и змея и девушка. Много раз летал я над крышей и каркал об этом во все горло, да что проку! Никто не внял моим речам.

Другой ворон отвечал ему:

— Правда твоя, непонятливы люди! Как громко ни каркай, все им невдомек.

Наговорились вороны и разлетелись: один — на восток, другой — на запад.

Услышал это старик и подумал: «Хорошо, что на мне был чудесный колпак! Надо скорее идти к богачу спасать девушку. Но раньше вырядусь-ка я почудней, пусть думают, что я не простой человек».

Отыскал старик в куче мусора брошенный старый улей, обклеил его бумагой и напялил на голову. Вот приходит старик к дому богача и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Богач как раз сидел, голову ломал: как ему больную дочь вылечить? Позвал он старика:

— Эй, гадатель, не стой у ворот, зайди ко мне в дом, погадай!

Зашел старик в дом, спросил:

— О чем погадать нужно?

— Дочь моя уж много лет болеет, вот-вот умрет. Погадай, с чего на нее болезнь напала и как ее вылечить.

— Ведите меня к больной, — говорит старик.

Сел он у изголовья больной девушки и невнятно забормотал:

*Плющ, плющ, ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...*

Пробормотал он так, а потом и говорит:

— Выстроил ты шесть лет назад новую кладовую, а к крыше нечаянно прибил гвоздем змею. От нее-то и вся беда приключилась.

— Правду говорит прорицатель! — воскликнул богач. — Как раз шесть лет назад строил я кладовую. Тогда, видно, и случилось такое дело. Надо скорее освободить змею.

Тут же позвали плотника, что жил по соседству, и велели ему поднять дранку. А под ней и в самом деле змея, вся белая, высохшая, словно сброшенная кожа, — еле живая.

— Вот она, причина болезни! — сказал старик.

Осторожно положили змею в корзинку, снесли с крыши вниз, поставили корзинку на берегу ручья и стали поить и кормить змею. А когда она оправилась, отпустили ее на волю.

И стала болезнь девушки понемногу проходить. Вскоре она совсем поправилась.

Богач, не помня себя от счастья, подарил старику триста рё¹.

Вернулся старик домой, купил себе новую одежду и на радостях отправился странствовать.

¹ Рё — старинная монета значительной ценности.

Однажды сел он отдохнуть под раскидистым деревом возле дороги. Глядь, снова прилетают два ворона — один с запада, другой с востока. Уселись они на дереве и повели между собой разговор.

— Тоскливо жить все в одном и том же городе, мало слышишь нового, — жалуется первый ворон, — поневоле улетишь в другие края.

— Это правда, — отвечает второй ворон, — но вот в городе, где я жил, случилось небывалое дело. Тяжело заболел один богач, не сегодня-завтра умрет. А все отчего? Лет шесть назад пристроил он к своему дому парадные покои и, чтобы расчистить для них место, велел срубить старое камфарное дерево. Пень этого дерева остался стоять под застрехой, и течет на него дождевая вода с крыши. Не погибли корни дерева, и, пока держится в них жизнь, дают они новые побеги. Да только их тут же обрезают. И жить дерево не живет, и умирать не умирает. Думает оно горькие думы, и от этих дум напала на богача тяжелая болезнь. Каждую ночь из горных лесов приходит множество деревьев навещать своего несчастного друга. Жалуется им камфарное дерево, а что они могут сделать! Уж дали бы ему жить на свободе или выкопали бы, чтоб сразу засохло и не мучилось дольше.

Услышал старик рассказ ворона и отправился в дальний край к больному богачу. Пришел и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Выбежали люди из покоев богача:

— Гадатель, зайди сюда, хозяин тебя приглашает.

Ввели старика в такие роскошные покои, каких он в жизни не видел. Огляделся он по сторонам и спрашивает:

— О чем же вам погадать?

— Много лет уже болеет хозяин этого дома, — отвечают ему. — Сколько мы ни призывали врачей и заклинателей, пользы от них никакой!

— Не беспокойтесь! — говорит им старик важным голосом. — Я узнаю причину болезни и вмиг вылечу вашего хозяина. Для меня это проще простого.

Забормотал старик свои заклинания:

*Плющ, плющ, ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...*

А потом и сказал:

— Шесть лет назад построили вы парадные покои возле дома...

— Ах, прорицатель, откуда ты знаешь, что мы строили такие покои шесть лет назад? — спрашивают его домашние.

— Это мне открыло мое гадание. Поселите меня в тех покоях, и за три дня и три ночи я открою причину болезни вашего хозяина и вылечу его.

Отвели старика в парадные покои. Первым делом он приказал:

— Не входите ко мне, пока не позову!

Настала ночь, но старик не лег спать. Надел он свой колпак и слушает, что дальше будет.

В полночь что-то зашелестело, зашуршало под окном и послышался голос:

— Эй, камфарное дерево, откликнись! Как нынче твое здоровье?

В ответ послышался тихий-тихий голос, точно из-под земли:

— Кто это говорит? Верно, криптомерия с Горы криптомерий? Ты приходишь ко мне каждую ночь. Как мне благодарить тебя за твою заботу! Об одном только теперь я думаю: как бы мне поскорей умереть, но не приходит ко мне смерть, и нет конца моим мучениям.

Стала криптомерия утешать друга:

— Что ты, что ты, нельзя падать духом! Мужайся!

Так побеседовали они и расстались. Но не прошло и часа, как снова послышался шорох и чей-то голос спросил:

— Эй, камфарное дерево, каково тебе сегодня?

— Кто это говорит со мной? Уж не сосна ли с Сосновой горы?

— Да, это я.

— Ты пришла издалека!.. Спасибо тебе.

— Полно, полно! Просто я собралась погулять и зашла к тебе по дороге. Настанет весна, и ты непременно поправишься! Не теряй надежды!

И снова послышалось: «Шурх-шурх!» Это уходила сосна.

Старик в своем колпаке «чуткие уши» слышал все их речи и думал: «Поскорее бы рассвело!»

Едва наступило утро, старик поспешил к больному, сел у его изголовья и опять забормотал свои заклинания: «Плющ, плющ, ползучий плющ...» А потом рассказал о том, что слышал ночью.

Чужое горе — вот причина болезни. Ведь не только камфарное дерево страдает — все деревья на высоких горах вокруг горюют о своем друге.

— Надо поскорее вырыть пень камфарного дерева, тогда и больной поправится! — сказал старик.

Тотчас же вырыли пень камфарного дерева, поставили в саду, разукрасили, словно божество. И хозяин дома поправился. Покинула его болезнь так легко, как сухой листок падает с дерева.

Все в доме не знали, как благодарить старика. Снова получил он триста рё и вернулся к себе домой.

С той поры бросил старик гадание. Развел у себя хороший сад. Поселились там из благодарности к старику самые красивые деревья со всей округи и цвели каждую весну небывалым цветом. И все звери и птицы тоже дружили со стариком, потому что он их понимал и любил.

ОГНЕВОЙ ТАРО

В старину, в далекую старину, жила одна девушка по имени о-Кику. Как-то раз гуляла она в поле позади своего дома и вдруг видит: в земле большая яма чернеется. Никогда такой ямы здесь не было. И откуда только она взялась?!

Наклонилась о-Кику над ямой и заглянула в глубину. Темно там и ничего не видно. Разобрало девушку любопытство. Спустилась она в яму и попала в подземное царство. Идет о-Кику по длинной, длинной дороге, а вдоль дороги растут прекрасные, не виданные на земле цветы. Много ли, мало ли она прошла, вдруг видит — стоят черные ворота.

Постучала о-Кику в ворота: дон-дон-дон. Вышел ей навстречу юноша, красивый собой, но бледный до синевы, в лице ни кровинки. Пригласил он ее зайти в дом.

— Зовут меня, — говорит, — Огневой Таро, а это царство огня. Отец мой был владыкой этого царства, но он умер, и с тех пор черти не дают мне покоя. Терплю я жестокие муки, и кто меня от них освободит, не знаю...

Пожалела девушка Огневого Таро и осталась с ним.

На другое утро собрался юноша уходить и наказывает ей:

— Не вздумай подсматривать, куда я иду. Жди меня здесь, в этой комнате. Никуда отсюда не выходи.

Отодвинул он фусума¹ в сторону, снова за собой задвинул и ушел в глубь дома.

А в самых дальних покоях кто-то шумит, и галдит, и гремит железом.

Не выдержала о-Кику, выглянула потихоньку. И что же она увидела? Страшные черти раздели юношу догола, растянули на железной решетке и подвесили над огромным очагом. Корчит-ся юноша в пламени. Уж когда совсем почти жизни в нем не осталось, приказал старший черт:

— На сегодня довольно.

Вынули черти юношу из огня.

От ужаса девушка чуть разума не лишилась. Задвинула она потихоньку фусума и вернулась назад в комнату.

На другое утро юноша сказал ей:

— Нынче я опять проведу весь день в дальних покоях дома. Тебе, верно, тоскливо одной... Погуляй в саду, там есть чем полюбоваться. Вот тебе тринадцать ключей от тринадцати кладовых. Двенадцать кладовых можешь отпереть, а в тринадцатую не входи. Еще мой покойный отец запретил ее открывать. Я и сам никогда там не бывал. Слышишь? Не вздумай открыть тринадцатую дверь!

С этими словами Огневой Таро вручил девушке связку черных ключей, а сам опять ушел во внутренние покои.

С тоской в сердце вышла о-Кику на двор. Стоят во дворе рядышком тринадцать каменных кладовых.

Захотелось девушке поглядеть, что в них спрятано. Отперла она ключом первую кладовую. А как увидела, что в ней, все на свете позабыла.

В первой кладовой праздновали Новый год*.

Множество маленьких человечков в парадных накидках с гербами украшали новогодние сосны, а крошечные девочки в ярких платьицах подбрасывали мячики с перьями. Весело там было и шумно.

Во второй кладовой стоял февраль. Цвели, благоухая, сливы. Крошечные мальчики пускали по ветру воздушные змеи.

А что же было в третьей кладовой? Там справляли Праздник цветения персиков*. Девочки, ростом с пальчик, нарядные и веселые, любовались великолепно разряженными куколками* величиной в горошину.

¹ Фусума — раздвижные перегородки между комнатами в японском доме. Представляют собой решетчатые рамы, с двух сторон обклеенные бумагой.

В четвертой кладовой светило апрельское солнце. Седобородые карлики, ведя за руку своих внуков, чинно шли в храм по случаю дня рождения Будды*.

А в пятой кладовой? О-Кику не терпелось заглянуть в пятую кладовую.

Там стоял теплый май. В синем небе плавали, как живые, пестрые карпы*, а крошечные мальчишки, весело распевая, устилали кровли домов цветущими ирисами. В парадных покоях красовались куклы-воины с ноготок величиной.

В шестой кладовой солнце сияло жарче. На берегу прозрачной реки заботливые хозяйшечки-карлицы усердно мыли белье. А за рекой виднелись рисовые поля. Крестьяне и крестьянки, такие маленькие, что можно было каждого посадить на ладонь, пели песни, высаживали рядами зеленые ростки риса...

О-Кику отперла дверь седьмой кладовой и увидела ясное звездное небо. То был вечер «Встречи двух звезд»*. Дети карликов привязывали к листьям бамбука тоненькие полоски разноцветной бумаги с надписью «Небесная река» и много других украшений.

Наглядевшись вдоволь, о-Кику отперла дверь восьмой кладовой.

Там была ночь осеннего полнолуния*. Крошечные дети любовались светлой луной, а перед ними на столиках лежали пестрыми горками яблоки и груши, не крупнее лесной земляники.

Луна, похожая на большой круглый поднос, пристально смотрела с неба на рисовые колобки-данго.

О-Кику заглянула в девятую кладовую. Там все было красное и золотое. Карлики, опираясь на посох, неторопливо гуляли по горам. То подымались они по крутому склону, то спускались в глубокую долину, любясь осенними кленами.

Пришла очередь десятой кладовой. Там стоял октябрь. Карлики, взобравшись на деревья, трясли изо всей силы ветки, и на землю градом сыпались спелые каштаны. Весело было смотреть, как дети собирают их в корзины.

О-Кику открыла одиннадцатую кладовую. Навстречу ей потянуло холодным ветром. Вся земля была покрыта мелкой россыпью первого инея. Под каждой застрехой висели сушеная хурма и редька. Крошечные крестьяне молотили рис, радуясь богатому урожаю.

В двенадцатой кладовой было царство снега. Куда ни взгля-

нешь — глубокие сугробы. Дети веселятся, играют в снежки, лепят снежных человечков...

Вот и еще одна кладовая. Но Огневой Таро строго-настрого запретил отпирать тринадцатую дверь. Держит о-Кику черный ключ в руке... И не велено ходить, а хочется.

Думает девушка: открыть или не открыть, а сама шаг за шагом, шаг за шагом, все ближе к двери, словно тянет ее что-то...

Вложила девушка ключ в замочную скважину, пробует повернуть, но заржавел замок, не поддается. Насилу-то насилу отперла она дверь и вошла в кладовую.

Эта кладовая не похожа была на все остальные. Не было в ней ни карликов, ни праздничных зрелищ. Попала о-Кику в богато убранный покой. Оглянулась она вокруг и видит: на полочке в парадной нише стоит шкатулка, покрытая черным лаком. Захотелось о-Кику посмотреть, что в ней спрятано. Приоткрыла девушка крышку и заглянула.

Лежат в шкатулке два красных шара. Словно из стекла они сделаны, да только мягкие. Что бы это могло быть? Сунула о-Кику шкатулку за пазуху и выбежала из кладовой. А солнце уже высоко поднялось. Захотелось девушке пить. Видит она: в саду бежит ручеек. Наклонилась о-Кику над ручьем, пригоршню воды зачерпнула.

В чистой воде, как в зеркале, были видны прибрежные деревья, а на одном из них что-то пестрое шевелилось... Подняла она голову. Огромная змея обвилась вокруг ветки сосны и смотрит на нее, сверкая глазами.

Не помня себя от страха, перепрыгнула о-Кику через ручей и бросилась бежать. И в тот же самый миг приоткрылась у нее за пазухой шкатулка, выкатился оттуда один шар и упал в ручей. Но девушка с перепугу ничего не заметила.

Вбежала она в дом, а навстречу ей идет Огневой Таро.

Рассказывает она ему, какие чудеса видела в двенадцати кладовых, а про тринадцатую ни слова. Слушает ее юноша и улыбается.

Вдруг раздался топот и гам. Высыпала из глубины дома ватага чертей.

Затряслась от страха о-Кику, а черти низко ей поклонились и говорят:

— Добрый вечер! Благодаря вам нашли мы один глаз нашего главного военачальника. Змея все нам рассказала... Наш военачальник повелел, чтобы предстали вы оба перед его лицом.

Повели черти юношу с девушкой к своему главарю. А у того лишь один-единственный глаз сверкает во лбу красным огнем, вместо другого — пустая глазница.

— Великое вам спасибо! — склонил главный черт свои рога перед ними. — Тому уж несколько десятков лет, как покойный отец твой, юноша, разгневался на меня за одно недоброе дело и лишил меня обоих глаз. С тех пор я долгие годы ходил слепым. В отместку за это я и мучил тебя немилосердно. Но сегодня у меня большая радость, один глаз нашелся. Отдайте же мне и второй. Я больше ничем вас не потревожу. Если будут у меня оба глаза, мне и сокровищ никаких не надо. Все вам подарю, только верните мне второй глаз!

Слушает Огневой Таро и ничего не понимает. Спросил он у девушки:

— Ты от меня ничего не скрывала?

— Да, правду сказать, я нарушила твой запрет, отперла тринадцатую кладовую. А в ней стояла шкатулка с двумя красными шарами... Не знала я, что это глаза черта. Положила я шкатулку себе за пазуху, да увидела змею возле ручья и, сама не знаю как, уронила один шар в воду.

Обрадовался военачальник чертей:

— Вот, вот, этот самый глаз. Отдай же мне другой, прошу тебя!

Вынула девушка из-за пазухи шкатулку и отдала черту второй красный шар, а черт сейчас же вставил его себе в пустую глазницу. Засверкали оба его глаза, словно два огня.

На радостях одарил он о-Кику и Огневого Таро несметными сокровищами.

Поженились юноша с девушкой. Весело им жилось, ведь они каждый день могли любоваться всеми временами года.

Желаю счастья! Желаю счастья!

ЖЕНА-ЛИСИЦА

В старину, в глубокую старину, были у одного микадо охотничьи угодья на горах, богатые зверем и птицей. Как-то раз устроили для него кэрай¹ облаву на лисиц.

¹ Кэрай — в средневековой Японии слуга или вассал знатного человека.

Вдруг выскочила из кустов тысячетлетняя белая лисица, притаилась у самых ног одного кэрая, по имени Ясунари, и просит-молит его со слезами:

— Смилуйся, пощади меня! Оставь мне жизнь хоть до того дня, когда я от бремени разрешусь.

Пощадил Ясунари белую лисицу, отпустил ее на свободу. Узнал про это микадо и сослал виновного в далекий пустынный край. Была у Ясунари молодая жена, по имени Кудзуноха — Листок плюща. Не поехала она вслед за мужем в изгнание, осталась в столице. А Ясунари так по ней тосковал, что занемог тяжелым недугом. Десять верных слуг, не покинувших его в беде, заботливо за ним ухаживали, но помочь ничем не могли. Ясунари словно таял. Видно было, что уж немного дней осталось ему жить на свете, но жена все не приезжала.

Узнала про это белая лисица, приняла образ Кудзуноха и отправилась к больному. Но только хотела она войти в дом, как замерла у порога. Амулет, наклеенный на двери, заградил ей путь.

Стала она просить слуг: «Сорвите амулет!» Сняли амулет — и только тогда смогла лисица-оборотень войти в дом.

Обрадовался Ясунари, что жена наконец к нему приехала, и с того часу начал быстро поправляться. Через год родился у белой лисицы сынок, и назвали его Досимару.

Прошло немало времени с тех пор, как сослан был Ясунари, и вот наконец микадо даровал ему долгожданное прощение. Только тогда приехала Кудзуноха навестить своего мужа. И что же! Видит: место ее занято. Живет в доме другая Кудзуноха, похожая на нее, как одна капля воды похожа на другую. И сынок у мужа от той женщины родился: Досимару.

Глядя на них обеих, никто — даже сам Ясунари — не мог понять, которая же из двух настоящая Кудзуноха.

Тогда велел им Ясунари считаться годами. Сочли обе жены свои годы, и вышло, что лисице Кудзуноха исполнилось тысячу три года, а настоящей Кудзуноха всего тридцать три года.

Пришлось белой лисице уходить. Написала она со слезами прощальное письмо:

*Кому я еще дорога,
Тот в дальнем лесу Синода
Пускай навестит меня.*

Досимару любил белую лисицу, ведь она была его родной

Поведал он о своем желании Повелителю драконов, и тот вручил ему три прощальных дара.

Первый дар — жемчужина прилива. Поднять ее высоко над головой — хлынет море на землю, затопит все вокруг, а опустить — так снова уйдет в свои берега.

Второй дар — жемчужина сытости. Кто ее лизнет — пятнадцать дней будет сыт да еще исцелится от всяких недугов.

Третий дар — «жемчужина — чуткие уши». Кто поднесет ее к уху — станет понимать язык птиц и зверей.

В придачу к чудесным жемчужинам подарил Повелитель драконов мальчику наряд из золотой парчи и проводил его в ладье до самого берега Сумиёси.

Вышел на берег Досимару, поглядел вокруг. Когда отплывал он в море, на полях только-только начали зеленеть побеги риса, а сейчас спелые колосья отливают золотом.

Был он еще мал годами и не знал, что же ему делать теперь, куда идти.

Вдруг прилетела к нему белая лебедь.

Досимару быстро поднес к уху «жемчужину — чуткие уши» и услышал, как лебедь стонет:

— Досимару, Досимару, спеши скорее домой. Твоя приемная мать с горя умерла, твой отец тяжело болен.

Опечалился Досимару. А лебедь кричит:

— Ты, верно, не знаешь дороги. Иди за мной, я полечу вперед, стану путь показывать.

Пошел Досимару вслед за лебедью, и вскоре привела она его к родному дому. Правду сказала лебедь. Кудзуноха, его приемная мать, умерла от горя, а Ясунари был при смерти. Едва теплилось в нем дыхание. Досимару потер отца чудесной жемчужиной, полученной в дар от Повелителя драконов, и Ясунари опять стал здоров. Болезни как не бывало.

Как-то раз видит Досимару: опустился на кровлю его дома голубок и воркует. Быстро поднес мальчик жемчужину к уху. Воркует голубок:

— Досимару, Досимару, скорее ступай в столицу. Не пойдешь — упустишь свое счастье.

Отпросился мальчик у отца и пошел в столицу. Не взял он с собой никакой еды, ведь с ним была жемчужина сытости: лизнешь — пятнадцать дней есть не захочется.

Пришел он в столицу в самый разгар дня, притомился на солнцепеке и лег возле дороги отдыхать в тени.

Вдруг прилетели два ворона, один с запада, другой с востока. Опустились они на соседнее дерево и повели между собой беседу.

— Ты, друг, откуда? — спрашивает восточный ворон.

— Я из Кумано*, — отвечает западный. — У нас в этом году плохой урожай, с голоду умираем. А у вас как?

— У нас в столице все бы хорошо, — отвечает западный ворон. — Вот только люди — страшные они существа. Волшебник Доман напустил на государя злые чары. Зарыл он под северо-западным углом дворца* змею, источающую три смертельных яда. Люди этого не знают. Им и невдомек, отчего государь тяжело заболел. Созвали они знахарей и заклинателей, но ничто не помогает. Не будет государю легче, пока не выкопают змею.

«Важную весть я услышал», — подумал Досимару и поспешил в столицу. Там остановился он в доме одного друга своего отца по имени Цунэмото. На следующее утро пошел Досимару по городу с камышовой палкой в руках. Идет он и кричит громким голосом: «Достоин жалости тот, кто не ведает, почему его постигла нежданная беда!»

Как раз тогда по улице проходили слуги чародея Домана. Услышали они возгласы Досимару.

«Неспроста этот мальчик говорит такие слова», — подумали слуги и набросились было на Досимару, но он их всех крепко побил и разогнал своей камышовой палкой.

Узнал об этом Цунэмото и подивился силе мальчика. А тот говорит ему:

— Я могу исцелить нашего государя.

Поверил ему Цунэмото, явился к государю и доложил, что пришел в столицу один мальчик по имени Досимару. Наделен он чудесной силой и берется излечить недуг государя.

Чародей Доман находился в это время в опочивальне больного.

— Я сам лечу государя! — воскликнул он. — Мне это дело поручено, и я не отступлюсь от него ради глупых рассказней какого-то мальчишки.

Цунэмото вспыхнул от гнева.

— Если так, — говорит, — то надо устроить состязание между Доманом и Досимару. Пусть каждый покажет свое умение. Кто победит, тот пусть и пользует государя.

На том и порешили. Микадо захотел сам посмотреть, как будут состязаться чародеи.

Призвали Досимару. Вот уселись оба, мальчик и чародей Доман, друг против друга. Сначала Досимару взял листок бумаги и положил в цветочный горшок. Потом прикоснулся камышовой палкой к листку, и вдруг обратился он в дерево сливы. Стали распускаться на ветках алые цветы. Весь дворец наполнился ароматом.

Взял Досимару другой листок бумаги, изрезал его на мелкие кусочки, коснулся их камышовой палкой, и обратились они в соловьев. Вспорхнули соловьи на ветки сливы и запели. Потом Досимару три раза хлопнул в ладоши, и все сразу исчезло.

Тут пришлось Доману призадуматься. Непростой оказался у него соперник. Взял Доман два листка бумаги и сделал из них змею. Поползла змея к Досимару, вот-вот ужалит. Но Досимару даже не пошевелился, только взглянул на нее — и змеи как не бывало.

«В самом деле, он хоть с виду и мал, но могучий волшебник», — решил Доман. Незаметно положил он в ларец-дзюба-ко¹ двенадцать лимонов и апельсинов и спрашивает мальчика:

— Отгадай, что я положил в ларец? И сколько?

Не мог отгадать Досимару и спросил потихоньку у своей камышовой палки.

— Двенадцать мышей, — шепнула ему камышовая палка.

— Двенадцать мышей, — повторил Досимару.

Обрадовался чародей: «Моя победа!» С торжеством раскрыл он ларец, и что же! Стали из всех ящичков ларца мыши выскакивать, и было их ровным счетом двенадцать.

Увидел Доман, что побежден, и бросился бежать. Но поднял Досимару над головой жемчужину прилива, и в то же мгновение нахлынула откуда ни возмись высокая волна и накрыла Домана с головой. Тут и пришел конец чародею.

Тогда опустил Досимару жемчужину низко-низко:

— Волна, воротись, воротись!

И волна послушно отхлынула.

— Вели копать под северо-западным углом дворца, — сказал мальчик государю, — там зарыл чародей змею, выпускающую три страшных яда. В этом причина твоего недуга.

Бросились государевы слуги копать землю там, где указано. И правда! Появилась из земли смертоносная змея. Только змею убили, как прошел недуг микадо.

¹ Ларец с набором коробочек для еды и сладостей.

Получил Досимару богатую награду и вернулся в дом своего отца, опираясь на камышовую палку.

ЧУДЕСНЫЙ КУВШИНЧИК

Некогда на острове Мияко жил один молодой рыбак по имени Масария. Было ему лет двадцать, не больше.

Однажды в ясный лунный вечер пошел он на берег моря рыбу ловить. Вдруг удочка в его руках изогнулась дугой, словно лук.

— А-а, клюет!

Вытащил Масария из воды огромную рыбину. От глаз до хвоста была она длиной в добрых три сяку¹. Только хотел обрадованный Масария снять ее с крючка, как вдруг его руки онемели, словно их отшибло. Свалился он на землю без памяти.

А как пришел в себя, видит: рыба исчезла и стоит перед ним, откуда ни возьмись, девушка дивной красоты.

— Застала меня темнота в дороге, — говорит она голосом чистым, как серебряный колокольчик. — Позволь мне провести одну ночь в твоей хижине.

— Да ведь живу я в тесном шалаше, там и лечь-то как следует негде.

— Мне все равно, лишь бы укрыться от дождя и ночной росы. Прошу тебя, дай мне приют на одну ночь.

Впустил Масария девушку в свой шалаш, а у самого сердце так и стучит в груди! В жизни не видал он такой красавицы.

Провели они вместе ночь, а на другое утро, только открыл молодой рыбак глаза, красавица исчезла, словно ветром ее унесло.

Долго не мог рыбак позабыть красавицу. Каждый вечер ходил он на берег моря, но она все не появлялась.

Как-то раз в безветренный, тихий день закинул Масария сети в море и стал поджидать улова. Вдруг он видит: на волнах покачивается челнок-однодеревка, а в нем сидят двое маленьких мальчиков — каппа*. Тело у них чешуей покрыто, а глаза навывкате, как у больших рыб.

¹ Сяку — японская мера длины, равна 30,3 сантиметра.

— Отец! Здравствуй, наш отец! — закричали они.

Сильно удивился Масария:

— Почему вы меня так зовете? Какой я вам отец! Вы же каппа, дети воды!

— Что ты отпираешься! Разве не было у тебя любовной встречи с нашей матушкой года два-три назад? — не по возрасту смело спрашивают дети. — После этого и родились мы на свет, двое братьев-близнецов.

— Ну, если так, то вы и вправду мои дети. Но где же ваша матушка?

— На дне моря, во дворце Повелителя драконов.

— Да неужто?

— Она послала нас за тобой, отец.

Как услышал это Масария, не стал долго раздумывать, обнял своих детей за плечи и нырнул на дно моря. В то же мгновение очутился он перед воротами подводного дворца.

— Матушка, матушка, мы отца привели! — крикнули мальчики.

Громко заскрипели подводные ворота из алого коралла и распахнулись настежь.

Окруженная толпой прекрасных прислужниц, под звуки тихой музыки вышла ему навстречу в ослепительном наряде сама принцесса Отохимэ, дочь Повелителя драконов.

— Добро пожаловать, долго я тебя ждала.

Взяла Отохимэ своей рукой, похожей на белую рыбку, Масария за руку и повела во дворец. Вся утварь в покоях кораллом изукрашена, алым, черным, белым и лазоревым. В зеркалах пестрые рыбы проплывают, морские чудища глаза плят.

— Давно я хотела с тобой свидеться. Ведь родилось у нас двое сыновей. Останься же с нами навек в этом дворце. Будем с тобой жить неразлучно, — молвила Отохимэ.

Масария только смотрел во все глаза и слова не мог вымолвить в ответ.

Провела его Отохимэ в парадную залу. А там уже веселый пир наготове, столы яствами уставлены, прислужники-рыбы вино наливают.

Заиграли лютни, цитры, скрипицы, флейты, барабаны*. Начались веселые пляски. То краб ходит боком, то осьминог выкидывает коленца. До слез хохотал Масария.

Так прошло пять дней. Но не в радость молодому рыбаку был вечный праздник. Потянуло его на землю, к людям. Видят

дети, что у отца лицо затуманилось, ходит он нерадостный, и спрашивают:

— Невесело тебе у нас, отец? Верно, хочешь на землю вернуться.

Удивился Масария:

— Вот правду говорят, что дети приметливы! Тяжко мне стало на морском дне. Помогите же мне вернуться на вольный воздух.

— А наша матушка что говорит?

— Я попрошу ее отпустить меня.

— Да, Расскажи ей все, что у тебя на сердце. Но когда будешь с ней прощаться, то, уж верно, она подарит тебе что-нибудь на память. Попроси тогда маленький голубой кувшинчик. Это лучшее сокровище нашего дворца, — посоветовал Масария один из мальчиков и повел его в покои Отохимэ.

— Я уже все знаю от наших детей. Так ты непременно хочешь вернуться на землю?

— Что поделаешь! Привык я каждый день трудиться. От безделья не по себе мне стало, тоска грызет. Я — создание земли и должен вернуться на землю.

— Если так, то и говорить не о чем. Но хочу я дать тебе подарок на память. Выбери сам, что приглянется.

— Что ж, дай мне тогда вот этот лазоревый кувшинчик.

Опечалилась было Отохимэ, но потом улыбнулась:

— Этот кувшинчик — бесценное сокровище. Но для тебя, мой любимый Масария, мне ничего не жаль, возьми его! Только всегда помни обо мне.

И с этими словами Отохимэ отдала Масария лазоревый кувшинчик.

Простился с женой молодой рыбак, обнял своих сыновей за плечи и в тот же миг очутился на берегу острова Мияко.

Пошел Масария назад в свою деревню. Но что это? Как она изменилась! Все в ней выглядит чужим. Если б не горы да не реки, он и места точно не признал бы. Ищет рыбак свой дом, но от него и следа не осталось. Там, где он стоял, поднялась высокая роща.

Глазам своим не верит Масария. Уж не сон ли? Вдруг увидел он, что по дороге бредет, опираясь на палку, седой старичок лет семидесяти. Сказал ему Масария:

— Я рыбак из здешних мест, зовут меня Масария. Пять дней пробыл я во дворце Повелителя драконов и вот — не узнаю родной деревни. Все здесь так изменилось!

— Масария, говоришь ты? Верно, был такой среди нас, рыбаков. Да только добрых пятьдесят лет прошло, как уплыл он в море и не вернулся. Уж не призрак ли ты? Скройся с моих глаз! Пропади! — И старик замахнулся на Масария посохом.

«Дивное, непонятное дело!» — И Масария, спотыкаясь, неверным шагом побрел к старому пруду на краю деревни.

Наклонился Масария над прудом. Но в воде он увидел не юношу двадцати лет. Нет, на него глядел седой, морщинистый старик, похожий на того, с каким он повстречался.

— О, я несчастный! Пять дней провел я во дворце Повелителя драконов, а за это время на земле прошло пятьдесят лет! Потерял я свою молодость!

И в отчаянии Масария встряхнул свой лазоревый кувшинчик. Что-то в нем заплескалось. Он открыл крышку, и оттуда потянуло крепким духом старого вина.

— Так, значит, там драгоценное ароматное вино. Что ж, хоть напиться с горя, что ли!

И, опрокинув вверх дном кувшинчик, Масария осушил его одним духом.

Побежало вино по его жилам горячей струей. Поднес он руки к лицу — лицо стало гладким, как прежде.

Поглядел Масария в пруд и подскочил от радости.

— Мне снова двадцать лет! Так вот отчего этот кувшинчик — бесценное сокровище! Эх, жалко, что я все вино сразу выпил.

Потряс он кувшинчик, а в нем опять вино булькает.

— Эге, чудо за чудом!

Выходит, пей сколько хочешь из того кувшинчика, а вино никогда в нем не иссякает, как струя в роднике. Масария не помнил себя от счастья:

— Теперь я смогу помогать людям. Вина на всех хватит.

Начал он ходить по всему острову и всюду рассказывать людям про свои приключения. Выпьют чудесного вина старики — станут молодыми, выпьют больные — и станут здоровыми.

Пронесся об этих чудесах слух по всем окрестным островам. Люди толпами пошли к дому Масария. Кто сам идет, кого ведут, а кого и несут.

Но верно говорят: между радостью и горем тонкая стена.

Как-то раз пришло к Масария людей втрое больше обычного. Лег он спать еле живой от усталости, но только заснул первым сном, как в ворота так сильно застучали, словно хотели разнести их вдребезги.

— Эй, Масария, отворяй! С дальнего острова привезли на лодке больного. Он чуть дышит. Дай ему выпить целебного вина. Скорей, а не то помрет. Отворяй ворота, живо! Не откro-ешь подобру-поздорову, вышибем.

Масария встал с постели, протирая заспанные глаза.

— Это что еще! Что за наглость такая! Я даром пою каждого, кто ни попросит, чудесным вином из дворца Повелителя драконов. Могли бы, кажется, быть мне благодарны. А вы ломитесь в мой дом посреди ночи, покая не даете. Хороша награда за мою доброту. Что я нажил, кроме хлопот и беспокойства! Из-за этого проклятого кувшина мне и ночью отдыха нет. Да пропади он пропадом!

И только он это вымолвил, как кувшинчик с треском разломился пополам. Обратились его осколки в двух белых лебедей и полетели в сторону моря. С криком бросился Масария за ними в погоню.

Но лебеди, сверкая в лунном свете белыми крыльями, скрылись из виду. В ту же минуту Масария вновь превратился в дряхлого старика. И все люди, кому чудесное вино вернуло молодость, снова стали стариками. А больные, исцеленные вином, сразу умерли.

Вот что случилось в далекую старину.

ПЕПЕЛЬНИК

Давным-давно жили в краю Омура муж с женой. Родился у них сынок, и дали они ему имя Мамитиганэ. Но не исполнилось мальчику и трех лет, как мать его умерла. Погрустил отец, погрустил и привел в дом новую жену. Невзлюбила мачеха пасынка, но при отце и виду не подавала.

Когда исполнилось Мамитиганэ девять лет, отец поехал в Эдо¹ на три месяца, а перед отъездом сказал своей жене:

— Можешь хоть ничего в доме не делать, но одного не забывай: каждый день причесывай Мамитиганэ.

Пошла мачеха провожать мужа на корабль, а как вернулась, так и приказала пасынку:

¹ Эдо (ныне Токио) — резиденция верховного правителя Японии, сёгуна; с 1868 года — столица страны.

— Эй ты, иди в горы, наруби дров.

Принес Мамитиганэ большую охапку дров.

— А теперь двор подмети, — велит мачеха.

Так и пошло. Ни единого раза мачеха гребнем не провела по волосам мальчика. Целый день Мамитиганэ делал черную работу по дому и скоро стал лохматым и грязным оборвышем, словно нищий с большой дороги.

Через три месяца пришло письмо из Эдо, а в письме сказано: «Ждите меня. Завтра приеду на корабле».

На другой день рано утром Мамитиганэ говорит мачехе:

— Матушка, ступай вперед. Я как следует причешусь, приберусь и приду вслед за тобой. Еще поспею.

Послала мачеха пасынка вперед, а сама порезала себе лицо острой бритвой, легла в постель и укрылась с головой одеялом.

Сошел с корабля отец на берег и увидел, какой Мамитиганэ нечесаный и грязный.

— Что с тобой? Да ты сам на себя не похож, — удивился отец.

— Матушка меня ни разу ни мыла, ни чесала, — ответил мальчик.

— Где же она?

— Сказала, что придет потом, как нарядится и причешется.

Стали отец с сыном ждать ее на берегу. Не дождались и пошли домой.

Видит отец: лежит его молодая жена в постели.

— Здорова ли ты? Уж не захворала ли? — спрашивает отец.

Приподнялась мачеха и откинула одеяло с головы. Ахнул отец: все лицо у нее в кровь изрезано.

— Полюбуйся, что твой сынок со мной сделал. С той самой поры, как уехал ты на корабле, он каждый день не переставал бранить меня. Только я и слышала от него: «У-у, подлая мачеха!» А однажды бросился на меня с бритвой и поранил. Стыдно мне на люди лицо показать, потому и не встретила тебя на берегу.

В страшный гнев пришел отец. Не стал он слушать мальчика.

— Уходи из моего дома, непочтительный сын. Видеть тебя больше не хочу!

Нарядил он сына в красивую одежду, которую привез ему в подарок из Эдо, посадил на самого лучшего коня и прогнал из дому.

Пришлось Мамитиганэ покинуть родную деревню. Поехал

он, сам не зная куда. Едет-едет, вдруг перед ним река, длиной в тысячу ри, шириной в одно ри. Не перейти через реку в верховье, не переплыть в низовье.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Как хлестнет он коня бичом. Перелетел конь птицей на другой берег.

Поехал Мамитиганэ дальше. Едет-едет, вдруг явилась перед ним гора Ибара в венце белых туч. Не объедешь справа, не объедешь слева.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Хлестнул он коня бичом раз, конь только головой мотнул. Хлестнул другой, конь птицей перелетел через гору.

Поехал дальше. Едет Мамитиганэ, едет, и встретился ему косматый старик.

— Дедушка, дедушка, скажи мне, не нужен ли в этой деревне кому-нибудь работник?

— Вот в том доме на Западной горе, — ответил старик, — держат тридцать пять работников. Нынче седьмой день пошел, как один из них умер. Там бы нашлась для тебя работенка, да только уж слишком ты нарядно одет для простого слуги.

— Ну, так сменяй свою безрукавку на мое платье.

— Что ты, сынок, слыхано ли это — менять такой богатый наряд на старое отрепье! Лучше бери мою безрукавку даром.

— Ведь я, дедушка, сам по своей доброй воле предложил меняться. Но уж если ты хочешь подарить мне безрукавку, дай в придачу и сундучок. Я спрячу в нем свое платье.

Старик согласился.

Надел мальчик старую безрукавку, а нарядное свое платье и богатое седло спрятал в сундучок. Отпустил он коня пастись на воле в бамбуковой чаще, а сам отправился к богачу на Западную гору и просит:

— Возьмите меня в работники.

Богач охотно нанял его в услужение.

Стал Мамитиганэ работать в доме богача. Послали его для начала рубить солому на корм скоту. Прошло немного времени, воротился он и говорит хозяину:

— Эта работа не по мне, только руки себе натрудил. Лучше велите мне двор подметать.

Послал его богач двор мести. Но скоро мальчик опять пришел к хозяину:

— Нет, и эта работа не по мне. Вон какие на ладонях

волдыри вскочили! Лучше вот что, дайте мне в подмогу семь работников, я сложу такие печи, что кушанье будет поспевать сразу для всего дома, а не так, как теперь: одни едят, а другие голодными дожидаются.

— Ну что ж, постарайся, сложи печи, — согласился хозяин.

Дали мальчику в подмогу семерых работников. Работа так и закипела. Кто песок тащит, кто камни кладет, кто ведра с водой носит, тот рубит солому, этот глину месит. Скоро сложили работники семь хороших печей и стали варить рис сразу в семи котлах.

Прежде случалось, завтрак поспевал лишь к полудню, полдень к вечеру, а ужин бывал готов лишь к середине ночи. Теперь же, едва рассвет забелеет, а уж рис к завтраку для всех готов. Не успеет солнце подняться высоко в небе, как поспеет обед. Чуть начнет темнеть, как готов ужин. Люди всегда сыты. А Мамитиганэ знай себе топливо в печи подкладывает. Дали ему прозвище Пепельник, потому что теперь он всегда был измазан пеплом и сажей.

Обрадовался богач.

— Хорошего истопника мы нашли, — похвалил его богач. — Оставайся у меня сколько захочешь.

Прошло с тех пор немало времени. Однажды богач говорит:

— Завтра в храме большой праздник. Будут давать представление*. Пойду-ка я посмотреть. Приготовь пораньше еды на дорогу.

На другое утро приготовил Мамитиганэ завтрак рано-рано.

Хозяин позвал его:

— Иди, Пепельник, и ты с нами.

— Нет, сегодня как раз третья годовщина со дня смерти моей матушки. Не могу я идти туда, где люди веселятся.

— Тогда оставайся за сторожа дом караулить.

— Хорошо, — говорит Пепельник.

Вот ушел хозяин вместе с семьей и со всеми слугами смотреть на представление. Зрителей там собралось видимо-невидимо, сам владетельный князь приехал зрелищем полюбоваться. Возле храма помост поставлен под высокой крышей. А Мамитиганэ отмылся добела, взял из сундучка свой красивый наряд, оделся, обулся и позвал коня из бамбуковой чаши. Конь мигом прибежал на голос своего хозяина. Оседлал Мамитиганэ коня, вскочил на него и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Хлестнул он коня один раз, конь понесся как птица и остановился перед самым помостом, с южной его стороны. Хлестнул Мамитиганэ коня другой раз, перескочил конь через крышу, только копыта в воздухе сверкнули, и остановился возле помоста, с северной его стороны.

Все зрители разом вскричали:

— Глядите! Глядите! Это светлый бог спустился к нам с неба. Встанем, поклонимся ему!

Все встали со своих мест и, молитвенно сложив руки, поклонились Пепельнику. Хозяин Мамитиганэ тоже склонился перед ним. Но дочка богача сказала:

— Это совсем не бог, это же наш Пепельник! Я его узнала. У него на левом ухе черная метина.

Девушка, лукаво смеясь, тоже преклонила голову перед Пепельником.

А Пепельник вернулся домой раньше всех, отпустил своего коня пастись в бамбуковую чашу, спрятал свой драгоценный наряд в сундучок и скорей надел старую безрукавку. Потом затопил он все семь печей и улегся на куче золы, подложив охапку бамбука себе под голову.

Вскоре возвратился хозяин со слугами и домочадцами.

— Пепельник, эй, Пепельник, отворяй ворота!

Отворил Пепельник ворота. Хозяин говорит ему:

— Жаль, что не ходил ты смотреть представление. Сегодня прилетел туда с неба светлый бог невиданной красоты, и все поклонились ему.

— Ах, знал бы я, непременно пошел бы вместе с вами.

— Послезавтра мы опять пойдем на праздник. Встань с утра пораньше и приготовь нам еды на дорогу, — приказал хозяин.

В назначенный день Пепельник поднялся рано на заре и сварил рису больше, чем обычно, всех накормил и еще дал с собой на дорогу. Хозяин опять позвал его:

— Иди и ты с нами, Пепельник.

— Нет, сегодня как раз годовщина со дня смерти моего дедушки. Не пойду я туда, где люди веселятся, а останусь в тишине дом сторожить.

Проводил Пепельник всех в дорогу, живо помылся, нарядился и только оседлал коня, как вдруг хозяйская дочь во двор входит. Придумала она для отвода глаз, будто забыла дома свои дорожные сандалии. Что будешь делать! Говорит ей Пепельник:

— Садись и ты со мной на коня.

Села девушка на коня позади Мамитиганэ.

Конь поскакал и остановился у самого помоста, с восточной его стороны.

Хлестнул Пепельник коня бичом и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Конь взлетел, как птица, перескочил через крышу и остановился возле помоста с западной его стороны.

Все зрители закричали:

— К нам с небес божественная пожаловала чета.

Поклонились они Пепельнику и девушке.

А Пепельник с дочерью богача воротился домой. Отпустил он своего коня пастись в бамбуковой чаще, снял богатое платье, развел огонь в печах и лег на куче золы отдыхать.

А девушка спряталась у себя в самом дальнем покое и притворилась больной.

Вот слышались крики:

— Эй, Пепельник, открывай ворота!

Это возвратился хозяин со своими слугами и домочадцами. Говорит хозяин Пепельнику:

— Напрасно ты не пошел с нами. Сегодня пожаловала на представление чета небесных богов.

— И правда жаль, что я остался дома, — посетовал Пепельник.

Вошел богач в дом и стал искать свою дочь. А она на постели лежит, будто занемогла. Поднялась в доме суматоха. Хотели сейчас же позвать врача, но девушка попросила:

— Нет, мне врача не надо. Позовите лучше жрицу-мико*.

Позвали трех жриц и велели им погадать. Погадали они и говорят:

— Эту болезнь скоро не вылечить. Тяжелым недугом занемогла ваша дочь.

Девушка в ответ:

— Нет, не отгадали вы правды. Позовите еще одну жрицу, ту, что недавно приехала в наши места.

Пригласили и ее. Погадала она и говорит:

— Не телесный это недуг, а любовный. Полюбила девушка одного из ваших работников. Дайте ей чарку вина, пусть поднесет любому из них по своему выбору. Тогда и узнаем, который ей мил.

Послушался богач. Дал своей дочери чарку вина и велел всем своим работникам вереницей пройти перед нею. Прошло их тридцать четыре, но она никому чарки не подала.

— Нет ли еще какого-нибудь слуги в доме? — спрашивает богач.

— Да будто все здесь. Только один грязный Пепельник возле печи остался, — отвечают слуги.

— Что ж, и он такой же человек, как вы. Зовите и его, да пусть принарядится немного.

Послал хозяин Пепельнику старое платье со своих плеч. А Пепельник помылся в чане с горячей водой, обтерся пожалованным ему платьем, да и забросил его в свинарню.

Услышал об этом хозяин и послал ему новое, хорошее платье. Но Пепельник и этим платьем обтерся и кинул его, словно старую тряпку, позади конюшни. Тогда послал ему хозяин парадную накидку с гербами. А Пепельник накидкой ноги вытер и сунул ее в навоз.

Потом достал он из сундучка свой драгоценный наряд, надел его и вскочил на своего коня.

Как увидел богач прекрасного юношу, взял его за руку и почтительно провел в парадные покои. Болезнь девушки как рукой сняло. Радостно поднесла она своему избраннику чарку вина.

— У дочери моей острее глаза, чем у меня, — улыбнулся богач. — Прощу тебя, будь моим зятем.

Сыграли свадьбу. Три дня шло веселье, а на четвертый сказал Мамитиганэ своему тестю:

— Отпустите меня на три дня. Хочу я отца своего навестить. Но тесть молвил в ответ:

— Нет, на три дня я тебя не отпущу. Даю тебе сроку лишь один день — от утра до вечера.

Пришел Мамитиганэ проститься со своей молодой женой, а она его спросила:

— Какой дорогой поедешь ты: по берегу моря или через горы?

— Берегом моря надо три дня ехать, отец же твой отпустил меня лишь на один день. Поеду я через горы напрямик.

— А если поедешь ты горной дорогой, — говорит жена, — то упадут тебе на луку седла тутовые ягоды. Как бы ни мучился ты жаждой в пути, смотри не ешь их. Если поешь ты этих ягод, то мы с тобой больше в этой жизни не увидимся.

Поскакал Мамитиганэ через горы напрямик, и упало к нему на луку седла несколько ягод с тутового дерева. Спелые они были и сочные, но вспомнил юноша наказ своей жены и

первое время крепился. Стояла жаркая пора. В полдень так захотелось ему пить, что язык к гортани присох. Не выдержал Мамитиганэ и съел одну ягоду. В тот же миг отлетело от него дыхание и повалился он на шею своего коня. Почуял конь, что хозяин его мертв, захрапел и понесся как птица. Взлетает на гору, передние ноги подгибает. Слетает с горы, задние ноги на скаку подгибает.

Принес он хозяина к воротам родного дома и три раза тревожно заржал.

Услышал его отец Мамитиганэ:

— Ах, это конь моего сына! Что же сын мой сам меня не зовет! Ступай посмотри, что там такое, — послал он свою жену.

Жена отворила ворота. И в то же мгновение конь бросился на нее и загрыз насмерть. Вышел тогда к воротам сам отец.

— О горе, сын мой! Уехал ты от меня живым, а вернулся ко мне мертвым.

Положил он мертвого Мамитиганэ в большую бочку с вином и крышкой прикрыл.

А жена Мамитиганэ ждет его не дождется:

— Если б знала я, куда уехал мой муж, так письмо бы ему послала. Уже прошел день, другой, и третий миновал, а его все нет. Уж не поел ли он в пути тутовых ягод?

Купила жена три мерки живой воды и помчалась, как ветер, по следам своего мужа. За полдня пробежала она столько, сколько быстроногий конь Мамитиганэ за целый день проскакал, и оказалась у чьих-то ворот.

— Не здесь ли дом Мамитиганэ? — спросила она.

— Здесь-то здесь, да только Мамитиганэ уж на свете нет, — ответил ей отец юноши.

— Покажите мне его хоть мертвого, — заплакала жена.

— Нет, не могу я сына моего показать чужому человеку.

— Разве я чужая ему? Он был мужем мне, да только уехал четыре дня тому назад и не вернулся...

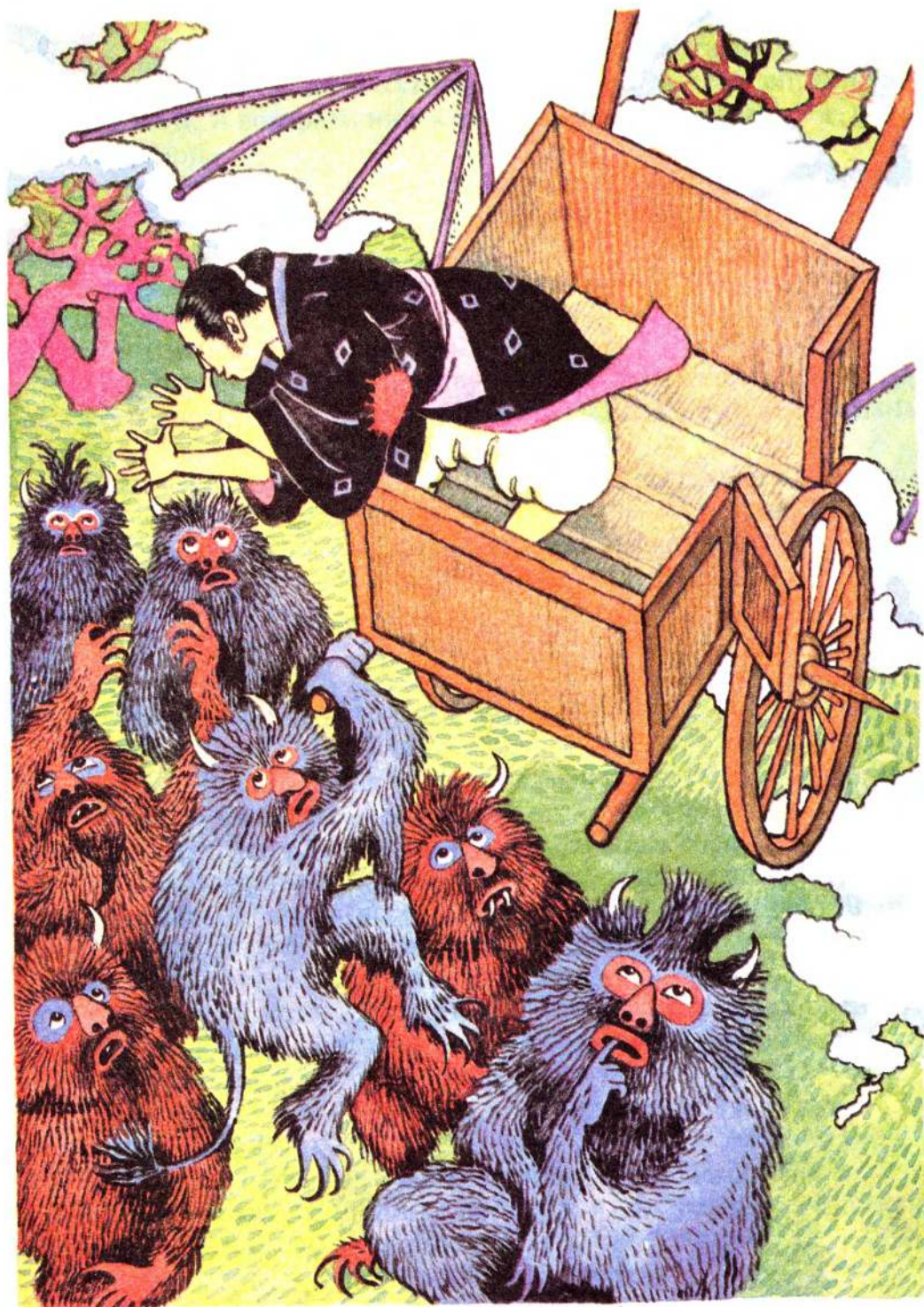
— Ну простите, коли так. Вот он, бедный мой сын.

Вынул отец тело Мамитиганэ из бочки с вином и показал невестке.

Лежит Мамитиганэ как живой, только что не дышит.

Омыла жена мужнино тело чистой водой из родника, а потом сбрызнула живой водою. Открыл глаза Мамитиганэ и спрашивает:

— Спал ли я утренним сном? Спал ли вечерним сном?

— Нет, не спал ты утренним сном, не спал ты вечерним сном, — отвечает молодая жена, — а спал мертвым сном. Не послушал ты меня, поел тутовых ягод... Но я тебя sprыснула живой водой, и возвратилось к тебе дыхание. Пойдем же теперь ко мне домой.

Тут отец Мамитиганэ воспротивился:

— Это мой родной, мой единственный сын. Не отпущу его больше от себя.

— Что ж, тогда мы останемся с вами, отец, — сказала молодая жена.

Но Мамитиганэ сказал:

— Не могу я сразу служить двум отцам. Возьми себе приемыша, а я навсегда останусь в доме жены, ведь она мне жизнь спасла.

Простились молодые супруги с отцом Мамитиганэ и пошли в обратный путь.

Слышно, они и теперь живут в любви и согласии.

ЖИВАЯ ИГЛА, МЕРТВАЯ ИГЛА И ЛЕТУЧАЯ КОЛЕСНИЦА

Давно, давно тому назад жил один богач. В доме у него заведен был такой обычай. Когда наступал первый день Нового года, слуги рассаживались возле очага в господских покоях, а хозяин сам, своими руками еду им подавал и вино наливал.

Вот однажды слуги весело праздновали Новый год. Вдруг хозяин, наливая им полные чарки, говорит:

— А ведь в эту ночь первый сон вещим бывает. Хорошенько запомните, что кому привидится. Завтра мне расскажете. Я заплачу за каждый сон по серебряной монете.

На другое утро хозяин спросил:

— Ну, кто из вас хороший сон видел? Рассказывайте по очереди.

Сидевший на главном месте старший слуга замялся:

— Уж прости, господин, проспал я до самого утра как убитый. Никаких снов не видел*.

Следом за ним и другой стал отнекиваться:

— Я только закрыл вечером глаза, а открыл, смотрю: на дворе уже утро. И не заметил я, как ночь прошла.

Все слуги один за другим стали уверять, что снов не видели. Но самый молодой слуга, юноша лет пятнадцати-шестнадцати, признался:

— А я видел чудесный сон.

— Вот как, в самом деле? Ну, так продай мне его. Вот тебе серебряная монета.

— Нет, не могу я продать свой счастливый сон. Вдруг он тогда не сбудется.

— Так я дам тебе две монеты.

Но юноша только покачал головой.

— Хочешь три?

— И за три не продам.

— Какой ты несговорчивый! Бери четыре.

Хозяин, раззадорясь, все набавлял и набавлял цену. Но молодой слуга только головой качал. Наконец хозяин предложил двадцать золотых монет. Но и тут юноша не согласился.

В страшный гнев пришел хозяин. Посадил он юношу в челнок без паруса и весел и пустил плыть по воле волн в открытое море. Но все же дал ему с собой рисовых лепешек, чтоб не умер он голодной смертью.

Долго играли волны и ветер с челноком и принесли его к далекому острову. Вышел на берег молодой слуга и видит, что остров дик и безлюден, живут на нем одни обезьяны. Приметили они юношу и залопотали:

— Человек! Смотрите — человек! Хватай его, попробуем, каков-то он на вкус.

Кинулись обезьяны на юношу всей стаей. Испугался он и стал бросать в них рисовыми лепешками. Начали обезьяны лепешки подбирать, а он вскочил в челнок и оттолкнулся от берега.

Снова поплыл челнок, куда ветер его гонит и волны несут, и вскоре прибил к берегу другого острова.

Не успел молодой слуга ступить на землю, как из лесу с диким воем выбежала ватага чудищ. То были черти разных мастей, красные, синие, черные...

— Человек! Смотрите — человек! Давно нам такой лакомый кусочек на зуб не попадался, — заорали черти.

Что делать, как тут спастись! Стал молодой слуга кидать в чертей рисовыми лепешками, но черти на них и не взглянули. Схватили юношу когтями, вот-вот разорвут на части.

Но главный черт закричал:

— Погодите, ребятки, съесть его мы всегда успеем. Спросим наперед, каким ветром его к нам занесло. Эй, человечье отродье, по своей воле или нет приплыл ты к нам сюда?

— Нет, не сам я приплыл, волны меня принесли. Посадил меня мой хозяин в челнок без паруса и весел за то, что не захотел я рассказать ему свой первый новогодний сон.

— Что ж это за сон такой тебе приснился? Расскажи-ка нам поскорее.

— Ого, какие хитрые! Я не продал свой сон хозяину за двадцать золотых, а вы хотите даром его послушать. Не стану рассказывать, хоть разорвите меня на мелкие кусочки!

Стали красные, синие и черные черти между собой совещаться. Погальдели, погальдели и говорят юноше:

— Давай меняться! Ты нам поведай свой чудесный сон, а мы тебе дадим нашу чудесную колесницу.

Побежали черти со всех ног в глубь леса и прикатали великолепную колесницу.

— Вот она, смотри! Это летучая колесница! Если стукнуть по ней один раз железной палицей, она тысячу ри пролетит, стукнуть два раза, десять тысяч ри пролетит.

Поглядел молодой слуга на колесницу и сделал вид, что раздумывает:

— Гм, гм! Не прогадаю ли?

Снова черти залопотали, загомонили — совещаются между собой. На этот раз принесли они две длинные иглы*.

— Смотри, человек! Вот мертвая игла. Если уколоть мертвой иглой какого хочешь силача, ему сразу конец. А это — живая игла. Стоит живой иглой уколоть больного, он мигом станет здоров. Эти две иглы — бесценное сокровище: и смерть дают они и жизнь.

— Скажите! Неужели! Тогда я, пожалуй, расскажу вам свой новогодний сон. Ох, и чудеса мне привиделись! Но только раньше испробую я вашу колесницу, так ли она хороша, как вы говорите.

Взял молодой слуга обе иглы, стал на колесницу и стукнул по ней раз железной палицей. Взвилась колесница, как птица, и полетела. Черти подняли было ужасный крик, но колесница вмиг пропала в небе. Заплакали черти от горя слезами крупными, как мельничные жернова.

Летела колесница через море, летела через горы и остановилась где-то посреди широких рисовых полей. Стукнул молодой

слуга железной палицей два раза. Снова понеслась колесница под самыми облаками и спустилась на землю в каком-то селении. Течет посреди селения река, а на обеих ее берегах стоят друг против друга два богатых дома под черепичными крышами, а возле одного из них чайный домик примостился, как раз по эту сторону реки. Зашел в него юноша подкрепиться. Только вдруг слышит: в соседнем доме поднялась страшная суматоха. Люди мечутся, кричат, плачут.

— Что там случилось? — спросил молодой слуга хозяйку чайного домика. — Какая беда?

— Ах, и не спрашивай! — отвечает хозяйка. — Умирает у моего соседа-богача единственная дочь, и такая красавица! Отец с матерью от горя совсем обезумели. Сколько ни звали они врачей и знахарей, ни один не сумел ей помочь.

— Жаль мне их, несчастных! Поди, хозяйюшка, скажи соседям, что прибыл в ваши края великий целитель всех недугов. Я вылечу больную.

Обрадовались отец с матерью, услышав такую весть, и скорее повели молодого слугу к постели больной. Лежит она, чуть дышит.

Уколол он девушку живой иглой. И в тот же миг смертельной болезни как не бывало. Вскочила девушка с постели, здоровая и румяная.

Тут сменилось горе великой радостью. Хотел было юноша уйти, но родители девушки непустили его. Повторяют: «Ты наш спаситель!» Не знают, как получше угостить. Званные пиры в его честь созывают, зрелища ему показывают, плясками забавляют. Наконец стали они умолять молодого слугу, чтоб женился он на их дочери. Полюбилась ему красавица девушка, и взял он ее в жены.

Между тем в доме по ту сторону реки тоже заболела единственная дочь, да так тяжело, что родители всякую надежду потеряли. Плачут в голос. Пожалел их молодой слуга, пришел к ним и с помощью живой иглы сразу вылечил девушку. Вскочила она с постели такая веселая, будто никогда и больна не была.

Отец с матерью не знают, как своего спасителя и благодарить. Стали и они тоже устраивать в его честь пиры и разные увеселения. Не хотелось им отпускать юношу из своего дома. Наконец, сдавшись на их уговоры, женился молодой слуга и на этой девушке тоже.

Сильно он призадумался: в котором доме ему жить? Посоветовались между собой обе семьи и построили золотой мост через реку. Стал юноша жить полмесяца в одном доме, полмесяца в другом.

По всей Японии пошла о нем слава как о великом целителе. Многих людей вылечил он живой иглой. А вот мертвая игла ему так и не пригодилась: врагов не было.

Как-то раз переходил юноша по золотому мосту с одного берега на другой.

По правую его руку идет красавица жена, а по левую руку другая, столь же прекрасная. Под ногами золотой настил так и сверкает. Тут вспомнил юноша, что уже видел все это однажды — в своем новогоднем сне.

КАК ЖУРАВЛЬ ЗА ДОБРО ЗАПЛАТИЛ

В старину жили у подножия одной горы старик со старухой. Сердце у них было доброе, жалостливое.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес за дровами.

— А ты, жена, оставайся дом сторожить да меня поджидать.

Нарубил старик большую охапку дров, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силок, бьется и стонет, словно на помощь зовет.

— Ах ты бедняга! Ну ничего, потерпи немного... Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу из силка. Взмахнул журавль крыльями и полетел прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько постучался к ним.

— Кто бы это мог быть в такой час?

Выглянул старик за дверь. Стоит за порогом красивая девушка, вся запорошенная снегом.

— Заблудилась я в горах, — говорит. — А на беду, сильно метет, дороги не видно.

— Заходи к нам, — приглашает старуха. — Мы гостье рады.

— На дворе лютый холод. Видно, ты озябла. Обогрейся у огня, — подхватил старик.

Зашла девушка в дом к старикам, села возле очага.

— Вот мне и тепло стало. Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи?

— Вот спасибо, доченька. Как тебя по имени зовут?

— Зовут меня о-Цуру.

— О-Цуру, Журушка, хорошее имя, — похвалила старуха.

Пришлась старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им стало с ней расставаться. На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

— Мы одиноки, нет у нас детей. Останься с нами навсегда.

— С радостью останусь, я ведь тоже одинока... А в благодарность за вашу доброту натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу, не заглядывайте в комнату, где я ткать буду.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: кирикара тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру к старикам сверток узорчатой ткани.

— Красота-то какая! — ахнула старуха. — Заглядень!

А старик поглядел на девушку и встревожился:

— Сдается мне, Журушка, что похудела ты. Щеки у тебя вон как впали.

Тут как раз пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал полотно. Спрашивает:

— Ну что, бабушка, есть полотно на продажу?

— Кстати ты пожаловал, господин Гонта, — отвечает старуха. — Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша о-Цуру. — И развернула перед Гонтой во всю длину кусок мягкой пушистой ткани.

— О, прекрасная работа! Чудесный узор! Дочь твоя, я вижу, мастерица! — Гонта сразу полез в кошелек и щедрой рукой отвалил несколько монет.

— Червонцы! Целых десять червонцев! — заахали старики.

Впервые на своем веку видели они золото. Как ярко сверкает оно на солнце! А какое желтое, желтое цветов сурепицы!

— Спасибо тебе, Журушка, спасибо! — от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой. — Заживем мы теперь по-новому.

Наступила весна. Пригрело солнце, сошли снега. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

— Сестрица Журушка, выйди к нам. Во что будем сегодня играть?

— Сегодня? Сегодня мы пойдем по горной тропинке в царство небесных фей.

Поднимут двое детей руки, изображая ворота, а Журушка запоем звонким голосом:

*В царство фей мы идем
Вверх по узкой тропинке...*

Станут дети проходить в ворота веселой вереницей и стариков позовут:

— Дедушка, пойдем с нами играть, бабушка, пойдем играть.

— Ха-ха-ха, да не тяните нас за руки так сильно!

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

— Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такого же полотна, как в прошлый раз? Продай мне!

— Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя ткать, очень она от этого устает.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, доверху набитый червонцами.

— Я заплачу тебе еще дороже! Но уж если ты не согласен, вперед не жалуйся! Не буду больше покупать полотно у твоей старухи, так и знай, — пригрозил злобный Гонта и пошел прочь.

— Беда, беда! Как же теперь быть? — стали совещаться между собой старик со старухой.

О-Цуру услышала за стеной их разговор.

— Дедушка, бабушка, не тревожьтесь, успокойтесь. Я опять натку полотна. Но уж это будет в последний раз. Прошу вас только, не заглядывайте в ту комнату, где я буду работать.

Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо. Вскоре послышался за стеной быстрый-быстрый стук: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

— Журушка, кончай скорее, будет тебе! — тревожились старик со старухой. — Как бы себе не повредила...

Вдруг послышался голос:

— Ну как, готово полотно? Покажите мне.

Это был Гонта.

— Нет, показать нельзя. О-Цуру запретила к ней входить.

— Ого! Вот еще выдумки! Ну, а я и спрашивать у нее не стану!

И Гонта настежь распахнул двери.

— Ой, там журавль, жу-жу-равль, — испуганно забормотал он.

В самом деле, стоит за ткацким станком журавль.

Широко раскрыл он свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный мягкий пух и ткет из него полотно: кирика-ра тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

На другое утро прибежали дети звать о-Цуру:

— Журушка, выйди к нам. Много снега выпало... Можно в снежки поиграть.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, раздвинули сёдзи, видят: никого нет. Лежит на ткацком станке прекрасное узорчатое полотно, а кругом журавлиные перья рассыпаны...

Под вечер закричали дети во дворе:

— Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

Выбежали старики, глядят... Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домом. Тяжело так летит, перья-то почти все у него выщипаны.

— Журушка, наша Журушка! — заплакали старики.

Поняли они, что это журавль, спасенный стариком, оборотился девушкой... Да не сумели они ее удержать.

— Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно, грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

КАТИ-КАТИ-ГОРОШИНКА

Давно-давно жили старик со старухой. Вот как-то утром стали они дом подметать. Старуха горницу подметает, а старик кухню. Нашел в углу горошину и радуется:

*Старуха, а старуха,
Я горошину нашел.
Если в поле посадить,
Крупный вырастет горох,
Если в ступке истолочь,
Будет вкусная мука.*

Стал старик советоваться со своей старухой, как тут быть,

горошинка и проскользни у него между пальцев. Упала на земляной пол и покати́лась. Катилась, катилась и попала в мышиную норку.

— Стой, стой, держи! Вот горе, вот беда! В кои веки горошинку нашел, круглую, сладкую, а она от меня укатилась. Старуха, неси топор!

Шумит дед, из себя выходит. Принесла старуха топор. Раскопал старик топором проход пошире и полез в мышиную норку. Лез, лез и очутился под землей. Пошел он вперед, громко распевая:

*Укатилась от меня
Кати-кати-горошинка.
Кто горошинку видал?
Кто горошинку нашел?*

Вдруг видит он: стоит у самой дороги каменный Дзидзо-сама¹.

— Не видал ли ты, Дзидзо-сама, моей горошинки? — спрашивает старик.

— Видать-то видал, но вот беда, поднял я ее с земли, сварил и съел, — отвечает Дзидзо-сама.

— Ха-ха, вот оно как! Ну, тогда не о чем и толковать. Съел, и на здоровье. Пойду к себе домой.

Собрался старик идти домой ни с чем. Дзидзо-сама пожалел его:

— Дедушка, дедушка, подожди немного. Не отпущу тебя с пустыми руками.

— Что ж ты для меня можешь сделать, Дзидзо-сама?

— Я дам тебе добрый совет. Ступай дальше по этой дороге, увидишь красные сѣдзи, это мышиный домик. Мыши сейчас к свадьбе готовятся, рис в ступке толкут. Ты им подсоби. Потом иди дальше. Увидишь черные сѣдзи, это логово чертей. Будут черти в кости играть. Крикни петухом три раза, черти убегут, а тебе все их деньги достанутся.

— Вот спасибо тебе за науку, — сказал старик и пошел дальше, все вниз и вниз. Вдруг увидел он красные сѣдзи.

¹ Дзидзо — буддийское божество; считается покровителем детей и путников. Каменные статуи его часто ставились возле проезжей дороги. Один из любимых персонажей японской сказки. Сама — почтительная приставка к именам.

— Эй, хозяйева! Есть ли кто дома? — крикнул старик.

Выглянула тут мышка-невеста в свадебном наряде, спрашивает:

— Ты зачем к нам, дедушка, пожаловал?

— Слышал я, что у вас свадьба, вот и пришел вам подсобить рис в ступке толочь.

— А, вот это хорошо! Нам как раз помощник нужен. Подсоби нам, дедушка, скорее. — И пригласила старика в дом.

А в доме все так красиво убрано! В первой комнате стоят красные лакированные чашки на красных лакированных столиках и бронзовые жаровни. Во второй комнате шелковые халаты развешаны. Столько их, что и не счесть! А в третьей комнате много-много мышей. Толкут они в ступке чистое золото — звяк-звяк-звяк, припевая:

*Пестиком толку, толку,
Так и пляшет он в руках!
А услышу мяу-мяу,
Всех проворней убегу.
Просо я толку, толку,
А устану — не беда!
Лишь бы мне жених достался
Из богатых закровов.*

Взял старик пестик и начал толочь, да так проворно и ловко! Обрадовались мыши и подарили ему два халата из красного шелка.

Взял старик подарки, поблагодарил мышей и пошел дальше по крутому склону, в самую глубь подземного царства. Вдруг увидел он черные сёдзи, а из-за них стук и бречание доносятся. Это черти в кости играют. Забрался старик на стропила в конюшне, чтобы его не заметили. Когда настала глубокая ночь, взял он веялку и давай ею хлопать. Поднял страшный шум, а потом как закричит петухом: кэкэро-о.

Черти загалдели:

— Ого, да уж никак первые петухи пропели!

Подождал дед немного, а потом опять давай хлопать веялкой и кричать: кэкэро-о.

— Вот уж и вторые петухи, — встревожились черти.

А дед еще больше зашумел, еще громче закричал: кэкэро-о, кэкэро-о!

Переполошились черти вконец:

— Вот и третьи петухи! Зазевались мы за игрой.

Побросали они деньги — и врассыпную. А дед потихоньку спустился вниз, забрал все деньги — и скорей домой.

То-то радости было!

Сбросили старик со старухой свою худую одежду с плеч и нарядились в новые халаты, а потом стали золото и серебро меркой мерить, так что звон кругом пошел.

Услышала старуха соседка, и взяло ее любопытство. Заглянула она в дверь:

— Дома ли хозяйева? Позвольте огонька занять.

Поглядела и ахнула:

— Ой, глазам не верю! Откуда вдруг такое богатство?!

Стал старик ей все по порядку рассказывать:

— Так, мол, и так. Добыл я и красные халаты, и денег целую кучу. Пойди-ка сюда, соседка, посмотри!

— Ах, зависть берет! — говорит соседка. — Привалит же людям счастье! Побегу-ка я скорей домой, пошлю в мышиную норку своего старика.

Побежала она со всех ног домой — и давай в комнатах подметать, а мужу велела в кухне подмести. Но как он ни старался, а горошины не нашел.

— Старуха, а старуха, — говорит сосед жене, — поди возьми горошину из мешка.

Принесла старуха горошину. Бросил ее старик в мышиную норку, раскопал себе топором проход и попал под землю. Прошел немного — и верно! Как ему и говорили, стоит у дороги каменный Дзидзо-сама. Спрашивает старик у него:

— Не видал ли ты моей горошинки? Она сюда покатилась.

— Видать-то видал, только вот беда! Поднял я ее с земли и съел.

— Что ты говоришь такое, негодный Дзидзо! — вскинулся на него жадный старик. — Да как ты смел съесть чужую горошину! Подумать только, целую горошину. Ввел меня в такой убыток! И как теперь со мной разочтешься! Сейчас же подавай мне взамен кучу шелковых халатов и гору денег.

Нахмурился Дзидзо-сама, но повторил и ему свои прежние советы.

Пошел жадный старик дальше, распевая песню:

Убежала от меня

Кати-кати-горошинка.

Кто горошинку украл,

Гору золота отдай.

Вдруг увидел он красные сѣдзи. А в глубине дома слышится: звяк-звяк-звяк. Это мыши толкут в ступке рис, припевая:

*Пестиком толку, толку.
Так и пляшет он в руках!
А услышу мяу-мяу,
Всех проворней убегу.*

Зашел жадный старик в мышиный дом, а сокровищ там и не сосчитать; повсюду красные халаты развешаны, красные лакированные чашки на красных столиках стоят, деньги грудой навалены. Разгорелись у старика глаза. «Как бы так сделать, думает, чтобы все это богатство мне одному досталось. А ведь дело-то простое — стоит только кошкой замаякуть».

Крикнул он во весь голос: «Мя-ау! Мя-ау!»

Сразу погасли огни в мышином домике. Кругом стало темно, все пропало из глаз. Ни домика, ни мышей.

Шарит вокруг руками жадный старик, как слепой. Кое-как отыскал дорогу, пошел дальше ощупью. Шел, шел, вдруг впереди блеснул огонек, появились перед ним черные сѣдзи, за ними в доме что-то стучит-бренчит. Заглянул дед в щелку, видит: черти в кости играют. Деньги перед ними кучами насыпаны.

«Правду мне сказал этот каменный столб», — думает жадный старик. И потихоньку, чтоб черти не заметили, забрался на стропила конюшни, но впопыхах не слишком надежно там примостился.

Настала полночь. «Теперь самое время!» — думает жадный старик. Взял веялку и давай хлопать. А потом как крикнет во весь голос:

— Ха-а, первые петухи!

Чертей оторопь взяла.

— Что там? Что такое?

Подумал старик: «Дело-то на лад идет!» — и заорал еще громче прежнего:

— Ха-а, вторые петухи!

Еще сильнее всполошились черти, залопотали:

— Эй, слышите! Опять!

А жадный старик совсем расхотелся. «Надо, — думает, — хорошенько их пронять, чтобы дали стрекача!» Как рявкнет:

— Ха-а! Третьи петухи!

Черти удивляются:

— Слышите! Чей это голос?

— Вот и прошлую ночь кричал кто-то петухом, да все наши денежки и подтибрил.

— Мало ему! Снова пришел.

— Бейте его, колотите!

Испугался жадный старик, сорвался с потолочной балки, вот-вот упадет в самую гущу чертей, но зацепился носом за гвоздь и повис, болтая ногами. Хоть и страшно ему, а невольно самого смех пробрал: «Хе-хе!» Еще больше разозлились черти.

— Держите старикашку!

— Так это ты наши денежки стащил!

И давай его колотить. Избили, истрековенили всего, не помнил старик, как и вырвался. Вылез он из мышиной норки, плачет в голос.

А старуха радуется:

— Муженек-то мой в красном халате идет, веселые песни поет. Не хочу больше ходить в лохмотьях!

Сорвала она с себя свое рваное платье и бросила в огонь. На том и сказке конец.

Желаю счастья, желаю счастья!

ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ

Жила в одной деревне женщина. И было у нее две дочери: старшая о-Тиё — не родная, а младшая о-Хана — собственное детище.

Мачеха одевала родную дочку в нарядные платья, а падчерицу в лохмотья. На долю дочери доставались ласки да баловство, а на долю падчерицы — колотушки и трудная работа. Она и воду носила, она и стирала, и обед варила.

Но мачеха все равно ненавидела о-Тиё лютой ненавистью, только и мечтала, как бы сжить ее со свету.

Вот однажды в холодный зимний день мачеха и о-Хана грелись у очага. Разморилась о-Хана от жары и говорит:

— Ох, как мне жарко стало! Сейчас бы съела чего-нибудь холодненького.

— Хочешь немного снежку?

— Снег ведь невкусный, а я хочу чего-нибудь холодного да вкусного.

Задумалась о-Хана и вдруг как хлопнет в ладоши:

— Земляники, хочу земляники. Красных спелых ягодок хочу.

О-Хана была упряма. Уж если что ей в голову взбредет, никогда не отступится.

Подняла она громкий плач:

— Мама, дай земляники. Мама, дай земляники.

Не смогла ее мать утихомирить и вот что придумала.

— О-Тиё, о-Тиё, поди-ка сюда, — позвала она падчерицу.

О-Тиё как раз стирала белье на заднем дворе. Бежит она на зов мачехи, на ходу мокрые руки вытирает.

— Эй ты, ступай-ка в горы и набери вот в эту корзинку спелой земляники. Слышишь? А пока не наберешь полной корзинки, не смей домой и глаз показать. Поняла?

— Но, матушка, разве растёт земляника в середине зимы?

— Растет не растет, а ты одно помни: придеешь с пустыми руками, домой не пушу.

Вытолкнула мачеха о-Тиё из дому и дверь за ней крепко-накрепко заперла.

Обула о-Тиё соломенные сандалии на босу ногу, а куда идти, не знает. Зимой в горах земляника не растет. Но и с мачехой не поспоришь. Постояла-постояла о-Тиё на дворе, взяла корзинку и пошла в горы.

В горах было тихо-тихо. Снег валил хлопьями. Высокие деревья под снегом казались еще выше.

Ищет о-Тиё землянику в глубоком снегу, а сама думает: «Верно, мачехе надоело, что я на свете живу, оттого и послала меня сюда на погибель. Лучше мне здесь замерзнуть. Может, тогда я свижусь со своей родной матушкой».

Полились у девочки слезы, бредет она, сама не зная куда, не разбирая дороги. То взберется, спотыкаясь и падая, на гору, то скатится в долину. Наконец от усталости да холода свалилась она совсем. А снег все шел, все шел и скоро намел над ней белый холмик.

Вдруг кто-то окликнул о-Тиё по имени. Приоткрыла она глаза. Видит: наклонился над ней старый дед с белой бородой.

— Скажи, о-Тиё, зачем ты пришла сюда в такой холод?

— Матушка велела мне набрать спелой земляники, — ответила девочка, еле шевеля ледяными губами. — А не то велела и домой не приходить.

— Да разве не знает она, что зимой земляника не растет? Но не печалься, идем со мной.

Поднялась о-Тиё с земли. И стало ей вдруг тепло, и усталости как не бывало.

Шагает старик по снегу легко-легко, о-Тиё за ним бежит, и вот диво! Стелется перед ней снег, словно крепкая хорошая дорога.

— Вон там спелая земляника, — говорит старик. — Собери, сколько надо, и ступай домой.

Поглядела о-Тиё туда, куда он указывал, и глазам своим не верит. Растет в снегу крупная красная земляника. Вся поляна ягодами усыпана.

— Ой, земляника! — только и могла сказать о-Тиё.

Вдруг смотрит она: старик куда-то пропал, стоят кругом одни деревья.

— Так вот он кто! Бог-хранитель этой горы! Вот кто спас меня!

Сложила о-Тиё молитвенно руки и низко поклонилась. Потом набрала полную корзину земляники и побежала домой.

— Как, ты и впрямь нашла землянику? — ахнула мачеха. Думала она, что ненавистной падчерицы уже в живых нет.

Обрадовалась о-Хана, села у самого очага и давай класть ягоду за ягодой в рот, приговаривая:

— Ах, вкусно! Во рту тает!

— Ну-ка, ну-ка, и мне дай!

Попробовала мачеха и языком причмокнула. А падчерице ни одной ягодки не дали.

О-Тиё и не подумала обижаться, не привыкла она к лакомствам. Сморил ее сон. Прикорнула она у очага и дремлет.

Вдруг мачеха подбежала к ней, громко топая ногами, и закричала в самое ухо:

— О-Тиё, о-Тиё!

Встряхнула она девочку за плечо.

— Эй ты, слушай, о-Хана не хочет больше красных ягод, хочет лиловых, ступай живо в горы, собери лиловой земляники.

Испугалась о-Тиё.

— Но, матушка, ведь уже ночь на дворе, а лиловой земляники, поди, и на свете нет. Не гони меня в горы, матушка.

— Что ты говоришь такое? Ты ведь старшая сестра, должна все давать своей младшей сестренке, что та ни попросит. Нашла же ты красные ягоды, найдешь и лиловые. А не то и домой не приходи!

Вытолкнула она падчерицу из дому без всякой жалости и дверь за ней со стуком захлопнула.

Побрела о-Тиё в горы. Сделает один шаг, остановится, сделает другой, остановится и заплачет-заплачет. А в горах напало много свежего снега. Уж не во сне ли собирала она здесь свежую землянику?

А кругом все темней становилось. Вдруг где-то волки завыли. Задрожала всем телом о-Тиё, ухватила за дерево.

— О-Тиё! — послышался вдруг тихий зов, и откуда ни возьмись появился перед ней знакомый дед с белой бородой. — Ну что, о-Тиё, понравилась твоей матушке красная земляника? Вкусная была? — ласково спросил ее старик.

Поглядела ему в лицо о-Тиё и вдруг заплакала в голос, так ей горько стало:

— Матушка велела на этот раз принести лиловой земляники.

Покраснел старик от гнева, глаза у него сверкнули страшным блеском.

— Пожалел я тебя, оттого и послал ей красных ягод, а эта злодейка вон что придумала! Ну, хорошо же, я проучу ее! Ступай за мной!

Старик пошел вперед большими шагами. Быстро, как ветер, спустился он на дно глубокой долины, а девочка за ним бежит, еле поспевает.

— Смотри, о-Тиё, вот лиловая земляника!

Взглянула о-Тиё и глазам не верит! Весь снег вокруг светится лиловыми огоньками. Повсюду рассыпана крупная, красивая, налитая соком лиловая земляника.

Боязливо сорвала о-Тиё одну-две ягодки. Даже на дне корзины светились ягоды лиловым блеском.

Набрала о-Тиё полную корзину и пустилась со всех ног домой. Тут горы сами собой раздвинулись и в одно мгновение оказались далеко позади, а перед ней, словно из-под земли, родной дом вырос.

Держит о-Тиё перед собой корзинку обеими руками, будто что-то страшное, и громко зовет:

— Отвори, матушка, я нашла лиловую землянику.

— Как! Лиловую землянику! — ахнула мачеха.

Думала она, падчерицу волки съели. И что же! О-Тиё не только вернулась живая-здоровая, но и земляники принесла, какой на свете не бывает. Неохотно отперла мачеха дверь, взглянула, и у нее даже голос перехватило! Насилу-то вымолвила:

— Ах, лиловая земляника!

О-Хана давай совать ягоды в рот:

— Ах, вкусно! Язык можно проглотить. Попробуй, мама, скорее; таких вкусных ягод, верно, даже боги не едят.

И давай набивать себе рот.

О-Тиё начала было отговаривать сестру с мачехой:

— Матушка, сестрица, уж слишком эти ягоды красивы. Так и светятся! Не ешьте их...

Но о-Хана злобно крикнула:

— Наелась, верно, потихоньку в горах до отвала, да мало тебе, хочешь сама все доесть. Нашла дурочек!

Послушала мачеха свою дочку, выгнала падчерицу из комнаты и ни одной ягодки попробовать ей не дала.

Но не успели мачеха и о-Хана доесть ягоды, как сами стали лиловыми-лиловыми и к утру обе умерли.

Со временем вышла о-Тиё замуж, и родились у нее дети. Много собирали они в горах красных, спелых ягод, но в зимнюю пору земляники под снегом никто больше не находил.

ОТЧЕГО В МОРЕ ВОДА СОЛОНА

В старину, в далекую старину жили на свете два брата. Старший был богат, а младший беден. Вот как-то раз под Новый год пошел бедный брат к богатому попросить в долг мерку риса.

Ничего не дал ему богатый брат, наговорил много обидных слов и прогнал. Что делать? Побрел младший брат домой ни с чем. Вдруг повстречался ему на горной тропинке старик с белыми как снег волосами.

— Куда идешь? — спрашивает у него старик.

— Да вот сегодня канун Нового года, а у меня в доме даже горсточка риса нет, чтобы поднести в дар богу — подателю новогоднего счастья. Понапрасну только ходил я к своему брату, не дал он мне ничего. Иду домой с пустыми руками.

— Ну, если так, я тебе помогу. Возьми этот мандзю¹ и ступай к лесной кумирне. Есть за ней пещера. В той пещере карлики живут. Станут они у тебя мандзю просить, будут сулить за него горы золота, но ты не бери. Скажи, что сменяешь мандзю только на ручную мельницу*.

¹ Мандзю — приготовленные на пару пирожки из сладкого теста с бобовой начинкой.

С этими словами дал старик бедному брату маленький пирожок — мандзю.

Пошел бедный брат к лесной кумирне. В самом деле, за ней пещера в горе видна. Суется возле нее множество крошечных человечков. «Что они там делают?!» — подумал он. Глядит, а они, спотыкаясь и падая, всей гурьбой одну тоненькую камышинку тащат.

— Стойте, я подсоблю, — говорит бедный брат. Взял он камышинку и отнес к пещере. Вдруг у него под ногами словно комар запищал:

— Помогите, разбой! Человека убили!

Удивился бедный брат, глянул себе под ноги. Видит: чуть не задавил он одного карлика. Попал карлик между подставками сандалии, бьется, кричит, зовет на помощь. Нагнулся поскорее бедный брат и осторожно, двумя пальцами вытащил карлика.

А тот пищит:

— Ну и силен же ты, великан! На что я тяжел, а ты меня, как пушинку, поднял.

Тут заметил он в руке у бедного брата пирожок — мандзю и начал просить:

— Дай нам этот пирожок. Мы за него ничего не пожалеем.

Стали карлики носить из пещеры золото. По песчинке, по песчинке целую грудку натащали. Но вспомнил бедный брат, чему его старик учил, и стал отказываться:

— Не возьму я золота, дайте мне взамен ручную мельницу.

Видят карлики, что его не переспоришь, и повели в пещеру. Стоит там в углу ручная мельница с каменными жерновами.

— Эта мельница — самое дорогое наше сокровище! — говорят карлики. — Жалко нам с ней расставаться, но уж очень там твой пирожок понравился. Бери мельницу, так и быть! Покрути жернов вправо, наметет она тебе все, что только пожелаешь. Покрути влево, перестанет мельница молоть. Не забудь же, влево покрути, а то она вовек не остановится.

Понес бедный брат мельницу домой. А дома жена его заждалась. Не успел он показаться на пороге, как жена закричала:

— Ну что, достал хоть немного рису?

— Не спрашивай ни о чем, — отвечает, — а стели скорее на пол циновку.

Бросила жена на пол циновку. Поставил на нее бедный брат ручную мельницу и повернул жернов вправо, приговаривая:

— Мельница, намели нам рису, мельница, намели нам рису.

И вдруг посыпался на циновку крупный белый рис.

— Мельница, намели нам семги, мельница, намели нам семги.

Тут упало на циновку несколько больших соленых рыбин. Много еще намолола мельница разной вкусной еды. Лишь тогда бедный брат повернул жернов влево, когда уж ничего больше придумать не мог. Остановилась мельница, а муж с женой, радостные, сели ужинать.

На следующее утро говорит он жене:

— Довольно мы с тобой скитались по чужим лачугам. Пора и нам пожить в своем углу, как люди живут.

Велел он мельнице:

— Мельница, намели нам новый хороший дом с просторными кладовыми и большой конюшней, да чтоб стояли в конюшне на привязи семьдесят четыре коня. А потом намели побольше рисовых лепешек и вкусного вина.

Созвал младший брат всех соседей и родственников. То-то они удивились. Последний в деревне бедняк всех на пир созывает. Не обошел он приглашением и старшего брата.

Пришел старший брат, смотрит, глазам не верит. Младший брат только вчера вечером меру риса у него вымаливал. А сейчас он первый богач на селе. «Как это можно за одну ночь так разбогатеть! Откуда что взялось? Жив не буду, — думает, — а узнаю, в чем тут дело».

Пирует с гостями старший брат, а сам зорко так по сторонам поглядывает. Стали гости домой собираться. Захотелось младшему брату оделить их на прощание подарками. Пошел он потихоньку в другую комнату, где мельница стояла, и стал крутить ее вправо, приговаривая:

— Мельница, мельница, намели мне сластей для всех моих гостей.

А старший брат все в шелку и увидел.

«Ха-ха, теперь-то я узнал, откуда у этого голыша богатство взялось!»

Проводили хозяева гостей и улеглись спать. Стало в доме тихо. Тут старший брат прокрался в дом и сунул мельницу в мешок, заодно и разных сластей прихватил с собою. Вышел старший брат на берег моря, а там, по счастью, лодка стоит на приколе. Бросил он в нее мешок и поплыл в открытое море.

«Уплыву я на какой-нибудь далекий остров, пусть чудесная мельница мелет для меня одного, — думает он. — Тогда я стану богаче всех на свете».

Долго плыла по морю лодка. Настало время обеда. Тут старший брат хватился, что в мешке у него сластей много, а лепешка-то всего одна. Поглядел он на нее, поглядел и до смерти захотелось ему соленьенького.

— Попрошу-ка я у мельницы прежде всего соли. Посолою лепешку.

Повернул он жернов вправо и приказал:

— Эй, мельница, намели мне соли.

Посыпалась соль из мельницы широкой белой струей. И глазом он моргнуть не успел, а дно лодки сплошь солью покрыто. Увяз в ней старший брат по щиколотки. Захотел он остановить мельницу, а мельница все вертится. Не знал старший брат, что надо влево жернов повернуть.

— Эй, мельница, остановись, довольно! Стой, проклятая, стой! — кричит старший брат. Соль ему уже по колено, лодка по края в воду ушла, а мельница все мелет и мелет. Пошла лодка ко дну вместе с мельницей. Утонул с ней и старший брат.

Лежит мельница на дне моря, сыплется из нее соль бесконечной струей. И будет сыпаться до скончания века. Вот почему вода в море такая соленая.

ЭЙ, КРАБ, КОСО-КОСО!

Давно, давно, много лет тому назад жили старик со старухой. Как-то раз отправился старик в горы собирать хворост. Стало дело к полудню подходить. Проголодался оон и сел позавтракать на берегу горной речки. Вода в ней прозрачная, чистая. Вдруг видит старик: по дну ползет что-то. Пригляделся он: «Э, да это краб! Смотри ты, пожалуйста, здесь крабы водятся!»

Бросил дед в воду несколько рисинок. Обрадовался краб, стал их ловить и поймал все до одной. А старик смотрит и смеется. С тех пор, бывало, как ни пойдет в горы, все чем-нибудь да покормит краба. Полюбился он старику.

«Возьму его домой, — думает. — Пусть живет у меня».

Принес его старик домой и говорит:

— Старуха, а старуха, смотри, какого я краба принес!

— И правда, хорош! — отвечает старуха. — Ох, верно, и вкусный же он! Откормим его да сварим.

— Скажешь тоже, старая! Я его знаешь как полюбил!

Спрятал дед потихоньку краба в колодец, чтобы старуха о том не проведала. Вернется из лесу и зовет:

— Краб, эй, краб, косо-косо! Плыви сюда, это я, старый дед!

Каждый раз, как заслышит краб голос старика, так и выплывает со дна колодца, клешнями шевеля. А старик угощает его чем-нибудь лакомым и приговаривает:

— Краб, дружок мой, у тебя ведь тоже есть сердце! Слушай же хорошенько, что я тебе велю. Станет тебя звать моя старуха, ты смотри не показывайся ей на глаза. Если выплывешь со дна, съест тебя непременно, так и знай. Только тогда и плыви, как услышишь: «Краб, эй, краб, косо-косо, это я, старый дед».

А старуха все не могла успокоиться:

— Где только мой старик такого жирного краба спрятал?

Искала она, искала, не найти нигде.

Вот как-то раз старик, воротившись домой, пошел, как всегда, к колодцу ноги помыть.

Заприметила старуха, что он словно сам с собой разговаривает. «Что бы это могло значить?» — подумала она, подкралась незаметно и слушает. А старик своего краба зовет:

— Краб, эй, краб, косо-косо, это я, старый дед, пришел.

Взяла старуху досада.

«Так вот куда дед его запрятал! Ну хорошо же, пусть только уйдет завтра в горы, полакомлюсь на славу».

Не успел на другое утро старик уйти в лес, как старуха побежала к колодцу и кричит:

— Краб, эй, краб, косо-косо, это я, старый дед, пришел.

Услышал краб знакомые слова и поднялся со дна колодца. Видит старуха: отъелся он и вырос, стал большим-большим. Схватила его и кинула прямо в кипящую, бурлящую воду: шлеп! Сварился краб, стал красным, как огонь. Полакомилась старуха нежным мясом, а скорлупку бросила на помойку под водосток.

Вернулся старик из лесу и зовет, как обычно, своего любимца краба:

— Краб, эй, краб, косо-косо, это я, старый дед, пришел.

Звал он, звал, но краб из воды так и не появился.

— Отчего бы это? Убежал он, что ли?

Стал дед повсюду искать краба, нет его нигде, да и только! Огорчился старый.

Вдруг откуда ни возьмись — порх — прилетела красивая птичка, села на дерево перед стариком и защебетала:

— Дедушка, дедушка! Вернулся наконец. Мясо краба у старухи в животе, а скорлупку на помойке поищи, пин-яра, пин-яра, сян!

«Каких только чудес на свете не бывает!» — подумал старик. Заглянул на помойку под водосток. В самом деле, валяются там скорлупки да клешни. Огорчился старик. Заливаясь слезами, собрал он их и закопал в самом дальнем углу двора, а над могилкой посадил деревце азалии.

Как проснулся на другое утро, так первым делом подумал: «Надо полить саженец водой, не то засохнет». Пошел к деревцу, а оно все усыпано золотыми цветами, так и горит на солнце, так и сверкает. Обрадовался старик:

— Эй, старуха, поди-ка сюда! Съела ты моего краба, не пожалела. А я скорлупку его в землю закопал, деревце на могилке посадил, и расцвело оно золотыми цветами. Надо беречь его, хорошенько поливать.

Но не успел старик уйти в горы, как старуха бегом к деревцу.

— Ладно же, погоди ты у меня! Все цветы оборву, по ветру размечу.

Смотрит, а на азалии уже не золотые цветы, а простые.

— Ты что морочишь меня, надо мной насмехаешься, дрянная хворостина! — рассердилась старуха. — Срублю я тебя под самый корень и сожгу.

Срубила она азалию и сожгла.

Вернулся из леса старик и первым делом спешит на золотые цветы полюбоваться. Смотрит, нет деревца. Удивился он:

— Старуха, а старуха, куда моя азалия пропала?

— А ты зачем такую дрянь на дворе посадил! Только бесила она меня. Не золотые на ней цветы росли, а простые. Вот я ее и спалила, сердце отвела.

Что будешь делать! Спрашивает сквозь слезы старик:

— Скажи хоть, куда пепел дела?

— А где ему быть? В очаге.

Выгреб старик пепел из очага, все-таки, думает, хоть какая-нибудь память осталась. Стал он сыпать пепел на поле. Подул тут ветер, полетел пепел облачком и осыпал ветки деревьев. Стали вдруг распускаться на ветках золотые цветы, засверкали, засияли на солнце.

Прилетела опять птичка и щебечет:

— Дедушка, дедушка, не сыпь здесь, сыпь на дороге, пин-яра, пин-яра, сян!

Послушался старик. Смотрит: все деревья по обе стороны проезжей дороги золотыми цветами расцвели, так сверкают, что глазам больно.

Тут как раз едет князь со своей свитой. Увидал он золотые цветы, остановил коня, любитесь, глаз не сводит.

— Никогда, — говорит, — не видел я такой красоты!

Одарил князь старика великими дарами. Услышала про это старуха, загорелась от жадности:

— Ладно же, я еще лучше сделаю. Еще больше подарков получу.

Нагребла полное ведро пепла и ждет на обочине дороги, когда князь снова проедет мимо.

Вот показалась длинная вереница людей. Выждала старуха, чтоб сам князь с ней поравнялся, и давай сыпать пепел полными пригоршнями. Но не распустились на деревьях золотые цветы. Полетел пепел по ветру, засыпал князю глаза, набился ему в ноздри, в рот, перепачкал всего с головы до ног. Разгневался князь так, что смотреть страшно было.

Испугалась старуха княжеского гнева, попятилась. Пятилась, пятилась назад — и оборотилась маленьким крабом. Побежал краб и зарылся глубоко в песок на берегу горного ручья.

Вот отчего крабы так пугливы, сразу в песке прячутся.

ПОЧЕМУ У ОСЬМИНОГА НЕТ КОСТЕЙ

В старину, в незапамятную старину это было.

Супруга Повелителя драконов понесла дитя в своем чреве. То и дело хотелось ей отведать чего-нибудь необыкновенного. Прихотям и выдумкам конца не было. Сегодня одно подай, завтра другое.

Каждый день Повелитель драконов рассылал своих подданных в разные стороны с наказом все добыть, что супруга ни пожелает. Измучились рыбы, осьминоги с ног сбились.

Вот однажды говорит жена морского царя:

— Хочу отведать обезьяньей печени. А не достанете, ничего другого и в рот не возьму.

Как тут быть? В море обезьяны не водятся. На земле обезьян много, что и говорить, да как их поймашь?

Созвал Повелитель драконов великий совет. Собралось в

подводном дворце множество рыб и с большими и с малыми плавниками. Сидят, гадают, ничего придумать не могут. Вдруг плывет, гребя лапами, большая черепаха.

— Э-э, без меня, вижу, вам не обойтись. Я и в воде плаваю и по земле бегаю. Всюду мне дорога. Пошлите меня, я добуду для вас обезьяну.

Рыбы с радостью согласились:

— Что ж, отлично! Желаем тебе успеха в трудном деле.

Отправилась черепаха выполнять государев наказ. Только подплыла к берегу, как видит: сидит на ветке сосны обезьяна...

— Здравствуй, госпожа обезьяна! Славный сегодня выпал денек. Приятно погреть спину на солнце... А скажи мне, случилось ли тебе побывать когда-нибудь во дворце Повелителя драконов? Я только-только оттуда...

— Нет, — отвечает обезьяна. — Слышать я о нем много слышала, а повидать своими глазами не удалось.

— Да ну? Значит, ты не знаешь, что такое настоящая красота. Во дворце Повелителя драконов круглый год весна. А какие там кушанья подают! Ты таких и не пробовала. Хочешь, я покажу тебе дворец морского царя? Садись ко мне на спину, отвезу.

Спина у черепахи большая, словно лодка. Уселась на нее обезьяна, весело ей плыть, покачиваясь на волнах.

Скоро показался перед ними дворец Повелителя драконов. Правду сказала черепаха! Стоит в нем вечная весна, а сам он так прекрасен, что не описать, весь сияет серебром, и золотом, и жемчугами!

— Изволь обождать здесь немного, госпожа обезьяна! Я сейчас доложу нашему владыке о дорогой гостье.

Ссадила черепаха обезьяну со своей спины перед самыми воротами во дворец и отправилась с докладом к Повелителю драконов.

А на страже у ворот стоял осьминог. Скучно ему было, вот и стал он болтать с обезьяной:

— Госпожа обезьяна, а госпожа обезьяна, ты, поди, ничего и не знаешь? Наша-то госпожа захотела попробовать твоей печени. Жаль мне тебя, бедную! Отсюда, с морского дна, тебе не убежать.

Услышав это, обезьяна обомлела от страха. Но и виду не показала. Стала ждать черепаху как ни в чем не бывало.

Вот появилась черепаха и говорит:

— Ну, госпожа обезьяна, наш повелитель тебе рад. Пойдем, я покажу тебе дворец. Убранство в нем богатое, есть на что посмотреть.

— Ах, черепаха, черепаха! Не знаю, как и сказать тебе... Я такая беспамятная, вечно все забываю. Вот и теперь: выстирала я свою печень и повесила на ветке сосны сушиться. Да вот совсем было из памяти вон... Что, если ее дождь намочит или ворона склюет? Скорей отведи меня назад.

Огорчилась черепаха. Зачем нужна обезьяна без печени? И надо же было такому случиться!

— Правда, вот это беда так беда! Садись скорее ко мне на спину...

Поплыла черепаха так быстро, как только могла. Достигла она берега и говорит обезьяне:

— Ну, забирай свою печень, и вернемся во дворец. Как раз успеем к вечернему пиру.

Обезьяна бегом взобралась на самую верхнюю ветку сосны. Захлопала она в ладоши от радости и давай смеяться:

— Ну, прощай, черепаха! И проста же ты! Забыла старую поговорку: «Не растут деревья в море, печень не растет на ветке...» Пеняй теперь на себя!

Видит черепаха, пропало дело! Лазать по деревьям она не умеет. Пришлось вернуться к Повелителю драконов с повинной головой.

Стали во дворце думать:

«Как же обезьяна узнала? Кто ей сказал? Не иначе как осьминог проболтался. Он тогда на страже стоял...»

Схватили осьминога и стали бить. Так били, что все кости ему в теле измололи.

Нет у болтливого языка костей, и у осьминога тоже нет.

ЛЯГУШКА ИЗ КИОТО И ЛЯГУШКА ИЗ ОСАКА

Как-то раз выдалось небывало жаркое лето. Солнце пекло день за днем, а дождя все не было. Наступила жесткая засуха. Пересох даже старый колодец в Киото, где жила одна лягушка. Думала она, думала, как ей быть, и решила переселиться в другое место.

— Осака, говорят, веселый, шумный город, и море там близко! Хочется мне посмотреть на море.

И отправилась лягушка из Киото в Осака.

Но в Осака тоже стояла засуха. Вода пересохла даже в Лотосовом пруду. Лягушка, что там жила, целыми днями смотрела на безоблачное небо и наконец сказала с досадой:

— Нельзя больше оставаться в Осака! Киото — столица Японии, в ней живет сам Сын неба. Уж, наверно, там есть на что посмотреть.

И лягушка из Осака отправилась в Киото.

Между Киото и Осака — целых десять ри. Обе лягушки словно сговорились, вышли в путь рано утром в одно и то же время: одна из Киото в Осака, другая из Осака в Киото. Быстро-быстро запрыгали они по дороге.

Долго прыгали лягушки и к полудню очень проголодались, поясницу у них разломило, от усталости они еле двигали лапками.

Наконец достигли они горного перевала и тут встретились. А надо сказать, что гора Тэннодзан стоит как раз на полпути между Осака и Киото.

Окликнули друг друга лягушки, поздоровались и познакомились.

Лягушка из Киото стала рассказывать лягушке из Осака о столице. Лягушка из Осака стала рассказывать столичной лягушке о своем городе. Лягушка из Киото ужасно опечалилась, узнав, что и в Осака тоже нет дождя. Лягушка из Осака страшно огорчилась, узнав, что и в столице засуха. Но обе решили посмотреть собственными глазами, так ли это.

— Ну-ка, я погляжу с вершины горы на Киото, — сказала лягушка из Осака.

— И я тоже погляжу на Осака. Мне так хочется увидеть море! — отозвалась лягушка из Киото.

Тут обе лягушки поднялись на задние лапки и давай таращить свои большие глаза.

Лягушка из Киото старалась получше рассмотреть Осака, а лягушка из Осака хотела увидеть столицу.

Вдруг лягушка из Киото сердито крикнула:

— Что такое! Этот хваленый город Осака похож на Киото как две капли воды! Болтали: «Там море, там море!» А моря и не видеть!

Лягушка из Осака тоже завопила:

— Что такое! Какой обман! Болтали: «Ах, Киото, ах, столица!» Я-то думала, что там красивые сады, чудесные здания, и что же! Киото просто второй Осака.

— Ну, если Киото так похож на Осака, что же в нем любопытного?

— Ну, если Осака так похож на Киото, что же в нем хорошего?

Обе лягушки решили, что дальше идти не стоит. Лягушке из Киото надо идти в Киото, а лягушке из Осака надо вернуться в Осака. Крикнули лягушки друг другу «прощай» и запрыгали восвояси.

Но на самом-то деле лягушка из Киото увидела совсем не Осака, а свой родной город, и лягушка из Осака тоже увидела не столицу, а старые места. Глаза у лягушек на спине, и когда они поднялись на задние лапки, то, конечно, стали смотреть не вперед, а назад.

Вернулась лягушка из Киото домой в свой колодец и принялась рассказывать подружкам:

— Никакого моря на свете нет! Все это пустая болтовня!

А лягушка из Осака снова поселилась в Лotosовом пруду и с тех пор наставляла своих деток:

— Киото что наш Осака! Одна слава, что столица, а на деле такой же пыльный городишко!

САБУРО БИТАЯ МИСКА

В старину жили три брата: старшего звали Таро, среднего Дзиро, а младшего Сабуро. Как-то раз говорят они друг другу:

— Давайте, братья, научимся какому-нибудь искусству, утешим нашего старика отца.

Покинули они на три года родной дом, и каждый выбрал себе дело по сердцу.

Учились все трое, не жалея сил, и через три года стали искуснейшими мастерами.

Первым вернулся домой старший сын Таро.

— Здравствуй, отец! Порадуйся за меня, я стал лучшим шапочником Японии. Умею я делать такие шапки, что они любому впору придутся. Попросит у меня шапку чиновник или

воин, не успеет договорить, а она уже готова! Не нахвалятся мною, когда шапку моей работы надевают!

— Ну, тогда сделай шапку для нашего князя. Чтобы красивой была и сидела на голове как следует, — сказал отец. — Давно князь огорчается, что нет у него хорошей шапки.

Последовал Таро совету отца, сделал шапку для князя. Обрадовался князь:

— Хо-хо, красивая шапка! И как раз по голове пришлась. Отныне пусть все шапки в моем княжестве делает один Таро!

С этого дня шапочное дело Таро пошло в гору, и отец очень этому радовался.

Второй сын, Дзиро, с самого детства больше всего на свете любил стрелять из лука.

Постиг он все хитрости этого искусства, учась у самых знаменитых мастеров. Дошла слава о нем до слуха самого князя, и вот призвал его князь и велел ему сбить стрелой грушу с дерева на расстоянии в сто кэнов¹.

Дзиро с радостью согласился показать князю свое умение. Выстрелил он и сбил грушу. Но вот чудо! Стрела полетела назад и упала у его ног. Всего тремя стрелами сбил он все груши с дерева, густо увешанного плодами. И его тоже отблагодарил князь: приказал он ему обучать стрельбе из лука всех своих воинов.

А третий сын, Сабуро, изучил искусство подкрадываться незаметно. Услышав это, старик отец нахмурил брови и велел сыну держать свое умение в тайне от людей. Но Сабуро стал уверять, что его искусство нельзя равнять с воровской сноровкой, и вот что поведал он своему отцу:

— Шел я как-то раз полем, сам не зная куда, и вдруг вижу: стоит вдали необыкновенный домик.

Был он похож на круглую миску, перевернутую вверх дном, а вход в него напоминал отбитый край миски. Подошел я ближе, заглянул внутрь и что же вижу? Навалены внутри деревянные миски целыми грудями. И сидит посреди домика дряхлая старушка. Поглядела она на меня с удивлением и спрашивает:

— Откуда ты пожаловал?

Я ей отвечаю: вот так-то и так-то, иду учиться какому-нибудь ремеслу.

— Ну, выходит, ты попал как раз туда, куда тебе надо.

¹ Кэн — японская мера длины, равна 1,82 метра.

Остался я у старушки, но в первый год и во второй год ничему она меня не научила. Прошел третий год, и попросил я у старушки отпустить меня домой. Не стала она меня удерживать и только сказала:

— Ты усердно служил мне, хотелось бы мне дать что-нибудь тебе на память, но видишь сам: у меня в доме только одни миски. Бери любую, какая понравится.

Обидно мне это показалось.

— Ах вот как, — говорю, — ты даешь мне миску в награду? Тогда для меня и эта хороша! — Да и выбрал с досады никуда не годную, разбитую миску.

Иду я по полю и думаю: «Ну и глупо же вышло! Три года усердно служил, а получил в награду одну разбитую миску!»

Швырнул я ее на землю и пошел было прочь.

Но тут миска вдруг заговорила человеческим голосом:

— Сабуро, зря бросил ты свое счастье! Знай, что я владею великим искусством незаметно подкрадываться. Меня подарили тебе нарочно, чтоб я тебя этому искусству обучила. Я за тобой повсюду пойду!

И с этими словами запрыгала миска за мной по пятам. Откуда ни возьмись, вдруг выросли у нее две ноги! Испугался я до полусмерти... Но ведь миска обещала принести мне счастье. Пошел я с ней вместе по горам и долинам назад к родному дому. По дороге разбитая миска научила меня искусству незаметно подкрадываться. Теперь я тоже мастер в этом деле!

Опечалился отец, что сын его выучился такому ремеслу, какое только для воров годится. Не хотел он, чтоб пошла об этом молва, и решил держать все в тайне. Но не тут-то было! По всему княжеству разнесся слух о таком диковинном ремесле Сабуро и дошел до ушей самого князя. Призвал князь Сабуро к себе и говорит ему:

— Есть в моем княжестве один жадный богач. Я скажу ему заранее, что ты берешься похитить у него всю казну. А ты незаметно подкрадись и унеси все его богатство.

Сабуро ему в ответ:

— Я учился подкрадываться не для того, чтобы воровать. Это воинское искусство, оно может пригодиться, если нападут на нас враги. Не хочу я унижать свое ремесло.

Но князь заупрямился:

— Говори что хочешь, а я желаю испытать твое умение. Да и сам богач, уж на что труслив, и то расхрабрился. Говорит: «Я

все сделаю, чтобы деньги мои устеречь. Но если этот Сабуро их украдет — так тому и быть! Не буду на него жаловаться. Только ничего у него не выйдет!» Так что смотри не промахнись!

Как ни отказывался Сабуро, пришлось ему подчиниться приказу князя. А в доме богача уже поднялась суматоха. Все ждали, что сегодня к ним прокрадется Сабуро, и были начеку. Сундуки с деньгами оставить в кладовой побоялись, вытащили их оттуда и сложили один на другой в домашних покоях. Сам богач нес возле них стражу. А слугам и служанкам он приказал:

— Как закричат: «Вор!» — сразу же не мешкая зажигайте огонь и бегите сюда с фонарями.

Каждому слуге дали кремни и палочку для зажигания огня.

На конюшне все тоже были наготове. Слуги держали оседланных коней под уздцы, чтобы можно было немедленно пуститься в погоню.

Наступила ночь, полил сильный дождь. И вот явился Сабуро в дом богача. Пришел он открыто, не таясь, под большим зонтом. Удивился богач и обрадовался.

— Эге, поглядите-ка! — закричал он. — Наш мастер в искусстве подкрадываться явился под раскрытым зонтом! Вон, вон, стоит у входа! Как же он теперь на глазах у всех украдет сундуки с деньгами? Ха-ха-ха!

Слушает богач, как дождь стучит по зонту Сабуро, и заливается смехом.

А в это время Сабуро Битая Миска оставил свой зонт у входа и пробрался в дом сквозь незапертые ставни. И пока все слуги бока надрывали от смеха, подменил он палочки для зажигания огня флейтами, а вместо кремней положил барабанчики. Потом в чашку, где был налит чай для богача, подмешал он снотворного зелья из своей битой миски и стал ждать, что дальше будет.

Вскоре богач выпил свой чай и вдруг почувствовал неладное! Глаза не смотрят, голова тяжелая! Завопил он из последних сил:

— Это проделки Сабуро! Здесь Сабуро! Зажигайте скорее огни, несите сюда фонари!

Слуги, служанки — все бросились зажигать огни. Поднялся страшный шум. Флейты пищат: «Пи-ро-ро! Пи-ро-ро!» Барабанчики гудят: «Дон-дон! Дон-дон-дон!»

Богач в ярость пришел, вопит:

— Дураки, огня, огня!

А слуги совсем одурели с перепугу. Им в суматохе слышится:

— Сундуки на коня!

Они и давай сундуки с деньгами навьючивать на коней.

Увидел это Сабуро Битая Миска и сказал:

— Вот теперь все в порядке.

И потихоньку он отвел коней с сундуками к князю.

Но не остался Сабуро на княжеской службе. Отправился он по свету искать такое место, где бы его искусство незаметно подкрадываться могло принести настоящую пользу.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ КАП-КАП

В старину жили в одной ветхой кособокой лачужке старик со старухой. Казалось бы, чем у них поживиться? Всего-то у них богатства одна лошаденка, да и ту надумал вор со двора свести. Притаился он, ждет, чтобы хозяева уснули.

На дворе стояло осеннее ненастье. Дождь ливня лил, а крыша лачуги вся прохудилась. То тут послышится «кап-кап», то там струйка побежит. Перетаскивают старики свои постели с места на место, нет им покоя. Всюду дождь капает.

— Ах, страшный зверь этот кап-кап! — вздохнула старуха. — Хуже тигра, хуже волка...

— Твоя правда, — ответил старик. — Нет на свете страшнее. Никуда от него не спрячешься...

А под окном притаился голодный волк. Задумал он съесть хозяев, когда огонек в доме погаснет. Услышал он слова стариков, и шерсть у него дыбом встала с перепугу.

«Думал я, что в этих местах нет зверя сильнее меня. А на поверку выходит, забрался сюда какой-то страшный кап-кап... Ой-ой-ой, лучше я убегу. Убегу, убегу!»

Как шарахнулся волк прочь, как задал стрекача! А конокрад подумал: «Эге! Лошадь-то никак с привязи сорвалась».

Кинулся он в погоню, да и вскочил с разбегу волку на спину. Тут волк совсем ополоумел: «Пропал я! Не попался я в капкан, так схватил меня кап-кап».

Помчался волк большими скачками, а конокрад еще сильнее в него вцепился. Ничего понять не может. Старая лошадь, а вон как понесла. Молодому жеребцу не угнаться.

Бежит волк с конокрадом на спине, а тем временем стало светать. Заметила их с дерева обезьяна.

— Э-э, что я вижу! Человек верхом на волке. Вот потеха-то, ха-ха-ха!

Тут и конокрад заметил, на ком он сидит. Скатился он с волка и полетел кубарем в волчью яму. Хорошо еще, что шею себе не сломал. Сидит он в волчьей яме и размышляет, как оттуда выбраться.

А обезьяна говорит волку:

— Ну, волк, дивлюсь я на тебя. Как ты позволил человеку себя оседлать?

— Как — человеку? Меня страшный кап-кап схватил. Еле я от него спасся.

— Нет же, говорю, на тебе ехал человек. Как на простом коне, ха-ха! Да погоди, я проверю. Сдается мне, свалился он вон туда, в волчью яму.

В те времена у обезьяны был длинный хвост. Опустила она его в яму, водит им по сторонам. Ухватился конокрад за хвост, думал он, что это веревка.

— Вот это кстати. Дай попробую выбраться.

Завопила обезьяна от боли:

— Итэ-тэ-тэ-тэ! Волк, волк, там и вправду страшный зверь кап-кап. Он схватил меня за хвост.

Услышал это волк и кинулся бежать опрометью. Обезьяна кричит:

— Стой, стой, куда ты? Постой, погоди! Не бросай меня в беде.

Рвется обезьяна изо всех сил, морда у нее от натуги кровью налилась... Вдруг хвост как оторвется почти у самого корня!

С тех самых пор у обезьян красные морды и короткие хвосты.

ДЛИННОЕ ИМЯ

Жили в старину муж с женою, и родился у них сынок. Обрадовалась молодая мать, и захотелось ей придумать для мальчика хорошее имя, чтобы жизнь у него была хорошая.

Думала она три дня и три ночи, думала, думала, но заболела и, умирая, успела только еле слышно прошептать:

— Ах, наконец придумала! Назовите его Тён...

Так и не договорила. Пришлось назвать мальчика Только-Тёном.

Много времени не прошло, отец Тёна взял в дом вторую жену, и родился у него еще один сын.

Кто-то сказал матери, что, если ребенку дать короткое имя, у него и жизнь будет короткая. Чем длиннее имя у ребенка, тем и жизнь его будет длиннее. Захотелось ей дать своему сыну длинное-длинное имя, чтобы жил он подольше. Думала она, думала, долго ломала себе голову и, наконец, придумала вот какое имя:

«Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-в-мошне-деньгами-бряк, Бонза-простак, Бонза-не-знаю-дальше-как, Богач-разбогач, Богаче-самого-как-бишь-его, Чашка-да-чайник, Главный-начальник, Все-пьют-воду-сам-пью-чай, Чудо-герой, Серебро-горой, Звать-по-таковски, Звать-по-сяковски, И-эдак-и-так, И-пере-так-так-так, На-горе-храм, На-храме-крыша, Над-крышей-сосна, Над-сосной-луна, Эй-эй-расти-скорей-Эйскэ!»

Стали братья подрастать, начали ссориться между собой. Младший брат досадит старшему, выкинет какую-нибудь злую шутку, а потом убежит подальше и дразнится:

— Тён-Тён, Только-Тён! Тён-Тён, Только-Тён!

Тёну станет обидно, захочет он отплатить брату тем же и начнет в насмешку выкрикивать скороговоркой его имя:

— Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-бряк... Нет, не так! Бо-бонза... Бонза... Тьфу!

Заплетется у него язык, и только еще досадней на душе — ну, никак не выговоришь. А за это время братец убежит так далеко, что его и не догнать.

Да и отец тоже, если нужно что-нибудь сделать, все время звал Тёна, потому что его имя легче было выговорить.

— Тён, сделай это! Тён, сделай то!

Вся работа доставалась на долю одного Тёна.

И за шалости Тёну сразу же крепко попадало:

— Эй, Тён, а ну-ка, поди сюда! Вот тебе, озорник!

А если младший брат что-нибудь натворит, отец начнет его звать на расправу:

— Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-в-мошне-деньгами-бряк... Уф! Да ну его совсем!

Устанет и отстанет.

А мать радуется:

«Как хорошо, что я своему сыну такое длинное имя дала!»

Как-то раз играл Только-Тён на дворе с ребятами и нечаянно угодил в колодец.

Дети закричали:

— Ай-ай, Тён упал в колодец! Ай-ай, Только-Тён упал в колодец!

Все прибежали, кто с веревкой, кто с лестницей, и вытащили Тёна из колодца.

А мачеха подумала:

«Видно, правду говорили, что дети с короткими именами долго не живут. Ведь едва вытащили!»

Дня через три опять затеяли дети игру на дворе.

Эйскэ-Длинное-имя стал хвалиться:

— Тён свалился в колодец потому, что у него имя короткое. А я буду делать что хочу и не упаду, потому что я счастливый, у меня имя длинное!

Тут свесился он над колодцем и стал ловить ведро, да и полетел камнем в воду.

Дети перепугались, бросились в дом, стали звать на помощь:

— Сейчас Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-дурак... Нет, не то!.. Бонза-не-знаешь-дальше-как, Бонза-загребай-деньги-в-кошель... Так, что ли?.. Богач-разбогач, Перебогаче-самого-перебогача... Нет, еще богаче! Забыли! Вот незадача! Миска-да-ложка? Сбились немножко! Подушка-да-одеяло? Не начать ли сначала? Ступка-да-пестик? Вспоминайте все вместе! Ага! Чашка-да-чайник! Сам староста? Нет, нет! Главный-начальник! Пьет чай? Нет, не было сроду, Пьет-вино-как-воду. Кажется, так! А кто под горой? Старый-дед-под-горой! Да нет же, Толстый-дядя-гора-горой! Звать-по-таковски, Не-знаем-по-каковски... Не-то-эдак, не-то-так, не вспомнить никак! Стоит-дом, На-крыше-дома-старая-солома. На-соломе-кот-мышку-ждет, кот-прыг-прыг, мышь-дрыг-дрыг, заплелся язык... Эй-эй, бегите скорей! Эйскэ упал в колодец!

— Ах, какое несчастье!

Все бросились на помощь, но было слишком поздно: Эйскэ-Длинное-имя уже утонул.

КАК ГЛУПОГО СЫНА ТОРГОВАТЬ ПОСЫЛАЛИ

В старину, в далекую старину был у одних родителей сын-дурачок.

— Жаль его, неразумного. Как он после нас жить будет? — горевали отец с матерью. — Надо его к делу приучать.

И порешили, пусть торгует вразнос. Дело нехитрое, были бы крепкие плечи да звонкий голос.

Купили каштанов и говорят дурачку:

— Вот тебе каштаны на пробу. Носи по всему городу.

Ходит дурачок с корзиной на голове и кричит:

— А вот каштаны на пробу всему городу! А вот каштаны на пробу всему городу!

Набежало тут много детей. Поели они все каштаны.

Вернулся к вечеру дурачок и без товару и без денег. Опечалились отец с матерью. Стали толковать да объяснять, как вразнос торгуют.

— Теперь понял, — говорит дурачок. — Уж теперь-то я полный кошель денег принесу!

На другое утро положили родители в корзину много разного товару: каштаны, чай, несколько мерок проса.

Весь день бродил дурачок по городу, но ничего не продал. Воротился домой к вечеру, плачет:

— Ничего у меня не купили глупые люди. Только смеются. Уж я кричал, у самого в ушах звенело.

— Как же ты кричал? — спрашивают родители.

— А вот как, — затынул дурачок: — Просочай-просочай-сопрочай-прочайсо-чайкаштаны-ташкачаны-штаныкачай...

— Дурачок, дурачок, разве можно так? Товар надо выкрикивать ясно, чтоб слово от слова отскакивало. А ты их вместе сболтал, как муку с водой. Каштаны ведь не чай, а чай ведь не просо.

На другое утро опять пошел дурачок торговать. Вернулся вечером с полной корзинкой, плачет.

— Нет в нашем городе покупателей, одни бездельники. Смеются, сами не знают отчего. За весь-то день ничегошеньки я не продал.

— Уж, верно, ты опять не так кричал, как мы учили, — опечалились отец с матерью.

— Вот и неправда. В точности так, как вы меня учили! — И затынул: — Каштаны-не-чай, просо-не-каштаны. Чай-не-просо, кричу особо.

— Дурачок, дурачок, ты вперед всего три слова кричи, от себя ничего не прибавляй: чай, каштаны, просо. Да кричи медленно, внятно, с расстановкой, чтобы все расслышали.

Пошел на другое утро дурачок товар продавать. Кричит медленно, с расстановкой: «Чай-ка-шта-ны-про-со». Да скоро заболтался у него язык. Стало у него выходить:

«Чайка штаны просит. Чайка штаны просит».

Как на грех, идет сзади другой разносчик. Орет во всю глотку: «А вот сковородки! Сковородки хорошие!»

Совсем дурачок сбился: «Чайка штаны просит. Чайка штаны просит. Сковородки — сковородки. Чайка штаны просит, а сорока — водки!»

Люди на улицах от смеха падают. Не берут товар ни у того, ни у другого разносчика.

Рассердился другой разносчик, что дурачок ему торговлю испортил, и надавал ему тумаков.

Вечером вернулся дурачок со слезами.

— В нашем городе одни глупые люди живут. Прохожие смеются, а разносчики дерутся.

Родители только вздохнули:

— Видно, правду люди говорят: от глупости нет лекарства. Сиди-ка ты лучше дома. Оно и нам спокойнее будет.

ЧЕРНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

В старину это было, в далекую старину.

Как-то раз под вечер постучался нищий паломник в ворота большого дома. Попросил пустить его на ночлег. А хозяином того дома был староста*, первый на деревне богач. Известно, кошка и староста без добычи не остаются.

Хозяйка в ту пору сидела за ткацким станом. Прогнала она паломника с бранью: уходи, бродяга, куда сам знаешь!

Ничего не сказал паломник и тихо побрел прочь.

А на самой околице стояла кособокая халупка, крытая тростником. Постучал паломник в дверь. Медленно, медленно, еле волоча ноги, вышли к нему навстречу из дверей старик со старухой и говорят, опечаленные:

— Не обессудь нас, горько нам отпускать тебя с пустыми руками, но сам видишь, как мы бедны. Нет у нас в доме ни зернышка риса, ни лишней одежки...

— Не тревожьтесь, ничего мне не надо, только пустите меня переночевать. Лягу я на голом полу, а голову положу на край очага...

— Ну что ж, коли так, милости просим, — приветливо отвечают старики. Провели они гостя в свою тесную хижину.

Говорит паломник старухе:

— Прости, что докучаю тебе, но наполни водой свой самый большой котелок и повесь над очагом.

Послушалась старуха. Когда закипела в котелке вода, достал тогда паломник из своей монашеской сумы горсточку риса и стал сыпать в воду по зернышку.

Вдруг — что за диво! — котелок до краев наполнился рисом, белым, как утренний снег, мягким и рассыпчатым...

То-то обрадовались старики! Совестно им было, что гость хозяев угощает, но под конец сдались они на его уговоры и поели досыта. Не часто случалось старикам отведать белого риса.

Только кончили они втроем ужинать, как отворилась дверь на кухне и в дом весело вбежала дочка стариков о-Коно. Была она девушка хорошая и душевная, но собой черна и дурна, все лицо в рябинах, гладкого места нет.

О-Коно прислуживала в доме у старосты, и ей частенько позволяли относить отцу с матерью, что она со дня котлов и чашек наскребет.

Вот и нынче вечером принесла она полную миску с верхом бурого пригорелого риса, а старики говорят ей с довольной улыбкой:

— О-Коно, доченька, о-Коно, сегодня мы сыты: наш гость угостил нас на славу.

Застыдилась о-Коно, услышав это, покраснелась вся и стала благодарить гостя.

А старик со старухой сетуют:

— Ах, горе, горе, добрая у нас дочка, да только, сам видишь, собой нехороша... При нашей-то бедности где найти ей жениха! А ведь так бы хотелось, уж она у нас на возрасте.

— Это небольшая беда! — отвечает паломник. — Не печальтесь, я вам помогу.

Вынул он из рукава черное-черное полотенце.

— На, девушка, возьми! Станешь мыться в чане*, потри этим полотенцем лицо.

Вернулась о-Коно к своим хозяевам и согрела воду для вечернего купания.

Первым в чан полез сам хозяин, потом все его семейные по очереди, а дочка стариков окунулась, как всегда, самой последней. Взяла она черное полотенце и с опаской легонько потерла

свои щеки. Но что это? Шершавая кожа стала вдруг мягкой и нежной, словно шелк. Шею потерла, шея стала гладкой-гладкой...

Страх взял девушку, выскочила она, не помня себя, из чана и побежала к зеркалу. Смотрит: все рябины сошли с лица, сияет оно нежной белизной. Стала о-Коно красавицей, каких мало.

Увидела это чудо жена старосты и приступила к девушке с допросом: как, да что, да почему.

Рассказала о-Коно все, как было.

Захотелось хозяйке испытать на себе чудесную силу полотенца. Попросила она его в долг, один раз потереться.

На другой вечер залезла жена старосты в чан последней, чего отроду с ней не случалось, и давай тереть лицо полотенцем. Стало оно гладким и нежным. Потом руки потерла. Сделались руки мягкими и белыми, словно свежие рисовые лепешки.

Обрадовалась хозяйка, трет себя полотенцем с головы до ног. Насилу-то насилу решилась она вылезти из чана, приговаривая:

— Ну, хватит! Уф, устала! Зато теперь меня и не узнаешь, такой я стала красавицей.

Но не тут-то было! Ее белые-белые ноги и белая-белая спина словно приросли к чану.

Как ни билась жена старосты, сколько ни старалась, а так и не смогла отлепиться. Завопила она во весь голос.

Прибежала о-Коно, схватила хозяйку за руки, хочет вытащить ее из чана, да не может.

Что тут делать? Просит хозяйка:

— Беги скорей, о-Коно, ищи того паломника, что дал тебе черное полотенце. Приведи его сюда, пусть освободит меня силою своих чар.

О-Коно со всех ног бросилась к себе домой. Видит: паломник все еще гостит у стариков — уговорили они его пожить денек-другой. Привела о-Коно паломника к своим хозяевам.

Взглянула на него жена старосты — и обомлела. Ведь это тот самый нищий, кого она вчера от ворот с бранью прогнала.

А нищий знай себе тихонько посмеивается.

— Хорошо, — говорит, — я согласен освободить тебя. Но только вот мое условие: устройте наперед веселый пир и созовите всю свою родню, и ближнюю и дальнюю.

Много времени не прошло, собрались родичи старосты в парадном покое для гостей.

Увидел паломник, что все в сборе, и неторопливо подошел к чану с водой, где сидела хозяйка, плача и охая.

Вынул он из рукава зеленую бамбуковую палочку. Светилась-сверкала она ярким огнем. Взмахнул паломник бамбуковой палочкой и прочитал заклинание. В тот же миг жена старосты отлепилась от чана. Обрадовалась она, наспех нарядилась и побежала к гостям.

Еще веселее стали гости пировать, пили вино, пели песни и шумели, а о паломнике и думать забыли. Даже не поблагодарили его.

Вдруг он словно из-под земли вырос посреди парадного покоя и крикнул громовым голосом:

— Обратитесь в обезьян! Обратитесь в обезьян!

Ударил он раз-другой об пол бамбуковой палочкой, и тотчас же все бывшие там обратились в краснорожих обезьян. Запрыгали они, заверещали.

Снова взмахнул паломник зеленой бамбуковой палочкой и повелел:

— Бегите в горы! Бегите в горы!

Только он это вымолвил, как обезьяны пустились наутек во главе со своим вожаком — бывшим старостой и пропали в темной глубине гор. Только их и видели.

Стало в просторном доме тихо-тихо.

О-Коно в страхе забилась в самый дальний угол кухни,дохнуть боится. Ласково окликнул ее паломник и велел привести старика со старухой. Сбегала девушка домой и привела отца с матерью за руки.

Сказал им чародей на прощание:

— У кого сердце шерстью обросло, тому лучше стать обезьяной. Отныне живите в этом доме. Староста сюда больше не вернется.

И вдруг он исчез быстрее ветра.

Скоро девушка нашла себе хорошего жениха и зажила вместе со своими родителями в радости и довольстве.

ВОЛШЕБНАЯ КОЛОТУШКА

В старину, далекую старину жил в одной деревне молодой крестьянин по имени Дзинсиро, а по прозвищу Репоед. Он был до того беден, что питался одной только репой. Ни одна девушка не шла за него по своей воле. Вот и сговорились его приятели-односельчане хитростью добыть для него невесту.

Однажды утром прошли они длинной вереницей с корзинами в руках мимо дома одного богача.

Удивился богач, увидев такое множество людей, и спросил:

— Куда это вы идете с корзинами?

Юноши отвечали хором:

— Собирать дикие груши для Репоеда Дзинсиро, собирать гру-у-уши.

Другой раз прошли они толпою мимо дома богача с мотыгами в руках. Богач вышел на улицу и начал их расспрашивать, куда идут и зачем.

Юноши дружно отвечали:

— Вспахивать поля Репоеда Дзинсиро, вспахивать по-о-ля.

«Репоед Дзинсиро? Никогда не слышал я такого имени, — подумал богач, — но, верно, он не последний в наших краях человек, если столько работников возделывают для него поля и собирают дикие груши. Вот было бы хорошо, если бы он присватался к моей дочери».

Вскоре после того пожаловал к богачу сват от имени Дзинсиро. Обрадовался богач, что Репоед Дзинсиро хочет жениться на его дочери, и сразу согласился.

Отправил он свою дочь в богатом паланкине к жениху и в придачу послал много дорогих шелков и разной ценной утвари.

Вышла невеста из паланкина, глядит, а у Репоеда Дзинсиро вместо дома жалкая лачужка с камышовой крышей. Внутри, правда, убрано хорошо: новые циновки постелены, ширмы расставлены и посуды всякой много. Есть и котел, и чайник, и чашки.

Справили свадьбу как следует. Но на другое утро пришли друзья Дзинсиро и все унесли, что только в доме было: и котел, и чайник, и циновки. Ведь приятели эти вещи только на время дали, чтобы жениху не стыдно было.

Сильно огорчилась молодая жена, а самому Дзинсиро хоть бы что, только улыбается.

Захотела она на другое утро приготовить завтрак, но в доме не оказалось ни одного зернышка риса. А Репоеду и горя мало: «Мне рису не надо. Не привык я к нему».

Сварил он, как всегда, полный горшок репы и поел досыта, а молодая жена и не притронулась к еде. Что будешь делать? Достала она три свертка цветного шелка из тех, что были даны ей в приданое, и говорит мужу:

— Продай этот шелк и купи для нас рису на базаре.

Понес Дзинсиро один сверток шелка в город продавать, но по дороге хитрый торговец выманил у него этот шелк даром. Вернулся Дзинсиро с пустыми руками. И на другой день случилось то же самое.

На третий день удалось ему наконец продать шелк.

Пошел Дзинсиро на базар купить рису, но по дороге увидел, как мальчишки сокола мучают.

— Отпустите сокола, дети, — попросил Дзинсиро.

— Вот еще что выдумал! Он наш, мы его поймали. Что хотим, то с ним и делаем.

— Ну, коли не согласны даром его отпустить, то продайте.

Отдал он детям все свои деньги, не торгуясь, и получил в обмен сокола.

Обрадовался Дзинсиро, закричал:

*Лети, сокол мой, лети!
Доброго тебе пути.
Хиккутаку,
Саккутаку,
Пи-и-роро! —*

и подбросил сокола кверху. Взлетел сокол, закружился в небе и камнем упал на соседнее поле. А там как раз каппа прятался. Ухватил его сокол когтями и принес к Дзинсиро. Стал каппа умолять:

— Отпусти меня на свободу, отпусти, я дам за себя несметный выкуп.

Отпустил Дзинсиро каппу на свободу. Не обманул каппа, принес из реки сокровища: волшебную колотушку и мешочек из драгоценной парчи.

Стоит постучать колотушкой, и выйдет из мешка все, что пожелаешь. Но Дзинсиро подумал: «Мешок пригодится в хозяйстве, буду держать в нем репу. А колотушка ни к чему», — да и забросил ее в траву.

Дома жена истомилась ожиданием: когда же наконец Дзинсиро принесет хоть немного рису? Увидела она, что муж опять ни зернышка риса не принес. От досады у нее в глазах потемнело.

Рассказал Дзинсиро жене все по порядку:

— Дал мне этот каппа мешок и колотушку. Мешок — вот он, погляди, а колотушку я бросил, куда нам она! Невидаля какая!

Но жена Дзинсиро недаром была из богатой семьи, сразу догадалась.

— Этот мешок — бесценное сокровище, но без колотушки не будет от него проку. Пойди поищи ее там, где бросил.

Пошел Дзинсиро искать колотушку. Шарил, шарил в траве, по счастью, нашел.

Постучала жена волшебной колотушкой и говорит:

— Лачужка, лачужка, превратись в богатые хоромы.

Не успела она досказать, как стала кособокая хижина высоким домом с черепичной кровлей. Резной конек на солнце так и сверкает.

Тогда только понял Дзинсиро, какое сокровище попало к нему в руки.

— А-а, ведь и правда, забавная колотушка! Ну-ка, дай мне, и я попробую.

Дала жена ему колотушку и научила, что надо делать.

— Ты стучи вот так и проси всего, что хочется.

Стукнул Дзинсиро колотушкой что было силы и закричал:

— Полей, полей, да побольше, не жалеи!

И вдруг вылетело из мешка черное облако. Обратилось оно в тучу, засверкали молнии, хлынул ливень. В одну минуту промокли Дзинсиро с женой до костей.

Взяла жена колотушку из рук мужа, постучала снова — тук-тук — и говорит:

— Рисовых полей! Хороших, широких рисовых полей, да побольше.

Вышли тут из мешка рисовые поля, скатанные в трубку, словно ковры. Расстелились они по лугам, зазеленели всходами.

Опять жена Репоеда постучала колотушкой.

Вышло из мешка много кладовых, доверху набитых разным добром.

Стали молодые жить в довольстве. Однажды отправил Дзинсиро посланного к тестю с тещей, чтобы пригласить их к себе на новоселье. Пришли богач с женой и онемели от удивления. Какая богатая утварь! Какое богатство! Подали им такое роскошное угощение, какого они в жизни не пробовали. Когда кончился пир, Дзинсиро побросал в реку и стол, и лакированные чашки. Уплыли они вниз по течению, а вместо них появились новые, еще лучше.

Рано-рано на другое утро тесть с тещей стали собираться в дорогу.

Дочка им говорит:

— На дворе еще темно. Как бы вы не споткнулись. Надо осветить вам дорогу, — и с этими словами подожгла свой дом. Вспыхнул он ярким пламенем и горел, как светоч, пока старики не возвратились к себе в деревню.

А вместо прежнего дома у молодых появился новый, куда красивее.

Решил богач, в свой черед, пригласить к себе дочку с мужем. Устроил он в их честь званый пир. Гости ели, пили, веселились, а потом богач побросал в реку и столики, и все чашки. Уплыли они вниз по течению, только их и видели.

На другое утро, с первыми лучами рассвета, стали молодые собираться в дорогу, а богач и тут решил не уступить зятю, да и поджег свой дом. Загорелся дом, как яркий костер, и сгорел до самого тла. Одно пепелище осталось. Пришлось богачу поселиться в маленькой хижине с камышовой крышей.

Пожалел стариков Дзинсиро, постучал волшебной колотушкой и построил для них новый хороший дом.

ТРИ СОКРОВИЩА

У одного крестьянина было три сына. Старший был тихого и смирного нрава, и все в семье считали его простаком.

Говорит как-то старик отец своим сыновьям:

— Годы мои уже преклонные, пора мне назначить наследника. Все вы мне равно дороги, не хочу я никого обижать. Ступайте искать счастья на чужой стороне. Каждому из вас я дам денег, и кто через три года наполнит кладовую самым лучшим товаром, тот и будет моим наследником.

Оделил старик сыновей деньгами и отпустил на все четыре стороны.

Младшие сыновья над старшим посмеиваются:

— Что-то принесет наш простак домой!

На первом перекрестке разошлись они в разные стороны. Младшие пошли в большие города, а старший — куда глаза глядят.

Шел, шел, видит: глубокая речка, а моста через нее нет — снесло его разливом. Зеленеют за речкой луга и леса, но не служат они людям, потому что нет через речку переправы.

И подумал тогда старший брат: «Надо мост починить, чтобы земля за рекою зря не пропадала. Пусть будет людям польза!»

Стал он чинить мост и трудился так все три года. Издержал он все отцовские деньги, и осталось ему одно: возвращаться домой с пустыми руками. «Вот, — думает, — посмеются надо мной братья!» Но делать нечего. Лег он спать в последний раз на берегу реки. И тут во сне явился ему седобородый старец.

— Хорошо ты послужил людям, — сказал старец. — А вот о себе позабыл. Но не останется твой труд без награды. Вот тебе удочка. Стань завтра на мосту и три раза забрось ее в реку. Первый раз поймашь кошелек. Не простой это кошелек. Стоит его потряхнуть — и посыплются золотые монеты. Второй раз поймашь волшебный кувшинчик. Наклонишь его — и польется вино неиссякаемой струей. Третий раз поймашь метелку. На вид она проста, но есть у нее чудесное свойство. Сделана она из веток дерева, растущего на луне*. От каждого удара этой метелкой старики молодеют. Только помни: два-три раза ударь, не больше.

Наутро проснулся старший брат и думает: «Что за странный сон мне приснился! Привидится же такое!»

Смотрит, а рядом и вправду удочка лежит. Понял тогда старший брат, что приснился ему вещий сон. Стал он на мосту и закинул удочку в реку. Дрогнула удочка, словно рыба клюет. Выхватил он леску из воды, а на крючке кошелек висит. Открыл его, встряхнул — золотые монеты посыпались. Забросил он удочку во второй раз и поймал кувшинчик. Льется из кувшинчика небывало вкусное вино — никогда не доводилось ему пробовать такого.

Только стал забрасывать удочку в третий раз, а метелка уже по волнам плывет. Завязал он три сокровища в платок, надел узелок на палку и поспешил домой.

Видит: по дороге младшие братья едут, и с каждым три воза добра. Подняли его братья на смех:

— Глядите, наш простака один тощий узелок несет! Так мы и думали! За три года ничего не наторговал. Зря прожил отцовские деньги!

Молчит старший брат, только улыбается. Поехали братья вперед, а он следом за ними бредет по дороге.

Старик радостно встретил сыновей. Он уже приготовил каждому по кладовой. Все родичи и односельчане сошлись посмотреть, чем же наполнят кладовые сыновья старика.

Открыли дверь первой кладовой, а она доверху полна отборного риса.

— Вот это хорошо! — говорит отец среднему сыну. — Рис для крестьянина — первое дело.

Открыли дверь второй кладовой, а она вся набита свертками шелка.

— Молодец! — говорит отец младшему сыну. — Большое богатство нажил.

А третью кладовую он и смотреть не стал, повернул сразу к дому.

— Что же, отец! — воскликнул старший сын. — В мою кладовую даже заглянуть не хочешь?

— А зачем в нее заглядывать? — отвечает отец. — Только перед гостями срамиться. Ты ведь с одним узелком пришел!

— Не обижай меня! Разве я тебе не такой же сын, как другие?

Делать нечего. Нехотя отпер старик дверь третьей кладовой. И вдруг оттуда рекой хлынули золотые монеты. Все даже зажмурились — так ярко они сверкали.

Смотрят гости, и от удивления никто слова вымолвить не может. Тут старший сын говорит им:

— Берите все по горсти золота, прошу вас, не стесняйтесь! Там еще много останется! А после пойдемте к нам пировать!

Сели гости пировать. Старший сын налил всем чудесного вина, и — пошло веселье!

— Все хорошо, одно только жаль! — сетует отец. — Уж очень я стар! Не то сплясал бы на радостях!

— Сейчас я помогу тебе найти твои молодые ноги, — сказал старший сын и ударил раз-другой старика по спине метелкой.

— Что ты делаешь, непочтительный сын! — удивились гости. Только смотрят: старик отец из седого стал черноволосым бодрым мужчиной — больше тридцати лет никак не дашь! Вскочил он и заплясал. Тут все старики и старухи давай просить, чтобы их тоже метелкой постегали. Дряхлая бабушка и та помолодела. Вслух она поблагодарила, но про себя ворчала:

— Пожалел внучок метлы! Мог бы сделать меня и еще помоложе, чтобы выглядела я лет на двадцать или, того лучше, на семнадцать.

Все пустились в пляс, только бабушка не стала плясать, куда-то исчезла. Наконец хватились ее, начали искать; глядь, а от метлы одни изломанные прутья остались! Лежит рядом на

полу пустой бабушкин халат, а в одном его широком рукаве барахтается грудной младенец, плачем заливается.

Делать нечего, пришлось внукам нанять собственную бабушку. А метла так и пропала. Вот почему теперь старики больше не молодеют.

КРАСАВИЦА НА ПОРТРЕТЕ

Много лет тому назад жил в одной деревне человек недалекого ума по имени Гомбэй. Исполнилось ему тридцать лет, перевалило за сорок, а он все еще в холостых ходил. Девушки только подсмеивались над его простотой.

Вдруг однажды под вечер пришла в его кривую лачужку незнакомая красавица и просит:

— Будь милостив, прикати меня под твою крышей хоть на одну ночь.

Измудился Гомбэй, но охотно принял гостью. Сели они ужинать, а как поужинали, девушка просит снова:

— Вижу я, живешь ты один. И я одинока. Возьми меня в жены.

Обомлел от счастья Гомбэй.

С той самой поры он так полюбил свою молодую жену, что никакая работа у него больше не ладилась. Начнет плести соломенные сандалии, а сам с жены глаз не сводит. Плетет-плетет и не заметит, что вышли они у него величиной с корыто, обувь нельзя. Станет мастерить соломенный плащ, а сам все на жену глядит. И выйдет у него плащ, как на великана, надеть нельзя.

Пойдет Гомбэй работать в поле — и тут у него работа не спорится. Ударит мотыгой раз, ударит другой — и бежит поглядеть на жену. Вскопает одну борозду — и скорей домой: «Жена, где ты?» Наглядится на нее в досталь и снова берется за мотыгу.

Увидела красавица, что не идет у Гомбэя дело. Отправилась она в город и заказала художнику свой портрет.

— Смотри, как похоже, — сказала она мужу. — Повесь этот портрет возле поля на ветке шелковичного дерева и любуйся сколько душе угодно.

Перестал Гомбэй то и дело прибегать с поля домой. Взглянет на портрет, а лицо жены улыбается на нем как живое. Налюбуется Гомбэй — и снова за мотыгу. Так до вечера и трудится.

Но вот однажды налетел сильный ветер, сорвал портрет с ветки и унес в самые небеса. Плача, воротился Гомбэй домой и рассказал жене о своей горе.

Жена стала его утешать:

— Не печалься! Я велю художнику сделать другой портрет, еще лучше прежнего.

Долго портрет кружился в небе, как сухой листок, и наконец упал на землю в саду князя. Увидел князь красавицу на портрете и захотел во что бы то ни стало добыть ее себе в жены.

— Есть, значит, на свете такая красавица, раз с нее портрет нарисован.

И приказал своим кэраям:

— Разыщите ее непременно! И приведите ко мне во дворец волей или неволей.

Стали княжеские кэраи рыскать по соседним деревням и всем встречным портрет показывать:

— Не видали ли вы такой женщины?

В одной деревне говорят: «Не видели», в другой отвечают: «Не знаем!»

Наконец дошли кэраи до того селения, где жил Гомбэй.

Посмотрели на портрет крестьяне и сразу признали:

— А-а, да ведь это хозяйшкa Гомбэй-дона¹. Она самая!

Пошли кэраи к нему в лачужку. Смотрят, а там красавица, точь-в-точь такая, как на портрете.

— По княжескому повелению мы должны отвести во дворец эту женщину, — сказали кэраи.

Начал их молить Гомбэй:

— Сжальтесь! Помилосердствуйте!

Но они и слушать его не стали. Потасили жену из дому силой. Гомбэй так плакал, что слезы у него ручьями текли. Жена его тоже плакала, но, покидая дом, успела шепнуть мужу:

— Не отчаивайся! Как только наступит канун Нового года, приходи под вечер к княжескому замку продавать ветки новогодних сосен. Я найду случай с тобой повидаться.

Остался Гомбэй снова один и начал дни считать: скоро ли старый год к концу придет?

Наконец наступил долгожданный канун Нового года. Взял Гомбэй себе на спину столько сосновых веток, сколько мог

¹ Д о н — вежливая приставка к имени (в крестьянской речи).

унести, и направился к замку. Стал он прохаживаться перед замком, громко выкрикивая:

— Новогодние сосны! Новогодние со-осны!

А жена Гомбэя, с тех пор как попала во дворец, ни разу не улыбнулась. Уж и так старался князь развеселить ее, и этак — ничто не помогало. Напрасно старались шуты, плясуны и музыканты.

Как только услышала красавица голос Гомбэя, так и просияла радостной улыбкой.

Несказанно обрадовался князь.

— Ну, если тебе так нравятся торговцы соснами, — воскликнул он, — я сам буду сосны продавать.

Вышел князь за ворота и надел на себя жалкие лохмотья Гомбэя, а Гомбэй облачился в княжеский наряд. Случилось так, что лицом был он похож на князя, как родной брат.

Ходит князь вокруг замка да кричит:

— Новогодние со-осны! Новогодние со-осны!

А красавица велела слугам:

— Впустите в ворота нашего господина и заприте их накрепко. Никому больше не отворяйте!

Вошел Гомбэй в ворота дворца, а навстречу ему жена бежит! Счастье их никакими словами не описать.

Ходил князь, ходил, кричал-кричал, пока не надоело. Вернулся он к воротам. Глядит: железные ворота наглухо заперты. Начал он стучать изо всех сил:

— Эй, разини, не видите, что ли? Ваш князь за воротами стоит!

Отвечают ему стражники:

— Проваливай отсюда, полоумный бродяга, пока голову тебе не снесли. Наш князь там, где ему быть надлежит, у себя в покоях.

Как ни уверял князь, как ни спорил — никто ему не поверил. Так и не впустили в замок.

Пришлось князю всю жизнь по большим дорогам скитаться.

Гомбэй остался со своей красавицей женой в княжеском замке, и всю жизнь прожили они дружно и счастливо.

ПОДАРОК ДЕВЫ ОЗЕРА

Давным-давно, когда нынешний город Тоно был еще древней, жил в тех местах крестьянин по имени Магосиро.

Был он трудолюбив, работал не покладая рук, а все не выходил из горькой бедности. Вдобавок жена досталась ему бранчливая да сварливая. Недаром говорят: злая жена все равно что сто лет неурожая. В доме от нее житья не было, целый день ворчала она и бранилась.

Одна была радость у Магосиро: косить траву на склоне горы Мономи. Бывало, еще только заря на небе разгорается, а он уже накосит столько, что иному и к вечеру не успеть. Значит, и отдохнуть можно. Положит Магосиро косу и любуется, как солнце над дальней горой восходит. За весь день не выпадало ему другой такой счастливой минуты.

Как-то раз косил Магосиро траву на берегу горного озера. Вдруг словно бы кто-то его позвал:

— Магосиро-доно!¹ Магосиро-доно!

Поглядел он вокруг: никого! «Верно, померещилось», — решил он и снова начал махать косой.

Но тут окликнули его второй раз:

— Магосиро-доно! Магосиро-доно!

Распрянул он спину и посмотрел в ту сторону, откуда слышался зов. Что за чудо! Только что здесь ни души не было, а теперь откуда ни возьмись явилась на берегу озера молодая девушка. Магосиро такие красавицы и во сне не снились!

Девушка, ласково улыбаясь, поманила его рукой. И вдруг Магосиро почувствовал, что ноги сами несут его к озеру. «Ах, пропал я! Засосет меня озерная топь!» — в страхе подумал он, но не мог противиться невидимой силе. Шаг за шагом шел он к берегу, точно тянул его кто-то, и остановился перед девушкой.

Склонилась она перед ним в вежливом поклоне и повела такую речь:

— Магосиро-доно, у меня к тебе большая просьба. Слышала я, что твои односельчане собираются в скором времени идти на поклонение к храмам Исэ*. Пойдешь ли ты с ними?

При этих словах у Магосиро отлегло от сердца.

— Где уж мне, бедняку, откуда у меня деньги, — ответил он.

— Об этом не заботься, будут у тебя деньги. Только обещай мне исполнить одну мою просьбу.

И девушка грустно поникла головой.

— Сказать по правде, я — водяная дева, живу на дне этого озера. Тоскливо мне, одиноко... Еще в раннем детстве была я

¹ Доно — вежливая приставка к имени.

разлучена с моей любимой старшей сестрою. Живет она в озере Ко, далеко отсюда, возле города Осака. Давно нет у меня от нее вестей, и я тревожусь, как она, что с ней. Очень бы мне хотелось, чтоб ты отнес ей письмо от меня, как пойдешь на поклонение в Исэ. Прошу тебя, не откажи мне...

Добряк Магосиро готов был исполнить просьбу девушки, не спрашивая с нее никакой награды.

— Что ж, пожалуй, отнесу письмо. Вот только отпустит ли жена... Она у меня несговорчивая.

— Отпросись у нее и пойдти непременно. Вся моя надежда — на доброту твою.

Девушка достала из-за пазухи письмо и кошелек.

— Вот тебе чудесный кошелек. В нем ровно сто монов. Потратишь все монеты, кроме последней, а к утру кошелек опять станет полон. Кошелек будет верно служить тебе, пока ты не вернешься домой. Не забудь же, последнюю монету тратить нельзя.

Потом водяная дева рассказала, как найти озеро Ко и какой знак надо подать возле озера.

— Прощай же, доброго пути! Но остерегись рассказывать кому-нибудь о том, что здесь видел и слышал.

С этими словами дева озера вдруг пропала из глаз, словно никогда ее и не было. Только легкие круги побежали по воде и тихо заколебались на волнах белые утренние облака. Магосиро протер глаза, словно от сна очнулся.

Кругом было пустынно, лишь две вороны с громким карканьем пролетели по небу. Но ведь в руках у него остались письмо и кошелек — значит, это был не сон!

Постоял-постоял Магосиро, постоял, но ведь пора и за работу браться. Неласково встретит его жена, если он запоздает. И Магосиро поспешно схватил косу в руки.

Вскоре люди из его деревни собрались большой компанией идти на поклонение к храмам Исэ.

Захотел и Магосиро пойти с ними. Услышала об этом жена и давай кричать:

— Не дам тебе гроша медного! Дохни в дороге с голоду.

Долго Магосиро уговаривал жену и так и этак, насилу упротсил отпустить его. Само собой, он не сказал жене, что дева озера дала ему чудесный кошелек.

Не пришлось Магосиро заботиться в пути о деньгах. Потратит все монеты, кроме одной — последней, а к утру кошелек

опять полон. Но Магосиро не только о себе думал. Многим путникам помог он в нужде, на каждом привале кормил голодных.

Посетил Магосиро вместе со своими односельчанами храмы в Исэ, побывал с ними и в городе Осака, а уж оттуда пошел один к озеру Ко. Лежит оно к северо-западу от Осака, у подножия горы Нагано.

С давних пор ходили об этом озере страшные рассказы, живет-де в нем нечисть, и местные люди очень его боялись.

Магосиро смело подошел к самому берегу и три раза громко хлопнул в ладоши, как водяная дева его учила.

Вдруг в глубине озера что-то засверкало, и к берегу побежала золотая полоса. Разбилась она в золотые брызги, и очутилась перед Магосиро молодая девушка дивной красоты.

Читает девушка письмо, радостными слезами заливается:

— О, какое счастье! Благодаря тебе я получила весть от своей младшей сестры, с которой так давно разлучена. Не согласишься ли ты отнести ей мое ответное письмо? Как она была бы рада!

Магосиро кивнул головой в знак согласия.

— Тогда подожди немного, — сказала девушка и исчезла в волнах. Когда же она вновь вышла на берег, вслед за нею из глубины озера поднялось белое облако и побежало к берегу. Вдруг из воды с громким плеском выплыл конь, белый как снег.

Девушка вручила Магосиро ответное письмо.

— Прошу тебя, передай его моей сестре! Из-за меня ты отстал от своих односельчан, но на этом коне ты быстро их нагонишь. Только не открывай глаз, пока конь не остановится.

Магосиро вскочил на коня, крепко ухватился за гриву и зажмурился. Конь громко заржал, сделал два-три скачка и вдруг птицею взвился в воздух. Магосиро чувствовал, что они летят высоко-высоко в небе, только ветер в ушах свистит.

Наконец копыта громко застучали по земле, и конь стал как вкопанный. Магосиро открыл глаза. Перед ним был чайный домик на каком-то горном перевале.

На шум из чайного домика выбежали люди. Это были дорожные товарищи Магосиро. Они забросали его вопросами:

— Как ты сюда попал? Откуда ты? Словно с неба свалился...

Удивился и хозяин чайного домика:

— И правда, откуда ты? В той стороне лежат непроходимые

горы. Нет через них пути. Как же ты один мог пройти там, где человеческая нога не ступала?

Магосиро словно во сне бормотал что-то невнятное... Так и не добились от него толку.

Вернувшись в свою деревню, он на другое же утро первым делом поспешил к озеру возле горы Мономи и три раза громко хлопнул в ладоши.

Заходили по озеру волны, засверкала золотая пена, видит Магосиро: на берегу прекрасная девушка стоит.

Поблагодарил Магосиро деву озера и передал ей письмо от сестры. Сильно обрадовалась водяная дева и в награду подарила Магосиро маленькую каменную мельницу. Но при этом сказала:

— Каждый день клади в эту мельницу одно рисовое зернышко. Повернешь один раз жернов, и зернышко станет золотым. Но смотри не сыпь в ступку много рисовых зерен зараз и не поворачивай жернов два раза в один и тот же день.

Магосиро поставил чудесную мельницу на божницу. Каждый день мельница дарила ему одно золотое зернышко. Понемногу он стал богатеть.

Но злой жене все было мало. Известно, неблагодарный человек — что дырявое ведро.

— Подумаешь, одно зернышко! Не умеет дурак намолоть побольше... погоди же, я сама возьмусь за дело! — ворчала она.

Однажды, когда Магосиро ушел из дому, жена высыпала в мельницу целую миску рисовых зерен и давай вертеть жернов, только грохот пошел!

Вдруг мельница скатилась с божницы — и за дверь! Напрасно гналась за ней жена. Мельница быстро-быстро катилась с горки на горку и — плюх! — нырнула в озеро, только круги пошли.

Так и пропала...

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ КОШЕК

Жил в старину мальчик, который больше всего на свете любил рисовать кошек. Целыми днями не выпускал он кисти из рук. Как ни бранили его родители, а он все свое. Нарисует одну кошку и начнет рисовать другую.

Рассердились наконец родители, так рассердились, что лишили его наследства и выгнали вон из дому. Взял с собой мальчик тот рисунок кошки, который ему больше всех удался, и пошел куда глаза глядят.

Вот шел он, шел, и начало смеркаться. Увидел перед собой мальчик сельский храм и подумал, что не худо бы попроситься туда на ночлег... Постучался он в ворота, да только никто ему не откликнулся.

«Верно, это заброшенный храм», — подумал мальчик и стал расспрашивать про него людей в соседней деревне. А те отвечают:

— Кто останется ночевать в этом храме, до утра не доживет. Проклятое место. Поселились в нем оборотни.

Но мальчик был упрямого нрава. Лег он спать в пустом храме.

В середине ночи вдруг что-то зашуршало, зашуршало... Послышались возня и писк. Но потом все утихло. Забелело утро, встал мальчик, и что же он увидел? Лежит на полу мертвой огромная крыса с несколькими хвостами. Кто-то загрыз ее насмерть. Поглядел он на свой любимый рисунок, а у кошки мордочка кровью выпачкана.

«Значит, она и убила крысу-оборотня», — подумал мальчик.

Немного позже пришли в храм люди. Толкуют между собой:

— Верно, этого мальчика уж и в живых нет... Жаль его, беднягу!

Только смотрят: он здоров и весел, как ни в чем не бывало, а в углу храма страшная крыса валяется с множеством хвостов. Стали крестьяне хвалить мальчика:

— Вот молодец! Герой! Какое чудовище убил!

Говорит им мальчик на это:

— Один я на свете. Отказались от меня мои родители. Позвольте мне поселиться в этом храме. Мне больше некуда идти.

Обрадовались крестьяне, ведь никто в нем жить не хотел, все боялись нечистой силы.

Так мальчик стал настоятелем храма Умпэндзи. Понемногу выучился он читать сутры. Как-то раз положил он свой рисунок кошки перед статуей Будды, а сам читает молитвы. Вдруг кошка зашевелилась, сошла с рисунка и стала настоящей кошкой. Стали они жить в храме вдвоем.

Уйдет настоятель к кому-нибудь из прихожан, а кошка храм сторожит и хлопчет по хозяйству. Вернется он, а к его приходу все готово, и чайник на огне.

Шли годы. Настоятель уже стал немолод, а кошка совсем постарела.

Забросили прихожане храм Умпэндзи, перешли к священнику другого храма. Был он хитер и речист и убедил их в своей святости.

Дошло до того, что старику настоятелю и его кошке порой есть было нечего. Худое настало у них житье.

Однажды настоятель вдруг заметил, что у кошки вместо одного хвоста сделалось несколько. Распушила она свои хвосты и подметает ими храм, словно метлой.

— Неужели моя кошка превратилась в чудовище! — огорчился настоятель.

— Не печалься, дедушка! — отвечает кошка. — Стала я от старости оборотнем и уйду доживать свой век в горы. Но раньше я хочу помочь тебе. Вот послушай! Через три дня в доме того богача, что живет у подножия горы, будут похороны. А я обращусь в огненную колесницу ада* и сделаю вид, что хочу унести покойника. Ты ударь своими четками по гробу, и колесница тотчас исчезнет.

Настоятель кивнул в знак согласия, и кошка ушла из храма неведомо куда.

Через три дня пошел настоятель в деревню, что стояла у подножия горы. Собралось там множество народу по случаю похорон одного из родственников местного богача. Приглашен был и настоятель из другого храма. Но когда понесли гроб на кладбище, вдруг на небе показалась черная грозовая туча и потоками хлынул дождь. Засверкали молнии, спустилась с неба страшная огненная колесница, летит прямо к гробу, чтобы унести покойника в ад. Священник из другого храма только трясся от ужаса. Все бывшие там люди вопили и горевали, не зная, что делать.

Но настоятель храма Умпэндзи подумал: «Это все проделки моей верной кошки!» Смело подошел он к гробу и ударил по нему раз-другой четками.

И вдруг дождь кончился, небо прояснилось, и огненная колесница исчезла. Смотрят, а покойник по-прежнему мирно лежит в гробе.

Все изумились. Велика святость настоятеля из храма Умпэндзи, если ему покорны силы ада!

Все перепуганные грешники бросились за помощью к старому настоятелю, и у него снова стало много прихожан.

СЧАСТЛИВАЯ СОЛОМИНКА

В старину, в далекую старину жил один бедный юноша. За что он ни брался, во всем терпел неудачу.

Пошел он помолиться богине Каннон* в тот ее храм, что находится в селенье Хасэ провинции Ямато.

С утра до вечера и с вечера до самого утра просил он богиню: «Помоги мне, сжался надо мною, пошли мне счастье в жизни!»

Много ночей провел он в храме, но богиня ни разу не явилась ему во сне и не подала никакого знака.

Но юноша все не уходил. Кончилась у него еда, вышли все деньги. Приметили монахи, что он ничего не ест, и стали между собой совещаться: «Нехорошая слава про нас пойдет, если мы дадим человеку умереть на наших глазах. И храм будет осквернен». Начали они кормить юношу. Так прошло еще много дней.

Однажды на рассвете юноша вдруг увидел желанный сон. Из глубины святилища вышла сама богиня и сказала ему:

— Долго ли ты будешь, упрямец, докучать мне неотступными просьбами? Все вы, люди, одинаковы: просите себе готовое легкое счастье не по заслугам. Ты много грешил в своей прежней жизни, за это и терпишь. Напрасны все твои моления. Но мне жаль тебя. Одно, самое маленькое счастье я все же вправе тебе послать. Упустишь его, пеняй на себя. Помни же: первая вещь, что тебе в руки попадется, когда ты выйдешь утром из храма, это и есть твое счастье. Другого не будет.

Проснулся юноша и опрометью бросился из храма. Не терпится ему добыть свое счастье. Но впопыхах споткнулся он о камень у ворот и упал лицом в пыль. Встал юноша с земли и вдруг видит, что невзначай зажал в руке соломинку. Так вот он, дар богини Каннон! Сжалось сердце у юноши, но нравом был он упрям и соломинку все же не бросил.

Подумал юноша, подумал и пошел в столицу*. День стоял весенний, теплый. Откуда ни возьмись прилетел шмель, вьется над самой головой юноши. Чтобы как-нибудь рассеять свое горе, поймал он шмеля и привязал травинкой к соломинке. Гудит и бьется шмель, а юноша с соломинкой в руках идет себе дальше.

Вдруг попалась ему навстречу богатая повозка, запряженная быком, а вокруг нее скачут конные слуги. Это ехала на богомолье знатная госпожа со своим маленьким сыном.

Соскучился мальчик и выглянул из-за занавесок. Заметил он шмеля на соломинке и поднял крик:

— А-а, хочу вон это, дайте, дайте, дайте!

Тут один из конных слуг подскочил к юноше и говорит:

— Нашему молодому господину понравилась твоя соломинка. Не подаришь ли ему на забаву?

— Соломинка моя не простая, ее послала мне в дар сама богиня Каннон, — отвечает юноша. — Но не могу я отказать ребенку. Возьмите ее.

Услышала эти слова госпожа.

— Спасибо тебе, — говорит. — Но чем мне тебя отблагодарить? Вот разве что у тебя, может, в горле пересохло от пыли, так на, возьми.

Завернула она в белую бумагу три апельсина и подала юноше. «Что ж, — думает он, — для начала неплохо. Много времени не прошло, а уж одна-единственная соломинка обрательлась в три апельсина».

Пошел юноша дальше по дороге, а солнце поднимается все выше и выше. Вдруг видит он: лежит у обочины молодая женщина. Возле нее растерянню слуги суетятся:

— Вот ведь беда какая. Захотелось нашей госпоже пить, вконец сомлела. Эй, прохожий! Нет ли тут где-нибудь поблизости воды?

— Как не быть, есть и колодец и ручей, но до них еще далеко. Лучше возьмите эти три апельсина, пусть ваша госпожа освежится. Может, ей и полегчает.

Выжали слуги сок из апельсинов и напоили женщину. Опомнилась она и говорит:

— Великое тебе спасибо. Если бы не ты, пришлось бы мне, верно, умереть на большой дороге. Вот возьми это в знак благодарности. Невелик подарок, но другого у меня ничего нет под рукой.

Достала она из дорожного узла три свертка полотна и отдала юноше.

Заткнул он свертки за пояс и пошел дальше, радостный. Начало смеркаться. Вдруг скачет ему навстречу самурай на великолепном коне, а сзади слуга трусит на лошадке.

«Эх, бывают же на свете такие красавцы кони!» — подумал юноша. Поравнялся с ним самурай, и в тот же миг могучий конь упал, как сраженный молнией. Сильно огорчился самурай. Пересел он на лошадь слуги, а ему велел остаться и

присмотреть за конем. Скрылся господин вдалеке, а слуга присел на корточки возле коня и рассуждает сам с собой: «Беда какая! Не выдержал он дальнего пути... Продать, что ли, шкуру хоть за бесценок».

Тут подошел к нему юноша.

— Есть у меня с собой сверток хорошего полотна. Хочешь, возьми, ведь все лучше, чем ничего.

Взял слуга полотно и пустился догонять своего господина.

Обрадовался юноша: «Вот и день еще не кончился, а соломинка уже обратилась в великолепного коня. Теперь я верю в свое счастье! Конь непременно оживет».

И правда, конь приоткрыл мутные глаза и шевельнулся. Смочил юноша ему голову водой и потянул за уздечку. Поднялся конь на ноги, дрожа всем телом.

«Увидят меня с таким конем, — подумал юноша, — еще скажут, что украл». Завел он коня в чащу леса и привязал к дереву, а сам сбегал в соседнюю деревню и выменял остальные две штуки полотна на овес и сено да на самую плохонькую конскую сбрую.

Три дня ухаживал юноша за конем, пока тот не оправился от болезни, а потом сел на него тайком и ускакал под покровом ночи.

Рано утром на другой день приехал юноша в столицу. Увидел он, что возле одного большого дома в предместье идут дорожные сборы. Люди вьюки увязывают, зовут друг друга, суетятся. Видно, кто-то всей семьей отправляется в дальний путь.

Остановил юноша своего коня у ворот:

— Эй, хозяева! Не купите ли у меня мою лошадку?

Вышел тут из дома хозяин и воскликнул:

— Ах, что за конь! Что за красавец! Купил бы я его, да денег у меня в обрез. Но, если хочешь, возьми в промен рисовое поле да в придачу можешь жить в моем доме, пока я не вернусь. Он у меня пустым остался... А если что со мной случится в дороге, дом будет твой.

Так и порешили. В тот же день уехал хозяин вместе со всей семьей в далекие края на Восток.

Прошел год, и другой, и третий. Не вернулся хозяин с чужбины. Достались юноше и дом и поле. С тех пор зажил он хорошо, усердно обрабатывая землю. А когда состарился, то не раз говорил внучатам: «Тому, кто верит в свое счастье, и простая соломинка поможет».

СТРАНА ОДНОГЛАЗЫХ

В старину один человек искал легкого заработка. Одно дело казалось ему слишком трудным, другое — малоприбыльным. Наконец услышал он, что есть на свете остров, где живут одноглазые люди.

«Вот поймать бы одноглазого человека — и показывать его за деньги! Каждый зритель будет платить мне по медной монете. Это лучше, чем ходить с обезьяной. Большие деньги заработать можно!» — подумал он.

Сел этот человек в лодку и пустился в море искать страну одноглазых людей.

Долго странствовал он и много испытал приключений, пока не причалил к какому-то неведомому острову.

Вышел ему навстречу из чащи леса человек диковинного вида. Во лбу у него был только один глаз.

Обрадовался странник. «Сейчас, — думает он, — заманю этого уроды к себе в лодку». А одноглазый кричит:

— Люди! Люди! Сюда, скорее! К нам приплыло из-за моря невиданное страшилище: двухглазый человек!

Сбежались на крик одноглазые люди, схватили двухглазого путника. Подивились на него и стали возить по всей своей стране и показывать за деньги. И каждый зритель охотно платил по серебряной монете.

ЗАМОК ПОВЕЛИТЕЛЯ МУРАВЬЕВ

В старину это было, в далекую старину.

Один человек торговал рыбой вразнос. Как-то раз полил сильный дождь. Вдруг разносчик заметил, что одного муравья вот-вот унесет потоком воды. Держится он лапками за сосновую иглу, а гибель подступает к нему все ближе.

У разносчика сердце было доброе:

— Эх ты, бедняга, жаль мне тебя!

Протянул он муравью конец своего коромысла и вызволил его из беды.

На другой день опять идет разносчик этой же дорогой. Вдруг откуда ни возьмись вырос перед ним человек огромного роста и говорит:

— Вчера ты спас муравья. Великое тебе спасибо! Мы хотим тебя отблагодарить. Следуй за мной!

— А куда идти-то?

— Я покажу тебе дорогу.

Пошел великан вперед и вдруг остановился перед крошечной дыркой в земле. Показал он на нее рукой:

— Полезай туда!

Разносчик так и оторопел.

— Куда, в эту махонькую дырку? Да как же в нее влезть?

— А ты зажмурь глаза покрепче, остальное — не твоя забота.

Послушался разносчик, зажмурил глаза. А когда открыл их, то показалось ему, что он в райском саду.

Цветут кругом цветы всех четырех времен года, красные, белые, желтые, лиловые... Над цветами пестрые бабочки летают невиданной красоты. В воздухе разлит сладкий аромат. А поодаль сверкает сквозь легкое покрывало весенней дымки великолепный замок. Замер невольно на месте разносчик и спрашивает:

— Чей это замок?

— Я тебя провожу туда, — ответил великан. — Это замок Повелителя муравьев.

В тот же миг очутились они в замке. Ласково принял разносчика Повелитель муравьев. Гостю подали роскошные яства, а девушки-муравьи позабавили его веселыми плясками.

— Возьми эти дары в благодарность за спасение моего кэрая, — молвил Повелитель муравьев разносчику и подарил ему великолепный наряд из шелка. — Стоит только махнуть рукавом этого халата — и получишь все, что пожелаешь. Но смотри, никому его не показывай, не то лишится он своей чудесной силы.

С той поры уже не надо было разносчику торговать рыбой. Стоило только махнуть рукавом чудесного халата и пожелать чего-нибудь, как все вдруг появлялось: и деньги, и платье, и вкусная еда. Богато зажил разносчик в новом прекрасном доме.

Как-то раз, когда муж из дому ушел, стала жена разносчика прибирать в чулане и заметила какой-то ларец. Откуда только он взялся? Открыла она его, а в нем нарядный узорчатый халат. Взяла жену ревность.

«Уж наверно, — думает она, — принес муж этот наряд из какого-нибудь дурного дома, вот и прячет от меня. Ну погоди же, я проучу тебя! Узнаешь, как ходить к продажным красоткам!»

Бросила она драгоценный наряд в очаг. Но вдруг пламя ярко вспыхнуло и расстелилось по полу, как циновка. Все сразу занялось, запылало и сгорело дотла: новый хороший дом, одежда и утварь.

Вернулся разносчик, а вместо дома — пепелище. Стоит жена возле дымящихся углей и горько плачет:

— Большую беду натворила я, муж мой. Нечаянно, сама не знаю как, сожгла весь дом.

— Как, неужели все сгорело дотла? Но хоть ларчик успела ты вынести из огня? Тот, что стоял в углу чулана?

— Нет, он сгорел самым первым.

Разносчик только вздохнул:

— Ну тогда все пропало! Не взмахнешь рукавом, которого нет.

ПОЛОТНО, ВЫБЕЛЕННОЕ НА ЛУННОМ СВЕТУ

В давние годы у старосты одной деревни была дочь. Решил он выдать ее замуж за сына богача из соседней деревни. Не подумал только, по сердцу ли жених дочери.

Сыграли свадьбу. Поселился муж в доме у тестя, но стали все примечать, что молодая жена и глядеть-то не хочет на своего мужа.

В один прекрасный день пошла она к старой гадалке, что жила у самой околицы.

— Совестно мне признаться, бабушка, но выдали меня замуж за нелюбимого. Опротивел мне мой муж, так опротивел, видеть его не могу! Нельзя ли помочь беде?

Затрясла гадалка седыми космами, зажмурила глаза и быстро, невнятно забормотала себе что-то под нос. Потом уставилась на молодую жену пронзительным взглядом и говорит:

— Сотки полотно лунной ночью, выбели его лунной ночью, сшей наряд лунной ночью и надень его на мужа лунной ночью.

Так и сделала молодая жена. В лунную ночь соткала она полотно, выбелила его на лунном свете и сшила наряд для своего мужа в ночь полнолуния. Был этот наряд красивый, белый-белый и прозрачный, как лунный свет.

Снова настала лунная ночь. Накинула молодая жена потихоньку белую одежду на плечи мужа.

Вышел муж на веранду и молча, печально стал смотреть на луну. И вдруг он растаял, словно легкий дымок.

Луна зашла, наступило утро, но муж так и не вернулся.

Хоть и ненавистен был он жене, но тут и ей поневоле стало как-то не по себе. Побежала она снова к гадалке. Та и говорит:

— Если хочешь вновь его увидеть, то ступай лунной ночью в самый глухой час на перекресток шести дорог. Стой там и жди.

Стала молодая жена, как велено, на перекрестке шести дорог.

Когда наступил самый глухой час ночи, вдруг показалась издали в сиянии луны какая-то белая тень. Она словно плыла по воздуху, не касаясь земли.

У молодой жены по спине пробежал холодок.

Видит она: это ее муж в наряде из полотна, выбеленном на лунном свете.

Приблизился к ней муж, взглянул на нее с печалью и упреком и тихо прошептал плачущим голосом:

*В несчастный час я надел
Платье из лунного света.
Теперь я навеки стал
Спутником бога ночи.*

Проплыла мимо белая тень и навсегда пропала в ночном мраке.

ТАНЦУЮЩИЙ СКЕЛЕТ

Жили в старину два неразлучных друга. Одного звали Ками-Ситибэй, а другого Симо-Ситибэй. Как-то раз отправились они вдвоем в дальние края на заработки. Усердно трудился Симо-Ситибэй и скопил немало денег. А Ками-Ситибэй связался с компанией кутежников.

Так прошло три года. Собрался Симо-Ситибэй в обратный путь на родину и зовет с собой друга. Тот ему в ответ:

— Я бы и рад идти домой, но надеть мне в дорогу нечего. Весь-то я обносился...

Подумал Симо-Ситибэй: «Вместе мы ушли, вместе надо и возвращаться в родную деревню. Не годится оставлять друга одного на чужбине». Подарил он Ками-Ситибэю и новое платье и денег дал в придачу.

Отправились они вдвоем в обратный путь. Но на безлюдном горном перевале убил Ками-Ситибэй своего друга, взял его деньги и вернулся в деревню один.

А в деревне стал он рассказывать:

— Как попали мы в чужие края, Симо-Ситибэя словно подменили. Пустился он во все тяжкие. За все это время не скопил он денег даже на обратную дорогу, потому и не вернулся со мной вместе.

Не на пользу пошло Ками-Ситибэю награбленное добро. Стал он играть в кости и спустил мало-помалу все краденые деньги — до последнего гроша.

Пришлось снова идти на заработки. Поднялся он на тот самый перевал, где убил когда-то своего друга, и вдруг слышит чей-то голос: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!»

«Кто это меня зовет? — подумал он. Оглянулся — никого. — Наверно, мне почудилось», — решил Ками-Ситибэй и пошел дальше. Но вот опять раздался зов, громче прежнего: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!»

— Странные дела бывают на свете! — удивился он и стал прислушиваться. Голос шел из бамбуковых зарослей, что густели возле самой дороги. Заглянул Ками-Ситибэй в глубь бамбуковой чащи. Белеет там скелет, а череп зубы оскалил, словно смеется.

Вдруг череп заговорил:

— Здравствуй, старый приятель, давненько мы с тобой не виделись. Ведь я тот самый Симо-Ситибэй, кого убил ты три года назад, чьи кровные, трудом нажитые деньги ты украл и унес с собой. Каждый день с тех пор я поджидал тебя. Наконец сегодня исполнилось мое заветное желание: я снова вижу тебя. Нет на свете большей радости!

Хотел было убежать испуганный Ками-Ситибэй, но скелет крепко схватил его костлявой рукой за полу.

— Ты куда идешь? — спрашивает.

— Вышли у меня все деньги, и я снова иду в чужие края на заработки. Отпусти же меня, я тороплюсь.

— Вот оно что! И я при жизни, случалось, в деньгах нуждался. Этому горю можно помочь! Хочешь, я буду плясать, а ты меня будешь за деньги показывать? Много заработаешь, ничего не делая. Положи меня в дорожный ящик и возьми с собой. Я не пью, не ем — не надо меня ни кормить, ни одевать. Где ты найдешь такого товарища? Но, может, ты сомневаешься, умею ли я плясать? Погляди сам, я покажу тебе свое искусство.

И тут скелет вскочил и, гремя костями, пустился в пляс, руки и ноги так и замелькали. Он то подпрыгивал, то кружился волчком.

— Ну, Ситибэй, видел? Я и еще лучше могу. Ты только хлопай в ладоши да подпевай. Мы с тобой вместе много денег наживем. Ради этого стоило и умереть, — уговаривал скелет своего прежнего друга.

«В самом деле, — подумал тот. — Пожалуй, это не худо!» — и согласился.

Стал Ками-Ситибэй повсюду показывать пляски скелета. Люди стекались толпами и дивились чуду. Пошла слава о танцующем скелете по городам и селениям и наконец дошла до ушей владетельного князя.

Позвали Ками-Ситибэя в княжеский дворец.

Сидит князь в парадной зале своего замка и ждет представления, а Ками-Ситибэй достал скелет из ящика и велел ему: «Пляши!» Но тот не шелохнулся.

Ками-Ситибэй то бледнеет, то краснеет. Уж он и в ладоши хлопал, и песни пел — ничего не помогает. Наконец пришел он в ярость и хлестнул скелет бичом.

Тут поднялся мертвый остов на ноги, подошел к князю и сел перед ним.

— Милостивый князь, — заговорил он, — я столько времени плясал лишь для того, чтобы попасть пред твой очи. Знай, что этот человек убил меня и ограбил на горном перевале.

Изумился князь:

— Каких только чудес на свете не бывает! Вяжите убийцу и сделайте розыск.

Связали княжеские воины Ками-Ситибэя. Сознался он во всем и был распят на кресте.

Вот что случилось в давнишние времена.

ДВОРЕЦ КОРОЛЕВЫ КОШЕК

У огневой горы Асо несколько вершин. Одна из них зовется Нэкодакэ — Кошачьей горой.

В старину жила на ее склоне королева кошек. Каждый год в ночь накануне праздника Сэцубун* собирались к ней с поздравлением все почтенные кошки из соседних селений. В это

время повсюду на этой горе можно было услышать кошачье мяуканье. Иные даже видели торжественное шествие кошек.

Как-то раз шел там по тропинке один запоздалый путник. Начало уже смеркаться. Как ни торопился он, а до конца пути еще было далеко. Кругом одни пустынные луга тянутся, сухой ковыль шуршит.

Путник уже был не в силах ни повернуть назад, ни идти дальше, так он устал. Жутко у него было на душе, да и голод давал себя знать. Сел он на тропинке посреди высокого ковыля и начал растирать одеревеневшие от ходьбы ноги.

— Ах, если бы где-нибудь здесь найти приют на ночь! — вздохнул путник.

Солнце зашло за края гор, и вокруг сразу потемнело.

Вдруг услышал он где-то над собой человеческие голоса.

«Значит, тут неподалеку есть жильё», — подумал путник. С трудом поднялся он на ноги и заковылял в ту сторону, откуда слышались голоса. Вскоре увидел он высокие ворота, а за ними великолепный дом.

«Кто бы мог подумать! Здесь — в такой глуши — и такие богатые палаты! — удивился он. — Может, пустят меня переночевать на одну ночь...»

И путник смело вошел в ворота. У входа в дом он окликнул хозяев. Выглянула на его зов какая-то женщина, как видно, служанка.

— Я сбился с пути, а на дворе уже темно. Позвольте мне переночевать здесь.

— Милости просим, — ответила женщина тихим, ласковым голосом. — Заходите в дом, — и провела его во внутренние покои. Оставшись один, путник вытянул свои усталые ноги и снова начал растирать их. Голод все сильнее мучил его. Подождал он, подождал и снова позвал хозяев.

Тут вышла к нему другая женщина и склонилась перед ним в таком низком поклоне, что спина у нее стала совсем круглая.

— Простите меня, но я с самого утра ничего не ел. В глазах темно. Не найдется ли у вас поужинать?

— Не извольте беспокоиться, сейчас подам. А может, тем временем хотите выкупаться? Горячая вода в чане готова, — услужливо предложила женщина. Указала она ему, как пройти в баню, и удалилась.

Путник, очень довольный, встал с места, чтобы идти в баню. Вдруг вошла в комнату еще одна женщина, не первой молодос-

ти. Поглядела она ему в лицо и ахнула от изумления. Потом, с опаской оглядевшись по сторонам, дружески с ним заговорила:

— Тебе, верно, не в догадку, кто я такая, но я-то тебя сразу признала. Скажи, как ты сюда попал?

Странно это показалось путнику. Незнакомая женщина разговаривает с ним, словно старая приятельница! Начал он ей рассказывать, как заблудился в горах.

Вдруг женщина шепнула ему:

— Сюда вам, людям, ходить нельзя. Здесь для вас гиблое место. Беги отсюда без оглядки, не то пропадешь!

— А что здесь может случиться со мной плохого? — удивился путник.

Замялась женщина:

— Не хочу я ничего дурного говорить про этот дом. Одно скажу: скорей убегай, спасайся! — повторила женщина, и так сердечно да ласково! Нельзя было ей не поверить.

— Ну что ж, послушаюсь тебя, уйду, коли так. Но нельзя ли мне сначала хоть поужинать, ведь я с голоду умираю. Да не худо было бы отогреться в горячей воде, — начал было путник, но женщина еще больше встревожилась:

— Не должна бы я тебе ни слова говорить, но пять лет тому назад, когда я еще жила у своих хозяев, ты очень любил меня. Бывало, вечером вылезу я из-под плетня по дороге к себе домой, а ты меня и по головке погладишь, и посадишь на колени, и за ушком почешешь. Я не забыла твоей ласки. Ведь я та самая пестрая кошка, что, помнишь, жила у твоих соседей. А здесь дворец нашей королевы. Если ты поешь тут и выкупаешься, то все тело у тебя обрастет шерстью и превратишься ты в кота. Понял теперь?

Вконец испугался путник. Поблагодарил он женщину от всей души и бросился опрометью вон, но, видно, успели пронюхать об этом в доме. Погнались за ним по пятам три молодые девушки с ушатом воды.

Бежит путник из последних сил, падая и спотыкаясь. Добежал он до крутого спуска в долину и оглянулся. Видит: вот-вот его настигнут. Не помня себя от страха, помчался он стремглав вниз с горы. Тут схватила одна из девушек черпачок и плеснула на него сверху горячей водой. Но путник уже был далеко. Всего лишь несколько капель до него долетело. Одна упала ему на шею под самым ухом, а две-три на его голые икры.

Наконец добрался путник до города, а оттуда благополучно вернулся к себе домой.

Первым делом спросил он у соседей, куда делась их пестрая кошка. Ушла, говорят, из дому и не вернулась. Стали подсчитывать, когда она пропала. Оказалось, ровно пять лет назад.

Скоро стал тот человек замечать, что растут у него клочки кошачьей шерсти на шее возле уха и на ногах, всюду, куда попали брызги воды. Часто он говаривал потом:

— Помедли я еще немного, непременно попал бы в свиту королевы кошек.

НОППЭРАПОН

В прежние времена холм Хоккэдзакэ возле города Кумамото был тихим и пустынным местом.

Как-то раз прошел слух, что там появляется ведьма-оборотень.

На самой вершине холма и у его подножия стояли два чайных домика, очень похожих друг на друга.

Каждый путник, раньше чем попасть в Кумамото, непременно заходил в чайный домик на вершине холма. Попивая горячий чай, радостный и веселый, он поглядывал вниз на город. А покидая Кумамото, путник непременно заходил в домик у подножия холма и за чашкой чая мысленно прощался с городом.

Как-то раз один человек дал обет посетить тысячу храмов. После долгих скитаний шел он в Кумамото.

На вершине холма паломник остановился и вздохнул с облегчением, увидев внизу крыши города. «Дай немного отдохнуть», — подумал он и зашел в чайный домик.

Видит паломник: стоит спиной к нему в глубине дома какая-то женщина и трудится над чем-то. Попросил путник у нее, поправляя завязки на своих дорожных сандалиях:

— Хозяйка, дай мне чего-нибудь горячего.

— Сейчас, сейчас, — отозвалась женщина, не оборачиваясь.

Захотелось паломнику с ней разговориться. Тут пришел ему на память один слышанный им в дороге рассказ.

— Послушай, хозяйка, это ведь холм Хоккэдзака?

— Да, как же, как же, он самый и есть.

— Слышал я, что в прежнее время здесь ведьма-оборотень водилась. Ну, а теперь появляется она здесь?

— Появляется, частенько ее видят!

— Хо! Скажите! Ну, а какова она видом? — спрашивает любопытный паломник, поглядывая на хозяйку.

— Ведьма-то? Какова она видом? А вот такая!

И с этими словами круто повернулась к гостю. Взглянул он на нее и, завопив от ужаса, бросился вон из чайного домика, забыв о своем дорожном мешке.

У женщины вместо лица был, что называется, ноппэрапон — гладкий шар без единой отметины. Не было на нем ни глаз, ни бровей, ни рта, ни носа.

Мчится паломник вниз по холму. Добежал до подножия и влетел почти без памяти в другой чайный домик. Задышавшись, ухватился он за столб посреди домика, опомнился немного и кое-как добрался до скамейки. Смотрит: в чайном домике тоже стоит спиной к входу какая-то женщина и трудится над чем-то.

Стал он ей рассказывать дрожащим голосом про то, что с ним случилось.

— Ах, и набрался же я страху! Первый раз в жизни видел ведьму. А ты, хозяйка, неужели не боишься жить в таком страшном месте?

— Я-то? Вот уж несколько, — отвечает женщина, не оборачиваясь.

— Неужели! А я так чуть не умер от страха. Стоит вспомнить, так сразу холод пробирает.

Вдруг женщина в глубине дома спросила:

— А ведьма эта, поди, на меня похожа? — и повернулась к путнику. Взглянул он на хозяйку, а у нее тоже вместо лица ноппэрапон — ни глаз, ни рта, ни носа, словно рыбий пузырь на шее качается.

У путника от ужаса встали волосы дыбом. Трясаясь всем телом, стуча зубами, выскочил он опрометью из чайного домика и помчался к городу, прочь от страшного холма.

А вот что еще рассказывают в городе Кумамото. Возле храма Хоммёдзи есть пустынная поляна. Как-то раз поздно ночью шел по ней один человек с фонарем в руках. И попался навстречу ему паломник.

— Постой минутку, посвети мне фонарем, — просит паломник.

— Зачем тебе?

— Да у меня ноговицы спустились, надо их хорошенько подтянуть.

— Что ж, посвечу, дело нетрудное.

Поднес прохожий фонарь к самым ногам паломника, а у того на голых икрах множество страшных глаз так и сверкают. Уставились они все, не мигая, на него. Кинулся прохожий бежать. Бежал, бежал, вдруг увидел одинокий домик. То была харчевня, где по ночам лапшой торгуют. Бросился прохожий к хозяину харчевни, от страха так в него и вцепился.

— Что с тобой стряслось? — спрашивает хозяин.

— Ах, ужас какой, опомниться не могу! Встретил я сейчас паломника. Попросил он посветить ему фонарем. Дескать, ноговицы у него спустились. Посветил я ему, а у него на голых икрах всюду глаза, глаза, глаза... И все сразу на меня вытаращились! И не помню, как сюда добежал! — задыхаясь, рассказывает прохожий.

— Вытаращились, говоришь? Вот так или еще сильнее?

Тут хозяин обнажил свои ноги и показал их прохожему.

Взглянул прохожий, а у хозяина на икрах тоже сверкают страшным светом множество глаз — еще страшнее, чем у паломника.

Тут, говорят, подкосились у прохожего ноги. Упал он и только к утру опомнился.

Вот что в старину бывало.

ПОСЛЕДНЕЕ ЩУПАЛЬЦЕ ОСЬМИНОГА

Жил в прежние годы возле бухты Симоура один старый рыбак со своей женой. Заболел он ломотой в костях и слег в постель. Долго за ним ухаживала старуха, но ему все не становилось легче. Наконец говорит старик:

— Мне на еду и глядеть-то противно. А вот осьминога я поел бы. Может, мне бы и полегчало...

А пора стояла дождливая. Прикрылась старуха большим зонтом и пошла на берег моря. Заглядывает она в щели между камнями, где осьминоги прячутся. Но не увидела ни одного.

Села старуха на скалу, закрыла глаза и молит:

— Боги, милостивые боги, помогите мне поймать осьминога, чтобы могла я вылечить моего старика!

Открыла она глаза и вдруг видит: показалось возле самых ее ног щупальце огромного осьминога.

Вот радость! Отхватила она это щупальце ножом, отнесла домой и накормила старика.

В первый раз за свою болезнь поел старый рыбак с охотой, и в самом деле стало ему немного полегче.

На другой день пошла старуха к расселине между камнями — и опять осьминог высунул из нее свое щупальце. Отрезала второе щупальце старуха и накормила своего мужа.

На третий день случилось то же, и на четвертый, и на пятый... Приелось старику мясо осьминогов. Уж он и глядеть-то на него не хочет.

Но старуху жадность одолела. Стала она носить мясо осьминога на базар и все считала, сколько у него щупальцев остается. Наконец осталось у осьминога одно последнее щупальце. Но ведь и за него можно деньги выручить!

На восьмой день рано утром поспешила старуха к морю. Наклонилась она к расселине между скалами, смотрит в воду... Тут вдруг обвилось вокруг ее шеи крепким жгутом последнее щупальце осьминога. Потасил осьминог старуху в морские волны.

Долго ждал ее старый рыбак и встревожился. Заковылял он на своих больных ногах к берегу, глядит по сторонам. Нигде старухи не видно. Наконец доплелся до прибрежных скал, заглянул в расселину...

Стоит его старуха на дне моря и держит над собой раскрытый зонт.

Завопил тут старик, не помня себя:

— Старуха, старуха, что ты там делаешь?

Кинулся он за нею в воду и утонул.

Говорят, что и сейчас, если поглядеть в том месте со скалы во время самого большого весеннего отлива, можно увидеть на дне моря старухин зонт.

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Случилось это в годы Хорэки*. Однажды в осеннюю пору от побережья Мацумаэ* отплыл парусник. Было на нем семь человек команды во главе с кормчим Магоскэ. Они возвращались к себе на родину в Ниигата.

На третий день стал уже маячить вдали остров Садо и влево

от него родной берег, как вдруг налетела внезапная буря. Море закипело, как в водовороте. Казалось, вот-вот парусник опрокинется вверх килем. Матросы бросились убирать паруса. А море бушевало все сильнее. Крикнул кормчий Магоскэ:

— Бросай груз за борт! Руби мачты!

Но тут набежала волна, высотой до самого неба. С грохотом обрушилась она на корабль. Корма раскололась надвое, нос корабля разлетелся в щепы, и матросы пошли рыбам на корм. Один лишь Магоскэ успел ухватиться за какую-то доску.

Море понесло его вдаль, словно обломок корабля. Дождь и ветер слепили его.

Лишь иногда удавалось ему, поднявшись на гребень волны, поглядеть вдаль, не покажется ли где парус? День склонился к вечеру, начало темнеть. Одна за другой набегали волны, похожие на громадных китов, подымали его на спину и снова бросали в пучину.

Магоскэ не мог понять, куда его несло течением, где берег, а где открытое море. Настает ночь, а навстречу ему не попало ни одного корабля.

В отчаянии Магоскэ то умолял бога Компира о спасении, то давал обеты богу Ияхико*... Цепляясь за тонкую доску, он летел с гребня волны в пучину. Казалось ему, вот он, конец, пришел, но новый вал подхватывал его и выносил навверх.

Магоскэ было уже совсем отчаялся, как вдруг услышал громкие крики:

— Руби мачты! Бросай груз за борт! Держи руль!

Прямо на него в ночном мраке несся какой-то корабль. Собрав последние силы, Магоскэ завопил:

— Спаси-ите! Тону-у!

Вдруг он совсем близко от себя увидел полуразбитый корабль. Человек десять команды цеплялись за него, крича во весь голос.

Люди эти не походили на живых. Иссохшие, с синими лицами, они были видны, как смутные тени, в такой крошечной тьме, где, казалось, глаз ничего не мог бы различить. Весь корабль тоже выступил из мглы, не сливаясь с нею. Крик замер на губах Магоскэ. Корабль прошел справа от него и быстро стал удаляться.

Вдруг послышался отчаянный вопль многих голосов: «А-а-а!» И в тот же миг корабль разбило в щепы, а цеплявшиеся за него люди словно растаяли. Крики их стихли, только страшно грохотали волны.

«Корабль-призрак!» — подумал Магоскэ; вспомнились тут ему все страшные рассказы об этом корабле. Теперь он был рад, что один остался.

Но вдруг опять слышались крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль! Погибаем! — И корабль-призрак появился снова. И снова люди цеплялись за него, призывая на помощь. Набежала волна и разбила корабль в щепы... Раздался опять тот же самый дикий вопль — такой ужасный, что, казалось, никто не мог бы услышать его дважды и остаться в живых. Видение исчезло, лишь страшно загудели волны.

Не успел Магоскэ перевести дух, как снова ветер донес до него крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль!

И все повторилось снова. Мольбы, призывы, проклятия, последний вопль погибающих... Неужели этому не будет конца? Сердце Магоскэ замирало, душа у него готова была расстаться с телом, но он не выпускал доски из рук и все-таки держался на воде.

Наконец забелел рассвет. С первыми его лучами корабль-призрак исчез навсегда. Ветер и дождь стали утихать, волны немного улеглись. Три дня носился Магоскэ по волнам и вконец обессилел от усталости и голода. В глазах у него было темно, руки одеревенели... К чему было дальше надеяться? Жизнь уже покидала его, как вдруг в море что-то мелькнуло... На волнах качалась связка соломы. Магоскэ поймал ее. Внутри в полотняном мешочке оказались две сухие плети со стручками красного перца. Магоскэ съел стручков десять — и воспрянул духом. А тут вскоре его заметили с корабля, вытащили из воды и благополучно доставили в залив Ниигата, назад к родным берегам.

ЧУДО МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

В старину, в далекую старину жили на самом краю одного маленького городка старик со старухой. Торговали они сладкими тянучками амэ.

Однажды в темный зимний вечер постучалась в дверь их лавочки какая-то молодая женщина. Стоя за порогом, она робко протянула монету в три гроша.

— Вот, дайте мне, пожалуйста, немного ваших амэ...

— Что ж вы стоите на холодном ветру, госпожа? Заходите, обогрейтесь, пока мы завернем вам покупку.

— Нет уж, я тут постою.

Взяла молодая женщина сверток с лакомством и пропала во мраке.

Пришла она и на другой вечер.

Стали старики говорить между собой:

— Кто она такая и почему приходит в такую позднюю пору? Неужели у нее другого времени нет?

На третью ночь женщина пришла снова. А на четвертую старики спохватились: не монетку она им оставила, а сухой листок.

— Ах, обманщица! — заголосила старуха. — Пойди, старик, за нею вслед, она еще не ушла далеко. Кабы у меня глаза были получше, она бы мне не подсунула листок вместо монеты.

— Смотри, у порога комья красной глины... — удивлялся старик, зажигая фонарь. — И откуда только пришла эта женщина? По соседству у нас один белый песок.

Побрел он в ту сторону, куда незнакомка скрылась. Смотрит: отпечатков ног на снегу не видно, только комки красной глины след показывают.

«Да ведь здесь и домов-то нет, — думает старик. — Неужто она на кладбище пошла? Кругом одни могильные памятники».

Вдруг услышал он плач младенца...

«Верно, почудилось мне. Вот и стихло... Это ветер в ветвях свистит».

Нет, опять послышался детский плач, жалобный и глухой, словно из-под земли.

Подошел старик поближе. И верно, кто-то плачет под свежей насыпью могилы...

«Дивное дело! — думает старик. — Пойду-ка я разбужу настоятеля соседнего храма. Надо узнать, в чем тут тайна. Ужели в могиле живой похоронен?»

Разбудил он настоятеля. Пошли они к могиле с заступом.

— Вот эта, что ли? Здесь беременную женщину похоронили тому уж несколько дней, — воскликнул настоятель. — Умерла от какой-то болезни, не дождавшись родов. Да уж не почудилось ли тебе, старик?

Вдруг снова глухо-глухо послышался у них под ногами детский плач.

Стали они поспешно копать заступом. Вот показалась крыш-

ка нового гроба. Отвалили они крышку. Видят: лежит в гробу молодая женщина, будто спит, а на груди у мертвой матери живой младенец. И во рту у него сладкое амэ.

— Так вот чем она его кормила! Теперь я все понял! — воскликнул старик. — Велико чудо материнской любви! Нет на свете ее сильнее! Бедняжка сперва давала мне те монеты, что ей, по обычаю, в гроб положили, а как кончились они, принесла сухой листок... Ах, несчастная, она и за гробом берегла своего младенца.

Тут пролили оба старика слезы над открытой могилой. Разжали они руки мертвой женщины, вынули из ее объятий младенца и отнесли его в храм.

Там он и вырос, там и остался, чтобы всю жизнь заботиться о могиле своей матери, которая так сильно его любила.

ПЯТЬ ТАНОВ¹ ЗЕМЛИ

Некогда в селенье Оку деревни Окадзаки* жил один великий богач. Владел он множеством рисовых полей, и было среди них одно величиной в пять танов. Называли его «полем без межей» — таким оно было широким.

Каждый год в мае, когда наступало время высаживать рисовую рассаду, богач нанимал несметное число работников. Если успеют они за один день закончить всю работу, богач бывал очень этим доволен и горд. Правда, не всегда это удавалось. Но уж на «поле без межей» непременно надо было посадить все рисовые ростки до единого в один и тот же день до захода солнца. Таков был старинный обычай в семье богача.

Однажды нанялась к нему в услужение молодая девушка тихого нрава и прекрасная собой. В крестьянских работах была она так сноровиста, что никто не мог за ней угнаться.

Понравилась девушка богачу, и решил он выдать ее замуж за своего сына. Созвал он на совет всю свою родню. Но многие из его родичей воспротивились.

— Как можно, чтоб наследник богатого дома женился на простой поденнице! Где это слыхано!

Спорили, спорили и порешили вот на чем:

¹ Тан — единица измерения земельной площади. Пять танов — около половины гектара.

— Если успеет она засадить «поле без межей» до захода солнца, — что ж, значит, так тому и быть! Пусть войдет в нашу семью как законная жена.

Сказали об этом девушке. От радости она своим ушам не поверила.

Вскоре был назначен день испытания. Девушка в то утро не могла дожидаться, когда солнце взойдет. С первыми его лучами поспешила она в поле.

Сажает девушка ростки так быстро, словно за ней зеленая дорожка сама бежит, по полю расстилается.

Хоть и долгие в мае стоят дни, но одной засадить поле в пять танов — неслыханное дело! Вот и полдень настал, но девушка не дала себе роздыху, не подкрепила себя едой. Время дорого! Не поет она «песни посадки риса», не разогнет спины, не подымет головы. Скорее, скорее!

Много собралось на поле народу. Все хвалят девушку за быстроту и ловкость, да поторапливают: «Скорее! Скорее!»

Но вот уже солнце клонится к западу. Растут тени. Вот солнце края горы достигло, вот уже скрылось наполовину за горой. А девушке всего только один последний ряд остался. В отчаянии сложила она молитвенно руки и крикнула солнцу:

— Солнце, остановись! Остановись! Подожди еще немного...

И вдруг в самом деле солнце воротилось вспять и снова всплыло над горою.

Снова начала девушка высаживать ростки, еще скорее прежнего, не уследить даже. Закончила она последний ряд, и лишь тогда солнце скатилось за горы так быстро, как падает мяч.

При виде этого чуда люди словно окаменели. Когда же пришли в себя, смотрят: девушка лежит ничком на поле, мертвая. Убил ее непосильный труд.

С того часа одно за другим посыпались на богача несчастья, и скоро обнищал он вконец.

Теперь в деревне давно уже ни у кого нет большого поля, а все по-прежнему место это зовется «Пять танов земли».

КАК ВПЕРВЫЕ ВЫПАЛ СНЕГ

В глубокой древности страна Аидзу* не знала ни снега, ни зимнего холода. Круглый год там было тепло.

Однажды пришел туда с севера какой-то бродячий монах. В одной руке у него был посох, а в другой — широкий зонт. Устал он и решил отдохнуть в чайном домике. А там народу полным-полно. Уже долгие часы совещаются между собой крестьяне этого села, а ничего придумать не могут. У всех тревога на лицах написана...

Понял монах, что дело нешуточное, и захотелось ему помочь людям.

— Вижу я, вы сильно чем-то озабочены? Скажите, что за беда у вас случилась?

Отвечают ему крестьяне:

— Получили мы бумагу, что прибудет завтра в нашу деревню с досмотром сам владетельный господин здешних земель. И содержится в этой бумаге вот какой строгий приказ: «Чистоначисто все прибрать, чтобы господин ни единой пылинки не заметил ни по дороге в деревню, ни в самой деревне. Ничто не должно оскорбить его взора». А в других деревнях, мы знаем, не сумели выполнить этот приказ, и вот кого мечом насмерть зарубили, кого в темницу бросили, а кому оброк удвоили. Всюду плач и стоны, и у нас в деревне тоже великое смятение. Совсем мы голову потеряли, ведь времени-то на уборку почти не осталось... Что тут придумаешь!

— Хо-хо, в самом деле, вот неожиданность, — улыбнулся монах, — словно птица из-под ног выпорхнула. Досадное дело!

Поразмыслил он немного и сказал:

— Не тревожьтесь, я придумал, как избыть беду. Прежде всего надо, чтоб завтра ударили сильные холода. Самый придирчивый господин скрючится тогда в глубине своего паланкина и даже носа наружу не высунет. А если все-таки выглянет, и тут я могу помочь. Знаете ли вы, что такое снег? Он холодный-холодный, но белый и красивый. Засыплет снег всю деревню, заметет поля и горы... Как господин ваш ни строг, но и ему будет не к чему придраться. Успокойтесь же, ничего худого с вами не случится.

Он говорил так уверенно, с такой добротой, что крестьяне удивились и обрадовались. Успокоенные, разошлись они по домам, толкуя о том, что такое «снег» и на что он похож...

На другой день все в деревне проснулись раньше обычного. Стали вставать крестьяне с постели, и вдруг их обдало небывалым холодом...

Вот это был холод! Кожа на руках и ногах, того и гляди,

потрескается... Вышли они из дому и ахнули! Неужели это снег, тот самый снег, о котором вчера рассказывал монах в чайном домике?

И поля, и горы, и дома, и деревья, и дороги — все кругом белым-бело стало, а с неба все падают и падают белые хлопья...

Вся деревня, и стар и млад, высыпала на улицу, позабыв о лютом холоде. Люди кричали и шумели, бегали и прыгали, ловили снежинки и дивились на них.

А между тем прибыло известие, что господин сегодня с осмотром не придет. Крестьяне на радостях побежали к дому старосты, где остановился на ночь бродячий монах.

Но куда же он девался?

Видят, постель его пуста, а сам он исчез бесследно. Так и не нашли.

Говорят, это Снег и был. Впервые посетил он тогда Аидзу. С тех пор там привыкли к снегу и полюбили его. В краю Аидзу и родилась пословица: «Большие снега — хороший урожай».

МОРСКОЙ РАК И ВОРОН

В старину это было, в глубокую старину.

Бродил из деревни в деревню один нищий монах. Зашел он однажды по дороге в чайный домик. Ест данго и чай попивает.

Поел он, попил, а потом говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе нарисую картину?

«Какую картину может нарисовать этот оборвыш?» — подумала хозяйка.

А монах снял с одной ноги соломенную сандалию, обмакнул ее в тушь и сказал:

— Пожалуй, так занятней рисовать, чем кистью! — и начертил на фусума большого ворона.

Пошел дальше нищий монах. Стоит на склоне горы другой чайный домик. Отдохнул там монах, выпил чаю и говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе что-нибудь нарисую?

Снял он сандалию с другой ноги, обмакнул в черную тушь и нарисовал на фусума морского рака.

Рак был совсем как живой: он шевелил хвостом и клешнями.

Множество людей приходило в чайный домик полюбоваться на морского рака. Деньги так и посыпались в кошель к хозяйке.

Прошло время. На обратном пути завернул нищий монах в тот чайный домик, где нарисовал он морского рака.

Стала хозяйка благодарить монаха:

— Вот спасибо вам! Прекрасного рака вы нарисовали. Только больно черен. Сделайте его, пожалуйста, ярко-красным!

— Что же, это дело простое! — ответил монах и выкрасил рака в красный цвет.

«Вот хорошо-то, — с торжеством подумала хозяйка, — теперь я еще больше денег заработаю».

Но красный рак был мертвый. Не шевелил он больше ни хвостом, ни клешнями. И никто уже не приходил на него любоваться.

А нищий монах завернул по пути в тот чайный домик, где он ворона нарисовал.

Хозяйка дома встретила его неласково, начала жаловаться:

— Заляпал своим вороном мои чистые фусума, вконец испортил! Сотри свою картину, да и только!

— Это дело простое, — улыбнулся монах. — Тебе не нравится этот ворон? Сейчас его не будет!

Достал он из-за пазухи веер, раскрыл его и несколько раз взмахнул им в воздухе...

И вдруг послышалось: «Кра-кра-кра!» Ворон ожил, расправил крылья и улетел.

Онемела хозяйка от удивления, а нищий монах пошел дальше своим путем.

ВАЯТЕЛЬ И ЯЩЕРИЦА

Жил в старину один замечательный ваятель. Но имя его не было никому известно. Никак не мог он выбиться из нищеты.

Как-то раз заметил он, что на большом камне в его саду играет ящерица, хвост у нее так и вьется, серебром на солнце отливает. Долго любовался ваятель ящерицей, глаз не мог отвести. Решил он изваять ее подобие. Вылепил форму и отлил ящерицу из серебра.

«Сам вижу, что хорошо удалось!» — подумал он и снес серебряную ящерицу на продажу в лавку торговца разной утварью.

Не прошло и дня, как ее купили.

Скоро посыпались заказы: каждому хотелось иметь такую же.

Прошла о серебряной ящерице громкая слава. Все называли ее дивным произведением искусства.

Прославился ваятель и стал богатеть. Сколько ящериц ни отливал он из серебра, они и дня не лежали в лавке.

Но вот что было удивительно. Каждый раз, когда он выходил в свой сад, зимой или летом, все та же самая ящерица всегда играла на том же камне, и в летнюю жару, и зимой, когда все вокруг было занесено снегом.

Сначала ему невдомек это было, но потом приметил ваятель, что только он один и видит ящерицу, а другие ее не замечают. Жутко ему стало. Наконец он собрался с духом, взял камень — и убил ящерицу.

Но с того самого часа его изделия потеряли прежнюю красоту. Никто больше не покупал серебряных ящериц. И за короткое время ваятель снова впал в безвестность и нищету.

ЖАЛОБЫ КУКОЛ

Много лет тому назад приезжал в горные селенья кукловод из театра Авадзи* по имени Масаэмон. Повсюду шла о нем добрая молва. И в самом деле, он был мастером своего дела.

Каждый год весною устраивал Масаэмон представления, а потом возвращался на остров Авадзи и жил там до следующей весны. Кукол своих от отдавал на сохранение кому-либо из местных крестьян или содержателю балагана, и лежали они, запертые в сундуке, долгие-долгие месяцы...

Не могли куклы спокойно переносить эту обиду. Каждый вечер начинали они громко жаловаться.

— Мы не простые бесчувственные куклы, — сердилась самая лучшая из них, игравшая роли самураев. — Нас наряжают в людские платья и выводят на сцену, чтобы мы людей изображали. В этом наше высокое призвание. А нас свалили как попало в сундук, словно старую ненужную ветошь. О, жестокость! О, неблагодарность!

И даже самые простенькие куклы на последних ролях тоже громко роптали:

— Что у нас за жизнь! На тростях нас не водят, руки и ноги у нас повисли, как тряпки! Ведь этак можно и с тоски подохнуть!

Потом доставали они со дна сундука гонги и барабаны и поднимали страшный шум: гантян, докодон!

Остановится запоздалый прохожий и прислушается: где это идет такое веселье?

Вначале жители села не особенно этому дивились. Думали они, что у хозяина кладовой, где стоял сундук с куклами, каждый вечер гости собираются. Но наконец пошли по селу толки и пересуды.

Как-то раз вечером один прохожий — видно, он был любопытнее других — тихонько заглянул в кладовую. Видит он: в кладовой ни души, но кто-то разглагольствует в углу, как заправский самурай:

— В былые времена не то что куклы, даже люди, проходя мимо меня, отдавали почтительный поклон, но ныне воцарились у нас невежество и грубость нравов!

«Чудеса, да и только! Как попал туда самурай?» — подумал прохожий и стал всматриваться еще пристальнее. Удивительное дело! Голос доносился из большого сундука!

Прохожий побежал к хозяину кладовой и рассказал ему обо всем. Поспешил хозяин в кладовую вместе со всеми своими домашними. А там стоит гомон многих голосов, гремят гонги, рокочут барабаны... И весь этот шум идет из сундука, который оставил на сохранение Масаэмон с острова Авадзи, но открыть сундук нельзя, ключа нет.

Сейчас же послали гонца на остров Авадзи к Масаэмону. Приехал он. Отпер сундук, смотрит: лежат в нем куклы тихо и смирно, будто ничего и не было.

Как раз в это время остановился в том же селе проездом знаменитый сказитель дзёрури из Эдо по имени Такэмото Гидаю*. Дошел до него слух об этом необыкновенном случае, и захотел он посмотреть на кукол своими глазами. Заглянул в сундук и головой покачал.

— То же самое случилось однажды и у нас в Эдо, — поведал Гидаю. — И по той же причине. Бросили кукол в кучу как попало и оставили лежать, словно старый хлам...

— Что же теперь делать?

— Это ведь куклы-актеры. Если уж приходится убрать их на время, то надо делать это бережно и уважительно, щадя их чувства, — говорит Гидаю так, словно он сам своими ушами слышал жалобы кукол. — Вот поэтому у нас в Эдо есть хоро-

ший обычай, — добавил он, — утром и вечером вынимать кукол из сундука и устраивать с ними торжественное шествие. И уж, во всяком случае, надо бережно убирать их после представления, иначе куклы обижаются, как люди... И каждый актер их поймет!

С тех пор Масаэмон с острова Авадзи всегда следовал этому доброму совету, и куклы у него никогда больше не роптали на свою судьбу.

БАРСУК — ЛЮБИТЕЛЬ СТИХОВ

В старину под верандой дома Идзумия в городе Комацу* жил один барсук.

Хозяин этого дома очень любил хокку¹. В ясные осенние ночи он, бывало, раздвинет рамы сёдзи в комнате для занятий. А комната эта глядела прямо в сад. Читает хозяин громким голосом любимые стихи, попивает вино и любит светлой луной. А барсук притаится внизу и слушает, слушает...

Как-то раз хозяин получил из Эдо от своего друга — поэта Сюка* новое стихотворение:

*О цветы орхидей!
Как торжественно-величаво
Вы раскрылись в тиши.*

Хозяин переписал эти строки красивым почерком на тандзаку² и несколько раз прочел вслух, но в это время его пригласили в гости, и, уходя, он забыл второпях листок со стихами на столе. Только хозяин ушел, как барсук пробрался в комнату, схватил тандзаку и побежал в сад. Положив драгоценный листок под сосной, барсук стал глядеть на полную луну. И вдруг, надув свой толстый живот, давай колотить от восторга по нему лапами, как по барабану, так что гул пошел кругом...

На другое утро хватился хозяин, что листок со стихами

¹ Хокку — жанр лирической поэзии, очень популярный в XVII—XVIII веках. Состоит хокку из трех строк и главным образом посвящено природе.

² Тандзаку — полоска плотной цветной бумаги, на которой пишется стихотворение.

пропал. Обыскал он и дом и сад, нет нигде, да и только! Вспыхнул он от гнева, как огонь:

— Кто украл тандзаку с моего стола, сознавайтесь!

Все домашние в один голос отвечали:

— Не видели мы никакого тандзаку и знать ничего не знаем!

А у хозяина был проказливый сынок.

— Значит, это ты, и никто другой! — закричал на него отец. — Больше некому. И не смей отпираться, озорник! Сейчас же неси сюда тандзаку, а не то я так тебя проучу, что надолго запомнишь.

И решил тогда мальчик подкараулить вора, чтобы оправдаться перед отцом. Каждый вечер он прятался в засаду возле веранды, но вор все не показывался.

Так прошло несколько дней.

Вдруг видит он: выбежала из кабинета какая-то черная тень и бросилась в сад. Выглянул мальчик из-за столба. Что за чудо, да ведь это барсук, и в зубах у него тандзаку. Вот, значит, кто стихи таскает.

А барсук положил листок бумаги у подножия сосны и начал что-то бубнить себе под нос, словно трудные знаки разбирает. А потом давай надуваться да как застучит по своему животу, будто по барабану!

И сразу, как по команде, запели, зазвенели, застрекотали в саду все сверчки и цикады — ни дать ни взять целый оркестр заиграл.

Мальчик позвал отца. Пришел отец и видит: барсук-то не первый попавшийся листок бумаги стащил, а тандзаку со стихами.

— Значит, и барсук может любить стихи, — воскликнул хозяин. — Кто бы подумал! — И он оставил листок со стихами барсуку — любителю поэзии.

ШЕПЧУЩИЙ МОСТ

Некогда в деревне Адзума* жила юная девушка лет тринадцати по имени Оросу, прекрасная, как еще не раскрывшийся цветок вишни. Все молодые люди с ума по ней сходили.

Но вот в лунные ночи стал появляться возле ее дома какой-то незнакомый юноша. Был он очень хорош собою. Вначале, бывало, Оросу вся покраснеет, когда его увидит, а потом незаметно проникла в ее сердце любовь к нему.

Однажды ночью впервые заговорили они друг с другом.

— Кто ты? — спросила Оросу незнакомца. — Зачем приходишь ты каждую ночь к моему дому?

— Родом я с севера. Всего лишь один раз увидел я тебя, но с тех пор твой образ всегда стоит перед моими глазами, словно выжженный огнем.

Но вот что удивительно — незнакомец приходил только по ночам и не называл своего имени. Хотелось Оросу узнать, кто он такой, и вот какую хитрость придумала девушка. Воткнула она в платье юноши иголку с длинной-длинной ниткой. На другое утро нитка привела ее к тысячелетней криптомерии. Иголка с ниткой вонзилась в ее кору.

Глядит Оросу и глазам своим не верит. Значит, прекрасный юноша был духом старой криптомерии!

Вернувшись домой, девушка со слезами рассказала родителям о своем горе. Сильно испугались люди в деревне и решили срубить старое дерево.

Вот собралось несколько сот человек. Стали они рубить криптомерию. Но каждую ночь щепы и обрубленные ветки возвращались на свое место и снова прирастали к дереву. Наутро и следа топора нельзя было заметить на его стволе. Так прошло много дней.

Все деревья в лесу были опечалены бедой, постигшей их властелина, и пошли навестить его. Явился и черныбыльник. Но могучая криптомерия сказала ему:

— Ты ведь не дерево, а только жалкий кустарник. Не место тебе среди деревьев.

Рассердился черныбыльник и сказал людям из деревни:

— Бросайте в огонь все, что удастся отрубить от криптомерии.

Не один десяток дней рубили они старое дерево, сжигая щепу и ветки, а в глубь ствола вбивали большие железные стрелы. Только так и удалось повалить криптомерию.

Решили построить из нее мост к Фукусимскому замку. Но, как ни бились, не могли сдвинуть с места тяжелое дерево. Тогда призвали Оросу. Подошла она к криптомерии и что-то тихонько ей шепнула. И вдруг ствол дерева покачнулся, точно кивнул, и легко-легко сдвинулся с места.

Построили из него великолепный мост. Но люди боялись по нему ходить, потому что ночью он словно шептал что-то тихим и грустным голосом.

По приказу владетеля замка снова привели Оросу, одетую в нарядное платье.

Стала она переходить через мост, а у самой глаза полны слез. Сделает несколько шагов и прижмется щекой к перилам. Но вдруг дыхание отлетело от нее, и она упала посреди моста мертвая.

С тех пор и прозвали его «Шепчущим мостом».

РАСКАЛЕННЫЙ КОЛОКОЛ

Давно, давно жил в стране Кии* один богач. Пришел к нему как-то раз молодой монашек по имени Антин и говорит:

— Здравствуйте, господин. Все это время не забывал я ваших прошлых благодеяний.

— О, смотрите, пожалуйста, каким ты стал молодцом! Дочка моя, Киё-химэ, обрадуется. Где ты теперь живешь? — ласково спросил богач.

— Ныне живу я в храме Мангандзи, неподалеку от города Сиракава*.

Позвал богач свою дочку Киё-химэ. Радостно приветствовала она юного Антина, ведь они часто играли вместе в дни своего детства.

Когда настала поздняя ночь, она вызвала Антина из дому:

— Антин-сама, это я, Киё-химэ! Выйди ко мне в сад на минутку...

Ночь была ясная. На небе светила полная луна.

— Вспомни, милый, вспомни, как еще малыми детьми дали мы обет верности друг другу. Я никогда его не забывала. Возьми меня с собой... — стала просить Киё-химэ.

— Нет, и не проси, невозможно это. Там, в дальнем краю, ждет меня моя любимая, — ответил Антин.

При этих словах горько заплакала девушка. Но не могла она так легко отказаться от своей любви. Видит Антин, что девушка заупрямилась, и говорит:

— Подожди, мне надо отлучиться, я возьму тебя с собой на обратном пути.

На другой день Антин ушел в дальний путь, точно сердце его почувствовало недоброе. Он и не думал воротиться.

А Киё-химэ, ничего про это не зная, день за днем ждала Антина. Однажды спросила она у прохожего монаха, не знает ли он, где сейчас Антин.

— Я повстречал его недалеко от столицы, — отвечал монах.

Киё-химэ сразу пустилась в погоню.

Вот пришла девушка к широкой реке, но, сколько она ни просила, ни молила, паромщик отказался ее переправить. Так велел паромщику Антин.

— Вернись к себе домой, — сказал паромщик, — не нужна ты своему любимому, есть у него другая.

Не вынесла обиды Киё-химэ и бросилась в воду. А на дне реки превратилась она в страшную змею. Погналась она вслед за юношей. Увидел ее Антин и обомлел от ужаса. Кинулся он искать спасения в храме Додзёдзи*, и спрятали его монахи под большим колоколом. Притаился там Антин, чуть дышит.

Вползла огромная змея во двор храма и уставилась сверкающими глазами на колокол. Потом обвилась вокруг него кольцами и несколько раз ударила по нему хвостом. Жалобно загудел колокол, а у змеи кровавые слезы потекли.

Наконец змея уползла. Смотрят, а колокол раскалился докрасна. Подняли его монахи с земли, когда он остыл, смотрят, а под ним лежит только горстка пепла — все, что осталось от молодого монаха.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Давно, давно это было.

На одном из островов Мацусима* жил в сельском храме мальчик по имени Миятиё. Тихий и задумчивый, нравом и лицом он был похож на девушку. Не манили его резвые игры сверстников. Больше всего на свете любил Миятиё слагать стихи.

Не раз посылал он свои танка¹ в столицу, и самые прославленные поэты при дворе императора приходили от них в восторг:

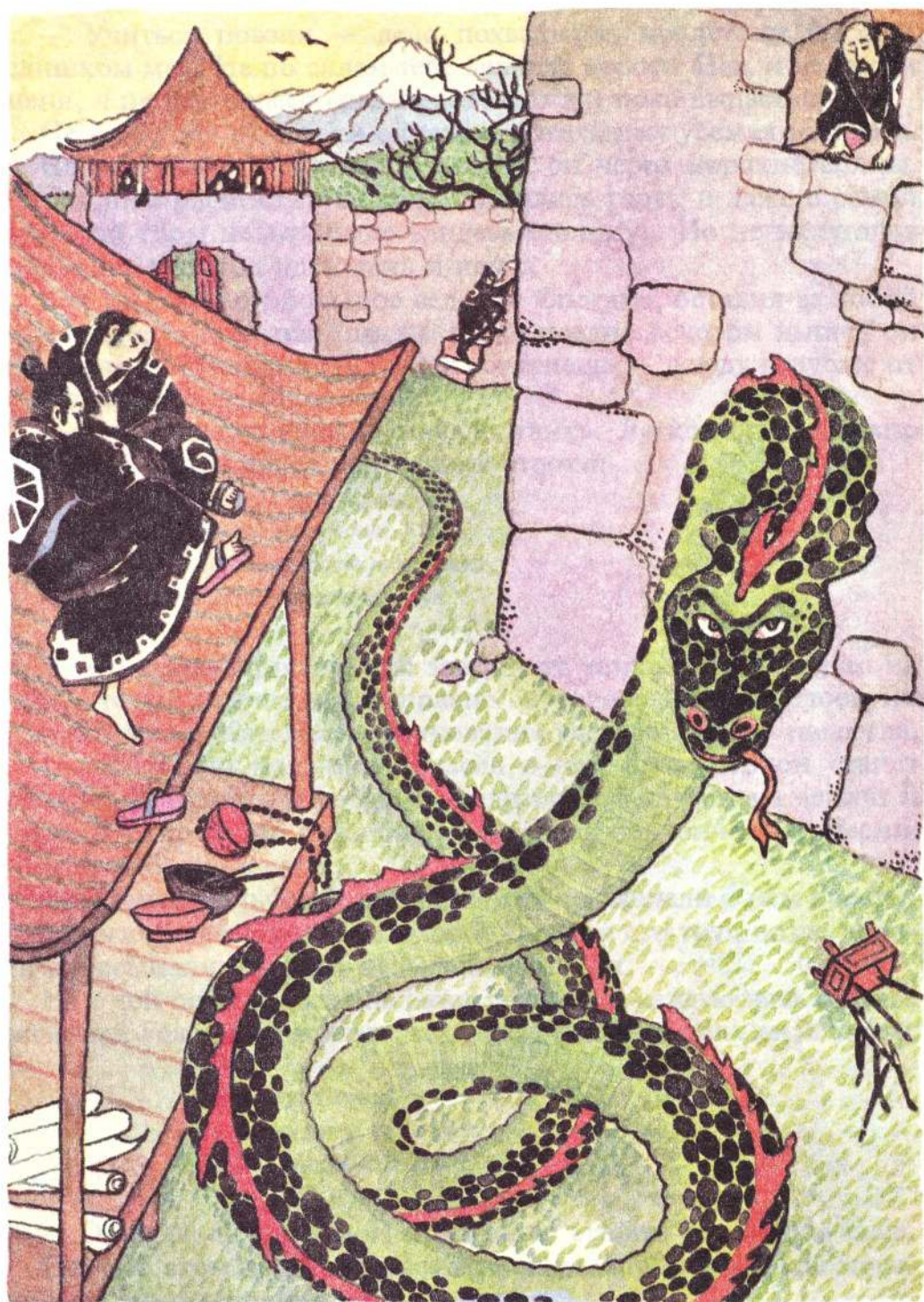
— Какие прекрасные песни! Сразу видно, идут они из глубины сердца.

Только об одном мечтал Миятиё, только одно не выходило у него из головы:

— Ах, если бы мне попасть в столицу! Там поучился бы я поэтическому искусству.

Но настоятель храма не соглашался отпустить мальчика в трудный путь:

¹ Танка (короткая песня) — лирическое стихотворение из пяти строк.

— Учиться поэзии — дело похвальное, но летами ты еще слишком мал. Не по силам тебе дальняя дорога. Нет, и не проси меня, я не дам своего согласия. Подожди, пока вырастешь.

Не вытерпел Миятиё и однажды потихоньку убежал из храма.

На рыбацкой лодке переправился он через морские волны. Перед ним расстилались поля, высились горы, и даже с самой высокой горы нельзя было увидеть столицу... Но не испугался мальчик, а решил идти день и ночь.

Вот миновал он большое селение Сиогама, оставил за собой высокие стены замка Тагадзё... Уже поздно вечером вышел он на равнину Миягино*. Куда ни взглянешь — всюду голубые от лунного света высокие травы.

И тут мальчик сложил начало танка. Легко-легко, словно сами собой, родились три первые строки:

*В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленьких лун...*

Долго думал Миятиё, как завершить танка. Он глядел то на небо, то на землю, но напрасно: в голове не рождалось ни одной мысли. Казалось, вдохновение улетело от него навсегда.

Горько стало мальчику. Угасла в нем вера, что он станет поэтом. Усталость и тоска одолели его... Упал он на землю и умер. А умирая, все повторял слова своей неоконченной песни:

— В небе луна одна...

— Бедный мальчик, вот горемыка! — пожалели о нем крестьяне ближайшей деревни. Похоронили они его труп возле дороги и насыпали над ним невысокий холмик.

Но с той поры на равнине начал появляться каждую ночь призрак мальчика. Голосом печальным, как шелест сухого камыша, он повторял:

*В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленьких лун...*

— О, стыд! О, горе! — И призрак со стоном исчезал во тьме. Слух об этом дошел до настоятеля храма. Он разыскал могилу мальчика и пролил над ней слезы.

— О, зачем ты ослушался меня! Но я отпускаю тебе твой грех. Утешься же, твоя песня не останется незаконченной.

И он громко произнес два последних стиха:

*Светом мне душу наполни,
О равнина Миягино.*

После этого призрак мальчика перестал бродить по ночам. Его последняя песня была наконец завершена.

Так говорит старинное предание.

СТАРУХА НИТОЧНИЦА

Вот что рассказывают в городе Сэндай.

У одного мастера, делавшего зонты на продажу, стояла в нише парадной комнаты глиняная фигурка старухи ниточницы. Была она так похоже вылеплена, как живая.

Однажды мальчишка-ученик продевал нитки сквозь ребра зонтов. Дело у него не спорилось, все нитки спутались в клубок, не найдешь ни конца, ни начала, хоть плачь.

— Старуха ниточница, старуха ниточница, старуха ниточница,— жалобно позвал мальчик, — помоги мне нитки распутать.

Вдруг спустилась старуха с полки и говорит:

— Как не помочь такому славному мальчику! Давай, сынок, я живо сделаю.

И распутала все нитки.

А вот что случилось однажды вечером.

Залез в лавку грабитель. Лицо полотенцем обмотано до самых глаз. Завязал в узел все самые лучшие зонты, а люди в доме храпят во все носовые заворотки.

— Чистая работа! Продам где-нибудь в дальней деревне.

Радуетса грабитель, что все так ловко получилось. Но когда захотел он взвалить узел на спину, то не смог его и с пола приподнять, тяжесть такая.

— Это что за чертовщина!

Напряг все свои силы и попробовал еще раз. Узел ни с места. Тем временем пропели первые петухи, а там и вторые.

— Вот незадача какая! Надо утекать отсюда!

Бросил грабитель узел и убежал со всех ног.

И тут послышался тихий смешок. Выскочила из узла глиняная старуха и быстро заковыляла к себе в нишу.

А вот что случилось в другой раз.

Маленькая дочь хозяина пошла к подругам поиграть в прятки. Начало смеркаться. Дома хватились, что девочки нет. Поднялась тревога:

— Где она? Не стряслась ли с ней какая беда?

Вдруг смотрят, бежит девочка домой.

— Ты где была, зачем одна ходила?

— И совсем я не одна, а с бабушкой.

— С какой бабушкой?

— Да с нашей, с ниточницей. Она меня всю дорогу за руку вела.

Пошли поглядели на полку в нише. А старуха забилась в самый дальний уголок, и лицо у нее виноватое.

Скоро о старухе ниточнице пошла слава по всему городу.

Как-то раз один сосед зашел в гости к зонтичному мастеру и, попивая чай, сказал:

— У вас вот старуха, а у нас с давних времен стоит в нише глиняный старичок, славный такой.

В тот же день старуха ниточница пропала. Пошли искать, а она в соседнем доме на полке рядом со старичком стоит. Сколько раз ни приносили старуху домой — она все убегала. Так и отступились.

И до сих пор в городе Сэндай стоят вместе две глиняные фигурки: старуха ниточница и седобородый старичок.

ЛУНА НА ВЕТКЕ

На окраине города Мияти, возле храма Асо-дзиндзя* находится «Роща старого бога». Там у самой дороги стоит высокое дерево — эноки*. По ночам появлялся в том месте проказливый барсук и морочил людей.

Умел он принимать разные образы, но больше всего славилось его искусство показывать полную луну на ветке.

Влезал барсук на дерево-эноки, вытягивал вперед одну из своих лап, и она становилась раскидистой веткой. Этого мало! Сияла на ветке полная луна. Каждый, кто проходил мимо, останавливался и говорил: «Какая красота!» — а барсук себя не помнил от гордости.

В темные и дождливые ночи призрачная луна разгоралась еще ярче, а прохожие изумлялись еще сильнее.

Однажды в такую ночь, когда ни один луч не пробивался сквозь тучи, барсук решил, по своему обычаю, удивить прохожих.

Шел мимо один человек и вдруг увидел раскидистую ветку, а над нею полную луну. Остановился он и залюбовался:

— Ах, до чего красна луна в «Роще старого бога!»

Но в эту минуту выкатилась из-за облаков другая луна. Стало их сразу две.

— Что за наваждение! — вскричал прохожий. — Две луны! Чудится мне, что ли?

Тут барсук спохватился. Призрачная луна вдруг спряталась позади дерева.

— Ах, вот одна исчезла! — подивился прохожий. — И как раз самая красивая.

Обрадовался барсук похвале и снова показал луну из-за дерева.

— То одна, то две! Непостижимо! Что-то здесь творится неладное. Нет, страшно здесь одному в такую пору!

И прохожий убежал со всех ног.

А вот что случилось в другой раз.

Дождался барсук ночи потемнее, влез на дерево, вытянул вперед лапу-ветку с призрачной луной и поджидает путников.

Вот наконец показался один на дороге. Увидел он призрачную луну и прошептал сквозь зубы:

— Эге, господин барсук! Ты думаешь меня обморочить. Не выйдет! Я сам славню тебя проведу.

Этот путник был человек бывалый и слышал не раз про барсучьи проказы. Барсук старался вовсю. Луна у него так и сверкала, так и горела над темной изогнутой веткой.

Вдруг прохожий сказал:

— Что-то здесь не ладно. Луна в это время должна стоять ниже.

Барсук, услышав это, спохватился, и луна вдруг нырнула вниз.

— И опять не то, — громко говорит прохожий. — Сейчас она стоит уж слишком низко. Отчего это, хотел бы я знать?

Вдруг луна взлетела вверх.

— Чудеса! А теперь съехала куда-то в сторону. Ведь она была правее...

Еще больше растерялся барсук. Луна вдруг пошла вправо.

— Ну и чудно! Теперь ветка стала короче. Ведь она куда больше торчала в сторону...

Совсем голову потерял барсук. Вытянул он луну-ветку сколько мог дальше и не удержался, кувырком слетел с дерева.

Убежал барсук опрометью в чащу, а прохожий, посмеиваясь, пошел опять своей дорогой.

СТРАНСТВИЯ МОЛОДОГО ЮРИВАКА*

В старину, в далекую старину это случилось, лет тысячу тому назад.

У левого министра* Сидзё — верховного правителя Девяти провинций* был сын по имени Юривака. С юных лет отличался он умом и мужеством, а в искусстве владеть луком не знал себе соперников. Кто в Девяти провинциях не слышал о подвигах Юривака? Во всем улыбалось ему счастье: молодая жена его Касуга-химэ была добра и красива.

Но вот в соседней стране Сираги* разгорелась великая смута, случались набеги и на побережье Девяти провинций.

По приказу из столицы должен был Юривака отплыть за море с большим войском, чтобы усмирить страну Сираги. Пришлось ему надолго разлучиться с любимой женой.

— Прощай, Касуга-химэ, жди меня в добром здравии. Я непременно вернусь к тебе.

— Прощай, супруг мой Юривака, береги и ты себя в дальнем пути. А я буду ждать тебя и хранить тебе верность.

Прошло три года.

После долгих и трудных боев усмирил Юривака непокорную страну Сираги и на многих кораблях отплыл вместе со своими воинами обратно к берегам Японии. Захотелось воинам отдохнуть по пути, и вот решили они пристать к маленькому острову в открытом море.

Вышел Юривака и все его спутники на берег. Вечером устроен был пир в честь победы. Давно Юривака не брал в рот ни капли вина и с непривычки сильно захмелел. Уснул он крепким сном.

Но были среди верного войска два брата — Каранака и Мотомаса. Втайне ненавидели они молодого Юривака. Хотелось им присвоить славу победы.

Великое предательство задумали братья. Обманули они лов-

ко сплетенной небылицей всех других воинов и отплыли на кораблях, покинув Юривака одного на пустынном берегу. А прибыв в Японию, братья объявили:

— Предводитель наш Юривака убит в бою.

Все почести достались братьям. В столице пожаловали им звание военачальников. Скоро Каранака и Мотомаса вошли в такую силу, что стали править всеми Девятью провинциями.

Но велико было горе Касуга-химэ. Вспоминая прощальные слова Юривака, она заливалась горькими слезами. Дни и ночи тосковала Касуга-химэ.

Но вот однажды явился к ней посол от Каранака и стал уговаривать ее выйти замуж за своего господина.

А для Касуга-химэ это было хуже смерти. Не стала она и слушать посланного.

— Я жена молодого Юривака. Не пойду за другого.

Много раз засылал к ней сватов Каранака. Никак он не хотел оставить ее в покое. Под конец пришел он в страшный гнев и заточил непокорную Касуга-химэ в темницу.

* * *

Крепко захмелел молодой Юривака. Всю ночь проспал он, а наутро видит: покинули его. Пустынно море, не белеет в нем ни одного паруса. Пусто на острове, нет на нем ни души, кроме Юривака!

Но остались у Юривака его могучий лук и верный сокол. Звали этого сокола Футимару. Всюду он следовал за своим господином, не покинул его и теперь.

— Футимару!.. Ты мой единственный друг. Я — прославленный стрелок Юривака — упал духом и не надеюсь больше на спасение. Придется мне, видно, погибать одному на безлюдном острове.

Словно понял сокол слова своего господина. Взмыл он кверху и начал с громким криком кружить над головой Юривака, как будто бы хотел ободрить его.

К счастью, на острове росли плодовые деревья и не было недостатка ни в рыбе, ни в птице. Стал Юривака добывать себе пропитание охотой, стрелы его не знали промаха.

А жена его Касуга-химэ вздыхала в дальней темнице. Не раз она думала: «Хоть бы умереть скорее... Наложить на себя руки — и конец!»

Но каждый раз отгоняла эту мысль: «Рано отчаиваться! А вдруг Юривака жив?»

Однажды услышала Касуга-химэ шум птичьих крыльев. Поглядела она сквозь решетку окна и увидела, что с неба, кружась, спускается сокол.

— Ах, неужели это Футимару? Футимару... Значит, жив еще Юривака.

Стала Касуга-химэ гладить сокола, а сердце у нее в груди так и бьется, так и трепещет.

Написала она стихотворение на листке и привязала листок к ноге сокола.

— Лети, Футимару, отнести эту весточку твоему господину.

Прочитал Юривака письмо своей жены и в лице переменился. Даже ее не пожалели враги! Захотел он написать ей стихотворение в ответ, да нечем было. Тут надрезал он палец и написал письмо кровью на обрывке полотна. Снова полетел верный сокол к Касуга-химэ с письмом от своего господина.

Прочла Касуга-химэ стихотворение, написанное кровью, и полились у нее слезы. Взяла она кисть и тушечницу с тушью, завернула в платок и привязала к ноге Футимару. С трудом взлетел сокол и медленно-медленно полетел вдаль. Но слишком тяжело было ему лететь, и упал он в морские волны.

Прошло несколько дней, и принесли волны труп верного сокола к берегу острова. Увидел его Юривака и похоронил на вершине горы. Теперь он остался совсем один.

Каждый день поднимался Юривака на гору и зорко вглядывался в даль моря: не покажется ли парус? И вот однажды в самом деле приплыл к острову рыбацкий челнок. «Уж не сон ли это?» — подумал Юривака.

— Эй, рыбаки! — закричал он громким голосом. — Возьмите меня в ваш челнок. Зовут меня Юривака, родом я из страны Бунго...*

Но что это? Рыбаки должны были увидеть и услышать его, а между тем челнок вдруг поспешно повернул назад и стал удаляться.

— Эй, эй, люди на челне! Я Юривака, в самом деле Юривака... Пойдите, возьмите меня! Не чудище я, а живой человек.

Но напрасно кричал он!

Юривака оброс бородой до самых глаз, волосы у него висели длинными лохмами, платье изорвалось... Даже за человека не признали его рыбаки. Понял это Юривака и горько рассмеялся.

Так пробыл он на острове два долгих года. Но наконец все же приняли его на какой-то корабль и доставили на родной берег.

А в этот самый день было там по случаю большого праздника устроено состязание по стрельбе из лука.

— А ну, кто из вас сумеет выстрелить из этого лука? Если есть такой силач, выходи! — громко потешался Каранака, показывая пальцем на огромный железный лук.

Думал он, что никто не откликнется на его зов, но вдруг выходит из толпы неторопливым шагом молодой Юривака. Никто не признал его, так он изменился.

— Ну что ж, незнакомец, попробуй свое счастье! — усмехнулся Каранака. — Мы позабавимся!

Наложил Юривака на тетиву длинную-длинную стрелу и легко натянул лук. Громко завизжала в воздухе стрела, полетела так быстро, что глазом не уследишь, и вонзилась в самую середину меты...

А за ней вторая, третья... Одна стрела вонзается в другую.

— О, да ведь это сам Юривака!

— Смотрите, молодой Юривака!

— Юривака вернулся! — зашумели люди. Тут уж и братья-предатели поняли, что перед ними сам Юривака, но было поздно! Четвертая стрела пробила грудь Каранака. Хотел было Мотомаса спастись бегством, но пятая стрела догнала его и пронзила насквозь.

Так пали от руки Юривака братья-предатели, а сам он поспешил туда, где сидела в темнице жена его Касуга-химэ. Растворились перед ней двери, и вышла она, радостная, на свободу.

И с тех пор в Девяти провинциях воцарились спокойствие и мир.

ПЕВЕЦ С ОТОРВАННЫМИ УШАМИ*

Случилось это в старину, в далекую старину, много веков тому назад. В селении Акамагасэки был храм Амида, где молились за упокой всех погибших из рода Тайра. Настоятель этого храма очень любил слушать одного слепого певца по имени Хоити. Нищий Хоити бродил по окрестным деревням и под звуки цитры пел о падении и гибели могучего рода Тайра, о великих битвах прошлого.

Настоятель приютил Хоити у себя в храме и стал заботиться о нем.

Однажды летом, под самый вечер, позвали настоятеля в дом одного из прихожан совершить заупокойную службу. Вместе с ним пошли и служки. Хоити остался в храме один.

Стояла душная жара, и слепцу не спалось. Сидя на веранде, он поджидал настоящего.

Вдруг подул прохладный ветерок, и со стороны ворот слышались чьи-то тяжелые шаги. Слепец прислушался. Наверно, это шел воин: в лад шагам доспехи побрякивали. Воин остановился прямо перед слепцом и сказал:

— Я слуга одного высокого лица. Мой господин сейчас находится в Акамагасэки. Узнал он, что есть здесь хороший певец, умеющий играть на цитре. Он хочет послушать тебя. Идем же со мной немедленно.

Слепцу показалось, что его влечет какая-то неотвратимая сила. Не мог он отказаться и взял свою цитру, а воин повел его куда-то за руку.

Короткое время шли они по дороге неизвестно куда, а потом поднялись по ступеням лестницы, такой высокой, словно вела она во дворец. Удивился Хоити, он ведь знал, что поблизости никакого дворца не было. Но вот слышит он: ввели его в залу, полную знатных людей; шуршат шелка женских одежд, слышится вежливая речь придворных...

— Господин наш соизволил пожелать, чтоб исполнил ты сказ про битву Данноура. Начинай же! — прозвучал властный, сухой голос. Так могла говорить только самая знатная госпожа.

Повинуясь ей, Хоити заиграл на цитре и запел о гибельной битве. В зале все затихло, не слышно было ни звука.

Но вот начал он сказ о том, как старая государыня Нии погрузилась в пучину моря вместе с юным императором Антоку.

*О, горе, горе!
Великое горе!
Смотрите,
Как ветер внезапно развеял
Весенний, едва лишь раскрывшийся цвет.
О, печаль!
О, рок беспощадный!
Смотрите,
В бурных волнах исчезает
Прекрасный, как яшма, царственный лик.*

При этих словах вдруг слышались неистовые стоны и леденящий душу плач. Певец замолк, но рыдания долго не утихали.

Наконец Хоити покинул дворец, удостоившись самых высоких похвал.

— Наш господин восхищен твоей игрой на цитре. Еще шесть ночей подряд мы будем посылать за тобой. Смотри же непременно приходи, но никому об этом ни слова! — приказал певцу тот же самый повелительный женский голос.

Хоити обещал молчать.

На следующую ночь опять пришел за ним тот же воин и снова отвел слепца туда же, куда и прежде.

Снова Хоити начал сказ о гибели рода Тайра. И снова еще громче прежнего раздались рыдания, возгласы: «О, горе нам, горе!», глухо зазвенело оружие... И раньше, бывало, люди плакали, слушая певца, но таких скорбных вздохов и стенаний он никогда еще не слышал.

Незадолго до рассвета слуга отвел его назад в храм.

Но настоятель заметил, что Хоити странным образом ушел куда-то поздней ночью, никому не сказавшись.

— Послушай, Хоити! Куда это ты ходил в такой поздний час? — мягко спросил он слепца.

Но Хоити, помня свое обещание, не проронил ни слова.

Встревожился настоятель и велел служкам следить за слепцом. Когда ночью Хоити потихоньку вышел из храма, один из служек пошел за ним по пятам.

Ночь была ненастная. Стояла непроглядная темь. Хоити шел вперед уверенным и быстрым шагом, как будто кто-то вел его за руку. Служка скоро потерял слепца из виду и хотел уже повернуть назад, как вдруг до него донеслись со стороны кладбища громкие звуки цитры.

«Тут что-то неладно...» — насторожился служка и пошел поглядеть. Видит он: сидит Хоити перед усыпальницей Тайра, играет на цитре и поет о битве при Данноура, а вокруг него летают синие огоньки.

Испуганный служка схватил слепого певца, силой потащил его оттуда и все рассказал настоятелю. Лишь тогда Хоити поневоле открыл свою тайну.

— Страшное дело! — воскликнул настоятель. — Жаль мне тебя, Хоити, ты попал во власть мертвецов. Того, кто хоть раз говорил с мертвецами, они уже считают своим и ни за что не выпустят из-под своей власти. Ночь от ночи они будут все больше приходить в неистовство, пока не растерзают тебя. Беда нависла над тобой. Но попробую спасти тебя чудесной силой сутры, отгоняющей демонов.

Тут с помощью служки раздел он Хоити донага и написал повсюду кистью на его теле священные знаки этой сутры.

— Когда за тобой придут ночью, смотри — ни звука. Сиди неподвижно. Если пошевелишься, если подашь голос, тебя утащат силой, и тогда ты погиб, — сказал слепцу настоятель, и к вечеру он снова ушел. Хоити остался один.

Настала глубокая ночь.

Слепец, как всегда, сидел на веранде. Вдруг снова зазвучали знакомые шаги посланного воина. Он остановился перед слепцом и властно позвал:

— Хоити!

Но тот замер, затаив дыхание.

— Хоити! — снова позвал посланный еще суровее прежнего. — Хоити! — крикнул он в третий раз голосом, полным гнева.

Но Хоити словно в камень обратился. Тогда воин тяжелыми шагами взошел на веранду, наверно, для того, чтобы потащить его силой, но вдруг застонал:

— О-о-о! — и медленно попятился назад. — Кто это? Кто сидит здесь, весь покрытый священными письменами? Я не могу приблизиться. Страшно мне, страшно! Я не в силах подойти. Сотри эти письмена, скорее, скорее!

Потом наступило молчание. Хоити почувствовал на себе пристальный взгляд.

— А! — внезапно воскликнул воин. — А! Остались незащищенные места. Вижу твои уши! Я все-таки заставлю тебя пойти со мной.

И он ухватил слепца за оба уха и с силой потащил за собой. Хоити почувствовал нестерпимую боль, но стиснул зубы и не издал ни звука и не сдвинулся с места. Воин еще раз рванул изо всех сил и оторвал ему оба уха напрочь. Кровь хлынула ручьями, но Хоити так и не пошевелился.

— Покажу эти уши моему господину в знак того, что я приходил сюда! — воскликнул посланный. Шаги его начали удаляться и замерли вдали, а Хоити упал без памяти.

Когда настоятель вернулся, он горько пожалел о том, что забыл написать священные знаки на ушах слепца. Из-за этого Хоити был на волосок от гибели...

Слух об этом чудесном происшествии распространился повсюду. Все говорили о «певце с оторванными ушами». Народ стал собираться толпами, чтобы послушать Хоити. И вскоре безвестный до того певец стал славен по всей Японии.

ГОРШОК БЕЛЫХ ХРИЗАНТЕМ

В старину, в далекую старину жил один князь. Была у него законная жена, но он о ней и думать позабыл с тех пор, как взял себе молодую наложницу. Дни и ночи проводил князь в покоях своей возлюбленной, а покинутая жена обливалась слезами. Только и утешения ей было, что играть на цитре.

Но вот однажды явился к супруге князя посланный от наложницы с просьбой дать на время цитру. Слова не сказала жена, отдала свою любимую цитру и стала играть на простом сямисене*. Хорошо она играла, заслушаешься.

Узнала про это наложница и позавидовала. Послала она слугу за сямисеном. Отдала жена и сямисен. Только и радости у нее осталось: горшок хризантем. Были эти хризантемы белее первого снега. Целый день любовалась на них покинутая жена, утирая слезы.

Но вскоре явился посланный от соперницы: просит она отдать ей горшок хризантем. Отослала жена князя цветы вместе с таким стихотворением:

*Я цитру свою отдала,
Я отдала сямисен,
Любимого отдала я.
Так стану ли я жалеть
Вас, белые хризантемы?*

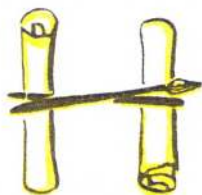
Поняла наложница всю низость своей души, и стало ей стыдно. Покинув дом князя, скрылась она куда-то, а князь снова вернул свою любовь жене.

Повесть о прекрасной Отикубо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

е в наши дни, а давно-давно жил один тюнагон по имени Минамото-но Дадаёри, и было у него много красивых дочерей. Двух старших достойным образом выдали замуж и поселили в роскошных покоях родительского дворца — одну в западном павильоне, а другую в восточном. Двух младших окружили самыми нежными заботами, готовясь в скором времени торжественно отпраздновать обряд их совершеннолетия, когда на девушку впервые надевают длинное мо.

Была у тюнагона и еще одна дочь. В былые дни он иногда навещал ее мать, происходившую из обедневшей ветви императорского рода, но возлюбленная его рано ушла из этого мира.

У законной супруги тюнагона Китаноката — «Госпожи из северных покоев» — было жестокое сердце. Она невзлюбила свою падчерицу, обращалась с ней хуже, чем с последней служанкой, и поселила ее поодаль от главных покоев дворца, в маленьком домике у самых ворот. Звали этот домик просто «отикубо» — «каморкой», потому что пол у него был почти вровень с землей.

Само собой разумеется, падчерицу не позволяли величать, как других дочерей, ни высокородной госпожой, ни каким-нибудь другим почтительным прозвищем. Хотела было Госпожа из северных покоев дать ей такое имя, какое годится только для служанки, но побоялась, что мужу это не понравится, и приказала: «Живет она в отикубо — каморке, пусть и зовут ее Отикубо. Так это имя за ней и осталось.

Сам тюнагон тоже не выказывал особой отеческой нежности к этой своей дочери. С самых ее младенческих лет он был к ней

равнодушен, и потому она попала безраздельно во власть мачехи и нередко чувствовала себя одинокой и беззащитной.

На всем свете не было у нее ни родных, ни близких, ни даже кормилицы, никого, кто мог бы послужить ей опорой в жизни, кроме одной молоденькой служанки. Служанка эта, бойкого ума девица по прозванию Усиромы, ходила за ней еще при жизни ее матери. Обе девушки от всей души жалели друг друга и не разлучались ни на одно мгновение.

В красоте Отикубо не уступала своим холеным и балованным сестрам, но на людях она не показывалась, и потому свет о ней ничего не знал.

Чем старше становилась Отикубо, чем больше входила в разум, тем сильнее страдала оттого, что жизнь к ней так немилосердна и что на долю ее выпадают одни только горести. Она жаловалась на свою судьбу в песнях, всегда таких грустных. Вот одна из них:

*Каждое новое утро
Новой бедой грозит,
Новой обидой ранит.
Что мне сулит этот мир?
В чем я найду отраду?*

Девушка всегда была печальна. Ее грустный вид без слов говорил о том, как глубоко она чувствовала людскую несправедливость.

От рождения Отикубо была наделена светлым умом и многими талантами. Она могла бы хорошо играть на семиструнной цитре, но кто стал бы учить ее? Только в самом раннем детстве, лет шести-семи, она училась у своей матери играть на цитре с тринадцатью струнами, и то в совершенстве овладела этим искусством.

Когда ее младшему брату Сабуро, сыну законной жены тюагона, исполнилось десять лет, он очень полюбил игру на цитре.

— Обучи его, — приказала мачеха, и Отикубо иногда показывала мальчику, как надо играть на цитре.

От скуки в свободные часы она начала заниматься шитьем и скоро научилась отлично владеть иглой.

— Вот это похвально! — обрадовалась мачеха. — Девицы ничем не примечательной наружности должны прилежно учиться какому-нибудь мастерству.

И посадила падчерицу за шитье, не давая бедняжке ни минуты отдыха. Отикубо пришлось одной мастерить все наряды для обоих мужей своих старших сестер. Иногда она ночами глаз не смыкала. Чуть опоздает, мачеха начнет донимать попреками:

— Попросишь эту недотрогу сделать суший пустяк, и то корчит недовольное лицо. Что же она считает подходящей для себя работой, скажите на милость?

Девушка украдкой лила слезы и вздыхала:

— О, как бы я хотела поскорее умереть!

Тем временем торжественно отпраздновали совершеннолетие третьей дочери, Саннокими, и вскоре же выдали ее замуж за одного молодого человека в чине куродо-но сёсё. А Отикубо стало еще тяжелее: пришлось шить для зятя новые наряды.

В доме не было недостатка в молодых и красивых прислужницах, но кто из них согласился бы взять на себя такой низкий труд, как работа иглой! Служанки часто издевались над Отикубо, и она, проливая слезы над шитьем, сетовала:

*Напрасно путь я ищу,
Чтоб навсегда покинуть
Этот жестокий мир.
Несу я трудную ношу:
Грустную жизнь мою.*

Усироми могла поспорить с кем угодно красивой наружностью и длинными прекрасными волосами, и потому ее приставили для услуг к новобрачной. Поневоле пришлось подчиниться. Грустно было Усироми, но что могла она поделать?

— Самое мое заветное желание в жизни: никогда не разлучаться с вами. Даже когда моя родная тетушка прислала за мной, я и то отказалась покинуть вас. За что же мне судьба послала такое наказание? Почему должна я служить не вам, моей любимой госпоже, а чужой женщине?

— Полно, что за разница, ведь мы по-прежнему будем жить в одном доме. Я даже рада, ведь ты ходишь в жалких отрепьях, а теперь тебе подарят новые наряды.

Усироми была полна признательности к своей юной госпоже за ее доброту и любовь. Она не в силах была видеть, как Отикубо грустит в одиночестве, и, страдая за нее душой, каж-

дую свободную минуту прибегала к ней. И крепко же доставалось за это Усироми!

— Отикубо по-прежнему то и дело зовет к себе эту служанку! — сердилась госпожа Китаноката. Не часто случалось теперь девушкам поговорить по душам. Даже звать Усироми стали теперь по-новому. Мачеха решила, что раз она служит новой госпоже, то и прежнее имя ей не подходит, и дали ей новое — Акоги.

В свите нового зятя, мужа Саннокими, находился один меченосец, очень смышленный молодой человек по имени Корэнари. Ему приглянулась Акоги. Долгое время они посылали друг другу любовные письма и, наконец, вступили в брачный союз. Супруги откровенно, без утайки, говорили обо всем между собой. Акоги часто рассказывала мужу о своей любимой госпоже, о том, какое доброе сердце у Отикубо, как она хороша собой и сколько ей приходится терпеть незаслуженных притеснений и обид от бессердечной мачехи.

Заливаясь слезами, Акоги просила:

— Ах, помоги мне устроить ее счастье! Вот было бы хорошо, если б мою барышню тайком выкрал из дому какой-нибудь достойный человек и женился бы на ней.

Акоги с меченосцем все время говорили между собой о грустной участи Отикубо и от души ее жалели, стараясь придумать способ, как помочь ей.

Мать этого меченосца была кормилицей одного знатного молодого человека по имени Митиёри. Он был сыном главного начальника Левой гвардии и сам имел звание сакон-но сёсё: младшего начальника Левой гвардии. Юноша был еще не женат и потому расспрашивал всех о том, какие дочери имеются на выданье в благородных семьях.

Как-то раз меченосец завел при нем речь о горькой участи Отикубо, и этот рассказ запал юноше в сердце. Митиёри улучил минуту и, оставшись с меченосцем наедине, стал его подробно расспрашивать о ней.

— Ах, несчастная, как, верно, тяжело у нее на душе! — воскликнул он. — Ты говоришь, она происходит из высочайшего рода... Устрой мне с нею тайную встречу!

— Как же так сразу! Ведь она и в уме таких мыслей не держит. Я должен сначала сообщить ей о ваших намерениях и узнать ее ответ.

— Введи меня к ней в покои, введи непременно, ведь она живет отдельно от семьи, у самых ворот...

Меченосец рассказал обо всем Акогои.

— Но у моей госпожи сейчас ничего подобного и в помыслах нет. Я слышала, кроме того, что этот молодой человек — порядочный повеса, — стала возражать Акогои. — Как же я стану уговаривать ее довериться известному ветре-нику?

Но, увидев, что муж раздосадован отказом, она мало-помалу сдалась.

— Хорошо, я поговорю с моей госпожой при удобном слу-чае.

Акогои отвели для жилья тесный закуток рядом с комнатой Отику-бо. Но Акогои думала, что ей, как служанке, не подобает стелить свою постель вровень с господским ложем, и уходила спать в клетушку, пол которой был еще ниже, чем в покоях ее молодой госпожи.

Был первый день восьмого месяца года.

Отикубо лежала одна на постели. Не в силах сомкнуть глаз, она послала тихую мольбу к своей покойной матери:

— Матушка, возьми меня к себе, мне так тяжело.

*О, если у тебя осталась
Хоть капля жалости ко мне,
Вернись, возьми меня с собой.
Не оставляй меня в добычу
Печалям горестной земли.*

Так искала она утешения в напрасных жалобах.

На другое утро Акогои попыталась было завести с ней разго-вор о любовных исканиях молодого вельможи.

— Муж мой сказал мне то-то и то-то... Что вы об этом думаете? Ведь нельзя же вам до конца ваших дней оставаться одинокой.

Девушка ничего не ответила. Акогои смутилась и не знала, как продолжать, а в это время ее позвали:

— Подай госпоже Саннокими воду для умывания!

Так и пришлось ей уйти ни с чем.

В глубине души Отикубо решила, что в жизни ей все равно нечего ждать хорошего. Несчастная сирота, потерявшая еще в раннем детстве мать, она только и мечтала о смерти. Даже если б она постриглась в монахини, ей все равно не удалось бы покинуть отцовский дом, где к ней так безжалостны. Нет, уж лучше умереть!

Тем временем меченосец отправился во дворец отца Митиёри.

— Ну, что слышно насчет того дела? — нетерпеливо спросил юноша.

— Я потолковал с моей женой, а она говорит: «Так сразу тут ничего не добьешься!» Обычно если у девушки есть родители, то можно как-нибудь поторопить сватовство, но отец молодой госпожи настолько под пятой своей супруги, что навряд ли с ним столкнешься.

— Я же тебе говорил с самого начала: устрой нам тайную встречу. В такое семейство не очень-то приятно войти на правах законного зятя. Если я ее полюблю, то возьму к себе в дом. А если она мне не понравится, то связь можно и прекратить под тем предлогом, что в свете пошли пересуды.

— Я узнаю ее решение и сообщу вам, — сказал меченосец.

— Ты погоди! Надо же мне посмотреть на эту девушку раньше, чем решить окончательно. Как я могу дать свое слово, не повидав ее? Ты скажи, что я, мол, человек верный, не покину ее скоро.

— Не покинете скоро? И это, по-вашему, пылкое признание в любви? — нахмурился меченосец.

— Я хотел сказать «никогда», но оговорился. — И Митиёри со смехом вручил меченосцу любовное послание. — На, возьми, передай.

Тот с неохотой принял письмо и отдал его Акоги.

— Вот послание для твоей госпожи.

— Ах, что за мерзость! Нет уж, избавь меня! Я не хочу подбивать свою барышню на разные глупости.

— А ты все-таки уговори ее написать ответ. Ничего в этом нет дурного.

Акоги отнесла письмо к Отикубо.

— Вот послание от того молодого человека, о котором я вам недавно говорила.

— Что ты делаешь? Если об этом узнает матушка, разве она меня похвалит? — ужаснулась Отикубо.

— А когда ваша мачеха сказала о вас доброе слово? Вот еще была забота с ней считаться!

Отикубо ничего не ответила.

Акоги зажгла свечу и прочла письмо. В нем было только одно это стихотворение:

*Едва я узнал, что живешь ты на свете,
Как сердце мое прилепилось к тебе.
О чистый ключ на горе Цукуба,
Незримый для путника, скажи мне,
Где ключ к незримой моей любви?*

— Какой изящный почерк! — тихонько ахнула от восторга Акого, но, увидев, что Отикубо осталась безучастной, сложила письмо, спрятала его в ларец и вышла из комнаты.

— Ну как, прочла твоя госпожа письмо? — полюбопытствовал меченосец.

— Нет, и не взглянула даже. Так непрочитанным я его и спрятала.

— Не понимаю. Уж все бы лучше, чем жить так, как она сейчас живет... И нам обоим, глядишь, этот любовный союз пошел бы на пользу.

Наутро тюнагон заглянул по дороге из дому в комнатку своей дочери и увидел, что на ней самое убогое платье. Только длинные черные волосы, красиво рассыпаясь по плечам, несколько скрадывали безобразие этого наряда. Отцу стало жаль девушку.

— Как ты плохо одета! Жаль мне тебя, ты совсем заброшена, но сначала ведь надо позаботиться о законных дочерях. Если подвернется тебе случай устроить свою жизнь, пожалуйста, без церемоний поступай сама как знаешь. Бедняжка, несладко тебе живется!

Отикубо от смущения не могла выговорить ни слова...

Под впечатлением этой встречи тюнагон сказал своей жене:

— Сейчас я заглянул к Отикубо. На ней только одно убогое платье из некрашеной ткани. Нет ли у наших дочерей какого-нибудь лишнего старого платья? Нынче ночи такие холодные...

— Ах, я ей все время дарила наряды. И куда только она их надевала? Совсем не умеет беречь!

— Беда с ней! Отикубо рано лишилась материнских забот и к тому же, видно, неряшлива по натуре, — с досадой воскликнул тюнагон.

Госпожа Китаноката велела падчерице сшить парадные хакама для младшего зятя.

— Уж постарайся, сшей как можно лучше. За труды я подарю тебе хорошее платье.

Восторгу девушки не было границ. Она сшила хакама быстро и так красиво, что мачеха осталась довольна и подарила ей со своего плеча старое шелковое платье на вате, украшенное ткаными узорами.

Стояла осенняя пора, когда ледяной ветер пронизывает до костей и не знаешь, как укрыться от холода. Отикубо так зябла, что обрадовалась и этому жалкому подарку. Видно, бедственная жизнь уже надломила ее гордый дух.

У младшего зятя, куродо, был горячий нрав. Он громко возмущался всем дурным, но зато и до небес превозносил все хорошее. Вот и теперь тоже он не поскупился на похвалу:

— Превосходная вещь! Отлично сшита!

Прислужницы пересказали его слова мачехе.

— Потихе, не так громко! — прикрикнула она на них. — Еще, чего доброго, Отикубо вас услышит. Она и без того зазнается. Таких надо держать поостроже. Счастье для нее, что ей приходится обслуживать другим, а то она возомнила бы о себе неизвестно что.

Женщины тихонько шептались между собой:

— Как только госпоже не совестно так безжалостно говорить о такой милой и скромной девушке!

А между тем Митиёри, решившись не отступать от своего, послал Отикубо второе любовное письмо, привязав его к пучку полевого мисканта.

*Уже завязали колос
В сердце моем побеги любви.
О прекрасный цветок полевой!
Прошелести чуть слышно,
Голову тихо склони в ответ.
Ответа не было.*

В один из дней, когда лил осенний дождь, он снова послал ей письмо:

«Я слышал, что у вас нежная душа, а между тем вы не знаете сострадания.

*Просвета нет в облаках.
Сыплется дождь бесконечный...
И, словно осенний день,
Туманится от печали
Сердце, любящее тебя».*

И опять никакого ответа.
Но Митиёри, упорствуя, написал снова:

*Зыбкий мост облаков
Над стремниной Небесной реки.
Ты на том берегу.
Берегу я надежду в пути,
Что блеснет мне ответный луч.*

Так он писал ей почти каждый день, а Отикубо все не отвечала. Наконец Митиёри сказал меченосцу:

— Девушка эта, видно, очень застенчива. Она никогда еще не получала любовных писем и, наверно, даже не знает, как отвечать на них. Но я слышал от тебя, что у нее доброе сердце, открытое для сострадания, так почему же она не пошлет мне хоть самый краткий ответ?

— Вот уж не знаю почему. Может, боится. Мачеха у нее — сущая ведьма. Молодая барышня живет в вечном страхе, только и думает, как бы не прогневить Госпожу из северных покоев каким-нибудь пустяком. Того и гляди, из дому выгонит.

— Я же тебе все время говорю, введи меня без дальних слов в покои к девушке, — настойчиво потребовал Митиёри, и тот не посмел послушаться. Оставалось только найти удобный случай.

Десять дней не было вестей от влюбленного. Наконец он написал:

*«Пора образумиться мне.
К чему писать понапрасну?
Твоя жестокость растет,
Как в озере Масута
Густеет трава водяная.*

Я пытался усмирить свою любовь, но напрасно! Не в силах дальше так страдать, я снова пишу вам, хотя и сам понимаю, что нарушаю этим светские приличия...»

Меченосец сказал Акого:

— На этот раз непременно нужно дать ответ. Уж ты как-нибудь уговори свою барышню, а то молодой господин бранит меня за недостаток усердия...

— Госпожа моя сказала, что не умеет писать любовные письма, — отговаривалась Акого. — Ты бы видел, как она смутилась.

Она показала письмо Отикубо, но как раз в это время муж второй дочери собирался в отъезд по срочному делу. Отикубо спешно шила для него парадную одежду и опять не ответила на письмо.

Митиёри подумал, что она и в самом деле, как говорит Акого, не умеет писать любовные письма, но он много слышал о том, какое доброе, отзывчивое сердце у Отикубо, и потому не терял надежды. Скорее ему был по душе такой скромный нрав девушки.

— Что ты тянешь! — торопил он меченосца.

Однако на господском дворе всегда толклось много народу и удобный случай все не представлялся. Митиёри изнывал от любовной тоски. Но тут стало известно, что тюнагон отправляется в храм Исияма исполнить один свой старинный обет. Все домочадцы принялись осаждать тюнагона просьбами, чтобы он взял их с собой. Даже старух и тех постеснялись оставить дома, одну только Отикубо покинули в ее каморке.

Наканокими, вторая дочь, попробовала было вступить за сестру:

— Возьмем с собою и Отикубо. Жаль оставлять ее, бедняжку, дома в одиночестве.

Но Госпожа из северных покоев и слушать не стала.

— Что за новости! Она никогда порога дома не переступала. Да и как она будет шить в дороге? Ни к чему приучать ее к ненужным развлечениям, пусть-ка лучше посидит дома взаперти.

Акого, как служанку третьей дочери — Саннокими, собрались было красиво нарядить и взять с собой, но она пожалела оставить свою прежнюю госпожу в одиночестве и отговорила от поездки под предлогом, что у нее внезапно настало месячное очищение и в храме ей появляться нельзя.

— Вот еще выдумки! — рассердилась Китаноката. — Ты это нарочно говоришь, потому что тебе жаль оставить Отикубо.

— Ах, нет, напротив, мне очень досадно, что так случилось. Но ведь срок очищения скоро придет к концу. Если прикажете, я с радостью поеду. Кто же по доброй воле откажется от такого интересного путешествия? Старухи и то просят... — говорила Акого так убедительно, что Госпожа из северных покоев наконец поверила и приказала нарядить по красивее и взять вместо нее в дорогу простую девушку для черной работы, а ей позволила остаться.

В доме начались шумные сборы, поднялась дорожная сума-

тоха, но наконец все уехали, и Акого в наступившей тишине начала сердечную беседу со своей юной госпожой, чтобы развеять ее грусть. В это время принесли записку от меченосца:

«Я слышал, что ты не поехала в храм вместе с другими. Если это правда, я сейчас же приду».

Акого написала ему в ответ:

«Госпоже моей нездоровилось, и она осталась дома. Могла ли я покинуть ее? Нам очень скучно. Приходи навестить нас и принеси с собой те картины, которые ты однажды пообещал нам показать».

А надо сказать, что у младшей сестры Митиёри, носившей высокое звание младшей императрицы, было много свитков с красивыми картинами. Меченосец как-то говорил Акого, что если молодой господин начнет посещать Отикубо, то он непременно покажет им эти свитки.

Меченосец показал Митиёри записку, полученную им от Акого.

— Так это рука твоей жены, Корэнари? Очень красиво пишет. Вот случай, которого мы ждали. Ступай туда, все устрой.

— Дайте мне на время один свиток с картинами.

— Нет, я сам покажу ей, как ты мне раньше советовал. Когда буду у нее...

— Кажется, сейчас и в самом деле подвернулся удобный случай, — согласился меченосец.

Митиёри, смеясь, прошел в свои покои и нарисовал на белой бумаге недовольную физиономию мужчины: палец во рту, губы наморщены. Внизу он написал:

«Вы хотели полюбоваться на картины, извольте, посылаю вам одну.

*Сжаты печально уста.
Устало глаза глядят.
Может ли быть иначе?
Мало в жизни утех
У тех, к кому так жестоки.*

Впрочем, это письмо — ребячество с моей стороны».

Собираясь отнести послание господина, меченосец сказал своей матери, которая некогда была кормилицей Митиёри:

— Приготовь каких-нибудь вкусных лакомств и уложи их в корзинку. Я скоро за ними пришло.

Он отправился к дому тюнагона и вызвал Акогои.

— А где же картины? — любопытствовала она.

— Вот здесь. Отдай-ка это письмо барышне, тогда все узнаете.

— Опять какой-нибудь обман, — нахмурилась Акогои, но все же отнесла письмо своей юной госпоже.

Отикубо томилась от скуки и потому пробежала его взглядом.

— Что такое? Ты просила свитки с картинами? — воскликнула она.

— Да, я писала о них меченосцу, а господин сакон-но сёсё, верно, видел мое письмо.

— О, как это неприятно! У меня такое чувство, будто заглянули в самую глубь моего сердца. Для такой затворницы, как я, лучше оставаться безучастной ко всему на свете, — сказала Отикубо с недовольным видом.

Меченосец позвал Акогои, и она вышла к нему.

— А кто остался сторожить дом? — спросил он будто невзначай. — Как у вас стало пусто и уныло! Я сейчас пошлю к своей старушке за лакомством. — И он отправил нарочного к своей матери с наказом прислать все вкусное, что только найдется в доме.

Та уложила разные лакомства как можно красивее в две корзинки. Большую из них она наполнила до краев всевозможным рисовым печеньем, белым и красным попеременно, не забыла даже положить сверток с поджаренными зернами риса. И послала сопроводительное письмо:

«Такие кушанья едят неохотно даже в бедных домах. Боюсь, что особам, живущим во дворце, они придется не по вкусу. Этот жареный рис прошу передать девочке для услуг, как бишь ее по имени, кажется, Цую».

Зная, как грустно живет покинутой всеми Отикубо, старуха всячески старалась показать, что рада услужить ей хоть малостью.

Увидев корзинки с лакомствами, Акогои воскликнула:

— Это странно. По какому случаю и жареный рис, и сладости? Что ты затеял?

Меченосец засмеялся:

— Знать ничего не знаю. Зачем бы я стал дарить такие пустяки? Это моя старуха додумалась своим разумом. Эй, Цую! Возьми уйми это куда-нибудь.

И Акого с меченосцем стали, как всегда, толковать о своих господах. Решили, что молодой господин вряд ли пожалует в такую дождливую ночь, и спокойно легли спать.

Отикубо тоже прилегла и одна в ночной тишине стала перебирать струны своей цитры. Полилась прекрасная, полная задушевной грусти мелодия.

Меченосец заслушался.

— Как чудесно она играет!

— Правда, хорошо? А ведь покойная госпожа учила ее музыке очень недолго, когда девочке было всего лет шесть...

Пока они так мирно беседовали между собой, Митиёри украдкой приблизился к дому. Он послал одного из слуг сказать меченосцу:

— Выйди ко мне немедленно для важного разговора.

Тот сразу все понял и в замешательстве отозвался:

— Слушаюсь, сейчас иду! — и торопливо вышел.

Акого тем временем пошла к своей госпоже.

— Ну, что же? — спросил Митиёри. — Я приехал в такой проливной дождь, неужели мне возвращаться ни с чем?

— Вы так внезапно пожаловали, даже не предупредили меня заранее. Как же так вдруг! — упрекнул его меченосец. — А ведь еще неизвестно, что скажет молодая госпожа. Вряд ли что-нибудь выйдет сегодня.

— Не строй такой постной рожи! — И Митиёри наотмашь ударил меченосца.

Тот кисло улыбнулся.

— Что с вами поделаешь! Извольте выйти из экипажа.

И он показал Митиёри дорогу в дом.

Слугам было приказано прислать экипаж утром пораньше, пока еще будет темно.

Меченосец остановился возле двери в свою комнату и стал тихим голосом давать юноше советы, что дальше делать. В такую позднюю пору можно было не опасаться внезапных гостей.

— Я сначала погляжу на нее хоть в щелку, — сказал Митиёри.

Меченосец схватил его за рукав.

— Постойте! Вдруг она покажется вам не такой красивой, как вы ожидали? Что тогда? Как в романах пишут, любезник взглянул на нее, а она — безобразная уродина...

— Ну, тогда я вместо шляпы прикрою голову рукавом и убегу, — засмеялся Митиёри.

Меченосец спрятал его возле решетчатого окна, а сам решил караулить снаружи, опасаясь, как бы слуги, оставленные сторожить дом, не заметили незваного гостя.

Митиёри заглянул внутрь. Тесная каморка была еле освещена тусклым огоньком светильника, зато ни церемониальный занавес, ни ширмы не мешали взору, все было хорошо видно.

Лицом к нему сидела какая-то миловидная женщина с длинными прекрасными волосами, должно быть, Акогои. Поверх тонкого белого платья на ней было надето второе — из блестящего алого шелка.

Перед ней, опираясь на локоть, полулежала на постели совсем юная девушка. Наверно, она! Белое платье облегалo ее тонкий стан свободными легкими складками, ноги были прикрыты теплой одеждой из красного шелка на вате... Она глядела в другую сторону, лица почти не было видно. Головка у нее была прелестной формы, волосы удивительно красиво падали на плечи, но не успел он налюбоваться, как огонь вдруг погас.

«Какая досада!» — подумал Митиёри, и в душе его вспыхнула решимость добиться победы во что бы то ни стало.

— Ах, какая темнота! Ты говорила, что к тебе пришел твой муж. Иди к нему скорей!

Голос девушки, такой нежный, красивый, пленял слух...

— К мужу пришел гость, а я пока побуду с вами. Дома почти никого не осталось, должно быть, вам страшно одной, — ответила прислужница.

— Мне часто бывает страшно. Я уж привыкла.

Когда Митиёри вышел из своего тайника, меченосец начал его поддразнивать:

— Ну, что скажете? Проводить вас домой? А где же ваша шляпа? Изволили ее забыть с перепугу?

— О! Ты человек пристрастный, ведь ты без памяти влюблен в свою жену, — усмехнулся в ответ Митиёри. А сам в это время думал: «Какое старое, изношенное платье у бедняжки! Ей будет совестно передо мной...» — Позови свою жену поскорей и ложись-ка спать, — нетерпеливо приказал он.

Меченосец пошел к себе в спальню и позвал Акогои.

— О нет, эту ночь я проведу возле госпожи. А ты ложись поскорее спать или в нашем закутке, или где сам знаешь, — начала было отнекиваться Акогои.

— Я только хочу передать тебе то, о чем рассказал мне мой гость. Это очень важное дело. Выйди ко мне хоть на минутку, — попросил он снова через служанку Цую.

Наконец Акого отодвинула в сторону дверь и крикнула в сердцах:

— Ну, в чем дело? Что ты здесь буянишь?

Меченосец обнял ее:

— Гость сказал мне: «Не спи один в такую дождливую ночь». Идем со мной!

Акого засмеялась.

— Послушайте его! Вот нашел важное дело!

Но меченосец насильно заставил ее лечь с ним рядом и, не говоря ни слова, прикинулся спящим.

Сон не шел к Отикубо. Полулежа на своей постели, она стала перебирать струны цитры и тихо запела:

*Когда весь мир земной
Мне кажется печальным,
Хочу средь горных скал
Убежище найти,
Навеки от людей укрыться.*

Митиёри устал ждать и, подумав, что сейчас настала удобная минута — поблизости никого нет, — ловко при помощи кусочка дерева приподнял верхнюю створку решетчатого окна и пробрался в комнату.

Отикубо в испуге хотела было бежать, но он крепко сжал ее в объятиях.

Акого, спавшая вместе с меченосцем в соседней комнате, услышала, как стукнуло окно. «Что там такое!» — в испуге подумала она и попыталась было вскочить с постели, но меченосец силой удержал ее.

— Пусти меня! Там створка окна стукнула. Пойду посмотреть, что случилось.

— А, пустое! Это собака. Или крыса. Нечего бояться. С чего ты так всполошилась? — уговаривал он жену.

— Нет, что-то неладное. Уж, наверно, ты подстроил что-нибудь. Оттого меня и не пускаешь.

— С чего бы это я стал строить козни! Успокойся, ляг! — Крепко обняв жену, он заставил ее лечь снова.

В страхе за свою госпожу Акого горько плакала и сердилась, но вырваться так и не смогла.

— Ах, несчастье! Ах ты, бессердечный!

Между тем Митиёри, держа девушку в объятиях, распустил на ней пояс и лег рядом с ней на ложе. Вне себя от ужаса и отчаяния Отикубо заливалась слезами, дрожа всем телом.

— Вы так грустны! Мир кажется вам обителью печали. Вы хотите скрыться в глубине гор, где вас не настигнут вести о земных горестях, — попытался заговорить с ней Митиёри.

«Кто это так говорит со мной? — подумала Отикубо. — Ах, наверно, тот знатный юноша!»

И вдруг она вспомнила, что на ней старое платье и заношенные хакама! Девушке захотелось тут же умереть на месте со стыда, и она зарыдала. Вид ее печали невыразимо трогал сердце. Митиёри в душевном смятении не находил слов утешить ее.

Акоги была рядом, за стеною, и до нее донесся звук приглушенных рыданий госпожи. «Так и есть!» — подумала она и в тревоге хотела было бежать на помощь, но меченосец снова не пустил ее.

— Что же это! Погубил мою госпожу, а меня держишь силой! О, недаром мне почудилось что-то неладное, жестокий ты, низкий человек! — Акоги, не помня себя от гнева, вырывалась из рук меченосца.

А тот лишь посмеивался:

— Знать ничего не знаю, зачем зря меня винить! Вор не мог сейчас забраться в опочивальню твоей госпожи. Значит, там любовник. Какой толк бежать туда сейчас, подумай сама.

— Нечего прикидываться, будто ты здесь ни при чем, — рыдала Акоги. — Говори сейчас, кто этот мужчина? Ах, ужасное дело! Бедная моя барышня!

— Что за ребячество! — потешался меченосец.

Акоги еще сильнее рассердилась на него.

— И я доверилась такому бессердечному человеку! — воскликнула она с горечью.

Меченосцу стало жаль ее.

— По правде говоря, молодой господин пожаловал сюда, чтобы побеседовать с твоей госпожей. Что здесь дурного? Зачем так шуметь? Видно, их союз был заключен еще в прежней жизни. Против судьбы не поспоришь.

— Ты мне и словом не обмолвился, а госпожа моя подумает, что я с тобой в сговоре, вот что мне горько! Ах, зачем только я покинула ее нынче ночью! — сетовала Акоги, негодуя на мужа.

— Не тревожься, она поймет, что ты ни о чем не знала. За что ты так сердишься на меня? — И, не давая ей времени опять разразиться упреками, меченосец снова заключил жену в объятия.

Митиёри тихо говорил девушке:

— Отчего вы так бесчувственны к моей любви? Пусть я человек ничтожный, но все же, мне кажется, вам незачем приходить в такое отчаяние. Сколько раз посылал я вам письма, а вы ни разу не удостоили меня ответом! Я решил было не утруждать вас больше, раз я так вам противен. Но не знаю сам почему, с тех пор как я начал писать вам, вы мне сделались очень дороги. Ах, должно быть, ваша ненависть ко мне предопределена еще в прошлой жизни, и потому я не питаю чувства горечи за то, что вы ко мне так жестоки.

Отикубо казалось, что она умрет со стыда. На ней было только одно тонкое платье и хакама, изношенные до того, что местами сквозило нагое тело. Не описать словами, как ей было тяжело. По ее лицу струился холодный пот, еще более обильный, чем слезы. Заметив, в каком она состоянии, Митиёри проникся к ней жалостью и нежностью. Он начал всячески успокаивать ее и утешать, но Отикубо не в силах была вымолвить ни слова.

Сгорая от стыда, девушка в душе винила во всем Акогои.

Наконец кончилась эта грустная ночь. Раздался крик петуха.

Митиёри воскликнул в тоске расставания:

*Всю ночь до рассвета
Ты только слезы лила...
Я полон печали,
И все ж ненавистен мне
Крик петуха поутру.*

Молю, отвечайте мне хоть иногда, а то я подумаю, что вы совсем дикарка, не знающая света.

И вдруг Отикубо невольно, словно в полубабыти, прошептала:

*Ты полон печали...
В устах моих замер ответ.
И вторит рыданью
Крик петуха поутру.
Утру я не скоро слезы.*

Голос ее ласкал слух. До тех пор Митиёри был влюблен не слишком глубоко, но с этого мгновения полюбил по-настоящему.

— Экипаж прибыл! — донеслось с улицы.

— Пойди доложи! — велел меченосец жене.

— Нынче ночью я прикинулась, будто ничего не слышу, значит, если я прибегу к ней так рано, она поймет, что я все знала. Подлый ты человек! Из-за тебя моя дорогая госпожа меня возненавидит.

В своей ребяческой досаде Акоги казалась ему еще милее прежнего.

— Ну что ж! Если госпожа твоя тебя возненавидит, то я еще крепче буду любить, — пошутил меченосец и, подойдя к окну комнаты Отикубо, подал условный знак, кашлянув два-три раза.

Митиёри быстро вскочил с постели и стал помогать Отикубо переодеться в дневную одежду. Увидев, что девушка стынет от холода, потому что у нее нет даже тонкого платья хитоэ, он снял с себя свое и накинул ей на плечи. Отикубо до крайности смутилась.

Акоги между тем была в большом затруднении. Она не посмела дольше без всякого явного повода оставаться у себя в комнате и явилась к своей госпоже. Отикубо лежала на постели. Пока Акоги раздумывала, с чего бы начать разговор, прибыли два письма — и от ее мужа, и от Митиёри.

В письме меченосца говорилось:

«Несправедливо нападать на меня с такими жестокими упреками за то, что совершилось прошлой ночью без моего ведома. Вперед я не буду сопровождать молодого господина, если твоей госпоже будет грозить малейшее неуважение. Испуганная тем, что произошло вчера, ты боишься, как бы не случилось в будущем чего-нибудь еще худшего, и, верно, клянешь меня, думая: «Какой негодяй! Он мог обидеть даже мою кроткую госпожу!» Из-за этого мне стала несносной самая мысль о любовном союзе между нашими господами. Но как быть? Молодой господин шлет письмо. Надо дать на него ответ. Так уж в свете водится. А ты, со своей стороны, напиши мне обо всем, что тебя тревожит».

Акоги подала Отикубо любовное послание от Митиёри.

— Вот письмо к вашей милости. Странное дело, вчера я

вдруг уснула крепким сном и не заметила, как наступило утро... Впрочем, вы, верно, думаете, что я ищу оправданий.

Акоги пыталась угадать, что на сердце у ее юной госпожи.

— Если б только я знала, разве я стала бы молчать! — всячески клялась она в своей невинности, но ответа не было. Отикубо продолжала лежать неподвижно. — Так вы все-таки думаете, что я знала! Какая жестокость! Я много лет служила вам верой и правдой. Неужели я решилась бы на такое бесчестное дело! Вас покинули одну дома, я пожалела вас, отказавшись от чудесной поездки, и вот награда! Вы даже не хотите слушать никаких оправданий. Если ваше сердце ничем нельзя тронуть, то как могу я служить вам? Уйду куда глаза глядят! — плакала Акоги.

Отикубо стало жаль ее.

— О нет, я не думаю, что ты об этом знала заранее. Все случилось так неожиданно, так внезапно! Но как ни велико мое отчаяние, к нему еще примешивается стыд, ведь он видел меня в таком жалком тряпье. Если б жива была моя матушка, разве могло бы со мной случиться такое несчастье? — говорила Отикубо, роняя слезы.

— Это сущая правда. У вас презлая мачеха. Наверно, господин сакон-но сёсё услышал о том, как она бессердечна, и проникся сожалением к вашей участи. Понимаю, каково у вас сейчас на душе. Но все же если только чувство молодого господина к вам останется неизменным, то радоваться надо тому, что случилось, а не плакать.

— Ах, на что я могу надеяться! Он видел меня в лохмотьях... Кто может полюбить такое пугало! А что скажет моя строгая мачеха, когда слухи дойдут до ее ушей? «Если она взяла себе мужа и собирается без моего ведома шить на чужую семью, — скажет мачеха, — то нечего ей оставаться в моем доме».

Увидев, в каком страхе находится Отикубо, Акоги стала ее успокаивать:

— Ну и пусть, вот еще беда! Что же вам, весь свой век, что ли, здесь мучиться! Да это счастье, если она вас выгонит! До каких пор можно терпеть! Разве не пугает вас мысль о том, что вам придется все время шить на ее зятьев?

Между тем посланец попросил дать ответ на письмо.

— Скорее прочтем это послание. Ведь слезами теперь горю не поможешь.

Акоги раскрыла письмо и показала его своей госпоже. Она пробежала его глазами, не подымая головы.

*Кто скажет, отчего
Люблю тебя сегодня по-иному?
Влюбленность прежних дней
Теперь ничто, поверь,
Пред этой новой любовью.*

В письме было лишь это стихотворение, и больше ничего. Отикубо не стала отвечать, сославшись на нездоровье.

Акоги написала меченосцу:

«Не по сердцу мне твои поступки. Что все это означает? Вчерашнее твое поведение отвратительно, подло, чудовищно! Ты обнаружил такую бездну душевной низости, что я не смогу доверять тебе в будущем. Госпожа моя так жестоко страдает, что до сих пор не может подняться с постели. Письмо молодого господина осталось непрочитанным. Мне так жаль мою госпожу! Душа надрывается глядеть на нее!»

Меченосец поспешил рассказать обо всем Митиёри. Тот не поверил, что он настолько противен девушке, а подумал, что она стыдится своего нищенского наряда, пожалел ее и еще больше затосковал по ней.

В тот же день он написал ей другое письмо:

«Отчего бы это? Вы по-прежнему суровы ко мне, а между тем моя нежность к вам все растет.

*Все пламенней люблю,
А ты сказала ль «да»?
Льда сердца твоего
Не в силах растопить
Любовный пламень мой».*

В письме меченосца говорилось:

«Будет очень плохо, если барышня твоя и на этот раз не даст ответа. Надо постараться, чтоб они полюбили друг друга всей душой. Чувство молодого господина, как я вижу, долговечное. Он и сам так говорит».

Акоги стала упрашивать свою госпожу на этот раз непременно ответить на письмо. Но при мысли о том, какое впечатление должен был произвести ее жалкий вид на Митиёри, Отикубо не помнила

себя от стыда и отчаяния и никак не могла собраться с духом написать ответ. Она лежала на постели, накрывшись с головой одеялом.

Устав уговаривать ее, Акого написала мужу:

«Госпожа моя прочла письмо, но так страдает, что не в силах отвечать. Ты пишешь, что любовь молодого господина прочна и долговечна. Как можно об этом судить? Ведь не прошло и дня со времени их первой встречи... Если господин сакон-но сёсё рассердится на то, что ответа опять не было, постарайся как-нибудь смягчить его досаду».

Меченосец показал Митиёри письмо своей жены.

— О, жена у тебя умница, умеет кстати сказать слово, — улыбнулся Митиёри. — А химэгими, должно быть, почувствовала легкую дурноту от избытка застенчивости и смущения....

Между тем Акого была одна, посоветоваться ей было не с кем. Сердце у нее разрывалось на тысячу частей от тревоги. Ей не сиделось на месте. Она принялась смахивать пыль, но прибрать по красивее комнатку Отикубо никак не удавалось: не было ни ширм, ни занавеса. Отикубо все лежала неподвижно. Акого хотела было поднять ее, чтобы привести в порядок постель. Лицо девушки опухло от слез, глаза покраснели до того, что она стала сама на себя не похожа. Акого, пожалев ее, заботливо сказала ей тоном старшей:

— Причешите волосы.

Но Отикубо только проронила в ответ:

— Мне совсем худо, — и даже не подняла головы.

У Отикубо было несколько ценных вещей, доставшихся ей по наследству от покойной матери, и среди них очень красивое зеркало.

«Хорошо, что хоть зеркало есть! — подумала Акого и, обтерев его, положила у изголовья Отикубо. Акого хлопотала, выполняя одна за двоих работу и камеристки и простой служанки. — Сегодня он придет непременно», — думала она с тревогой.

— Простите за смелость, но эти хакама еще совсем новые... Как досадно! Первая встреча, и вдруг он увидел вас в таком жалком уборе...

На Акого были нарядные хакама, которые она надела всего раз-другой во время ночного дежурства в господских покоях. Она решила тайком от всех подарить их Отикубо.

— С моей стороны это, конечно, большая дерзость... Но ведь никто не узнает. Пожалуйста, не отказывайтесь.

Отикубо стыдилась принять подарок, но в то же время ей слишком горько было думать, что и нынешней ночью она предстанет перед своим возлюбленным в таком жалком виде, и она, поблагодарив, нехотя надела их.

— На празднике по случаю совершеннолетия вашей сестры Саннокими мне подарили две-три палочки для возжигания ароматов. Сейчас они нам пригодятся.

Акоги зажгла палочки и окурила ароматом платье Отикубо.

«Необходим широкий занавес, чтобы загородить постель, — думала она. — Как быть, ума не приложу. Может, взять в долг на время у кого-нибудь? Ночная одежда у нее совсем плохая, тонкая... У кого бы попросить красивую одежду?..»

У Акоги голова пошла кругом от забот. Она решила срочно послать письмо своей тетке, муж которой раньше служил в императорском дворце, а теперь был назначен правителем провинции Идзуми.

«Прошу вас не отказать мне в неотложной просьбе. Одна важная особа должна провести ночь в нашем доме, потому что дорога грозит ей бедой. Нужен занавес. А ночная одежда моей госпожи мне кажется совсем не подходящей для такой важной гостьи. Нет ли у вас хорошей? Пожалуйста, одолжите на время. Я бы не стала тревожить вас по пустякам...» — торопливо писала Акоги.

Тетка ответила ей:

«Я так была огорчена твоим долгим молчанием, что очень рада этому случаю. Напишу тебе обо всем после, а теперь о деле. Ночная одежда у меня самая грубая, но ведь я сшила ее для себя самой. У вас в доме, наверное, много таких. Посылаю и занавес».

Теплая одежда на вате была двухцветной: верх светло-пурпурный, а подкладка синяя. Радости Акоги не было конца. Она с торжеством показала новый наряд своей госпоже. Но как раз когда Акоги поспешно развязывала шнуры занавеса, появился Митиёри, и она провела его к своей госпоже. Отикубо все еще лежала на постели. При виде гостя она из вежливости хотела было встать.

— Зачем вы встаете, вам ведь нездоровится! — ласково сказал ей Митиёри.

Одежды девушки благоухали. На ней были и красивое хитое и нарядные хакама. Чувствуя, что сейчас она одета не хуже других, Отикубо не испытывала прежнего жгучего стыда, и Митиёри тоже почувствовал себя спокойнее. В эту ночь Отикубо иногда решалась проронить несколько слов в ответ своему

возлюбленному. Наступил рассвет, прервав любовные речи юноши.

Доложили, что прибыл экипаж.

— Что это, как будто дождь! Подождите немного, — отозвался он, не поднимаясь с ложа.

Надо было молодым господам подать воды для умывания и завтрак. Акого отправилась на кухню. Вообще в отсутствие господ в доме ничего не готовили, но она попробовала выпросить что-нибудь у стряпухи.

— Прошлым вечером к моему мужу зашел один приятель, чтобы потолковать о делах, но из-за проливного дождя ему пришлось заночевать. Хотелось бы угостить его завтраком, да, на беду, у меня ничего нет. Извини, пожалуйста, за просьбу, но не дашь ли ты мне немного вина? И не осталось ли у тебя немного сушеных водорослей на закуску? Дай хоть чуточку.

— Ах, от души жалею тебя. Досадно, конечно, если нечем угостить знакомого человека. У меня, пожалуй, найдутся кой-какие лакомства. Я берегла их к приезду хозяев.

— О, когда господа пожалуют, то, верно, сразу же будет устроено славное угощение в честь их приезда. На это ты первая мастерица!

Акого заметила, что стряпуха пришла в хорошее расположение духа, и без дальних церемоний наполнила вином стоявший поблизости кувшинчик.

— Оставь, пожалуйста, хоть немного на донышке.

— Хорошо, хорошо! — отозвалась Акого и, завернув в бумагу немного сушеных водорослей и рисовых зерен, положила сверток в корзинку для угля и понесла в свою комнату. Позвав служаночку Цую, она приказала ей: — Приготовь-ка завтрак, да смотри, повкуснее, — а сама отправилась искать красивый поднос.

Но первым делом она стала думать, где можно найти тазик для умывания. «У моей госпожи, конечно, такого не найдется. Возьму-ка я на время тазик Саннокими и подам в нем воду», — сказала она самой себе и распустила по плечам свои скрученные в узел волосы, чтобы предстать перед господами в подобающем виде.

Отикубо лежала на постели, истомленная душевной мукой. Появилась Акого в красивой одежде, наряженная самым парадным образом, поясок повязан с изящной непринужденностью... Сзади, со спины было видно, что ее длинные черные волосы стелются за ней по полу. Меченосец проводил свою жену влюбленным взглядом.

По дороге в покои Отикубо Акого сказала как бы про себя:
— Оставить, что ли, оконные решетки закрытыми?

Митиёри услышал, и ему захотелось посмотреть на свою возлюбленную при ярком свете.

— Госпожа приказала открыть окно. Здесь очень темно, — сказал он.

Акого подставила себе под ноги какой-то случайно стоявший на веранде ящик и подняла решетчатую раму.

Митиёри встал с ложа, оделся и спросил:

— Что, экипаж мой прибыл?

— Стоит перед воротами.

Он уже собрался уходить, как вдруг Акого подала на подносе изысканный завтрак. Не был забыт и тазик с водой для умывания.

«Что за чудо!» — удивился Митиёри, так много слышавший о том, в какой нищете живет девушка. Он никак не мог взять в толк, откуда что взялось.

По счастью, начал накрапывать небольшой дождь. Кругом было безлюдно и тихо. Собираясь уходить, Митиёри бросил быстрый взгляд на свою возлюбленную. В ярком утреннем свете она показалась ему невыразимо прекрасной и еще желанней прежнего. Когда Митиёри ушел, Отикубо немного отведала от поданных на завтрак лакомств и потом снова легла.

* * *

Близилась третья свадебная ночь, когда полагается угостить молодых особыми лакомствами. Что было делать?

«Он непременно пожалует», — думала в тревоге Акого, но посоветоваться ей было не с кем, и она снова написала своей тетке в Идзуми:

«Я от всей души благодарю вас за то, что вы прислали мне все, о чем я просила. Боюсь надоесть вам своими просьбами, но случилось так, что нынешним вечером мне непременно надо подать гостям рисовое печенье — моти. Пожалуйста, пришлите вместе с ним еще немного каких-нибудь сладостей. Я думала, что гостя пробудет у нас всего день-другой, но ей придется сорок пять дней ожидать, чтобы можно было продолжать дорогу со счастливым предзнаменованием. Позвольте мне оставить у себя ненадолго присланные вами вещи. Кстати, не найдется ли у вас красивого тазика для умывания? Простите, что я докучаю вам множеством просьб, но вы, тетушка, всегда

были для меня главной опорой в жизни...»
От Митиёри прибыло любовное послание:

*Вдали от тебя, в одиночестве,
Хочу быть с тобой неразлучно,
Как телу всегда сопутствует
Его отраженный образ —
В глубинах ясного зеркала.*

Отикубо впервые послала своему возлюбленному ответную песню:

*Пусть верным спутником кажется
Послушное отражение,
Но слишком оно изменчиво.
Любой появляется образ
В глубинах ясного зеркала.*

Почерк у нее был удивительно изящный. Восхищенный взгляд, которым смотрел на ее письмо Митиёри, без слов говорил о том, что любовь в его сердце обрела новые силы.

Акоги получила от своей тетушки такой ответ:

«Я всегда мечтала заменить тебе твою покойную мать, ведь у меня нет собственных дочерей. Заботиться о тебе, как о родном детище, окружить тебя самым нежным попечением, чтобы жизнь твоя текла легко и радостно, — вот что было всегда моим самым заветным желанием. Но, сколько раз я ни присылала за тобой, ты неизменно отвечала мне отказом. Как же было мне не обижаться на тебя! Распоряжайся как хочешь всем, что я тебе прислала. Посылаю тебе и тазик для умывания. Но я удивлена! Ведь во дворце, где ты служишь, такие вещи должны быть в изобилии... Что ж ты раньше не попросила меня прислать их? Неприятно и унижительно нуждаться в самом необходимом. Как это могло случиться? Моти — дело нехитрое, я сейчас же их приготовлю. Но твои просьбы наводят меня на мысль, что в доме у вас появился молодой зять. Верно, готовится угощение в честь третьей ночи. Что б там ни было, хочу тебя повидать, я стосковалась по тебе.

Проси у меня все, что только тебе понадобится. Муж мой управляет владениями, приносящими очень хороший доход, и я могу прислать любую вещь, в которой у тебя встретится нужда».

Акоги была вне себя от радости, получив это письмо, такое нежное и ласковое. Она показала его своей госпоже.

— К чему это угощение? — недоуменно спросила Отикубо.

— Так. Есть один маленький повод, — лукаво усмехнулась Акоги.

Скоро из дома ее тетки доставили великолепный о-дзэн. Тазик для умывания тоже радовал глаз. В большой корзине был ослепительно белый рис и бережно завернутые в бумагу лакомства и закуски.

«Нынче как раз третья ночь после их первой встречи, — думала Акоги, вынимая из корзины и раскладывая на подносе разные кушанья: сухую рыбу, фрукты, каштаны. — Я смогу подать отличное угощение, как следует по обычаю».

Но когда день стал склоняться к вечеру, дождь, притихший было, полил снова, грозя сделать дороги непроезжими. У Акоги душа была не на месте от страха, что обещанное теткой «печенье третьей ночи» не успеет прибыть вовремя. Но вдруг слуга под большим зонтом принес ларец из дерева магнолии. Словами не выразить, как обрадовалась Акоги.

Открыла крышку, взглянула... И когда только тетушка успела? Было там и печенье двух сортов с душистыми травами, и обычное печенье тоже двух сортов, все самого миниатюрного размера и притом искусно окрашенное в разные цвета... А в сопроводительной записке говорилось:

«Я изготовила это печенье второпях. Вряд ли я сумею угодить своей стряпней изысканному вкусу твоих гостей. Очень жалею, что у меня не было возможности проявить в полной мере мое усердие».

Посланец спешил вернуться, пока дождь не сделает дорогу совсем непроходимой, он даже отказался от угощения и только выпил немного вина.

Акоги, полная радости, поспешно набросала короткое письмо:

«Благодарность мою не выразить словами!»

Наконец все приготовления были успешно закончены. О, счастье!

Она положила немного печенья в чашечку с крышкой и отнесла своей госпоже.

С наступлением темноты дождь полил такими яростными потоками, что страшно было даже голову высунуть из дома.

Митиёри сказал меченосцу:

— Жаль, но, кажется, нельзя будет мне туда поехать. Взгляни, что делается на дворе.

— Вы только начали посещать этот дом, — ответил меченосец с озабоченным видом, — были там всего раз-другой. Очень досадно, если сегодня вы не сможете поехать. Но, на беду, зарядил такой дождь... Что ж делать, это не ваша вина. Извольте только написать госпоже, почему вы сегодня не можете быть у нее.

— Это верно.

Митиёри поспешно взялся за кисть:

«Я думал посетить вас нынче ночью, но проливной дождь помешал мне. Не подумайте обо мне дурного. Сердце мое по-прежнему вам предано».

Меченосец отправил Акого записку:

«Я скоро буду. Молодой господин тоже собирался к вам и очень огорчен тем, что дороги стали непроезжими».

Все хлопоты Акого кончились ничем. В жестокой досаде она ответила меченосцу:

«Ах, вот оно что! Дождь, видите ли, помешал! А разве не говорит старая песня:

*Пусть льется дождь еще сильнее.
Я встречусь все равно
С моей любимой.*

Но у господина сакон-но сёсё нет сердца! Ты пишешь самым беззаботным образом, что явишься к нам один. Навлек на мою госпожу такое несчастье, а самому и горя мало! О, недаром поется в песне:

*Но если этой ночью
Ты не придешь ко мне,
Что ждать тебя напрасно?*

Так он не изволит прийти даже на третью ночь! Ну и пусть!» Отикубо написала только:

*Ах, часто и в былые дни
Роняла я росинки слез
И смерть звала к себе напрасно,
Но дождь печальной этой ночи
Сильней намочит рукава.*

Письма эти были доставлены поздно вечером. Уже минул час Пса.

Когда Митиёри при свете огня увидел стихотворение Отикубо, его сердце переполнилось жалостью к ней. Прочтя письмо жены меченосца, он заметил:

— Здесь много несправедливых упреков, но ведь нынче и в самом деле третья ночь! Пропустить ее не предвещает ничего хорошего.

Дождь полил еще сильнее. В печальной задумчивости юноша полулежал, опершись щекой на руку.

Меченосец, тяжело вздохнув, собрался было отправиться в дорогу один, но Митиёри окликнул его:

— Подожди немного! Ты что хочешь делать? Идти туда?

— Да, я хочу сказать им несколько слов в утешение.

— Ну, в таком случае, и я с тобой.

— Вот это отлично!

— Достань мне большой зонт. Я сейчас переоденусь. — И с этими словами Митиёри прошел в глубь дома, а меченосец отправился искать зонт.

Между тем Акого, не зная, что Митиёри решился прийти пешком, несмотря ни на что, громко жаловалась:

— Ах, проклятый дождь!

Отикубо увидела, что Акого выходит из себя от досады, и, стараясь скрыть огорчение, спросила:

— Отчего ты так бранишь его?

— Да, если б он еще моросил понемногу! Так вот нет же, как назло, хлынул потоком, противный!

Отикубо еле слышно прошептала слова из одной песни о любви:

*Узнав о печали моей,
Дождь пролил потоки слез...*

«Что у нее на сердце?» — смутилась Акого и молча прилегла, подперев голову рукой.

Между тем Митиёри скинул с себя верхнюю одежду, надел взамен простое некрашеное платье и пустился в дорогу в сопровождении одного только меченосца. Спрятавшись от дождя вдвоем под одним огромным зонтом, они потихоньку открыли ворота и крадучись вышли на дорогу.

Стояла непроглядная тьма. Спотыкаясь, путники еле брели по

скверной, усеянной выбоинами дороге, как вдруг на перекрестке им попалась навстречу ватага каких-то челядинцев с факелами в руках.

Крича во все горло, они сгоняли прохожих с дороги; видно, должна была проехать важная персона.

Улица была такая тесная, что укрыться от них было негде. Митиёри и меченосец попробовали было пройти незамеченными вдоль стены, прикрываясь зонтом, чтобы их не узнали в лицо, но стражники загалдели:

— Эй вы там, прохожие люди! Куда это вас несет ночью в темноте под проливным дождем? И почему вы только вдвоем? Хватай их!

Что было делать! Пришлось остановиться, как было приказано, на самом краю дороги. Стражники, размахивая факелами перед самым их носом, орали:

— Гляньте-ка, да у них ноги совсем белые! Выходит, это не грабители с большой дороги.

Но один возразил:

— Так что же! У домушников ноги всегда белые.

Митиёри с меченосцем попробовали было пройти дальше, но стражники крикнули:

— Наглецы! Как вы смеее стоять во весь рост! А ну, кланяйтесь в землю, живо! — и давай молотить кулаками по зонту.

Хочешь не хочешь, пришлось бить челом на грязной, покрытой навозом дороге.

Но грубияны не унимались:

— А-а, вы еще нарочно зонтом загораживаетесь! — и потянули зонт в сторону, так что оба молодых человека свалились прямо на груду навоза.

А стражники, освещая их огнем факелов, издевались над ними:

— Вон на том, глядите, шелковые штаны. Это какой-нибудь бедняк вырядился так, чтобы пойти к своей любовнице.

Наконец они ушли, и путники могли подняться на ноги.

— Это, видно, начальник дворцовой стражи делал ночной обход, — разговаривали они между собой, смеясь. — Душа в пятки ушла от страха. «Домушники с белыми ногами». Ловко придумали. Вот потеха!

— Ну, идем скорее домой! — воскликнул Митиёри. — Мы перемазались в навозе. От нас дурно пахнет. Если явимся в

таком виде к нашим возлюбленным, то нас ждет плохой прием. Еще, чего доброго, отвернутся от нас.

Меченосец прыснул от смеха.

— О нет! Если мы придем в такой проливной дождь, то докажем нашу преданность. Им покажется, что от нас исходит не вонь, а сладчайшее благоухание. К тому же мы уже прошли более половины дороги. Домой возвращаться — дальше. Прошу вас, будем продолжать наш путь.

Митиёри согласился с ним в душе, что жалко будет упустить такой случай доказать Отикубо, насколько глубока его любовь, и снова пустился в дорогу.

Ворота были уже закрыты на ночь, и они с трудом достучались.

Меченосец провел молодого господина в свою комнату.

— Прежде всего нам нужна вода, — сказал он и, обмыв ноги Митиёри, помылся сам.

— Встанем утром пораньше и уйдем затемно. Нечего мешкать. Вид у нас самый плачевный, — решил Митиёри и постучал в окно комнаты своей возлюбленной.

Отикубо была полна печали, думая, что ее покинули, — так скоро и так жестоко! Но больше всего она боялась, что строгая мачеха все узнает...

Бедняжка глаз не могла сомкнуть.

Уткнувшись в свою подушку, она заливалась слезами.

Акоги, огорченная тем, что все ее труды пропали даром, лежала, опершись на руку, напротив своей госпожи. Услышав стук, она проворно вскочила.

— Что это? Кажется, в окно постучали...

— Отоприте! — послышался голос.

Изумленная Акоги подняла решетчатую створку, и Митиёри появился в комнате, но в каком виде! На нем сухой нитки не было.

«Неужели пешком?» — подумала Акоги. Чувство радостной благодарности переполнило ее сердце до краев.

— Как случилось, что вы так промокли? — спросила она.

— Да вот твой муж, Корэнари, все тревожился, что ему предстоит строгий расчет с твоей госпожой, и мне стало его жаль. Я тоже закатал свои хакама до самых колен, подвязал шнурками — и в путь! Но по дороге упал прямо в грязь, — говорил он, торопливо раздеваясь. Акоги накинула на него одежду своей госпожи.

— Дайте сюда, высушу! — сказала она, принимая от него сырое платье.

Митиёри подошел к своей возлюбленной и сказал с упреком:

— Разве я не заслужил того, чтобы меня крепко обняли и сказали мне: «Ах, в каком виде вы пришли, бедный мой!»

Он протянул к ней руки и почувствовал, что рукава ее слегка влажны. «Так, значит, она плакала!» Митиёри был тронут и сложил такую начальную строфу:

*О том, что грустила ты,
Без слов говорят
Твои рукава.*

Отикубо закончила танку, молвив в ответ:

*Ах, это печалится дождь,
Узнав о моей судьбе*

— Вы говорите, что дождь печалится о вашей судьбе? Но тогда зачем же он льет понапрасну? Ведь я здесь! — И он опустил на ложе рядом с ней.

Акоги красиво уложила печенье на крышке ларца и подала со словами:

— Отведайте, пожалуйста!

Митиёри отозвался:

— Сил нет, как спать хочется.

— Ах, что вы! Нынче вечером непременно надо съесть немного этого печенья.

— Почему? — поднял он голову и увидел «печенье третьей ночи». «Кто это так красиво его приготовил? — подумал Митиёри. — Значит, меня ждали!» Ему вдруг стало смешно. — Ах, это мотии! Я слышал, что новобрачных угощают этим печеньем, согласно старинному обряду. Что за обряд такой?

— А вы будто до сих пор не знаете? — ехидно заметила Акоги.

— Конечно, нет. Когда же одинокому холостяку случается пробовать свадебное печенье?

— Новобрачный должен съесть три штуки.

— Просто-напросто? Как это обыденно! Три штуки? А сколько же должна съесть новобрачная?

— Сколько ее душе хочется, на это нет правил, — засмеялась Акогои.

— Ну, тогда и вы отведайте, — сказал он Отикубо, но она смущенно отказалась.

Митиёри с торжественным видом съел три штуки.

— А что, молодой муж Саннокими тоже ел это печенье, как я?

— Уж само собой, ему тоже подавали, — улыбнулась Акогои.

Было уже поздно, и молодые скоро уснули.

Акогои пошла к меченосцу. Он был еще совсем мокрый и сидел, съезжившись в комок от холода.

— Как ты промок? Зонта, что ли, не было?

Меченосец тихим голосом рассказал ей про встречу с ночной стражей.

— Ну, что ты скажешь? О такой пылкой страсти мир не слыхал ни в наше время, ни в седую старину, — смеясь, заметил он. — Согласись, что такая любовь беспримерна!

— Да, конечно, он увлечен, — ответила Акогои. — Это правда! Но любит он далеко еще не так сильно, как надо бы.

— «Не так сильно»! Сказала тоже! Женщина всегда тем и досаждают, что никак не возьмет в толк, к чему обязывает человека его положение в свете. А по мне, любую обиду можно простить за один такой сердечный порыв, какой был у него этой ночью.

— Это ты в свою пользу говоришь, — отозвалась Акогои, засыпая. И вдруг у нее вырвалось: — Нет, правда, какой был бы ужас, если б он сегодня не пришел!

Беседуя так, они уснули.

Ночь близилась к концу. Забрезжил рассвет. Митиёри не хотелось расставаться со своей возлюбленной.

— Зачем торопиться домой? Кругом все еще тихо, — говорил он.

Акогои места себе не находила от беспокойства. Ведь именно сегодня ее господа должны были вернуться из поездки в Исияма. Соберется много людей, кто-нибудь и сюда может заглянуть по дороге. Она торопливо хлопотала, чтобы подать поскорее завтрак и воду для умывания.

Меченосец заметил встревоженный вид Акогои.

— Ты что суетишься?

— Как же мне быть спокойной? Он в такой тесной комнатке,

там негде спрятаться, все на виду... Я в ужасном страхе, вдруг кто-нибудь придет.

— Велите подать мой экипаж. Я сейчас тихонько выйду, — сказал Митиёри. Но в эту самую минуту послышался шум голосов. Это вернулись господа и слуги, ездившие на поклонение в Исияма. Теперь экипаж ни к чему. Митиёри уже не мог покинуть дом.

У Отикубо сердце разрывалось от страха при мысли, что сейчас кто-нибудь заглянет в ее каморку. Акого тоже не помнила себя от испуга. Но даже в таком смятении чувств она не забыла подать молодому господину поднос с хорошо приготовленным завтраком и воду для умывания. А между тем прибывшим господам понадобилась служанка. Не успела мачеха выйти из экипажа, как начала кричать во весь голос:

— Акого! Акого!

«О, несчастье!» — Акого поспешно отодвинула сёдзи, которые отгораживали ее клетушку в маленьком домике, и выбежала, даже не закрыв за собой скользящую дверь. Когда она пришла на веранду главного дворца, госпожа Китаноката язвительно сказала ей:

— Все наши спутники устали с дороги и пошли отдохнуть. Ты все время ничего не делала, а между тем даже не сочла нужным выйти нам навстречу. Помни: самые неприятные слуги — это те, которые держат чью-нибудь сторону против своих господ и умеют только досаждать. Можешь отправляться к своей Отикубо.

Акого в душе обрадовалась, но постаралась сделать виноватое лицо.

— Простите, пожалуйста! Вы так внезапно приехали, что я не успела переодеться.

— Хорошо, хорошо. Подай скорее умываться.

Акого поторопилась уйти, не чуя под собой ног от радости. Тем временем поспел завтрак. Она сбегала на кухню, выпросила у стряпухи немного разных лакомств в обмен на белый рис, полученный ею от тетки, и подала Митиёри отличный завтрак. Митиёри, зная, что его возлюбленная во всем терпит недостаток, изумился такому изысканному угощению. «Где только Акого все это раздобыла?» — думал он.

Юноша еле притронулся к кушаньям, а Отикубо совсем отказалась от еды. Акого положила завтрак в лакированную чашку с крышкой и угостила меченосца на славу.

— Я уж давненько сюда хожу, а так лакомо есть мне здесь еще не приходилось. Наверно, все это на радостях, что молодой господин изволил прийти прошлой ночью, несмотря ни на что, — поддразнил свою жену меченосец.

— Это «дорожный посошок», чтобы ты со мной простился поласковее...

— Ах, даже страх берет, до чего хитра!

Так обменивались шутками Акого с меченосцем.

Молодые не вставали с ложа до самого полудня. И надо же было случиться, что мачеха зашла в домик Отикубо. Она редко заглядывала к падчерице, а тут вдруг ей с чего-то пришло в голову отодвинуть сёдзи в глубине покоев. Сёдзи двигались очень туго.

— Отворите! — повелительно крикнула госпожа Китанока-та.

При звуках этого голоса молодые женщины пришли в ужасное смятение.

— Впустите ее! Если она отодвинет занавес и заглянет сюда, я накроюсь с головой, — успокаивал их Митиёри.

Они-то отлично знали, что мачеха способна заглянуть во все углы, но спрятать юношу больше было негде. Отикубо, замирая от страха, села перед занавесом.

— Отчего так долго не открываете? — сердилась мачеха.

— Барышня затворилась и будет два дня, сегодня и завтра, совершать «обряд поста и воздержания», — отозвалась Акого.

— Что за лишние церемонии! Напускает на себя важность! Где же это слыхано — совершать такой обряд в чужом доме!

— Открой! Пусть войдет! — приказала Отикубо.

Акого отодвинула сёдзи, и мачеха ворвалась, кипя от ярости, уселась на самой середине комнаты, подняв одно колено кверху, и стала водить вокруг зорким взглядом. Ей сразу бросилось в глаза, что комната убрана совсем по-новому. Перед постелью висел занавес. Сама девушка была принаряжена, а в воздухе носился тонкий аромат. Мачехе это показалось подозрительным.

— Почему здесь все по-новому? Что-нибудь случилось в мое отсутствие? — спросила она.

Отикубо залилась румянцем.

— Нет, ничего особенного.

Митиёри захотел узнать, как выглядит мачеха, о которой он

столько слышался. Он поглядел на нее в щель между двумя полотнищами занавеса. На мачехе было платье из белого узорчатого шелка, а под ним еще несколько из светло-алого шелка, не лучшего качества. Лицо довольно плоское — настоящая Госпожа из северных покоев.

Рот у нее был не лишен приятности, так что мачеха могла бы казаться даже довольно привлекательной, если б не густые брови, придававшие ее лицу злое выражение.

— Я к тебе с просьбой. Сегодня я купила прекрасное зеркало, и мне кажется, что оно как раз подходит по размеру к твоей шкатулке. Одолжи мне ее на время.

— С удовольствием, пожалуйста, — ответила Отикубо.

— Ты всегда охотно соглашаешься, очень мило с твоей стороны. Так я возьму шкатулку.

Она придвинула шкатулку к себе, вынула из нее зеркало Отикубо и попробовала вставить свое новое зеркало. Оно как раз подошло к шкатулке.

— Отличное зеркало я купила! И шкатулка хороша, такого лака макияж теперь не делают, — говорила мачеха, любовно поглаживая шкатулку.

Акоги стало нестерпимо досадно.

— Но у моей барышни теперь не будет шкатулки для зеркала. Как же без нее?

— Ничего, я куплю ей другую, — сказала мачеха, вставая с места. Вид у нее был очень довольный. — А откуда у тебя такой красивый занавес? И другие появились вещи, которых я раньше не видела... Ох, боюсь, что это неспроста! Нет, неспроста это...

При мысли, что Митиёри все слышит, Отикубо готова была умереть от стыда. Она ответила только:

— Я попросила прислать эти вещи из дома моей матушки, без них комната выглядит неуютно.

Эти слова не рассеяли подозрений мачехи. Как только она вышла из комнаты, Акоги дала волю своему возмущению:

— Ах, до чего же обидно! Мало того, что эта скупердяйка никогда ничего вам не дарит, так еще и последнее норовит отобрать. Когда праздновали свадьбу барышни Саннокими, она у вас забрала ширмы и много других хороших вещей, будто бы на время. И как она уверяла: «Я почию их для тебя и снова верну». Но только и сейчас эти ширмы стоят у вашей мачехи, будто ее собственные. Все забрала: и чашки,

и разную другую посуду, и утварь... Вот попрошу у господина, чтобы он велел все вернуть, и заберу обратно. Ведь она все эти вещи без зазрения совести отдала своим дочерям. У моей барышни добрая душа, вот бессовестная мачеха и пользуется этим. Но дождешься от нее благодарности! Как же!

— Что ты, матушка непременно вернет все вещи, когда минует в них надобность, — успокоительно сказала Отикубо, которую позабавила гневная вспышка Акоги.

Митиёри слушал и думал: «Как она добра!» Отодвинув занавес, он притянул к себе Отикубо и спросил:

— Мачеха ваша еще довольно моложава на вид. А что, дочери похожи на мать?

— О нет, все они очень хороши собой, — ответила Отикубо. — Матушка выглядела сегодня хуже обычного и потому могла показаться вам безобразной. А на самом деле она совсем не такая!

Отикубо немного оттаяла и показалась ему такой милой, что он подумал: «Как горько пришлось бы мне пожалеть, если б я отказался от этой любви, не ожидая многого. Счастье, что этого не случилось!»

Вскоре мачеха в самом деле прислала другую шкатулку для зеркала. Это был покрытый черным лаком ящичек старинного фасона — размером девять вершков в ширину, восемь в высоту, — обветшалый до того, что местами лак с него облупился. Но мачеха велела сообщить: «Эта шкатулка очень ценная. Она не расписана золотом, зато лак старинной работы».

Акоги, посмеиваясь, попробовала вложить зеркало в шкатулку, но оказалось, что они совсем не подходят друг к другу по размеру.

— Ах, какая гадость! Уж лучше пусть зеркало так лежит, без шкатулки. Смотреть не хочется, до чего безобразна!

Отикубо мягко остановила ее:

— Не говори так, прошу тебя. Я с благодарностью принимаю эту прекрасную вещь.

И отослала молодую служанку обратно.

Митиёри взял в руки шкатулку и усмехнулся:

— Где только ваша мачеха отыскала такую древность? Если все ее вещи похожи на эту, то в мире нет им подобных. Я даже чувствую нечто вроде священного трепета перед этой почтенной реликвией старины.

На рассвете он вернулся к себе домой.

Отикубо поднялась с постели.

— Как удалось тебе так искусно скрыть от людских глаз мой позор? Ведь это счастье, что у нас был занавес!

Акоги все ей рассказала. Она еще была молода годами, а уже умела придумывать разные хитрые уловки! Отикубо почувствовала к ней и жалость и нежность. «Видно, недаром ее раньше звали Усироми — Оберегающая, — подумала она.

Рассказав со слов меченосца обо всем, что случилось с молодыми людьми прошлой ночью, Акоги воскликнула:

— Подумайте, как сильно любит вас молодой господин! Ах, если только сердце его окажется постоянным, какое это будет счастье! Никто на свете не посмеет больше унижать и презирать вас.

Но Митиёри не смог прийти на следующую ночь, потому что ему пришлось нести караульную службу в императорском дворце.

Утром он прислал письмо, в котором все объяснял.

«Прошлой ночью я должен был нести стражу во дворце государя и потому не мог посетить вас. Уж, наверно, Акоги накинулась с упреками на беднягу Корэнари. Воображаю себе эту сцену! От кого только она научилась так браниться? При этой мысли у меня перед глазами, как живая, встает ваша мачеха, — даже становится жутко!

*Какой теперь мне кажется ничтожной
Бывалая любовь моя к тебе, —*

вспоминал я ночью слова старинной песни. А от себя скажу:

*Когда-то было не так!
Когда-то вдали от тебя
Все ночи я спал безмятежно.
Теперь на одну только ночь
С тобою мне грустно расстаться.*

Не думаете ли вы, что пора вам покинуть дом, где вы терпели одни только притеснения? Я поищу для вас такое укромное убежище, где жизнь ваша станет радостной».

— Я мигом доставлю ответ, — пообещал меченосец.

Прочитав письмо Митиёри, Акоги сказала своему мужу:

— Ну и болтун же ты! Намолол обо мне всякую всячину. Я-то говорила с тобой откровенно, думая, что ты никому на свете не скажешь... А ты надо мной посмеялся!

Отикубо написала ответ:

«Прошлой ночью вы не посетили меня. В старой песне говорится:

*Еще безоблачно небо,
Но влажен конец рукава,
Конец любви предвещаая...
Ах, верно, в сердце твоём
Осень уже настала!
А от себя скажу вам:
О, я узнала теперь:
Нет на свете сердец,
Способных любить неизменно!
Что мне готовит моя
Грустная участь, не знаю...*

Вы зовете меня покинуть дом моего отца. Но как сказал один поэт:

*Закрыты наглухо врата.
Не убежать из мира скорби.*

Я не вольна уйти отсюда. А вам, должно быть, неприятно бывать здесь. Правду, видно, сказала мне Акого: «Человек, виновный перед вами, теперь страшится вас...»

Как раз когда меченосец собирался отнести это письмо, куродо вдруг позвал его к себе. Меченосец поспешил на зов своего господина, сунув впопыхах письмо за пазуху.

Куродо приказал причесать себя. Когда надо было распустить волосы на затылке, он наклонил голову, меченосец тоже поневоле наклонился вперед и не заметил, как письмо выскользнуло у него из-за пазухи. Куродо незаметно схватил его. После того как прическа была закончена, он прошел во внутренние покои и, полный любопытства, сказал Санноки-ми:

— Погляди-ка на это письмо. Корэнари потерял его.

И, передавая письмо жене, заметил:

— Прекрасный почерк.

— О! Да это рука Отикубо! — воскликнула Саннокими.

— Как ты сказала? Отикубо? Чудное имя! Какой же это женщине дали имя Каморка?

— Есть у нас такая... Шьет на нашу семью, — коротко ответила Саннокими и взяла письмо, которое показалось ей очень подозрительным.

Между тем меченосец убрал сосуд, в котором находилась вода для смачивания волос, и, собираясь уходить, пошарил рукой у себя за пазухой: нет письма! В испуге он стал перетряхивать свое платье, развязал шнур на груди, искал-искал, письмо исчезло, как будто его и не было. «Куда же оно делось?» При этой мысли вся кровь бросилась ему в лицо. Но ведь он никуда не уходил из дома, письмо могло выпасть только здесь. Корэнари обыскал все кругом, поднял подушку, на которой сидел куродо, — нет нигде письма. Неужели кто-то его нашел? «Что ж теперь будет?» — думал в отчаянии меченосец. Подперев рукой голову, он сидел как потерянный.

В это время вдруг вошел куродо и сразу заметил, с каким расстроенным лицом сидит меченосец.

— Что с тобой, Корэнари? Ты сам не свой. Уж не потерял ли что-нибудь? — спросил он со смехом.

«Вот кто нашел письмо!» При этой мысли меченосец так и обмер! Он принялся умолять куродо:

— Прошу вас, отдайте мое письмо.

— Я-то ничего не знаю... А вот моя жена сказала насчет тебя: «Видно, не удержала его гора Суэ-но Мацуяма...»

Меченосец вспомнил песню:

*Скорей волна морская
Перебежит через вершину
Суэ-но Мацуяма,
Чем изменюсь я сердцем
И для другой тебя покину!*

Он понял, что его подозревают в измене Акого ради Отикубо. Совестно ему было признаться жене в своей ребяческой оплошности, но что оставалось делать! Он пошел к ней и стал рассказывать, вне себя от волнения:

— Только что я собирался отнести письмо по назначению, как меня позвал мой господин куродо и приказал сделать ему

прическу, а пока я его причесывал, он незаметно вытащил у меня письмо. Вот какая беда случилась!

Акоги ужаснулась:

— Ах, какое несчастье! Может выйти большая беда. Старая госпожа и без того глядела на мою барышню так, будто подозревала что-то. Она поднимет ужасный шум.

Обоих от волнения даже пот прошиб.

И в самом деле Саннокими показала этой письмо своей матери.

— Посмотрите, какое письмо попало мне в руки.

— А-а, так и есть. Я сразу заметила что-то неладное. Но кто же ее любовник? Письмо, ты говоришь, было у меченосца? Наверно, это он и есть. Он, должно быть, пообещал выкрасть ее отсюда, ведь в письме говорится, что из этого дома трудно уйти. А я-то думала не выдавать ее замуж. Досадное вышло дело! Если она возьмет себе мужа, то ей уже нельзя будет жить здесь по-прежнему. Она поселится с ним где-нибудь. Поэтому ты смотри — никому ни слова!

Госпожа из северных покоев спрятала любовное письмо, решив потихоньку следить за падчерицей. Меченосцу и Акоги показалось очень подозрительным то обстоятельство, что, против их ожидания, никакого шума в семье не поднялось.

— Ваше письмо украли! Стыдно признаться в этом, но что делать, приходится. Пожалуйста, напишите другое, — попросила Акоги свою молодую госпожу.

Словами не выразить, как встревожилась Отикубо. При мысли о том, что мачеха, несомненно, видела письмо, ей сделалось дурно.

— Ах, я не в силах писать еще раз! — простонала она. Отчаянию ее не было предела!

Меченосец со стыда не посмел показаться на глаза Митиёри и спрятался в комнате своей жены.

Митиёри так и не узнал ни о чем и поспешил прийти, как только стемнело.

— Почему вы мне ничего не ответили? — спросил он.

— На беду, письмо мое попало в руки матушки, — ответила Отикубо.

Митиёри думал уйти, как только начнет светать, но, когда он проснулся, на дворе уже стоял белый день, кругом сновало множество людей, нечего было и надеяться проскользнуть незамеченным. Он снова вернулся к Отикубо.

Акоги, как всегда, принялась хлопотливо готовить завтрак, а молодые люди стали тихо беседовать между собой.

— Сколько лет исполнилось вашей младшей сестре Синоки-ми? — спросил между прочим Митиёри.

— Лет тринадцать — четырнадцать. Она очень мила.

— Ах, значит, это правда! Я слышал, будто отец ваш — тюнагон — хочет выдать ее замуж за меня. Кормилица Синокими знакома кое с кем из моих домашних. Она принесла письмо из вашего дома, в котором идет речь о сватовстве. Мачеха ваша тоже очень хочет, чтобы этот брак устроился, и кормилица стала вдруг осаждать моих домочадцев просьбами помочь в этом деле. Я собираюсь попросить, чтобы вашей семье сообщили мой отказ, поскольку я уже вступил с вами в брачный союз. Что вы об этом думаете?

— Матушке это, верно, будет очень неприятно, — проговорила Отикубо, и ее детски наивный ответ пленил Митиёри.

— Ходить сюда к вам на таких правах кажется мне уни-зительным. Я бы хотел поселить вас в каком-нибудь хорошем доме. Согласны ли вы?

— Как вам будет угодно.

— Вот и прекрасно.

В таких беседах коротали они время.

* * *

Наступил двадцать третий день одиннадцатого месяца.

Муж третьей дочери, Саннокими, куродо внезапно получил весьма лестное для него назначение. Он должен был вместе с другими молодыми людьми из знатнейших семейств принять участие, как один из танцоров, в торжественных плясках на празднике мальвы в храме Камо. До этого праздника оставались считанные дни. Госпожа Китаноката голову теряла, хлопоча, чтобы все наряды поспели вовремя.

«Вот еще напасть!» — тревожно думала Акоги, опасаясь, что Отикубо опять засядет за шитье. Опасения ее не замедлили сбыться. Китаноката скроила для зятя парадные хакама и велела слуге отнести их Отикубо. А на словах приказала передать:

— Сшей сейчас же, немедленно. У нас много спешной работы.

Отикубо еще не вставала с постели. Акоги ответила за нее:

— Барышне что-то нездоровится со вчерашнего вечера. Я передам ей приказ госпожи.

С тем слуга и ушел. Увидев, что Отикубо хочет сейчас же приняться за шитье, Митиёри стал ее удерживать:

— Одному мне будет скучно.

Китаноката между тем спросила у слуги:

— Ну что, начала она шить?

— Нет, Акого сказала, что барышня еще изволит почивать.

— Что такое? «Изволит почивать»! Выбирай слова с оглядкой, невежа! Разве можно о какой-то швее говорить так, как ты говоришь о нас, господах. Слушать противно! И как только этой лежебоке не стыдно спать среди белого дня! Совсем не знает своего места, до чего глупа, просто жалость берет, — презрительно засмеялась Госпожа из северных покоев.

Скроив для зятя ситагасанэ, она сама понесла шитье к падчерице. Отикубо в испуге выбежала к ней навстречу.

Увидев, что девушка еще и не принималась шить парадные хакама, мачеха вышла из себя:

— Да ты к ним еще и не притрагивалась! Я-то думала, что они уже готовы! Для тебя мои слова — звук пустой! Последнее время ты словно с ума сошла, только и знаешь, что вертишься перед зеркалом и белишься!

Сердце у Отикубо замерло. При мысли, что Митиёри все слышит, она чуть не лишилась сознания.

— Мне немного нездоровилось, и я отложила шитье на час-другой... Но скоро все будет готово!

И Отикубо торопливо взяла в руки работу.

— Смотрите-ка, пожалуйста, не подступись к ней, словно к норовистой лошади! Нет у меня другой швеи, а то разве я стала бы просить такую заносчивую гордячку. Если и это платье не будет скоро готово, то можешь убираться вон из моего дома.

В гневе она бросила шитье на руки Отикубо, но только встала, чтобы уйти, как вдруг заметила, что из-за полога высунулся край шелковой одежды Митиёри.

— Это еще что? Откуда это платье? — спросила Китаноката, остановившись на ходу.

Сообразив, что вот-вот все откроется, Акого ответила:

— Это одни люди дали барышне шить.

— А-а, вот как! Выходит, она шьет для чужих в первую

очередь, а свои, дескать, подождут! Для чего же, спрашивается, держать ее в доме! Ах, нынешние девицы не знают стыда!

И мачеха вышла, не переставая ворчать. Сзади вид у нее был самый нелепый. От частых родов волосы у нее вылезли. Жидкие прядки — числом не более десяти — висели, словно крысиные хвостики. А сама она была кругла, как мяч. Митиёри внимательно разглядывал ее сквозь щелку занавеса.

Отикубо, вся дрожа от волнения, принялась за шитье.

Митиёри потянул ее к себе за подол платья.

— Идите сюда ко мне!

Отикубо поневоле пришлось подчиниться.

— Что за противная женщина! Не шейте ничего. Надо еще больше ее разозлить, пусть совсем потеряет голову... А что за грубые слова она себе позволила! Неужели и раньше она так с вами разговаривала? Как же вы это терпели? — с негодованием спросил Митиёри.

— Увы, я — «цветок дикой груши», — печально ответила Отикубо словами из песни:

*Печален наш мир...
Где искать спасения?
Нет горы такой,
Чтоб укрыла от горя,
О цветок дикой груши!*

* * *

Настали сумерки. Опустили решетчатые створки окон, зажгли огонек в масляном светильнике. Как раз когда Отикубо собиралась взяться за шитье, чтобы поскорей от него отделаться, в дверь потихоньку заглянула сама Госпожа из северных покоев. Ей не терпелось узнать, как подвигается работа.

Видит, куски ткани разбросаны в беспорядке, как попало, огонь зажжен, а перед постелью — занавес. Что же это! Спит она мертвым сном, что ли? Мачеха вспыхнула от гнева и принялась вопить:

— Господин мой супруг, пожалуйста сюда! Эта Отикубо издевается надо мной, совсем от рук отбилась. Выбраните ее хорошенько! У нас в доме такая спешка, а она не выходит из-за полога — и откуда только взялся такой! Я его раньше и в глаза не видела...

В ответ послышался голос тюнагона:

— Не кричи на весь двор. Иди сюда поближе!

Постепенно их голоса стали удаляться, так что последних слов нельзя было разобрать.

Митиёри первый раз услышал имя Отикубо.

— Что это за имя? Она, кажется, назвала вас Отикубо?

Смущенная Отикубо чуть слышно прошептала:

— Ах, не знаю...

— Как можно было дать своей дочери такое имя — Отикубо — Каморка... Бесспорно, оно годится только для девушки самого низкого звания. Не очень-то красивое прозвище! А мачеха ваша не помнит себя от ярости! Могут случиться большие неприятности. — С этими словами Митиёри снова лег на постель.

Отикубо кончила шить хакама и взялась за ситагасанэ. Опасаясь, что она не кончит к сроку, мачеха подступила к тюнагону с неотвязными просьбами, чтобы он сам пошел и как следует отчитал девушку.

Не успел тюнагон открыть дверь, как сразу же, с порога, начал кричать на свою дочь:

— Это что еще, Отикубо, как ты ведешь себя? Ты не слушаешься хозяйки дома, валяешься целыми днями на постели... А ведь ты сирота, лишилась матери и, казалось бы, должна стараться заслужить к себе доброе отношение. Знаешь отлично, что работа спешная, так нет же, набрала шитья от чужих, а для своих ничего делать не желаешь. Что у тебя за сердце! — И добавил в заключение: — Если к утру все не будет готово, ты мне больше не дочь!

Отикубо не в силах была отвечать. Слезы брызнули градом у нее из глаз. Тюнагон повернулся и ушел.

Возлюбленный ее все слышал, от слова до слова! Может ли быть унижение хуже этого!

Митиёри знает теперь, что ей дали вместо имени презрительную кличку Отикубо. О, если б она могла умереть тут же, на месте. Шитье выпало у нее из рук. Она повернулась спиной к огню, сиюсь скрыть слезы.

Митиёри почувствовал невыразимую жалость. Бедная! Как ей, должно быть, сейчас тяжело. У него самого полились слезы сочувствия.

— Приляг, усни немного!

Он насильно уложил свою возлюбленную на постель и стал утешать самыми нежными словами.

«Так, значит, ее зовут Отикубо! Ей, верно, неловко было, когда я так откровенно удивился... Ах, бедняжка! Мало того, что у нее жестокая мачеха, но даже и родной отец к ней безжалостен. Видно, и в его глазах она ничего не стоит. Погодите же! Я покажу вам, как она хороша», — решил про себя Митиёри.

Госпожа из северных покоев боялась, что без посторонней помощи Отикубо не сможет закончить шитье вовремя. Слишком большая работа для одного человека, и к тому же она, верно, разобиделась. Поэтому мачеха приказала одной своей приближенной женщине:

— Пойди к Отикубо, помоги ей шить.

Женщину эту, очень миловидной наружности, звали Сёнагон. Придя к Отикубо, Сёнагон спросила:

— Чем я могу помочь вам? А скажите, почему вы не встаете с постели? Вы больны? Госпожа так тревожится, что шитье не будет готово вовремя...

— Мне очень нездоровилось... Прежде всего надо подрубить края вот у этих хакама, — ответила Отикубо.

Сёнагон принялась за работу.

— Если вам сейчас лучше, встаньте, пожалуйста. Я не понимаю, где надо заложить рубец.

Отикубо начала показывать ей, где надо шить.

Митиёри, по своему обыкновению, стал осторожно подглядывать. Озаренное огнем светильника лицо Сёнагон показалось ему очень красивым. «Сколько миловидных женщин в нашей столице!» — подумал он.

Заметив, что глаза Отикубо покраснели и опухли от слез, Сёнагон пожалела ее.

— Скажу вам то, что думаю, но не примите мои слова за лесть. Ведь, если я промолчу, вы не узнаете, как глубоко я вам сочувствую. А было бы очень жаль. Вот почему я решаюсь говорить с вами откровенно. Я предпочла бы лучше служить вам, чем старой хозяйке и ее дочерям, при которых я нахожусь неотлучно. За эти годы я хорошо узнала вашу кротость и доброту, и мне бы так хотелось служить вам! Но что поделать! Наш свет злоречив. Мне приходилось держаться от вас подальше, и я не смела даже тайно услужить вам.

— Даже старинные друзья, — ответила Отикубо, — и те не выказывают по отношению ко мне и тени участия. Как же обрадовали меня ваши слова!

Сёнагон продолжала:

— Удивительно! Непостижимо! Что мачеха относится к вам несправедливо — это в порядке вещей. Но чтобы даже родные сестры так сторонились вас — это уж слишком! Вашей красоте можно позавидовать, а вы томитесь в одиночестве... Какая жестокость! А между тем в семью собираются принять нового зятя. Предстоит замужество вашей младшей сестры Синокими. Уж что бы там ни было, а все делается так, как захочет Китаноката, по ее заказу и приказу. Воля старой госпожи в доме закон.

— Я очень рада за сестру. А кто жених? — спросила Отикубо.

— Как я слышала, это господин сакон-но сёсё, сын главного начальника Левой гвардии. Все очень хвалят жениха. Говорят, что он бесподобно хорош собою и обещает сделать блестящую карьеру. Государь будто бы очень к нему благоволит. Он еще не женат, так что лучшего зятя и пожелать нельзя. Господин наш только и повторяет: «Лучшего жениха и не сыщешь!» Госпожа наша так хлопочет, так хлопочет! Кормилица барышни Синокими дружна с одной женщиной в доме отца жениха. Госпожа обрадовалась этому сверх меры. Она все время шепчется с кормилицей. Наверно, уж и письмо отправила с нею...

— И что же? — спросила Отикубо, которую очень позабавил этот рассказ.

Розовые блики огня озаряли ее блестящие от смеха глаза и полуоткрытые в улыбке губы. Лицо Отикубо было полно юной прелести и в то же время такого возвышенного благородства, что ее собеседница невольно почувствовала перед ней некоторую робость.

— И что же? Что ответил господин сакон-но сёсё?

— Вот уж этого я точно не знаю, но, кажется, выразил свое согласие. У нас в доме тайком спешно готовятся к свадьбе.

Митиёри хотелось крикнуть из своего тайника: «Неправда!» — но он сдержался и не выдал себя.

Сёнагон продолжала:

— В доме прибавится новый зять, значит, вам, бедняжке, придется еще тяжелей. Если к вам посватается хороший жених, соглашайтесь скорее.

— Что вы, я так дурна собою, где мне мечтать о замужестве...

— Ах, ах, как у вас язык повернулся? Что вы такое говорите! Ваших сестер берегут как зеницу ока, а где им против вас, — ужаснулась Сёнагон. — Вот что я вам скажу. Сейчас у нас в столице славится своей красотой господин бэн-но сёсё. Про него даже говорят: «Красив, как герой романа — знаменитый господин Катано». А моя двоюродная сестра как раз служит у него в доме. Недавно я ее навестила, и тут, по счастью, сам господин бэн-но сёсё зашел к ней в женские покои. Он знает, в чьем доме я служу, и был ко мне особенно внимателен. Молва была правдива, я не знаю никого, кто мог бы с ним сравниться красотой. Он спросил меня: «Говорят, у тюнагона, в доме которого вы служите, много дочерей. Каковы они собою?» — и стал подробно расспрашивать о всех по порядку, начиная с самой старшей. Я рассказала о каждой из ваших сестер понемножку, а потом поведала ему о вашей печальной участи. Господин бэн-но сёсё проникся к вам горячим сочувствием. «О такой, как она, я мечтал!» — воскликнул он и стал просить, чтоб я передала вам от него письмо. А я ему на это: «В доме много дочерей и кроме нее, а у бедняжки ведь нет матери, вот она и чувствует себя одинокой и заброшенной и вовсе не думает о любовных делах». Когда он услышал, что у вас нет матери, то еще больше пожалел вас. «Я, — говорит, — не ищу себе в жены девушку, избалованную успехами в обществе, а предпочту такую, которая уже хорошо знакома с печалями нашей жизни. И если эта девушка к тому же еще прекрасна собою, то именно она венец моих мечтаний! Такую я готов искать по всей Японии и даже дальше — в Индии и Китае. Вы говорите, что она сирота. А разве, за исключением особ, принадлежащих к моему дому, найдется хоть одна среди прислужниц государевой опочивальни, у которых были бы в живых оба родителя? Вот и той девушке, которую вы так восхваляете, лучше найти себе супруга и покровителя, чем вести такую жизнь, которая ей не по сердцу. Я возьму ее к себе в дом и буду беречь, как драгоценное сокровище». Так пространно, с многими подробностями говорил он до глубокой ночи. А потом каждый раз, когда я приходила к нему, он спрашивал: «Как насчет того дела? Передайте ей письмо от меня». Я отвечала: «Сейчас нет подходящего случая. Передам, как только смогу».

Во время всей этой длинной речи Отикубо не проронила ни единого слова. Вдруг постучала служанка и позвала Сёнагон:

— У меня есть к вам спешное дело. — Сёнагон вышла к ней. — К вам пожаловал гость, хочет с вами увидеться. Говорит, что ему нужно с вами побеседовать.

Сёнагон ответила:

— Обожди минутку. Я сейчас приду.

И она вернулась в комнату Отикубо.

— Право, я хотела помочь вам, но ко мне неожиданно пришел один человек по срочному делу... Мы после продолжим наш разговор. Такая важная беседа не терпит спешки. Пожалуйста, не говорите госпоже, что я ушла раньше времени. Она рассердится и разберанит меня. Так я приду к вам опять при первом удобном случае.

Как только Сёнагон ушла, Митиёри отбросил прочь занавес.

— О, эта особа умеет красиво говорить, поневоле заслушаешься! Признаюсь также, что она очень хороша собою, но когда она заявила, что этот «господин Катано» — небывалый красавец, так мне даже глядеть на нее стало противно. А вы затруднялись в ответе, все время с тревогой поглядывали в мою сторону. Не будь меня здесь, вы бы, наверно, послали нежный ответ этому красавчику. Очень сожалею, что помешал. Если от него придет любовное письмо, всему конец! Он обладает какими-то особыми чарами. Стоит ему написать какой-нибудь женщине хоть строчку любовного признания, как готово! — Бьет каждый раз в цель без промаха. Он потерял счет любовным связям с женами самых высокопоставленных особ и даже, говорят, самого микадо. Видно, по этой причине он вот уже сколько времени никак не получает повышения по службе. Но если вас одну из всего этого великого множества женщин он собирается сделать своим драгоценным сокровищем, то, верно, вы удостоились его особой любви, — говорил Митиёри с досадой.

Отикубо, изумленная его внезапным гневом, не раскрывала рта.

— Ах, вы не изволите отвечать! Я насмехаюсь над тем, что вас интересует! Все столичные красавицы, от первой до последней, превозносят до небес этого «госпоина Катано». Можно ему позавидовать!

— Но я, наверно, не принадлежу к их числу, — еле слышно сказала Отикубо.

— Он происходит из могущественного рода. Вы займете в обществе положение наравне со второй женой микадо...

Отикубо, не понимая хорошенько, о чем он говорит, продолжала молча шить. Как прекрасны были ее руки снежной белизны, мелькавшие над работой!

Думая, что Сёнагон помогает ее госпоже, Акоги ушла на некоторое время к себе в комнатку, чтобы побыть со своим мужем, которому нездоровилось. Отикубо кончила шить ситагасанэ и собралась подрубить края верхней шелковой одежды.

— Разбужу Акоги, — сказала она. — Надо, чтобы кто-нибудь держал шитье.

— Я сам натяну край, — вызвался Митиёри.

— Как можно! Вам не подобает заниматься женской работой.

Но Митиёри, не слушая ее, вышел из-за полога, сел напротив и стал держать край одежды, подшучивая:

— Непременно буду вам помогать. Я в этом деле великий мастер.

Видно было, что он понятия не имел о том, как шьют женщины, и потому чересчур усердствовал. Отикубо, смеясь, стала закладывать рубец.

— Правда ли, что сестру мою Синокими хотят составить за вас? — спросила она.

— Думайте что хотите. Когда вы станете драгоценным сокровищем этого «господина Катано», я женюсь на Синокими, — засмеялся Митиёри. Через некоторое время он стал уговаривать Отикубо: — Уже поздняя ночь. Ложитесь отдохнуть.

— Я скоро кончу. Вы ложитесь спать сами, не дожидаясь меня. Мне еще осталось вот тут дошить немного... Еще чуточку.

— Мне жалко, что только вы одна в доме не будете спать, — ответил Митиёри и остался с нею.

А между тем Госпожа из северных покоев, опасаясь, что Отикубо, чего доброго, легла спать, тайком подкралась в ночной тишине к дверям ее каморки и прильнула к щелке, через которую она обычно наблюдала за падчерицей.

Но что это! Сёнагон нигде не видно. Занавес отодвинут в сторону, и мачеха смогла заглянуть в глубь комнаты. Отикубо, сидевшая к ней спиной, торопливо подрубала кусок шелка. А какой-то незнакомый юноша заботливо натягивал край ткани, сидя перед Отикубо.

Слипавшиеся со сна глаза мачехи вдруг широко раскрылись. Она стала жадно вглядываться. На плечи юноши была небреж-

но накинута красивая одежда из белого шелка, под ней виднелась другая — из дорогого, отливающего ярким глянцем алого шелка. А из-под них, наподобие женского шлейфа, выбивались одежды цвета желтой горной розы...

Озаренное алым светом огня, лицо незнакомца казалось таким красивым, что трудно было отвести от него глаза. Оно привлекало какой-то особой прелестью.

Китаноката с изумлением подумала, что незнакомец превосходит своей красотой даже ее младшего зятя куродо, которого она особенно любила, предпочитая всем другим зятьям.

Она и раньше подозревала, что падчерица завела себе любовника, но, уж конечно, из людей самого низкого звания... А этот, сразу видно, не простой человек. И мало этого, еще до такой степени к ней привязан, что помогает ей в чисто женской, унижительной для мужчины, работе! Нет, это не мимолетная влюбленность, а настоящая любовь. Какой ужас! Если Отикубо займет высокое положение в обществе, то выйдет из-под ее власти и не будет уже подчиняться всем ее прихотям. При этой мысли мачеха забыла о шитье и замерла на месте, не помня себя от злости.

А между тем в комнате шел такой разговор:

— Я и то устал от непривычной работы. А вы, наверное, совсем засыпаете... Довольно вам шить. Пусть мачеха взбесится, по своему обыкновению. Позлите ее хорошенько!

— Но мне так грустно, когда она гневается на меня, — примирительно ответила Отикубо и хотела было шить дальше, но незнакомец, потеряв терпение, взмахом веера погасил огонь в светильнике. — Ах, зачем! Я не успела сложить шитье, — воскликнула Отикубо.

— Пустяки! Сложим до утра где-нибудь в уголке.

Юноша собрал в кучу, как попало, недошитую одежду и бросил в угол, а потом нежно обнял Отикубо. Госпожа из северных покоев, которая все отлично слышала, невзвидела света от досады.

«Как он сказал? Позлите вашу мачеху, пусть взбесится... Верно, слышал, как я бранила свою падчерицу. Или, может быть, Отикубо рассказала? Как бы там ни было, все это ужасно, невыносимо! — В таких думах мачеха провела всю ночь без сна, терзаясь завистью. — Пойти пожаловаться мужу? Но у этого юноши такой благородный вид, он так

великолепно одет, уж, наверно, он человек из хорошего общества. Еще, чего доброго, получится наперекор моим ожиданиям: муж обрадуется такому зятю. Нет, лучше наговорить мужу, что Отикубо в связи с простым слугой, с меченосцем. Вот, мол, какое дело случилось из-за того, что девушку поселили отдельно от семьи. Может, запретить ее в кладовой? Ну, погодите! Вы хотели позлить меня, я вам этого не прощу. — В бешенстве мачеха придумывала всевозможные планы мести. — Вот что я сделаю! Посажу Отикубо под замок, любовник понемногу забудет ее и отступится. На счастье, в доме живет мой дядя, тэнъяку-но сукэ. Он беден, и ему перевалило за шестой десяток, но он охотник до молоденьких. Отдам ему Отикубо, пусть потешит себя вволю».

А между тем Отикубо и Митиёри, ничего не подозревая, вели между собой любовные речи. С первыми лучами зари юноша ушел.

Проводив его, Отикубо сейчас же села за шитье, торопясь закончить то, что не успела сделать вечером.

Проснувшись, Китаноката первым делом подумала: «Если шитье не кончено, изругаю девчонку так, что ее кровавый пот прошибет!» — и послала к ней служанку с приказом:

— Сейчас же пришли работу. Она должна быть готова.

К ее удивлению, служанка вернулась с готовой работой. Все наряды были отлично сшиты и изящно сложены. Мачеха почувствовала, что не достигла своей цели. Как ей ни было досадно, но на этот раз пришлось оставить Отикубо в покое.

* * *

От Митиёри прибыло письмо:

«Чем кончилось дело с одеждой, которую вы шили вчера вечером? Удалось ли взбесить вашу мачеху? Мне не терпится услышать все подробности. Я забыл у вас свою флейту, передайте ее моему посланцу. Сегодня я должен играть на ней в императорском дворце».

И в самом деле, возле изголовья лежала забытая им флейта, пропитанная чудесным ароматом. Отикубо завернула ее в кусок ткани и отдала посланцу вместе с письмом. Вот что говорилось в нем:

«Нарочно сердить матушку непростительно. Что, если люди это услышат! Прошу вас, не говорите так! Матушка с утра приятно улыбается. Возвращаю вам вашу флейту. Так, значит, вы легко забываете даже то, что любите больше всего на свете! Ах, скажешь невольно:

*Лейтесь, лейтесь, о слезы!
Непрочен союз с тобой.
На этой бамбуковой флейте
Любил ты играть каждый вечер
И — позабыл ее!»*

Прочитав это письмо, Митиёри почувствовал глубокую жалость к Отикубо и поспешил написать в ответ:

*Ужели непостоянным
Ты считаешь меня?
На этой бамбуковой флейте
Играть я хотел бы вечно
Песню моей любви.*

В это самое утро, как раз тогда, когда Митиёри прощался с возлюбленной, Китаноката явилась к своему мужу с жалобой:

— Я давно уже подозревала неладное. Твоя дочь Отикубо оскрамила нас на весь свет своим позорным поведением. Будь бы еще она нам чужая, дело можно было бы кое-как уладить без шума, а тут об этом нечего и думать.

Тюнагон изумился:

— Что такое?

— Я до сих пор слышала от других и сама думала, что один из слуг нашего зятя куродо, меченосец Корэнари, с недавних пор стал мужем Акоги, но вдруг он изменил ей ради Отикубо. Меченосец — парень глуповатый, засунул ее любовное письмо к себе за пазуху, да и выронил его перед нашим зятем куродо. А зять наш приметлив на разные мелочи, поднял письмо и начал допрашивать Корэнари: «От кого это письмо?» Тот не утаил: «Вот, мол, от кого...» Куродо сказал мне по этому поводу много язвительных слов: «Нечего сказать, прекрасный зять вошел в нашу семью! Есть чем гордиться! Позор какой, нельзя будет людям на глаза показаться». И сурово потребовал: «Гоните эту девицу вон из дома».

Тюнагон щелкнул пальцами с силой, неожиданной для такого старика.

— На какое гнусное дело она решилась, негодница! Живет в моем доме, все знают, что моя дочь, а кого она взяла себе в любовники? Простого меченосца! Хотя он и шестого ранга, а не имеет даже звания куродо. Таким и в императорский дворец нет доступа. Лет ему от силы двадцать, и собой он не слишком хорош: можно сказать, коротышка, от пола вершок. Связаться с таким ничтожеством! А я-то думал: сделаю вид, будто ничего не знаю, и тайком выдам ее замуж за какого-нибудь провинциального чиновника...

— Досадное получилось дело, — вздохнула Китаноката. — Надо поскорее, пока никто еще ничего не знает, запереть ее в какой-нибудь кладовой и хорошенько сторожить. Она ведь так влюблена в этого Корэнари, что непременно будет потихоньку с ним встречаться. А пройдет время, и можно будет что-нибудь придумать.

— Отличная мысль. Немедленно вытащить ее из дома и запереть в северной кладовой! И не давать еды! Заморить голодной смертью!

Тюнагон уже потерял от старости разум, не был способен здраво судить о вещах и потому отдал такой бесчеловечный приказ. Китаноката в душе очень обрадовалась, подобрала повыше подол платья, отправилась в комнату Отикубо и, тяжело опустившись на циновку, начала:

— Ты совершила позорный поступок. Отец твой в страшном гневе на тебя за то, что ты запятнала своим бесчестьем добрую славу других его дочерей. Он велел выгнать тебя из твоей комнаты и запереть в кладовой. «Я сам ее буду сторожить», — сказал он и поручил мне немедленно гнать тебя отсюда. Ну же, ступай вон немедленно!

Пораженная неожиданностью, Отикубо могла только горько плакать. Что услышал о ней ее отец? Что сказали ему? При этой мысли ей казалось, что она расстается с жизнью.

Акоги в смятении вбежала в комнату:

— Что вы говорите? Как? Ведь за ней нет ни малейшей провинности!

— А-а, не мешай, когда подул попутный ветер! Отикубо все от меня скрыла, да муж мой услышал от чужих людей. Твоя госпожа, не задумываясь, творит беззаконие, а ты ставишь ее выше моей драгоценной, обожаемой дочери Саннокими! Оти-

кубо выгнали, и в твоих услугах тоже не нуждаемся. Чтобы больше твоей ноги не было в нашем доме! Ну же, ступай вон, Отикубо! Слушайся приказания отца!

И, схватив падчерицу за ворот платья, Госпожа из северных покоев вытолкала ее из дому.

Акоги зарыдала в голос. От сильного потрясения Отикубо, видимо, перестала сознавать, что с ней происходит.

Мачеха пинками расшвыряла все ее вещи по полу и, схватив Отикубо за рукав, словно какую-нибудь беглянку, погнала ее перед собой.

Отикубо была одета в ненакрахмаленное платье светло-пурпурного цвета — то самое старое платье, которое ей когда-то подарила мачеха. Поверх этого платья на ней было два хитоза, одно простое белое, а другое узорчатое, с плеч Митиёри.

Черные волосы, за которыми она последнее время стала бережно ухаживать, зыбясь волнами, красиво сбегали по ее плечам и шлейфом тянулись за ней по земле. Акоги проводила ее взглядом. Что с ней хотят сделать? В глазах у Акоги потемнело, хотелось топать ногами, кричать, рыдать, но она подавила свое горе и начала поспешно прибирать разбросанные по полу вещи.

Отикубо была почти в беспамятстве. Когда мачеха притащила ее к отцу и усадила перед ним на пол, она не могла удержаться и упала.

— Вот насилу-то, насилу привела! Если б я сама за ней не пришла, она бы и не подумала идти, — крикнула Китаноката.

— Сейчас же под замок! И видеть ее не хочу! — приказал тюнагон.

Китаноката снова схватила Отикубо и поволокла за собой в кладовую. Нет, не женское было у нее сердце! Так ужасен был вид мачехи, что душа Отикубо от страха чуть не рассталась с телом.

Кладовая с задвижной дверью на пазах была устроена позади дома под самым навесом крыши. В кладовой были нагромождены в беспорядке разные вещи и припасы: бочонки с уксусом и вином, сушеная рыба... Китаноката бросила тонкую циновку у входа.

— Вот что случится с каждым, кто пойдет против моей воли!

С этими словами она втолкнула полубесчувственную Отикубо в кладовую, сама задвинула дверь и навесила на нее огромный замок.

Понемногу Отикубо пришла в себя.

В кладовке был до того спертый воздух, что нечем было дышать. Отикубо словно оцепенела от горя, слезы иссыкли в ее глазах, она не могла даже плакать. За какой грех она так безжалостно наказана? Ах, если бы увидеться с Акого, но как?..

«Злосчастная моя судьба!» Отикубо задыхалась от рыданий.

Заперев падчерицу, Китаноката первым делом поспешила в ее комнату.

— Куда он подевался? Здесь стоял ларчик для гребней. Эта наглая Акого всюду сует свой нос, наверно, успела его припрятать.

Мачеха угадала.

— Да, я его убрала вот сюда, — отозвалась Акого.

Китаноката не решилась в ее присутствии взять ларчик и только сказала:

— Запрещаю тебе входить в эту комнату, пока я сама ее не открою, — и закрыла дверь на замок.

«Ловко я все устроила! — торжествовала Госпожа из северных покоев. — Теперь надо как можно скорее договориться с тэнъяку-но сукэ, но так, чтобы посторонние уши не слышали».

Акого очень опечалилась тем, что ее прогнали со службы.

«Как же я уйду отсюда? — думала она. — Что станется с моей бедной госпожой? Каково-то ей теперь? Я должна ее увидеть, должна узнать, что с ней. Нет, я не могу уйти!»

Она пошла в покои Саннокими и стала ее молить:

— Ваша матушка сильно разгневалась на меня, а за что? Я и понятия не имею. Из дома меня прогнала. А мне так горько оставлять службу у вас! Прошу вас, замолвите за меня словечко, попросите ее отпустить мою вину, хоть на этот единственный раз. Я ходила за вашей сестрой Отикубо с ее младенческих лет, а теперь нас разлучили. Я даже не знаю, что с ней случилось. О, как это грустно! Хоть бы еще один разок увидеться с нею! И потом — расстаться с вами после всех ваших милостей, покинуть службу у вас, моей дорогой госпожи... — так, рассыпаясь в уверениях, просила Акого.

Саннокими пожалела ее, приняв все за чистую монету, и стала упрашивать мать:

— Почему вы так строго наказали даже Акого? Она — моя служанка, мне без нее трудно обойтись.

— Эта подлая баба вкралась к тебе в доверие, — досадливо отмахнулась Китаноката. — Она плутовка, каких свет не видел. Забрала себе в голову устроить судьбу Отикубо. Та по своему почину не стала бы заниматься такими делами. У нее не заметно было склонности к любовным шашням.

— Простите Акого на этот раз, матушка. Она так убивается, жаль ее, — просила Саннокими.

— Что ж, пусть будет по-твоему. Только не раздражай меня, не говори, что она тебе хорошо служит. Глупости какие! — сказала Китаноката с недовольным видом. Саннокими, понятное дело, была смущена словами матери и сейчас же вызвала к себе Акого.

— Придется тебе потерпеть. Не показывайся пока госпоже на глаза, но понемногу я все устрою, и матушка простит тебя.

Акого думала, думала — и больше ничего не могла придумать. Запертая в кладовой, Отикубо уже не числила себя в мире живых. Душа Акого изболелась от тоски за нее: «Заперли на замок, морят голодом! Никто в этом доме не даст ей ни крошки еды, если мачеха запретила. Такую милую, такую добрую девушку, как преступницу, держат в заточении...» Акого была не в силах даже мысленно представить себе эту страшную картину. «Ах, если бы только я была ровня им! Я бы уж сумела отомстить им с лихвой!» Одна эта мысль заставила ее сердце забиться сильнее!

Сегодня ночью молодой господин, наверно, придет опять. Какая страшная весть ждет его! Акого уткнулась лицом в пол и зарыдала так, как будто слышала весть о смерти любимого человека. Служаночка ее, Цую, стояла рядом растерянная, не зная, что делать.

А Отикубо думала: «Что, если я понемногу потеряю последние силы и умру здесь на полу, в этой душной кладовой! Тогда мне не придется в последний раз поговорить с моим возлюбленным. Мы клялись друг другу в вечной верности, и вот чем все кончилось! Я словно вижу его перед собой, вижу, как он улыбался, когда прошлым вечером держал мое шитье. Ах, верно, я совершила какой-нибудь страшный грех в прежних

рождениях, раз я терплю такие муки! Я слышала много раз от людей, что ненависть мачехи к чужим детям — вещь обычная в нашем мире, но чтобы родной отец был так неумолим, о, как это печально!»

Митиёри пришел в ту же ночь и, узнав о случившемся, побледнел как смерть. Что сейчас думает о нем Отикубо? Ведь она терпит такие муки из-за него.

— Передай ей весть от меня, когда поблизости не будет людей, — попросил он Акоги. — Скажи ей: «Когда я пришел сегодня, чтобы поскорее увидеть вас, то услышал о внезапной беде. Сказать, что я потрясен, нет, это слишком слабо, я в безумном отчаянии. Как мне увидеться с вами?»

Акоги сняла с себя свое шуршащее шелковое платье, подтянула повыше хакама и тихонько подкралась к кладовой со стороны кухни. В доме все уже спали, и она решилась осторожно постучать в дверь.

— Отзовитесь! — Ни звука в ответ. — Вы спите? Это я, Акоги.

Отикубо услышала ее тихий голос и подошла к двери.

— Ты здесь? — Голос Отикубо заглушали рыдания. — Это ужасно! За что меня так мучают?

— Я с самого утра брожу возле кладовой, но пробраться к вам нет никакой возможности. Ужасная беда! А ваша мачеха вот что говорила... — И Акоги сквозь слезы начала подробно рассказывать обо всем, что видела и слышала. Отикубо еще сильнее залилась слезами. — Молодой господин изволил прийти. Услышав о том, что случилось, он стал плакать. Как он плакал! И вот что он говорит... — рассказывала дальше Акоги.

Почувствовав глубокую жалость к своему возлюбленному, Отикубо молвила:

— Я не знаю, что со мной будет, и потому ничего не могу ответить. Насчет нашей будущей встречи скажи ему вот что:

Жизнь от меня отлетает.

Здесь я еще или нет —

Я и сама не знаю.

Гаснет в сердце надежда

Снова увидеть тебя.

Кладовая набита множеством вещей. Здесь так дурно пахнет,

что нечем дышать. Я жестоко страдаю. Ах, зачем я еще живу на свете!..

Она плакала так, словно сердце ее разрывалось от невыразимого горя. Можно себе представить, что в это время чувствовала Акого! Боясь, что в доме могут услышать их разговор, она наконец тихонько ушла.

Когда Митиёри передали слова Отикубо, он еще сильнее опечалился, и слезы полились у него ручьем. Не в силах сдержать их, он закрыл лицо концом рукава. Акого разделяла его печаль. Пробыв некоторое время в нерешимости, Митиёри сказал:

— Пойди к ней еще раз и передай от меня:

«Дорогая моя возлюбленная! Сердце мое полно такого горя, что я могу сказать тебе только одно:

*Ты мне велела сказать:
«Гаснет в сердце надежда
Снова увидеть тебя».
Как мне дожить до утра?
Жизнь моя отлетает...*

Больше не думай и не говори так».

Акого снова отправилась к кладовой, но в темноте что-то с грохотом уронила. Мачеха проснулась и встревожилась:

— Воры лезут в кладовую.

Акого пришлось торопиться. Передав плачущей Отикубо слова Митиёри, она шепнула:

— Мне нужно скорей уходить.

— Так скажи ему от меня:

*Ах, думала я: «Короткое
Счастье мне суждено!»
Твоему я сердцу не верила,
Но первым сердце мое
К вечной разлуке готовится...*

Не дослушав, что еще говорила Отикубо, Акого убежала.

— Старая госпожа проснулась и подняла крик, — сказала она. — Я больше ничего не успела услышать...

Юноша пришел в такое отчаяние, что даже думал прокрасться в дом и убить мачеху.

Наконец минула эта грустная ночь. Митиёри, взволнованный до глубины души, приказал Акого на прощание:

— Немедленно дай мне знать, как только представится удобный случай освободить мою любимую. Ах, как она, несчастная, страдает!

Меченосец боялся, что тюнагон, верно, слышал про его участие в этой скверной истории. Ему неприятно было дольше оставаться в этом доме, и он уехал вместе с Митиёри.

«Как передать моей госпоже немного еды? — ломала себе голову Акого. — Она, наверно, совсем ослабела от голода». Акого завернула немного сваренного на пару риса так, чтобы сверток не бросался в глаза. Но как его передать? Долго Акого ничего не приходило в голову. Наконец она сказала маленькому Сабуро, который часто прибегал с ней поболтать:

— Вашу старшую сестрицу заперли в темной кладовой. Что вы об этом думаете? Неужели вам не жаль ее?

— Почему это не жаль?

— Тогда отдайте ей потихоньку это письмо от меня, так, чтоб никто не заметил.

— Давай!

Взяв письмо и сверток с рисом, он побежал к кладовой и начал кричать во все горло:

— Отоприте эту дверь! Отоприте! Отоприте! Пустите меня туда!

Мать строго на него прикрикнула:

— Зачем тебе нужно, чтобы отперли эту дверь? Что за выдумки такие!

— Там мои сапожки. Я хочу мои сапожки, — неистово вопил Сабуро, колотя в дверь кулаками изо всех сил.

Тюнагон очень любил своего младшего сына.

— Мальчик, наверно, хочет покрасоваться в своих сапожках. Отоприте ему скорее, — велел он.

Госпожа из северных покоев строго сказала сыну:

— Я открою дверь, но только на минутку, изволь, не мешкая, достать свои сапожки.

Но расплакавшийся мальчик продолжал шуметь:

— Откройте, а то дверь разобью!

Наконец дверь отперли.

— Куда они запропастились? — И Сабуро, присев на корточки и сделав вид, будто ищет сапожки, ловко передал сестре

письмо и сверток.— Чудеса! Здесь их не оказалось, — объявил он, выходя из кладовой.

— Я тебе покажу, как шалить и не слушаться! — Китаноката догнала мальчика и дала ему затрещину.

Подойдя к щели, сквозь которую пробивался луч света, Отикубо прочла письмо. Акого сообщала ей все новости. К письму был приложен сверток с вареным рисом, но еда не шла бедняжке на ум.

Госпожа из северных покоев, подумав немного, все же решила посылать ей пищу один раз в день. Падчерица так искусно шила, что было невыгодно лишать ее жизни.

Позвав к себе своего дядюшку тэнъяку-но сукэ, когда никто не мог их услышать, Китаноката сказала ему, что заперла Отикубо по такой-то и такой-то причине и что от него требуется то-то, мол, и то-то...

Старик до смерти обрадовался внезапному счастью. Одурев от восторга, он распустил в улыбке рот до ушей.

— Так, значит, вы проведете эту ночь в кладовой, где заперта Отикубо, — сказала ему госпожа Китаноката.

Не успели они обо всем договориться, как кто-то вошел в комнату, и заговорщики расстались.

Между тем Акого получила от Митиёри вот какое письмо:

«Что слышно у вас? Неужели кладовую до сих пор не отперли? Я не нахожу себе места от тревоги. Если будет случай освободить твою госпожу, извести меня немедленно. Постарайся также передать ей это письмо. Если удастся получить ответ, это меня хоть немного утешит. Сердце мое разрывается от горя при мысли о том, как страдает моя дорогая».

Письмо к Отикубо было написано с необыкновенным чувством:

«Когда я вспоминаю твои полные безнадежности слова, то не знаю, на что решиться.

*Пока не угасла жизнь,
Надежда во мне не угаснет.
Мы свидимся вновь с тобой!
Но ты говоришь: я умру!
Увы! Жестокое слово!*

Любимая моя! Прошу тебя, не падай духом. Ах, как я хотел бы сейчас быть в заточении вместе с тобой и утешить тебя!»

Меченосец писал Акого:

«Как подумаю о том, что с нами стряслось, так становится не по себе. Я все время лежу в постели. Наша юная госпожа, верно, винит меня во всем. На душе у меня тоска. Я даже думаю пойти в монахи».

Акого написала в ответ Митиёри:

«Я почтительно прочла ваше письмо. Устроить вам встречу нет никакой возможности. Дверь остается закрытой, ее даже заперли еще крепче. Я попытаюсь доставить моей госпоже ваше письмо и получить ответ».

Она послала письмо также и меченосцу, в котором сообщала о многих печальных и тревожных событиях.

Во второй части будет самым подробным образом рассказано о том, что случилось дальше с нашими героями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Акого бродила вокруг кладовой с письмом Митиёри в руке, размышляя, как бы передать его своей госпоже, но дверь была по-прежнему заперта.

«Какая досада!» — думала она.

Митиёри с меченосцем тоже тщетно ломали себе голову, придумывая разные хитроумные способы похищения Отикубо.

«Ведь она из-за меня терпит такие муки!» Эта мысль заставляла Митиёри испытывать еще большую жалость к Отикубо. Он только и думал, только и говорил о том, как бы поскорее освободить любимую, а после так жестоко отомстить мачехе, чтобы она вовек не забыла!

Митиёри обладал от природы мстительным характером и не умел прощать обид.

Между тем Сёнагон, беседовавшая накануне с Отикубо, принесла ей любовное послание от «господина Катано». Услышав, что девушку бросили в кладовую и заперли, она прониклась к ней жалостью.

«Ах, бедная! Как она теперь? Что с нею? До чего же люди бессердечны!» — так говорили между собой, горько плача, Сёнагон и Акого.

День смеркался, а между тем Акого еще не нашла случая передать Отикубо письмо от ее возлюбленного.

Случилось так, что мачеха приказала женщинам, прислуживавшим в доме, поспешно изготовить мешочек для флейты своего зятя куродо и думала, что он давно уже готов, но таких искусниц не нашлось. Ни одна женщина даже не притронулась к работе.

Китаноката наконец отперла дверь, вошла в кладовую и приказала Отикубо:

— Вот возьми, сшей это, да побыстрее!

— Не могу, я еле жива, — ответила Отикубо, не поднимая головы.

— А если ты сейчас же не выполнишь этой работы, я брошу тебя в погреб. Я оставила тебя в живых только для того, чтобы ты могла шить для меня, когда прикажу, — пригрозила Китаноката.

Отикубо испугалась, что мачеха и на самом деле способна выполнить свою угрозу, и, как ей ни было плохо, все же с трудом поднялась с пола и принялась за шитье.

Акоги сразу заметила, что дверь кладовой открыта. Она кликнула Сабуро и стала его просить:

— Молодой господин, вы всегда были ко мне так добры, так охотно со мной разговаривали, исполните же мою просьбу. Передайте это письмо сестрице Отикубо, только смотрите, чтобы ваша матушка не увидела.

— Хм, ладно! — ответил, не долго думая, мальчик и побежал в кладовую. Усевшись возле сестры, он сделал вид, что рассматривает флейту, а сам потихоньку сунул письмо в складки ее платья.

Отикубо не терпелось узнать, что пишет ей Митиёри, но раньше надо было дошить мешочек. Как только Китаноката отправилась показать его зятю, Отикубо торопливо пробежала глазами послание Митиёри. Не было границ ее радости! Но как написать ответ, не имея ни кисти, ни туши? Под рукой у нее была только игла для шитья.

Отикубо нацарапала иглой на клочке бумаги:

*«В сердце глубоко
Я схоронила любовь мою.
Так и умру я,
Как исчезает роса поутру,
Тайну мою не открыв тебе.*

Вот о чем я сейчас все время думаю!»

Вскоре вернулась мачеха и сказала:

— Этот мешочек для флейты сшит очень хорошо, как раз по мерке. Однако отец твой сердится, зачем я отперла дверь, — и, плотно закрыв дверь, хотела было запереть ее на замок, но Отикубо взмолилась:

— Пожалуйста, велите Акогои принести ларчик для гребней из моей комнаты.

Мачеха позвала Акогои и сказала ей:

— Отикубо просит принести из ее комнаты ларчик.

Акогои принесла ларчик. Когда она подала его Отикубо, та сунула ей в руку письмо. Акогои ловко его спрятала. Посылая эту весточку Митиёри, она приписала внизу от себя:

«Письмо написано второпях, пока дверь держали открытой, чтобы дать возможность моей госпоже сшить мешочек для флейты».

Эти строки только еще сильнее опечалили юношу.

Настал вечер. Старый дядюшка, тэньяку-но сукэ, полный любовного томления, не мог дожидаться счастливой минуты. Он пришел к Акогои и сказал, противно ухмыляясь:

— Ну, Акогои, с этой минуты прошу любить и жаловать меня, старика.

Акогои стало не по себе от его слов, она почувствовала недоброе.

— Это как прикажете понимать? — спросила она.

— Госпожа наша отдала Отикубо в полную мою власть. А ты ведь, кажется, любимая прислужница этой девушки.

Акогои пришла в ужас, слезы подступили у нее к глазам, но она справилась с собой и сделала вид, что очень рада.

— Ах, вот оно что! Барышне моей скучно сидеть взаперти одной-одинешенькой. Вдвоем оно будет веселее. А господин ее отец дал свое согласие? Или это воля одной только госпожи? — спросила она.

— Да, господин тоже сообразовал дать свое согласие. А о госпоже, его супруге, и говорить нечего...

Старик был наверху блаженства.

«Что делать? — думала Акогои. — Отикубо грозит новая беда. Надо сейчас же известить молодого господина...»

— Когда же состоится счастливое событие? — спросила она старика, стараясь скрыть свою тревогу.

— Сегодня вечером, — ответил тот.

— Как сегодня?.. Сегодня как раз госпожа Отикубо соблюдает день поста и воздержания. Даст ли она свое согласие?

— Но ведь у нее есть возлюбленный. Откладывать опасно. Чем скорей состоится наша свадьба, тем лучше. — И с этими словами старик ушел.

Невозможно описать, как встревожилась Акогои.

Воспользовавшись тем, что Китаноката подавала ужин тюнагону, она потихоньку подкралась к двери кладовой и постучала.

— Кто там? — слышался голос изнутри.

— Вам грозит новая беда, — стала рассказывать Акогои. — Будьте настороже. Я уже успела сказать, что сегодня у вас день поста и воздержания... Ах, какое несчастье! Что делать? — Но тут слышались чьи-то шаги, и ей пришлось спастись бегством.

Сердце Отикубо разрывалось от горя. Нет больше выхода! Все прошлые беды казались ей теперь ничтожными. Но бежать некуда, негде спрятаться. Остается только одно — умереть. Тут же на месте умереть. Ах, как болит грудь! Сжимая ее руками, Отикубо громко зарыдала.

Наступил вечер. Когда зажгли огни, тюнагон по своей всегдашней привычке рано лег спать. Китаноката, согласно своему уговору с тэнъяку-но сукэ, отперла дверь в кладовую и, войдя туда, увидела, что Отикубо захлебывается от слез, лежа ничком на полу.

— Что с тобой? Отчего ты так стонешь? — спросила мачеха.

— Грудь болит... Как ножом режет, — еле слышно прошептала Отикубо.

— Ах, бедняжка... Может быть, ты съела что-нибудь плохое. Пусть тебя осмотрит тэнъяку-но сукэ. Он ведь врач.

Отикубо поняла подлый замысел мачехи.

— Нет, что вы, зачем? Обыкновенная простуда... Мне не нужен врач, — поспешила она ответить.

— Но ведь грудная боль — вещь опасная, — продолжала настаивать мачеха, а тут как раз подоспел и сам тэнъяку-но сукэ. — Идите сюда! — позвала его Китаноката, и он без дальнейших церемоний подошел к Отикубо. — Эта девушка говорит, что у нее ломит грудь. Осмотрите ее и дайте лекарства, — приказала Госпожа из северных покоев и ушла, оставив Отикубо на попечение старика.

— Я врач. Быстро избавлю вас от вашей болезни. С этой ночи доверьтесь мне всецело, я о вас позабочусь.

Тэньяку-но сукэ сунул руку к ней за пазуху, чтобы пощупать грудь. Отикубо заплакала в голос, закричала, но некому было прийти ей на помощь.

Опасность заставила ее быть находчивой. Она простонала сквозь слезы:

— Я счастлива, что вы отныне будете обо мне заботиться, но сейчас я умираю от страшной боли...

— Вот как? Отчего же вы так страдаете? Я рад был бы принять на себя вашу боль, — нежно сказал тэньяку-но сукэ, крепко обнимая девушку.

Китаноката, понадеявшись на то, что он находится вместе с Отикубо, спокойно легла спать, не заперев двери в кладовую.

Снедаемая тревогой, Акого подошла к кладовой и вдруг заметила, что дверь чуть приоткрыта. Она изумилась и в то же время обрадовалась. Открыв дверь и войдя в кладовую, Акого увидела, что тэньяку-но сукэ сидит на полу на корточках.

Сердце у нее так и оборвалось! Забрался все-таки в кладовую к Отикубо.

— Зачем вы здесь? Разве я не сказала вам, что барышня сегодня постится, противный вы человек! — в сердцах сказала Акого.

— Что вы! Я разве приблизился к ней с дурной целью! Госпожа из северных покоев приказала мне лечить ее от грудной боли, — объяснил старик. Акого увидела, что он еще не снял с себя одежды.

Отикубо терпела невыносимую боль и вдобавок плакала не переставая от страха и горя.

Акого испугалась, уж не случилось ли с ней какой-нибудь новой беды, раз она в таком состоянии. Что тогда ждет ее в будущем?

— Хоть бы горячий камень приложить к больному месту, что ли? — спросила Акого.

— Хорошо бы, — согласилась Отикубо.

— Больше как от вас, нам не от кого ждать помощи, — сказала Акого старику. — Пожалуйста, нагрейте камень и принесите сюда. Все в доме спят, и, если я сама попрошу нагреть камень, меня не послушают. Пусть эта первая услуга с

вашей стороны докажет моей юной госпоже искренность вашей любви.

Старик радостно засмеялся:

— Верно, верно! Немного лет осталось мне жить на этом свете, но если меня попросить от души, я все сделаю. Горы сворочу! А уж горячий камень достать — это для меня пустяк. Да я его согрею своим сердечным пламенем!

— Ну если так, то скорее! — торопила старика Акогои.

Как быть? Уж слишком она суется не в свое дело, но, с другой стороны, надо доказать невесте искренность своей любви. Думая так, тэньяку-но сукэ отправился искать горячий камень.

— Много бед вы натерпелись в этом доме, но такой еще не бывало. Как вам спастись? За какие грехи в прошлых ваших рождениях вы терпите такие муки! А мачеха ваша, в каком образе она родится вновь? Ведь грех ее так велик! — говорила Акогои.

— Ах, голова моя туманится, я уже ничего не понимаю... Зачем только дожидаясь до этой минуты! Худо мне, ах, как худо! И этот старик все лезет ко мне, противно. Запри дверь, чтобы он не мог войти.

— Но он тогда рассердится и станет еще несносней. Лучше постарайтесь как-нибудь его задобрить. Вот если бы у вас был заступник в этом доме, ну, тогда еще можно было бы запереться на эту ночь, а утром просить защиты... Возлюбленный ваш страдает за вас душой, но ему никак сюда не пробраться. Остается только молить богов о спасении! — воскликнула Акогои.

В самом деле, бедной Отикубо не на кого было надеяться. Сестры ее были к ней равнодушны и держались с ней холодно, значит, и от них нечего было ждать помощи. Только горячие слезы и беседа с Акогои могли еще принести ей душевное облегчение.

— Не покидай меня сегодня ночью, не покидай! — молила она Акогои. Тут пришел тэньяку-но сукэ и принес горячий камень, плотно завернутый в ткань.

Отикубо неохотно взяла его. Душа ее была полна страха и смятения.

Старик разделся и лег, а затем притянул к себе девушку.

— Ах, пожалуйста, осторожней! У меня такие боли. Когда я сижу, мне немножко легче. Если вы всерьез думаете о

нашем будущем счастье, то оставьте меня в покое хоть на одну эту ночь, — умоляла старика Отикубо голосом, полным муки.

Акоги поддержала ее:

— Что ж, ведь недолго ждать, только до завтрашнего вечера. Госпожа моя больна и к тому же соблюдает пост.

«Так-то оно так», — подумал тэньяку-но сукэ.

— Ну что ж, пожалуй, вздремну, прислонившись к вам головой. — И старик положил голову на колени Отикубо.

Как ни противно было Акоги глядеть на такого жениха, но в то же время она радовалась, что благодаря старикашке ей удалось проникнуть в кладовую и провести ночь возле своей любимой госпожи.

Тэньяку-но сукэ тотчас же захрапел.

«Как не похож он на спящего Митиёри!» — мысленно сравнивала его Отикубо со своим возлюбленным, и старик показался ей еще отвратительнее, чем раньше.

Акоги не сомкнула глаз всю ночь, стараясь придумать, как вызволить из беды свою юную госпожу.

Проснувшись посреди ночи, старик увидел, что Отикубо страдает от боли еще сильнее прежнего.

— Ах, бедная! Надо же было вам так заболеть как раз в нашу первую свадебную ночь. — И с этими словами он заснул снова.

Наконец наступил долгожданный рассвет. Обе женщины вздохнули с облегчением.

Акоги растолкала крепко спящего старика.

— Уже совсем светло. Идите-ка к себе! Да смотрите, никому ни слова! Если хотите весь век прожить в любовном согласии с моей госпожой, то слушайтесь ее беспрекословно.

— Правда. Я и сам так думаю, — согласился старик и побрел прочь неверной походкой, сгорбившись, протирая слипшиеся от сна глаза.

Акоги задвинула дверь и поспешила со всех ног к себе в комнату, чтобы никто не заметил, где она провела ночь. Скоро ей принесли письмо от мужа.

«Прошлой ночью я с трудом добрался до вашего дома, — писал меченосец, — но ворота были на запоре, и никто мне не открыл. Пришлось вернуться ни с чем. Вчуже и то невозможно глядеть, как страдает и тревожится молодой господин. Посылаю от него письмо. Сегодня вечером я опять попробую прийти».

«Надо передать письмо, — подумала Акого. — Сейчас как раз удобный случай».

Она бегом вернулась к кладовой, но увы! Мачеха уже успела навесить замок на дверь. Акого с досадой повернула назад, но по дороге ей встретился тэньяку-но сукэ. Он тоже нес Отикубо любовное послание. Какое счастье! Акого взяла у него письмо и побежала обратно.

— Вот послание от господина тэньяку-но сукэ, — сказала она мачехе. — Он очень просил передать его госпоже Отикубо.

Госпожа из северных покоев расцвела улыбкой:

— Хочет спросить, как невеста к нему расположена? Это очень хорошо. Пусть нареченные любят друг друга, — и отперла дверь.

Акого, обрадованная тем, что ей удалось провести старую госпожу, передала письмо Митиёри вместе с любовным посланием от старика.

Отикубо прочла сначала то, то написал ее возлюбленный:

«О, как я тоскую! С каждым новым днем разлуки растет моя любовь к тебе.

*Какие тревоги печалят меня
В разлуке с моей возлюбленной,
Как долгую ночь я томлюсь один,
Об этом узнали вы первыми,
О влажные рукава мои!
Ах, что с нами будет теперь!»*

Прочитав эти строки, Отикубо почувствовала беспредельную нежность к своему возлюбленному и написала ему в ответ:

«Если вы так сильно страдаете из одного лишь сочувствия ко мне, то что же сказать о моих муках?

*Как сердце мое болит!
Жемчужины скорби, падая,
Стали «Рекою слез»...
Но пуще всего печалюсь я
О том, что еще жива».*

На письмо старика ей даже глядеть было противно. Она написала только: «Пусть Акого ответит вам вместо меня». Акого ловко взяла оба письма вместе и вышла из кладовой.

Вот что прочла Акого в письме старика:

«Ах, ах, бедняжка, как вы страдали всю ночь! У меня такое чувство, будто моя злая судьба подшутила надо мной. О моя дорогая, встретьте меня с ласковым лицом, когда наступит новая ночь. Когда я возле вас, мне кажется, что я вновь оживаю, что ко мне опять возвращается утраченная юность. О любимая моя!

*Смеются люди надо мной.
Меня «засохшим деревом» зовут.
Но ты не верь пустым речам.
Согрет весенним ласковым теплом,
Прекрасным цветом снова расцвету».*

Письмо это вызвало у Акого чувство омерзения, но она все же сочинила ответ:

«Госпожа моя все еще очень больна, она не может ответить вам сама. А я от себя скажу:

*Иссохло дерево вконец.
Недолгий срок ему осталось жить.
Возможно ли, скажи,
Чтоб на его обглоданных ветвях
Вновь расцвели прекрасные цветы?»*

Акого опасалась, что тэньяку-но сукэ рассердится, потому что она откровенно написала то, что думала, но старик остался очень доволен.

Потом Акого сообщила меченосцу:

«Я тоже этой ночью хотела повидаться с тобою, чтобы рассказать тебе обо всем, что здесь происходит, и услышать слово утешения, но что ж делать, если ты никак не мог попасть ко мне! Письмо от твоего господина мне удалось передать с большим трудом. У нас здесь случилась новая беда. Мне необходимо с тобой посоветоваться».

Мачеха, успокоенная тем, что поручила старику надзор за Отикубо, перестала так тщательно, как раньше, запираť дверь кладовой на замок. Акого было обрадовалась, но чем ближе дело подвигалось к вечеру, тем больше росла ее тревога: «Ах, что-то будет нынешней ночью!»

Она перебирала в голове тысячи способов, как надежней запереть дверь изнутри.

Повстречав Акого, старик осведомился у нее:

— Ну, как здоровье твоей госпожи?

— Ах, ей все еще очень худо.

— Что это с нею? — встревожился старик, как будто Отикубо уже перешла в его полную собственность. Акого стало тошно.

Между тем Китаноката с ног сбилась в горячке приготовлений. Ведь сегодня как раз был канун долгожданного праздника в храме Камо.

— Я хочу показать завтрашние торжества дочери моей Саннокими. Ведь как-никак в числе танцоров будет ее собственный муж.

Услышав это, Акого сразу подумала: «Вот он, тот случай, которого мы ждем!» Сердце ее готово было разорваться от волнения.

«Если бы только удалось отвести беду этой ночью», — думала Акого. Она нашла кусок дерева нужного размера и, спрятав его под мышкой, стала искать удобного момента.

Когда в доме послышались голоса: «Пора зажигать огни!» — Акого незаметно подкралась к двери кладовой и сунула клин в тот желобок на верхней балке, по которому передвигается дверь в ту или другую сторону. Она выбрала такое незаметное место, чтобы этот клинышек не просто было нащупать рукой в ночной темноте.

Отикубо со своей стороны тоже старалась придумать средство спасения. К счастью, в кладовой нашелся огромный сундук из дерева криптомерии. Она кое-как с трудом подтащила его к выходу и приперла им дверь кладовой изнутри. Дрожа всем телом, Отикубо горячо молилась богам и буддам:

«О, сжальтесь надо мной, сделайте так, чтобы старик не сумел открыть эту дверь!»

Мачеха отдала ключ от кладовой старику.

— Вот вам. Когда все уснут, войдите потихоньку в кладовую. — И спокойно легла спать.

Когда все в доме утихло, тэньяку-но сукэ отправился к кладовой и отпер ключом замок. Услышав, как щелкнул замок, Отикубо заметалась в ужасе.

Тэньяку-но сукэ хотел отодвинуть дверь в сторону, но не тут-то было! Она не поддавалась. Старик пробовал и так и этак. Не идет, да и только!

Акоги услышала шум и, спрятавшись неподалеку, стала глядеть, что будет дальше. Тэньяку-но сукэ шарил руками, стараясь понять, отчего дверь застряла в пазах, но никак не мог нащупать клин.

— Чудное дело, неужели дверь заперта изнутри? Посмеяться, что ли, ты хочешь, девушка, надо мной, стариком? Но ведь я здесь по соизволению твоих родителей, они тебя отдали мне. Не убежишь от меня! — сердился старик.

Он стучал, колотил в дверь, нажимал на нее плечом, тряс, толкал в сторону, но она была крепко заклинена и вдобавок приперта изнутри. Старику не то что сдвинуть хотя на палец, даже пошатнуть ее не удавалось.

«Вот сейчас открою!» — думал тэньяку-но сукэ, а тем временем ночь становилась все темнее. Промерзшие доски пола леденили ему ноги. Зимний холод, казалось, грозил сковать все тело.

Тэньяку-но сукэ последнее время страдал животом и к тому же был легко одет. Ноги его застыли на деревянном полу, холод подымался все выше и выше...

— Что со мной? Я, видно, перемерз... — пробормотал старик, и вдруг... «Ой, что это!» — ощупал он себя. Подхватив свои штаны, старик бросился удирать со всех ног. Но даже в такую минуту он не забыл запереть замок и унес с собой ключ.

Акоги и проклинала в душе старика за то, что он не забыл унести ключ, и радовалась тому, что дверь все-таки выдержала. Она прильнула к ней губами и сказала:

— Старик удрал. Его прохватил понос, так что он вряд ли возвратится. Спите спокойно! Муж пришел и ждет меня, письмо ваше будет доставлено молодому господину.

Меченосец между тем нетерпеливо поджидал Акоги.

— Ты почему до сих пор не шла? Что там происходит? Госпожу твою все еще не выпустили из кладовой? Ах, сердце не на месте от тревоги. А как печалится мой господин, просто представить себе невозможно. Он хочет выкрасть ее посреди ночи. Велел мне все подготовить для похищения.

— У нас час от часу не легче. Дверь кладовой отпирают только раз в день, чтобы передать ему для моей бедной госпожи. Мало того, строят против нее гнусные козни. У ее мачехи есть дядя — дряхлый старикашка, но мачеха обещала женить его на моей госпоже, отдала ему ключ от кладовой и велела провести эту

ночь с ней вместе. Но пока у него дело не вышло. Мы приперли дверь с обеих сторон. Старикашка топтался-топтался возле двери, да и промерз до костей. У него заболел живот, и он убежал. Когда моя госпожа поняла, что замышляет мачеха, она так встревожилась, что у нее грудь разболелась, просто сил нет... — со слезами рассказывала Акого меченосцу происшествия этой ночи.

Слушая ее, он кипел от негодования, но когда Акого стала описывать злключения старика, меченосец не мог удержаться от смеха.

— Правильно мой господин говорит: «Выкраду свою любимую как можно скорее, а потом отомщу этой жестокой мачехе, беспощадно отомщу!»

— Как раз завтра вся семья собирается в храм Камо, посмотреть на торжественные праздничные пляски, — сообщила Акого меченосцу, — вот тогда и приезжайте за моей госпожой. Дома-то почти никого не останется...

— Отлично, лучшего случая и не придумать. Хоть бы скорее пришел завтрашний день.

В такой душевной беседе меченосец и Акого скоротали эту ночь. Наконец на дворе рассвело.

Пока тэнъяку-но сукэ, забыв на время про любовные дела, отстирывал свои штаны, сон одолел его. А тем временем и ночь прошла.

Как только настало утро, меченосец поспешил к своему молодому господину.

— Что говорит твоя жена? — спросил тот.

— Вот что она велела сказать вам. — И меченосец подробно передал слова Акого.

Митиёри нашел историю со стариком омерзительной, ужасной... Как должна была страдать Отикубо! Невозможно даже представить себе.

— Я некоторое время не буду жить здесь, в родительском доме, — сказал Митиёри, — а поселюсь в Малом дворце — Нидзёдоно. Ступай туда, открой окна, проветри и все чисто приberi.

Отослав меченосца с этим поручением, юноша остался один. Он был взволнован радостным ожиданием. Ах, скорее бы освободить Отикубо!

Акого тем временем, стараясь скрыть от посторонних глаз свою тревогу, тоже лихорадочно строила планы спасения Отикубо.

В полдень в доме тюнагона поднялась суматоха. Госпожа Китаноката в сопровождении двух младших своих дочерей и нескольких прислужниц собралась отправиться в храм Камо. Подали два экипажа.

В самый разгар суеты мачеха все же не забыла послать к старику тэнъяку-но сукэ за ключом от кладовой.

— Боюсь, чтобы кто-нибудь во время моего отсутствия не отпер дверь. У меня будет сохраннее, — сказала она и взяла ключ с собой. Акого кляла в душе мачеху за ее предусмотрительность.

Сам тюнагон тоже захотел побывать на празднике, чтобы посмотреть, как танцует его зять. Все семейство с шумом и гамом отправилось в путь. Акого, не медля ни минуты, послала к меченосцу гонца с этой счастливой вестью.

Уехали! Митиёри не стал ждать ни минуты. Выбрав такой экипаж, которым обычно не пользовался, Митиёри приказал повесить в нем простые занавески цвета опавших листьев и поспешил в путь под охраной множества слуг. Меченосец ехал впереди на коне.

В доме тюнагона было тихо и пусто. Почти все его слуги последовали за своим господином.

Экипаж Митиёри остановился перед воротами. Меченосец прошел в потайную дверь и известил Акого:

— Экипаж прибыл. Куда подъезжать?

— Подъезжайте к северному входу позади дома.

На шум вышел слуга, который один был оставлен караулить дом, и с недоумением спросил:

— Чья это повозка? Господа только что изволили отбыть...

— Свои, свои, не беспокойся... Женщины из свиты вашей госпожи пожаловали... — И экипаж со стуком въехал во двор. Кругом ни души не было. Все служанки, которым поручили надзор за господскими покоями, разбрелись, видно, по своим комнатам.

— Выходите скорей! — крикнула Акого.

Митиёри выскочил из экипажа и бегом бросился к кладовой. Дверь ее была на замке.

Так, значит, Отикубо заперта здесь! При этой мысли сердце готово было выпрыгнуть у него из груди. Подкравшись к двери, он попробовал сорвать замок, но тот не поддался. Тогда Мити-

ёри подозвал к себе меченосца, и вдвоем они выломали дверь. Меченосец сразу же скромно отошел в сторону.

Когда Митиёри увидел снова свою любимую Отикубо, он крепко обнял ее и на руках понес к экипажу.

— Акого, садись и ты тоже, — приказал он.

Акого было неприятно думать, что мачеха воображает, будто ее госпожа побывала во власти тэньяку-но сукэ. Она свернула в трубку два любовных письма, которые старик послал Отикубо, положила их так, чтобы они сразу попались мачехе на глаза, схватила ларчик для гребней, вещи своей тетушки и бросилась к экипажу.

Экипаж вылетел из ворот словно на крыльях радости. Сердца всех сидевших в нем были переполнены счастьем. За воротами поджидал многочисленный отряд челяди. Под его охраной экипаж направился к дворцу Нидзёдоно.

Там не было посторонних глаз, стало быть, и стесняться было нечего. Влюбленные, плача и смеясь, беседовали обо всем, что было с ними во время разлуки. Когда Отикубо рассказала, как у старика живот схватило, Митиёри смеялся до упаду.

— Не слишком опрятный любовник! А как мачеха удивится, когда узнает обо всем!

Наговорившись вволю, они уснули на ложе.

— Кончились теперь наши тревоги! — вздохнули с облегчением меченосец и Акого.

Вечером молодым господам был подан ужин. Меченосец хозяйски заботился, чтобы ни в чем не было недостатка.

Как только тюнагон вернулся домой с праздника, он первым делом пошел взглянуть на кладовую. Видит, дверь выломана вместе с дверной рамой... Все окаменели от изумления. В кладовой ни души! Что же это? Разбой среди бела дня! Поднялся ужасный переполох.

— Разве в доме не было ни одного сторожа? — гневно кричал тюнагон. — Злоумышленники ворвались в потайную кладовую, дверь выломали, тащили что хотели, и никто их не остановил? Кто сторожил дом, отвечайте!

Мачеха лишилась языка от злости. Сколько было предосторожностей, и все-таки Отикубо бежала. Она бросилась искать Акого, но той и след простыл. Открыла комнату Отикубо — пустая! Все исчезло, как сон: и ширмы, и богатый занавес, и ларчик для гребней.

Мачеха накинулась на свою дочь Саннокими с упреками:

— Эта воровка Акого только и ждала случая, когда нас не будет дома. Я хотела недавно прогнать ее со двора, так ты меня упросила ее оставить, уверяя, что она отлично тебе служит. Вот и дождалась! Против моей воли держали в доме такую негодяйку, у которой нет ни стыда, ни совести, ни малейшей привязанности к своим господам!..

Тюнагон стал допрашивать слугу, который был оставлен сторожить дом. Тот отвечал:

— Знать ничего не знаю. Видел только, что приехал незнакомый экипаж с плетеным верхом и спущенными занавесками. Оттуда вышли какие-то люди и сейчас же вновь сели в него и уехали.

— Так это они и были! Разве могли одни женщины своими силами взломать такую крепкую дверь! Ясно, что им помогали мужчины. Но кто они, как посмели ворваться в мой дом посреди бела дня и учинить в нем неслыханный разбой!

Как ни выходил из себя тюнагон от гнева, но было поздно! Похитителей и след простыл.

Между тем Китаноката нашла письма, которые Акого нарочно оставила на самом видном месте. Прочитав их, она поняла, что старик так и не сблизился с Отикубо, и ей стало еще досаднее. Мачеха позвала к себе тэньяку-но сукэ и начала ему выговаривать:

— Отикубо сбежала. Я поручила эту девушку вашему надзору, понадеялась на вас, а вы ее не устерегли. Растяпа, так и не сумели овладеть ею. — Китаноката показала ему письма. — Вот что я нашла. Кажется, это ваши любовные послания к ней? Она бросила их, убегая...

Старик рассердился:

— Напрасно вы меня упрекаете. В ту ночь, когда вы меня к ней послали, она так страдала от боли в груди, что и притронуться к себе не давала. Акого ни на шаг от нее не отходила и все упрашивала меня: «Потерпите эту ночь, только одну эту ночь, госпожа моя как раз соблюдает пост и воздержание». Что же мне было делать, если девушка так сильно мучилась болью? Я потихоньку притулился возле нее, да и заснул. А на следующую ночь я думал было уговорить свою невесту по-хорошему. Стал открывать дверь в кладовую, а она не поддавалась, видно, приперли ее изнутри. Я простоял возле двери на холодных деревянных досках до глубокой ночи, все пытался отворить дверь, да и продрог до самых костей. В животе рези поднялись,

мочи нет. Я перетерпел раз-другой, все думал, вот-вот открою дверь, тут и случилась со мной неожиданная беда. Не помня себя, кинулся я бежать. Пока я замывал свое платье, уж и рассвет наступил. Нет, не повинен я ни в какой оплошности. Что ж делать, так уж вышло, — говорил в свое оправдание тэнъяку-но сукэ.

Несмотря на всю свою досаду, Китаноката не могла удержаться от усмешки, а о ее прислужницах и говорить нечего.

— Ну, довольно! Ступайте отсюда! Напрасно я на вас положила. Лучше бы поручила надзор за этой девушкой любому постороннему человеку.

Старик до смерти обиделся.

— Напраслину вы возводите. В душе я был полон молодого пыла и готов на все, но, на беду, лет мне уж немало и со мной легко случается известный грешок. Разве я виноват? А все потому, что я, старый человек, упорно старался открыть эту проклятую дверь. — И старик ушел, не переставая брюзжать.

Все бывшие там хохотали до слез.

Но маленький Сабуро сказал серьезно, совсем как взрослый:

— Матушка, вы поступили дурно. Зачем вы заперли сестрицу в кладовой и хотели отдать ее в жены этому глупому старику? Сестрица вправе думать, что вы были с нею жестоки. Нас много, братьев и сестер, и впереди у нас, ваших детей, еще долгая жизнь. Значит, придется нам на нашем веку еще много раз слышать о сестрице Отикубо и видаться с нею. Как мы теперь встретимся с нашей сестрицей? Не будем знать, куда глаза девать от стыда.

— Подумаешь, беда! — отвечала ему мать. — Какая нам забота, куда она сгинула? Хоть бы вам в будущем и довелось встретиться где-нибудь с этой негодницей, вам, моим детям, она ни в чем повредить не может.

А надо сказать, что маленький Сабуро был третьим сыном Госпожи из северных покоев. Старший ее сын, исправлявший должность правителя провинции Этидзэн, жил далеко от столицы, а второй сын пошел в монахи. Один Сабуро еще находился при своих родителях.

Долго в доме не стихала сумятица, но упущенного не вернешь. Все понемногу успокоились и легли спать.

Тем временем во дворце Нидзёдоно зажгли светильники. Митиёри попросил Акого:

— Расскажи мне теперь в малейших подробностях обо всем, что случилось с вами за эти дни. Госпожа твоя многого мне не сказала...

Акоги изобразила в самых живых красках бесчеловечные поступки мачехи. Митиёри слушал, думая про себя: «Какая страшная женщина! Нет ей прощения!» И жажда мести разгоралась в нем все сильнее.

— Здесь, в доме, нет людей, это плохо, — сказал он Акоги, — поищи, пожалуйста, хороших слуг. Я думал было при-слать сюда служанок из дома моих родителей, но скучно видеть все те же, слишком привычные лица. А ты будешь у нас домоправительницей. Годами ты молода, но характер у тебя твердый.

Много еще отдал Митиёри таких заботливых распоряжений, которые приятно было исполнять.

Ночь минула, но все в доме, избавившись наконец от забот и огорчений, беззаботно проспали до самого полудня.

В полдень Митиёри оправился в Главный дворец, к своим родителям.

— Побудь возле госпожи, — приказал он меченосцу. — Я скоро вернусь.

Акоги снова написала своей тетушке:

«За последнее время у меня было столько хлопот, что я несколько дней не давала о себе знать. А сейчас я опять докучаю вам спешной просьбой. В вашем доме много красивых прислужниц. Прошу вас, выберите из их числа какую-нибудь женщину или девушку приятной наружности и пришлите мне ее на самое короткое время для услуг моим господам. Подробности при встрече. Навестите меня, я очень хочу рассказать вам обо всем».

Когда Митиёри пришел в дом к своим родителям, то женщина, сватавшая за него младшую дочь тюнагона — Синокими, сказала ему:

— Прошу минутку вашего внимания. Так вот насчет того, о чем я вам недавно говорила... Родители девушки хотели бы покончить с делом еще до наступления нового года. Они просят, чтобы вы скорее написали письмо их дочери.

Мать Митиёри, присутствовавшая при этом разговоре, заметила:

— Обычно просит родня жениха, а тут наоборот. Но если уж они первыми затеяли сватовство, то отказаться — значило бы нанести им смертельную обиду. И ты, мой сын, уже в таких годах, когда не подобает мужчине оставаться холостым.

— О, если вы, матушка, этого желаете, то я немедленно женюсь, — ответил, смеясь, Митиёри. — Попросят, чтобы я послал письмо невесте? Ну что ж, сейчас же напишу! Однако это старомодно. В наши дни не принято писать любовные письма невесте, молодые люди женятся без дальних околичностей...

Митиёри прошел в свои покои и велел отвезти в Нидзёдоно все письменные принадлежности, которыми обычно пользовался, вместе с шкафчиком для них.

«Как ты сейчас? — написал он Отикубо. — Я все время о тебе тревожусь. Мне необходимо посетить дворец императора, оттуда я поспешу прямо к тебе.

*Просторны и прочны рукава
У китайской одежды моей,
Но сразу они порвутся,
Если я спрячу в их глубине
Великое счастье быть вместе с тобой.*

Мы соединились навек, а я почему-то жду нашей встречи с какой-то непонятной робостью...»

Ответ Отикубо гласил:

«Скажу тебе на это:

*Так долго не просыхали от слез
Рукава китайской одежды моей,
Что, верно, уже истлели.
Скажи, какое счастье теперь
Могу я спрятать в их глубине?»*

Это письмо показалось Митиёри очень трогательным.

Акоги и меченосец чувствовали себя на новом месте как нельзя лучше. Меченосец заботливо служил своей госпоже, предупреждая каждое ее желание.

Скоро Акоги получила весточку от своей тетки, жены правителя Идзуми.

«Не имея долго вестей от тебя, — писала тетушка, — я отправила вчера нарочного в дом твоих господ. Они объявили ему, что ты убежала от них, натворив много дурных дел. Нарочного моего чуть не избили, он еле спасся бегством. Я места себе не находила от тревоги: что произошло? Но наконец пришла от тебя весть — ты

жива и здорова, — какое счастье! Я вздохнула с облегчением. Подыскиваю для вас служительницу, достойную вашего дома. У нас гостит двоюродная сестра моего мужа, она, я думаю, вам подойдет».

Когда начало смеркаться, вернулся Митиёри.

— Твои родные усиленно сватают за меня Синокими, — стал он рассказывать Отикубо. — Я скажу им, что женюсь на ней, а на самом деле пошлю вместо себя кого-нибудь другого.

— О, не делай этого! — воскликнула Отикубо. — Если ты не хочешь жениться на ней, откажись по-хорошему. Подумай, в каком она будет отчаянии, как будет упрекать тебя!

— Нет, я должен отомстить мачехе! — ответил Митиёри.

— Забудь о мести! В чем виновата девушка?

— О, у тебя мягкое, отходчивое сердце. Ты не способна помнить зло, — воскликнул он. — Оттого мне так легко с тобой!

Сваха должным образом известила тюнагона, что ей удалось получить согласие жениха на скорую свадьбу. По этому поводу в доме была большая радость. Начались спешные приготовления к торжеству, и мачеха скоро пожалела, что больше нет Отикубо, которой можно было поручить какую угодно работу, и все бывало готово к сроку, как по волшебству.

«Ах, милостивый Будда, если она еще в живых, сделай так, чтобы Отикубо вернулась к нам!» — молилась в душе мачеха. А когда ее любимый зять куродо начал ворчать, что не наденет новой одежды, потому что ему не нравится, как она сшита, Госпожа из северных покоев и совсем голову потеряла. Она повсюду искала хорошую мастерицу-швею, но найти такую оказалось непросто.

— Надо сыграть свадьбу как можно скорее. Пока жених не передумал... — тревожился тюнагон и тоже торопил приготовления к свадьбе.

* * *

Брачное торжество было назначено на пятый день двенадцатого месяца, но одиннадцатый месяц еще не пришел к концу, как в доме уже воцарилась предсвадебная суматоха.

— А кто избранник? — спросил младший зять куродо у своей жены.

— Сын главного начальника Левой гвардии. Кажется, он и сам в немалом чине... — ответила Саннокими.

— О, это блестящая партия! А если я смогу встречаться с ним здесь, это послужит мне на пользу... — одобрительно сказал куродо. У мачехи голова кругом пошла от гордости.

Митиёри так сильно ненавидел мачеху, что задумал причинить ей самое большое горе, какое только сможет, и потому дал для вида согласие на этот брак с тем, чтобы осуществить свой тайный замысел.

Прошло всего дней десять после бегства Отикубо, а во дворце Нидзёдоно уже сталолюдно и оживленно. В нем появилось много новых слуг и служанок.

Акоги была поставлена во главе женской свиты, как старшая, и получила новое имя — Эмон¹. Миниатюрного сложения, хорошенькая и еще совсем молодая, она весело хлопотала по дому, попевая всюду. Не удивительно, что как господин, так и госпожа дарили ее особым почетом и любовью.

Однажды, когда Митиёри пришел навестить свою мать, она спросила его:

— Правду ли люди говорят, будто ты поселил в нашем дворце Нидзёдоно близкую твоему сердцу особу? Но если так, то зачем же ты дал согласие на брак с дочерью тюнагона?

— Я собирался сказать вам об этом заранее и привести к вам мою молодую жену, чтобы вы могли с ней познакомиться, но в Нидзёдоно никто не живет, и я позволил себе поселить ее там на некоторое время без вашего на то соизволения. Вы спрашиваете меня, зачем я посватался к дочери тюнагона? Но, как я слышал, тюнагон сам всю жизнь придерживался того мнения, что одной законной женой мужчине не обойтись, — засмеялся Митиёри. — Как приятно будет нам по-родственному беседовать о наших милых подругах.

— Ах, ах, слушать противно! Поверь мне, иметь много жен доставляет одни хлопоты и неприятности. Ты будешь очень несчастлив. Если тебе пришлось по сердцу твоя возлюбленная, не бери себе другой жены. Я хочу с ней встретиться как можно скорее.

¹ Для удобства читателей мы сохраняем ее старое имя Акоги. (Прим. перев.)

После этого разговора мать Митиёри послала великолепные подарки своей невестке и обменялась с ней письмами.

— Жена твоя, сразу видно, из хорошей семьи. У нее прекрасный слог, изящный почерк. Каких родителей она дочь? Держись ее крепко, мой сын, не меняй на другую. У меня ведь самой есть дочери, я знаю, как болит родительское сердце... — стала усовещивать своего сына матушка Митиёри.

Она была женщина добрейшей души, очень моложавая и красивая.

Митиёри только посмеивался:

— Жену свою я бросать не собираюсь, не бойтесь, но хочу взять еще и другую в придачу к ней.

Мать не выдержала и засмеялась тоже:

— Нет, это возмутительно, бессовестный ты ветреник!

* * *

Настал последний месяц года.

— На послезавтра назначена твоя свадьба. Знаешь ли ты об этом?— спросила у Митиёри его матушка, очень жалевавшая Отикубо.

— Как же, помню. Не премину явиться, — ответил Митиёри, а сам в душе думал: «Будет им веселая свадьба!»

Дядя его с материнской стороны в прежнее время был начальником ведомства торжеств и церемоний, но заслужил в свете славу вздорного глупца, так что никто не хотел водить с ним знакомства. У него был старший сын, известный под именем хёбу-но сё, отъявленный дурак, каких мало.

Митиёри наведался к нему в гости.

— Что, хёбу-но сё дома? — спросил он у его отца.

— Сидит отшельником у себя в комнате. Он ведь носа никуда не кажет. Говорит, что люди над ним смеются... Вот бы вы, молодые люди, научили моего сына обходительности и светским манерам, чтобы он не чуждался общества. Я в его годы был в точности таким. Сын мой очень чувствителен к насмешкам. Если бы он приучил себя переносить их спокойно, то мог бы служить хоть во дворце самого государя.

— Я его не оставлю, положитесь на меня, — успокоил Митиёри старика и прошел в комнату своего двоюродного брата.

Тот еще не вставал с постели. Вид у него был достаточно смехотворный и нелепый.

— Ну, вставай, вставай скорее! У меня к тебе разговор, — сказал ему Митиёри.

Хёбу-но сё потянулся, зевнул во весь рот, наконец неохотно поднялся с постели и стал умываться.

— Почему ты ко мне никогда не приходишь?

— Люди надо мной насмеваются, вот меня и берет робость, — ответил хёбу-но сё.

— Чего же тебе робеть в моем доме, мы ведь с тобой не чужие, — возразил ему Митиёри. — А почему ты до сих пор не женился? Одному жить невесело.

— Никто не позаботился сосватать мне невесту. Но, по правде сказать, мне и одному хорошо.

— Что же, ты хочешь весь свой век прожить холостым?

— Да нет, я жду, чтобы кто-нибудь нашел мне невесту...

— Ну, так я буду твоим сватом. У меня есть на примете хорошая невеста для тебя.

Хёбу-но сё, как и следовало ожидать, обрадовался, рот его расплылся в улыбке. Лицо у него было какой-то неприятной белизны, белое-белое, как снег, и смахивало на лошадиную морду, шея несоразмерно длинная. Огромный нос выступал вперед самым удивительным образом. Казалось, хёбу-но сё вот-вот заржет, закусит удила и помчится вскачь. Не мудрено, что он возбуждал у людей неудержимый смех.

— Вот радостная весть! А кто ее отец?

— Она четвертая дочь тюнагона Минамото. Правду сказать, ее сватали мне самому, но у меня есть возлюбленная, с которой я связан нерасторжимыми узами, и потому я решил уступить эту невесту тебе. Свадьба назначена на послезавтра, будь к ней готов.

— А если родные невесты будут недовольны такой заменой, если надо мной опять начнут смеяться, что тогда? — нерешительно спросил хёбу-но сё.

«Такой болван, а вот ведь как сильно чувствует людские насмешки», — подумал Митиёри. И смешно-то ему стало, и жаль незадачливого юношу.

— Ну что ты, никто не будет смеяться! — сказал он самым успокоительным тоном. — Ты вот что скажи им: «Я с самого начала этой осени тайком посещал вашу дочь Синокими, как вдруг дошли до меня слухи, что мою возлюбленную выдают замуж. Жених ее — мой близкий родственник, я и пошел к нему поговорить откровенно. «Отнимают у меня мою любимую», —

пожаловался я ему. А он мне говорит: «О, если так, я отказываюсь от невесты в твою пользу. Но вот в чем опасность. Родители ее ничего не знают. А что, если они отдадут свою дочь кому-нибудь другому, узнав, что я от нее отказался? Ты останешься ни при чем. Лучше держать все в тайне до поры до времени, а на свадьбу ты явишься под моим именем». Я и послушался доброго совета». Вот что ты им скажешь. Кто тогда будет над тобой смеяться? Потом ты начнешь ходить к своей жене Синокими, она будет день ото дня все больше к тебе привязываться и постепенно полюбит тебя.

— Правда, правда! — кивал головой хёбу-но сё.

— Так, значит, ты пойдешь в дом тюнагона послезавтра вечером как жених, — сказал Митиёри и, заручившись согласием своего двоюродного брата, покинул его.

Когда Митиёри думал о том, какой позор ждет бедную Синокими, то ему становилось жаль девушку, но ненависть к мачехе была в нем так сильна, что всякий раз брала верх над жалостью.

Вернувшись в Нидзёдоно, он увидел, что Отикубо сидит возле жаровни и, любуясь на падающий снег, разгребает пепел.

Восхищенный чарующей красотой своей юной жены, он сел напротив нее и увидел, что она чертит на пепле:

*Когда бы мне в моей тюрьме
Пришлось погибнуть ранней смертью,
Скажи, что случилось бы с тобой?*

Митиёри с волнением прочел эти слова, шедшие от самого сердца, и приписал внизу:

*Тогда бы сжег меня огонь
Любви, навеки безответной.*

И закончив таким образом пятистишие, начертил на пепле еще одно:

*Нет, не погасла жизнь в тебе,
Как теплится в суровый холод
Под пеплом спрятанный огонь.
Прижму тебя к своей груди
И тихим сном засну, счастливый...*

Отикубо засмеялась:

— Но это очень опасно! Как можно держать огонь на груди? Митиёри крепко обнял свою жену.

* * *

Настал день свадьбы. В доме тюнагона все было готово к тому, чтобы отпраздновать ее самым пышным образом. Митиёри послал к своему двоюродному брату слугу с напоминанием:

«Торжество, о котором недавно у нас шел разговор, состоится сегодня вечером. Будь в известном тебе доме ровно в час Пса».

«Я сам очень хочу пойти туда. Буду непременно», — последовал ответ.

Когда хёбу-но сё сообщил отцу о своем замысле, то его взбалмошный и не очень далекий отец даже и не подумал, сколько горя причинит людям опрометчивый поступок юноши.

— Ты, конечно, никогда не прослывешь душою общества, но тебе надо бывать в свете. Вот прекрасный случай! Иди же, иди скорее! — торопил он сына.

Наконец хёбу-но сё отправился на свадьбу, нарядившись самым лучшим образом.

Все родные и домашние невесты были уже в полном сборе, щеголяя один перед другим роскошью своих нарядов. Как только возвестили о приходе жениха, его тотчас же провели в дом.

В этот вечер глуповатый вид хёбу-но сё никому не бросился в глаза. Напротив, в тусклом свете вечерних огней тощий юноша показался изящным аристократом. Женщины в доме много слышались о том, каким блестящим светским человеком слывет в высшем обществе жених, и заранее были готовы им восхищаться.

— Ах, ах, какая у него тонкая, изящная фигура! — шептали они друг другу.

Госпожа из северных покоев просияла улыбкой.

— Да, ловко я подцепила жениха! Мне по этой части везет. Все зятья у меня как на подбор. А этот, говорят, скоро станет министром, — хвасталась она направо и налево.

— Правда, правда! — соглашались с ней все.

Синокими, не подозревавшая, какому олуху она досталась,

взошла с ним на брачное ложе. Когда наступило утро, молодой супруг возвратился к себе домой.

Митиёри немало забавлялся, стараясь представить себе все те нелепые недоразумения, которые должны произойти на этой свадьбе.

— В доме твоего отца прошлым вечером торжественно встречали нового зятя, — сказал он своей жене.

— А кто он? — спросила Отикубо.

— Зовут его хёбу-но сё. Он сын моего дяди, начальника ведомства торжеств и церемоний. Красивый муж достался твоей сестре, один нос чёго стоит!

Отикубо засмеялась:

— Почему же именно нос? Странная похвала.

— Нос у него лучше всего. Ни у кого на свете нет такого носа. Вот сама увидишь... — И с этими словами Митиёри прошел в комнату для слуг и набросал записку своему двоюродному брату:

«Послал ли ты любовные стихи своей жене, как это принято на другое утро после свадьбы? Если нет, то вот тебе готовые, они очень хороши:

*Я слышал, люди говорят,
Что утром после первой встречи
Сильней становится любовь.
Но в этой истине теперь
Я что-то начал сомневаться...*

А внизу хорошо бы добавить какой-нибудь изящный намек, например, слова из песни:

*Напрасна красота
Осенних листьев хаги,
Она постыла мне!..»*

Письмо прибыло как раз в ту минуту, когда хёбу-но сё тщетно ломал себе голову, не в силах сочинить ни единой стихотворной строки. Он очень обрадовался, переписал стихи, не вникая в их смысл, и поторопился отослать своей молодой жене.

А потом он написал Митиёри:

«Вчера вечером все уладилось как нельзя лучше. Никто и не думал надо мной смеяться. Подробности расскажу при встрече.

Я еще не успел отослать письмо своей жене, так что стихи твои пришли к стати».

Митиёри позабавила вся эта история.

Нельзя сказать, чтобы он был вовсе безучастен к судьбе Синокими. Но, хотя и жаль ему было ни в чем не повинную девушку, он твердо решил отомстить мачехе любым способом.

«А после того, как месть моя совершится, — думал Митиёри, — я позабочусь о судьбе Синокими». Он очень опасался, что, узнав о несчастье своей сестры, Отикубо может, пожалуй, сильно огорчиться, и потому не обмолвился перед ней ни словом.

Митиёри дал волю разбравшему его смеху лишь тогда, когда, оставшись наедине с меченосцем, начал рассказывать ему обо всем, что случилось накануне.

— Здорово вы придумали! — возликовал тот.

Не успел посланец хёбу-но сё явиться в дом тюнагона с любовным письмом, как письмо понесли показать новобрачной. Прочитав его, Синокими так и помертвела от стыда, судорожно сжимая листок в застывшей руке.

— Интересно, какой почерк у зятя? — любопытствовала Китаноката.

Прочла, и ей показалось, что она умирает.

Горький стыд пришлось пережить мачехе. Даже Отикубо, кажется, менее страдала от стыда в ту злосчастную минуту, когда Митиёри впервые услышал, какое унижительное прозвище дали ей вместо имени.

Немного успокоившись, Китаноката внимательно перечитала письмо. Оно совсем не походило на те любовные послания, которые присылали в подобных случаях другие ее зятя. «Что это значит?» — встревожилась мачеха. Тюнагон отослал людей из комнаты и попробовал сам прочитать письмо, но глаза у него ослабели от старости, и он ни слова не мог разобрать.

— Эти светские любезники выводят тушью такие тонкие линии, мне не по глазам. Прочти мне вслух, — попросил он жену.

Госпожа из северных покоевхватила листок из рук мужа и прочла ему по памяти то письмо, которое на другое утро после свадьбы послал своей жене куродо.

— Дай я разберу. Вот что здесь написано:

*Я знаю хорошо:
Сегодня тоже сумерки настанут.
Не вечен этот день!
Но сердце, полное любовью,
Дождаться вечера не в силах.*

Тюнагон улыбнулся, довольный.

— Такой светский человек, как наш зять, мастер сочинять изящные стихи. Смотри же, дочь моя, напиши ответ как можно красивее и поскорее отправь.

С этими словами старик встал и удалился к себе, а Синокими, опечаленная, спряталась в своей комнате подальше от чужих любопытных глаз.

— Зачем он послал такое ужасное письмо? — стала жаловаться Китаноката своей третьей дочери Саннокими.

— Этому нет оправданий, даже если невеста не понравилась. Кто же так поступает? — сказала Саннокими. — Впрочем, может быть, он решил, что это устарелый обычай — писать о своей страстной любви на другое утро после первой встречи, и решил ввести новую моду? Как бы то ни было, не понимаю. Станный поступок!

— Правда твоя. Эти светские любезники все время стараются придумать такое, что обыкновенному человеку и в голову никогда не придет, — согласилась с ней Китаноката и приказала младшей дочери: — Напиши скорее ответ.

Но Синокими, увидев, как встревожены ее родные, как они смущены и обеспокоены, не нашла в себе сил даже взять кисть в руки.

— Ну, так я сама за нее отвечу, — решила Китаноката и написала:

*«Когда б вы были стариком,
С годами охладев душою,
Тогда б могли вы не понять,
Как сильно чувство говорит
Наутро после первой встречи.*

Дочь моя сожалеет о том, что не имела счастья понравиться своему супругу».

Наградив посланца хёбу-но сё, Китаноката вручила ему письмо.

Вопреки всем ожиданиям, молодой супруг появился, лишь только начало смеркаться.

— Вот видите! — с торжеством вскричала Госпожа из северных покоев. — Если б дочь моя ему не понравилась, зачем бы он торопился! Просто теперь в моду вошло писать такие письма, а мы и не знали! — И она встретила зятя с большой радостью.

Синокими чувствовала себя смущенной, но поневоле вынуждена была выйти навстречу мужу. Говорил он нудно и тягуче, держался неловко, вид у него был глуповатый... Вспоминая те хвалы, которые расточал по адресу жениха куродо, Синокими не знала, что подумать. Ей хотелось крикнуть в лицо своему мужу: «Я первая не стану любить тебя!»

Хёбу-но сё ушел затемно.

Весь этот день в доме тюнагона готовили пышный пир в честь третьей брачной ночи.

Старший зять куродо пожаловал в этот вечер особенно рано. Ему не терпелось завязать близкое знакомство с новобрачным, который был отпрыском знатнейшего рода и, по слухам, в фаворе у императора. Сам тюнагон тоже вышел из своих покоев и с нетерпением поджидал молодого зятя. Как только хёбу-но сё появился, его сейчас же провели в пиршественный зал и усадили на почетное место. Зал был освещен множеством огней. В их ярком сиянии можно было без труда разглядеть, каков собою зять. Маленькая узкая голова, щуплое тело... А лицо такое, словно его густо покрыли слоем белил. Огромный толстый нос с широкими ноздрями смотрит в небо.

Все присутствовавшие были поражены. По залу пронесся шепот: «Не он! Не он!» И вдруг поняли: «Да ведь это хёбу-но сё!» Раздался дружный смех. Но больше всех смеялся куродо. Громко стуча своим веером, он крикнул:

— Беломордый конек! Беломордый конек! — а потом встал со своего места и покинул зал.

Надо сказать, что в императорском дворце хёбу-но сё постоянно служил мишенью для издевок.

«Беломордый конек сорвался с привязи и прискакал во дворец», — потешались придворные.

И дома у себя, случалось, куродо, рассказывая о каком-нибудь смешном происшествии с хёбу-но сё, не переставал повторять: «Ведь родится же на свет такое чудище!»

Вконец озадаченный тюнагон был не в силах вымолвить ни слова. «Кто-то сыграл над нами злую шутку!» — думал он с огорчением и гневом, но в присутствии множества гостей вынужден был сохранять невозмутимый вид.

— Что это значит? Как вы посмели явиться в мой дом непрошеным? — начал он строго допрашивать хёбу-но сё. — Чем оправдать такой дикий поступок с вашей стороны? Извольте объяснить.

Хёбу-но сё начал, путаясь в словах, сбивчиво повторять то, чему его научил Митиёри.

Что говорить с дураком! Тюнагон встал и вышел, не предложив гостю даже чарки вина.

Между тем многочисленные слуги, не имевшие понятия о том, что произошло, рассыпались по разным комнатам, где было приготовлено для них угощение, и весело приступили к пирושке.

А пиршественный зал для знатных гостей опустел. Хёбу-но сё, соскучившись в одиночестве, отправился знакомым путем в покои Синокими.

Когда Китаноката узнала о случившемся, она точно разума лишилась. Тюнагон, гневно щелкнув пальцами, воскликнул:

— Вот до какого позора я дожил на старости лет! — и заперся у себя.

Синокими спряталась было за пологом, но хёбу-но сё, не спрашивая дозволения, вошел к ней в комнату и улегся рядом с ней на постели, так что она не могла убежать. Служанки очень ее жалели. Сваха не была ни кровным врагом, ни тайным недругом, а преданной кормилицей Синокими. Никто не мог бы заподозрить ее в злом умысле. Все в доме горевали и печалились, один хёбу-но сё проспал безмятежным сном до позднего утра, а проснувшись, твердо решил, что не худо бы сегодня же поселиться в доме богатого тестя.

Куродо не пожалел язвительных слов:

— Зачем привели пасться сюда Беломорного конька? Людей, что ли, не стало на свете? Если это чудище поселится здесь в доме, то мне будет противно ходить сюда! И как только попал к вам этот болван? Все дразнят его «Дворцовой лошадкой»! Он на людях и показаться-то не смеет! Видно, что ваш прекрасный выбор сделан за глаза...

Саннокими стала уверять своего мужа, что и понятия ни о чем не имела. Она была глубоко опечалена несчастной участью своей младшей сестры. «Так, значит, хёбу-но сё послал такое нелепое письмо по своей непроеходимой глупости! — думала Саннокими. — Бедная моя сестра!»

Нетрудно себе представить, что творилось в душе у Госпожи из северных покоев!

До самого полудня никто не позаботился о молодом супруге, не подал ему ни воды для умывания, ни завтрака. В покоях у Синокими было много прислужниц, но все они говорили: «Кому охота служить этому дураку?» — и не показывались, даже когда их звали. Пока хёбу-но сё спал крепким сном, Синокими успела хорошенько его разглядеть. Он был очень дурен собой, ноздри у него были широкие, как ворота, казалось, человек мог бы войти в одну ноздрю и выйти из другой. Во сне хёбу-но сё издавал громкий храп и подсвистывал носом. Не в силах вынести этого противного зрелища, Синокими потихоньку вышла из комнаты, но за порогом ее уже караулила Китаноката и сразу налетела на бедняжку с упреками:

— Если б ты с самого начала создалась мне во всем, если б ты сказала мне, что хёбу-но сё ходит к тебе потихоньку, то я уж как-нибудь сумела бы уладить дело без огласки. Но нет, ты молчала! Молчала, пока все не открылось, и когда же! На свадебном торжестве в честь третьей ночи. Какой ужасный скандал! Сколько стыда вытерпели мы, твои близкие! Кто сосводничал вас, а ну говори! — приступила к дочери с допросом Китаноката. Синокими, ошеломленная этим неожиданным обвинением, не находила слов для ответа и только заливалась слезами. Ведь она даже не знала, что этот человек живет на свете, но рассказ его, к несчастью, звучал так правдоподобно! Чем могла она доказать свою невиновность?

Ах, что теперь скажет насмешник куродо! «Нет на свете печальнее нашей женской доли!» — думала она.

А молодой зять все не вставал с постели.

— Жаль его, беднягу, — сказал тюнагон. — Подайте ему воды умыться, покормите завтраком. Если начнут говорить, что даже такой незавидный муж сбежал от Синокими, то это будет для нас наихудшим позором. Так уж, видно, ей на роду написано. Слезам делу не поможет.

— Что такое? — рассердилась Китаноката. — Неужели мы так и отдадим наше дитя этому олуху?

— Не говори неразумных вещей. Худо будет, если скажут, что нашу дочь бросил даже такой дурак.

— Может, когда он перестанет к нам ходить, мне и придется пожалеть об этом, — ответила Китаноката. — Но пока я хочу только одного, чтобы он забыл дорогу в наш дом.

Так никто и не позаботился о новобрачном до самого часа Овна. Хёбу-но сё ушел домой огорченный.

Вечером он снова появился. Синокими, вся в слезах, отказалась выйти к нему, но тюнагон сурово сказал ей:

— Если этот молодой человек до такой степени тебе противен, так зачем же ты потихоньку принимала его по ночам? А теперь, когда все узнали об этом, ты гонишь прочь своего возлюбленного... Что же ты хочешь, покрыть новым, еще большим позором меня, твоего отца, и всех близких?

Как ни трудно было Синокими приневолить себя, а пришлось ей все-таки, глотая слезы, выйти к своему нежеланному супругу. Хёбу-но сё очень удивился, увидев, что жена его плачет, но не стал спрашивать ее ни о чем, а молча пошел к ней в спальню. Так с тех пор и повелось.

Синокими плакала и тосковала. Госпожа из северных покоев, положим, была бы рада спровадить своего непростенного зятя, — но Синокими, покорствуя строгому приказу отца, проводила иной раз ночь со своим нелюбимым мужем. Чаще же она пряталась от него. Злой судьбе было угодно, чтобы в скором времени молодая жена понесла дитя под сердцем.

— Вот пожалуйста! — сказала Китаноката. — Мой зять куродо, красавец и умница, очень хочет иметь детей, но у Саннокими они почему-то не рождаются, а эта дурацкая порода приумножается.

Синокими слышала слова своей матери и, признавая в душе их правоту, просила себе скорой смерти.

Как и боялся куродо, молодые придворные не замедлили поднять его на смех:

— Как поживает ваш Беломордый конек? Новый год не за горами. Взнуздайте вашего скакуна и выведите на церемонию смотра белых коней. Скажите, которого из своих зятьев больше любит тюнагон: вас или того, другого?

Насмешки эти больно ранили самолюбие куродо. Он всегда

был чувствителен к малейшей обиде, каково же ему было стать мишенью для издевок? Куродо не был особенно влюблен в свою жену Саннокими, но в доме тестя его окружили такими заботами, что расставаться с ней ему не хотелось. Теперь же он решил покинуть жену под тем предлогом, что история с Беломордым коньком для него невыносима, и начал посещать ее все реже и реже. Саннокими жестоко страдала.

А в Нидзёдоно, наоборот, жизнь текла все счастливей и беззаботнее. Молодые супруги безгранично любили друг друга.

— Найми сколько хочешь служанок, — говорил Митиёри жене. — Когда знатная дама окружена красивыми прислужницами, то это придает дому светский вид и вносит в него оживление.

Согласно желанию молодого господина, стали всюду искать хороших служанок и пригласили для начала человек двадцать. Молодые господа были такими добрыми и великодушными, что служить им было одно удовольствие. В доме все совершалось согласно обычаям лучшего общества. Появляясь перед господами, прислужницы надевали свои самые нарядные платья. Акоги, под новым именем Эмон, была поставлена во главе женской свиты госпожи.

Когда меченосец рассказал Акоги историю с Беломордым коньком, она вспомнила, как когда-то мечтала возвыситься в свете только для того, чтобы иметь возможность отомстить ненавистой мачехе. «Кажется, мечты мои начинают сбываться!» — с радостью подумала Акоги, но вслух сказала только:

— Ах, несчастье! Воображаю, в какой ярости госпожа Китаноката. Никому в доме, верно, теперь житья от нее не стало.

* * *

Неприметно подошел конец года. Из дворца родителей Митиёри прибыло повеление:

«Изготовьте немедленно новые весенние платья для молодого господина. Мы здесь заняты шитьем нарядов для его сестры, супруги государя».

Вслед за письмом в Нидзёдоно были присланы прекрасные

шелка, узорная парча, всевозможные драгоценные ткани, окрашенные в цвета марены, багряника, пурпура...

Отикубо, которая не знала себе равных в мастерстве шитья, тотчас же взялась за работу.

Кроме того, один деревенский богач, получивший по ходатайству Митиёри звание младшего чиновника конюшенного ведомства, прислал в знак благодарности пятьдесят кусков шелка. Господа пожаловали весь этот шелк слугам. Акого было поручено раздать его, и она сделала это по совести, никому не выказав предпочтения и никого не обидев.

Дворец Нидзёдоно принадлежал матери Митиёри. Одна из ее дочерей была супругой императора, другая только что достигла возраста невесты. Старший сын, Митиёри, уже имел чин начальника Левой гвардии, второй сын, очень любивший играть на разных музыкальных инструментах, служил пажом при особе императора; третий, еще мальчик, посещал придворную школу для детей знатнейших семейств.

Садайсё, их отец, главный начальник Левой гвардии, любил своего старшего сына Митиёри беспредельной любовью. Все так восхищались этим юношей, император так благоволил к нему, что отец дал Митиёри полную волю и исполнял любое его желание. Как только речь заходила о старшем сыне, садайсё так и сиял от восторга, и потому все слуги в доме, вплоть до последнего погонщика быков, наперебой старались угодить Митиёри.

Настало первое утро нового года. Все праздничные наряды Митиёри были с большим мастерством и вкусом изготовлены его молодой женой. Они ласкали глаз умелым подбором цветов.

Митиёри с радостью надел свои новые одежды, чтобы показаться в них всему свету, и первым делом явился в родительский дворец.

Супруга садайсё залюбовалась своим сыном.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула она. — У твоей жены золотые руки. Я буду просить ее помочь мне, когда надо будет сшить нарядные одежды для дочери моей, супруги императора. Жена твоя — замечательная рукодельница.

При новогоднем производстве в чины и звания Митиёри удостоился высочайших наград. Ему было пожаловано звание тюдзё, и он был повышен в ранге. Милость императора к нему все росла.

Муж Саннокими, куродо, вдруг посватался к его младшей сестре.

Митиёри стал всячески убеждать свою мать:

— Это хорошая партия. Если уж выбирать жениха среди нашей титулованной знати, то лучшего не найти. Он — человек с будущим.

А на самом деле в сердце у Митиёри был тайный умысел. Он знал, что мачеха считает этого зятя бесценным сокровищем. А сколько мучений приняла из-за него Отикубо! Вспоминая об этом, Митиёри решил любой ценой сделать так, чтобы куродо бросил Саннокими и взял себе другую жену.

Мать Митиёри думала, что, если сын ее так расхваливает жениха, значит, и в самом деле этот молодой человек подает блестящие надежды, и потому она иногда приказывала дочери отвечать на его любовные письма. Поощренный надеждой, куродо стал все больше отдаляться от Саннокими.

Даже новогодние наряды, которыми он не мог нахвалиться, пока в доме жила искусница Отикубо, теперь сидели на нем косо и криво. Куродо был рад поводу высказать свое неудовольствие и не надел приготовленных для него праздничных одежд.

— Что это значит? В таком наряде стыдно на людях показаться! А куда девалась мастерица, которая так замечательно шила?

— Она ушла из нашего дома к своему мужу, — ответила Саннокими.

— К мужу ушла? Скажи лучше, не хотела здесь оставаться! Разве в этом доме станут жить хорошие люди?

— Что ж, может быть, и не найдется среди нас людей с необыкновенными достоинствами. Особенно если смотреть вашими глазами, — ответила Саннокими, больно уязвленная словами мужа.

— Как это не найдется? А Беломордый конек? Я в восторге, что такая необыкновенная персона осчастливила этот дом своим присутствием, — с издевкой бросил куродо и поторопился уйти. Теперь он редко приходил и оставался в доме недолго, но и в эти короткие минуты успевал наговорить немало неприятных слов. Саннокими и сердилась и огорчалась, но ничто не помогало.

Взбешенная бегством Отикубо, мачеха мечтала жестоко с ней расправиться, попадись она ей только в руки. До сих пор Китаноката, можно сказать, была счастливницей. Все ей удавалось. Она так гордилась своими зятями, так хвасталась ими,

но теперь самый лучший, самый любимый зять, сокровище ее дома, куродо, все больше охладевал к своей жене. Китаноката столько стараний приложила к тому, чтобы устроить блестящую свадьбу для своей младшей дочери, и что же! Свадьба эта стала посмешищем всего города. Думая об этих неожиданных напастях, мачеха так истерзала себя, что чуть не слегла в постель.

* * *

В конце первого месяца года выпал, согласно гаданиям, счастливый день, благоприятствовавший паломничеству в храм. Китаноката села вместе со своими дочерьми в экипаж и поехала в храм Киёмидзу.

Случилось так, что и Отикубо вместе со своим молодым супругом отправилась туда же, но семья тюнагона выехала раньше и потому опередила их. Китаноката совершала свое паломничество негласно, без особой помпы, в сопровождении только нескольких слуг.

Выезд молодых супругов, напротив, был обставлен очень торжественно. Передовые скороходы проворно расчищали дорогу для их экипажа. Скоро он нагнал выехавший раньше экипаж тюнагона и заставил его ехать быстрее, к большой тревоге сидевших в нем женщин.

Когда они выглянули из-за плетеных занавесок, то увидели при свете горящих смоляных факелов, что бык,пряженный в их тяжелый, перегруженный людьми экипаж, никак не может одолеть подъем.

Следовавшему за ними экипажу тоже пришлось остановиться. Слуги Митиёри начали громко браниться.

Митиёри подозвал одного из них и спросил:

— Чья это повозка?

— Супруга тюнагона совершает тайное паломничество в храм, — ответил тот.

Митиёри обрадовался. Прекрасный случай!

— Эй, слуги! — распорядился он. — Велите экипажу впереди ехать побыстрее, а если он не может, оттащите его в сторону, на обочину дороги.

Передовые скороходы побежали к экипажу тюнагона.

— Бык у вас слабый. Не может идти быстро. Отъезжайте в сторону, дайте дорогу, дайте дорогу!

Митиёри крикнул, не дав им договорить, своим звучным и красивым голосом:

— Если у вашего быка силы не хватает, впрягите ему на подмогу Беломорского конька!

— Ах, какая жестокая насмешка! Кто это? — ахнули жена и дочери тюнагона.

Но в это время экипаж их наконец тронулся с места. Челядинцы Митиёри начали бросать в него камешками.

— Почему вы не съехали с дороги, как велено?

Слуги тюнагона рассердились:

— Что значит: «Почему?» Напускаете на себя важность, будто слуги высшего сановника... В этом экипаже изволят ехать семья господина тюнагона. Ну-ка, троньте нас, посмейте!

— Как же, послушаемся мы какого-нибудь там тюнагона, — дерзко ответили слуги Митиёри и, готовые начать драку, осыпали чужой экипаж градом мелких камней, а потом, перейдя в наступление, оттащили его в сторону, чтобы очистить дорогу для своих господ. К слугам присоединились и передовые скороходы. Люди тюнагона, увидев перед собой столько врагов, поняли, что не смогут с ними справиться, и молча отошли в сторону, а тем временем слуги Митиёри столкнули экипаж в канаву.

— Не надо спорить, — говорили даже те, кто первым начал перебранку.

Женщины в экипаже, и больше всех Китаноката, не помнили себя от обиды и возмущения.

— Кто эти паломники? — спросили они.

— Старший сын главного начальника Левого гвардии, господин тюдзё с супругой. Вон у него сколько слуг и скороходов. Мы не смогли тягаться с ними и потому отступились, — ответили слуги.

— Видно, он ненавидит нас, как самый заклятый враг, раз нанес нам такое жестокое оскорбление. А вспомните, ведь это именно он и выставил нас на посмеище, послав вместо себя другого жениха. Мог бы отказаться от невесты без огласки и кончить дело миром. Таков наш свет! Вдруг откуда ни возьмись, появляются заклятые враги среди совсем незнакомых людей. За что он так ненавидит нас? — сетовала Китаноката, ломая руки.

Экипаж завяз в глубокой придорожной грязи, ни взад ни

вперед! Слуги с такой силой принялись тащить и толкать его, что ободья колес сломались.

— Беда, беда какая! — загалдели слуги и кое-как вытащили экипаж на дорогу, подвязав ободья веревками.

— Не доедут, куда там! — говорили слуги, с опасением глядя на перекосившиеся колеса. Наконец повозка медленно-медленно начала взбираться по склону горы.

Митиёри первым прибыл в храм Киёмидзу и велел остановить свой экипаж возле самых подмостков для представления. Спустя долгое время показался и экипаж тюнагона. Он еле тащился, покосившись набок и скрипя так, что, казалось, вот-вот развалится.

Слуги Митиёри встретили его градом насмешек:

— Глядите, такие здоровенные колеса и вдруг подломились!

Смотреть праздничное представление собралось несметное число паломников. Возле подмостков свободного места не было. Всюду сидели и стояли зрители. Экипаж тюнагона проехал дальше, чтобы сидевшие в нем женщины могли незаметно выйти из него в самой глубине двора.

Митиёри подозвал к себе меченосца.

— Заметь хорошенько, где им отведут места. Мы их займем.

Меченосец поспешил вдогонку за экипажем. Китаноката подозвала к себе знакомого монаха и пожаловалась ему:

— Я уже давно выехала из дому со своей семьей, но нас догнал этот, как бишь его, тюдзё, что ли, и велел слугам опрокинуть наш экипаж в канаву, так что колеса поломались. Из-за этого мы сильно запоздали. Нет ли у вас в храме какой-нибудь свободной кельи, где бы можно было отдохнуть? Меня растрясло в дороге.

— Какая возмутительная дерзость! — воскликнул монах. — Я приготовил для вас хорошие места у самых подмостков, как было условлено заранее. Все другие давно уже заняты. Как бы этот наглый молодой человек не приказал своим приспешникам силой захватить ваши места. Поистине нынче вас преследует неудача!

— Надо скорее выходить из экипажа. Если мы опоздаем, то ничего не увидим, — стала торопить дочерей Китаноката.

Один из храмовых служек пошел вперед со словами:

— У нас все приготовлено, чтобы вы могли удобно сидеть.

Меченосец последовал за ними по пятам и приметил, где отведены места для семьи тюнагона. Прибежав назад, он доложил:

— Пожалуйте, надо поспеть раньше них, — и помог своей госпоже выйти из экипажа. Другие слуги тем временем держали перед ней занавес, а муж ни на шаг от нее не отходил, так беспредельно он любил Отикубо.

Китаноката в сопровождении дочерей и служанок быстрыми шагами направилась к храму, торопясь занять места раньше, чем подоспеет ее соперник. Но тот тоже не мешкал. С подчеркнуто важным видом, шурша на ходу шелками своей парадной одежды, Митиёри поспешно повел вперед Отикубо. Меченосец разгонял перед ними толпу паломников. Китаноката со своей свитой всячески старалась опередить своего недруга, но слуги Митиёри нарочно загородили ей дорогу. Женщины сбились в кучу и растерянно поглядывали вокруг.

— Экие незадачливые паломницы! Всюду лезут вперед, а смотришь, опоздали! — издевались над ними слуги Митиёри. Китаноката с дочерьми не знала, куда деться.

Долго не могли они пройти вперед. Один монашек сторожил для них места, но когда Митиёри с женой появились первыми, монашек подумал, что это и есть те самые господа, которых он ждет, и спокойно ушел.

Митиёри подозвал к себе меченосца и шепнул ему:

— Надо хорошенько высмеять мачеху.

Наконец Китаноката появилась вместе со всеми своими дочерьми и служанками. Она встретила неожиданный прием.

— Это что за бесцеремонное поведение! Здесь сидит господин тюдзё, — крикнули ей слуги.

Китаноката остановилась, не зная, что теперь делать.

Толпа стала над ней потешаться:

— Уж куда глупей! Надо было попросить монахов, чтобы вам показали, где можно занять хорошие места. А самим где найти? Видите, сколько народу. А жаль вас, бедняжек! Вы бы лучше пошли вон туда, подальше, к подножью горы, где стоит храм богов Нио. Там свободного места сколько угодно.

Опасаясь, как бы его не узнали, меченосец держался в стороне, а сам потихоньку подговаривал проказливых молодых слуг, чтобы они хорошенько высмеяли старую жену тюнагона. Те не заставили себя долго просить.

Китаноката с дочерьми продолжала стоять в нерешительности, а проходившие мимо люди безжалостно толкали их, чуть не

сбивая с ног. Пусть читатель вообразит, с каким чувством эти женщины побрели назад, к своему экипажу.

Если бы с ними была большая свита, слуги их могли бы прогнать обидчиков. Но сейчас об этом нечего было и думать. Не помня себя, словно во сне, стали они садиться в экипаж, так ничего и не увидев.

— Человек этот затаил злобу против нас. Наверно, он сердится за что-то на тюнагона. От такого злобного врага можно всего ожидать! — толковали между собой женщины.

Больнее всех была уязвлена Синокими словами насчет Беломордого конька.

Призвав к себе настоятеля храма, Китаноката обратилась к нему с просьбой:

— Нам нанесли оскорбление, силой заняли наши места. Нет ли других, свободных?

— Что вы, разве сейчас найдутся свободные места! Молодые аристократы отгоняют от подмостков даже тех зрителей, которых ждут здесь с самого утра. Очень жаль, что вы приехали так поздно. Видите, сколько народу собралось на храмовое зрелище... Как быть теперь? Придется вам провести эту ночь в экипаже. Другого ничего не придумаешь. Будь этот тюдзё обыкновенным человеком, я бы попробовал усовестить его, может быть, он и внял бы моим словам. Но сейчас он стал такой важной персоною, что, пожалуй, даже сам первый министр призадумается: сказать ему хоть слово укоризны или нет. Ведь одна из его младших сестер в особой милости у государя. Невозможно бороться с человеком, который хорошо знает, что государь только его одного и послушает.

Сказав эти неутешительные слова, настоятель удалился. Экипаж был битком набит, в нем приехало шесть женщин, ведь они не думали, что придется здесь заночевать. Было так тесно — не вздохнуть, — еще теснее, чем в камерке Отикубо.

Наконец окончилась эта тягостная для них ночь. Китаноката спешила вернуться домой раньше своего ненавистного врага, но надо было починить сломанные колеса, а пока их чинили, Митиёри уже успел сесть в свой экипаж. Боясь, как бы по дороге не случилось опять какой-нибудь неприятности, Китаноката решила выехать позже него. Митиёри подумал: «Она будет потом теряться в догадках и, пожалуй, ничего не поймет. Пусть знает, что это было не случайное оскорбление. Надо

подать ей какой-нибудь знак». Он подозвал к себе маленького слугу и приказал:

— Подойди вон к тому экипажу с открытой стороны и спроси: «Довольно ли с вас этого урока?»

Мальчик подбежал к экипажу тюнагона и без дальних церемоний спросил:

— Довольно ли с вас этого урока?

— Кто это говорит? — донесся голос из экипажа.

— Господин, который сидит вон там, — ответил мальчик.

Слышно было, что женщины шепчутся между собой:

— Так и есть. Он мстит нам за что-то.

— Нет еще! — крикнула в ответ Китаноката.

Мальчик добросовестно передал то, что слышал.

Глупая женщина смеет еще так дерзко отвечать!

— «Нет еще!» — усмехнулся Митиёри. — Не знает она, что Отикубо здесь, со мною. — И он снова послал слугу с такими словами: — Значит, вам мало этого урока? Берегитесь, в другой раз я проучу вас покрепче.

Китаноката хотела опять что-то ответить, но дочери остановили ее:

— Не говорите ничего. Дело нешуточное.

И мальчик возвратился ни с чем.

Отикубо стала упрекать своего мужа:

— Зачем ты говоришь такие слова? Отец мой подумает, что ты жестокий и злой человек.

— А разве в этом экипаже сам тюнагон?

— Нет, но там его жена и дочери.

— Если б я осыпал их знаками почтительного внимания, он был бы, конечно, доволен. Но я не отступлюсь от того, что задумал, знай это.

Вернувшись домой, Китаноката рассказала обо всем мужу.

— Правда ли, что тюдзё, сын начальника Левой гвардии, враждует с тобой?

— Что ты, ничего подобного. Когда мы встречаемся с ним во дворце, он всегда вежлив со мной, очень обходительный молодой человек.

— Не понимаю! Он всячески старался оскорбить меня. За всю мою жизнь мне ни от кого еще не приходилось терпеть таких жестоких обид. Знал бы ты, какие возмутительно грубые слова он велел передать мне, когда мы собирались в обратную дорогу! Хотела бы я отплатить ему той же монетой. — Китаноката вся дрожала от ярости.

— Увы, я стал слишком стар и все больше теряю свое прежнее влияние в свете! А этот молодой человек вошел в такую силу, что, того гляди, станет министром. Где мне тягаться с ним! Жестокую кару посылает мне судьба за грехи, совершенные в прежней жизни! Люди будут говорить, что с вами обошлись так бесцеремонно, потому что меня ставят ни во что, — сокрушался тюнагон, щелкая пальцами от гнева.

На смену весне пришло лето. Настал шестой месяц года.

Митиёри так красноречиво убеждал и уговаривал своих родителей принять сватовство куро́до, что наконец они согласились. Когда тюнагон с женой узнали об этом, то чуть не умерли от огорчения и досады.

— Зять наш подло обманул нас! Ах, я хотела бы стать мстительным духом, злобным призраком, чтобы сжечь его со света! — неистовствовала Китаноката, ломая в бешенстве руки.

Отикубо очень жалела отца и мачеху, думая о том, как им горько терять своего любимого зятя, в котором они души не чаяли.

Свекровь попросила ее сшить свадебный наряд для жениха, потому что никто не смог это сделать лучше Отикубо. Надо было спешно красить шелк, кроить и шить. Пока Отикубо трудилась над этим, в памяти ее снова ожили заботы и горести прежних дней, когда, сидя в своей каморке, она день и ночь шила платье для того же самого человека.

Отикубо невольно сказала:

*И вновь игла в руке!
И снова свадебный наряд
Я шью для тех же плеч.
Судьба забыть мне не велит
Печали юных дней моих.*

Когда она прислала великолепно сшитый свадебный наряд, мать Митиёри пришла в восхищение, и сам он тоже остался очень доволен искусством своей жены.

Встретившись с куро́до, он сказал:

— Говорят, что у вас есть любимая супруга, но мне давно хотелось завязать с вами узы тесной дружбы, и потому я все же упросил моих родителей отдать за вас замуж мою младшую сестру. Прошу вас любить ее наравне с вашей первой женой.

— Ах, не говорите так! Если бы вы видели мою жену, то поняли бы меня. Отныне я даже писем посылать ей не буду. Теперь, когда я слышал от вас, как сильно вы желаете моего брака с вашей сестрой, я во всем на вас полагаюсь, — стал уверять куро́до и с этой поры перестал даже вспоминать о Саннокими. Зачем ему было ходить к ней, когда в доме своего нового тестя он нашел и лучший прием, и лучшую жену?

Китаноката точно обезумела, злоба так душила ее, что ей даже кусок в горло не шел.

Между тем Сёнагон, служившая в доме отца Отикубо, услышала, что во дворце Нидзёдоно приняли в свиту госпожи много прислужниц и что господа очень к ним добры. Нимало не догадываясь о том, кто такая на самом деле госпожа Нидзёдоно, она явилась к ней, заручившись покровительством одной фрейлины по имени Бэннокими.

Когда Отикубо увидела сквозь плетеный занавес, кто пришел к ней, она обрадовалась:

— А я-то ожидала увидеть совсем другую, незнакомую мне женщину. Не думайте, что я забыла о вашей прошлой доброте ко мне, но мне приходится опасаться людской молвы, и потому только я не подавала вам до сих пор вестей о себе. Как я рада вашему приходу! Скорей идите сюда!

Сёнагон растерялась от неожиданности. Веер, которым она до той поры церемонно закрывала свое лицо, выпал у нее из рук. Ей казалось, что она спит и видит сон.

— Чей это голос? Кто говорит со мной? — спросила Сёнагон у Акого.

— Неужели вы так и не догадались, увидев здесь меня? — ответила Акого. — Госпожу мою раньше звали Отикубо. Я так рада, так рада, что вижу вас! Тут нет никого из моих старинных приятельниц, и я еще чувствую себя, как в чужом доме.

Сёнагон наконец пришла в себя.

— Ах, какая радость! Какое счастье! Так вот, значит, где скрывалась наша молодая госпожа! А я-то все о ней печалилась, из головы она у меня не выходила! Видно, сам милостивый Будда привел ее сюда!

Просияв от радости, Сёнагон поспешила к молодой госпоже Нидзёдоно. Но невольно перед глазами встал образ прежней Отикубо, гонимой, заточенной в четырех стенах мрачной камеры.

Теперь Отикубо нелегко было узнать: она выглядела совсем взрослой и расцвела новой красотой.

«Поистине ее посетило неслыханное счастье!» — подумала Сёнагон.

Шурша шелками своих летних одежд, прислужницы Отикубо — числом больше десяти — оживленно разговаривали между собой. Это была прелестная картина!

Но скоро среди них послышался ропот:

— Не успела эта женщина прийти, как уже была принята госпожой. С нами было не так.

— Верно. Но у нее особые заслуги! — улыбнулась Отикубо. Как она была прекрасна! Прекраснее своих сестер, родители которых всю душу вложили в их воспитание.

«Не мудрено, что она поднялась выше них», — думала Сёнагон. Пока ее слушали чужие уши, она говорила только обычные слова радости по поводу свидания после долгой разлуки, но когда в комнате не осталось посторонних, принялась рассказывать обо всем, что случилось в доме тюнагона после бегства Отикубо.

Акоги покатывалась со смеху, слушая рассказ о том, какая перепалка произошла на другое утро между мачехой и тэнъяку-но сукэ.

— Старая госпожа все последнее время просто из себя выходит. «Такой скандал на свадьбе! Это, верно, мне наказание за грехи в прежней жизни», — жалуется она. А сестра ваша сразу понесла, будто ей не терпелось поскорей родить. Госпожа Китаноката так чванилась своим зятем, а теперь ходит словно в воду опущенная.

— Странное дело! — заметила Отикубо. — Муж мой восхищается его красотой, но почему-то говорит, что нос у него самое замечательное. Почему именно нос?

— Шутить изволит. Нос у молодого зятя страх до чего безобразен: смотрит в небо, ноздри огромные, в каждой можно построить по боковому флигелю, и еще посредине останется место для главного здания, — ответила Сёнагон.

— Какой ужас! Бедная Синокими! Каково ей слушать такие безжалостные насмешки!

В разгар этой беседы вернулся из дворца Митиёри, изрядно охмелевший от вина. Лицо его красиво разрумянилось.

— Сегодня вечером я был приглашен во дворец императора. Меня заставляли пить одну чарку за другой, в голове зашумело. Я

играл на флейте, и государь пожаловал мне платье со своего плеча.

Он показал им подарок микадо: одежду пурпурного цвета, густо благоухавшую драгоценным ароматом. Митиёри набросил ее на плечи Отикубо.

— Это тебе подарок от меня.

— За что ты меня так награждаешь? — улыбнулась она в ответ.

Вдруг ему попала на глаза Сёнагон.

— Как будто я уже видел эту женщину в доме твоего отца? — спросил он.

— Да, правда,— ответила Отикубо.

— Хо-хо, зачем она сюда пожаловала? Я бы, пожалуй, охотно дослушал до конца ее высококанистельный, красочный рассказ о «господине Катано»...

Сёнагон, позабывшая, о чем говорила в тот раз, ничего не могла понять и только слушала, сидя в почтительной позе.

— Опьянел я, клонит ко сну, — сказал Митиёри.

Супруги удалились в опочивальню.

«Как изумительно хорош собой муж Отикубо! — думала Сёнагон. — И притом сразу видно, что без памяти любит свою жену. Счастливица! Завидная досталась ей судьба».

* * *

У Правого министра была единственная дочь, которую пора было выдать замуж.

— Хотел я предложить свою дочь государю, — говорил он, — да побоялся. Кто мог бы в этом случае поручиться за ее судьбу, когда меня не будет в живых? А вот молодой тюдзё, насколько я мог узнать его за время нашего знакомства, человек надежный и верный. Я бы охотно отдал за него свою дочь. Правда, я слышал, будто у него есть возлюбленная. Но ведь она не из знатного рода, значит, ее не назовешь настоящей законной супругой, с которой стоит считаться. В наши дни лучшего жениха не найти. Я уже давно присматриваюсь к нему, он мне по сердцу. Это человек с большим будущим.

Правый министр стал думать, кто бы мог послужить посредником в этом деле, и поручил сватовство кормилице Митиери.

Кормилица отправилась к своему молочному сыну и стала ему говорить:

— Правый министр просил меня о том-то и том-то... Это заманчивое, очень лестное предложение.

— Если б я был одиноким, — ответил Митиёри, — то с радостью согласился бы, но у меня есть возлюбленная, которую я никогда не покину. Сообщи, кормилица, мой решительный отказ.

Сказал, как отрезал, и вышел из комнаты.

Кормилица подумала: «У госпожи Нидзёдоно, видимо, нет ни отца, ни матери. Молодой господин — единственная ее опора в жизни. А у дочери Правого министра богатая и могущественная родня. Есть кому позаботиться о том, чтобы зять жил в роскоши и довольстве».

И вместо того, чтобы передать Правому министру решительный отказ Митиёри, кормилица сказала от его имени следующее:

— Прекрасно, я очень рад. Выберу счастливый день как можно скорее и пошлю письмо невесте.

Услышав, что жених согласен, Правый министр, не тратя времени, стал готовиться к свадьбе. Обновил всю домашнюю утварь, роскошно отделал покои для молодых, нанял новых служанок — словом, ничего не было забыто.

Скоро кто-то шепнул Акого:

— А знает ли ваша госпожа, что господин тюдзё женится на дочери Правого министра?

Акого очень удивилась:

— Нет, в господине нашем не заметно никакой перемены. Да полно, правда ли это?

— То-то, что правда. Свадьба, говорят, назначена на четвертый месяц года. В доме Правого министра такая горячка, все с ног сбились...

Акого сообщила обо всем своей молодой госпоже.

— Вот что люди говорят. Знаете ли вы, что господин наш хочет жениться?

«Может ли это быть правдой?» — подумала Отикубо и вслух спросила:

— Кто это тебе сказал? Муж ни о чем мне не говорил.

— Служанка из дома Правого министра. Она слышала от самых верных людей. Уже известно, на какой месяц назначена свадьба.

Отикубо предположила, что Митиёри подчинился строгому приказу своей матери. «Он не мог послушаться родителей», — думала втайне от всех Отикубо, но, как у нее ни было тяжело на душе, она ничем не выдала своей грусти, а с кажущимся

спокойствием стала ждать, чтобы Митиёри открыл ей всю правду. Время шло, а он все молчал.

Как ни старалась скрыть свои чувства Отикубо, но скоро тайная печаль согнала с ее лица прежние краски.

— Скажи, что у тебя на душе? О чем ты грустишь? Я ведь не умею, как другие люди света, нашептывать разные нежности: «Люблю, обожаю, жить без тебя не могу!» Но зато с самого начала я решил никогда не причинять тебе ни малейшего горя. А между тем последнее время ты словно сама не своя. Это меня тревожит, — стал говорить жене Митиёри. — Помнишь ли ты, как я пришел к тебе под проливным дождем, лишь бы не огорчить тебя? Надо мной смеялись по дороге, называли меня «воришкой с белыми ногами». То было в навеки мне памятную третью ночь после нашей первой встречи. Разве я с тех пор хоть в малости провинился чем-нибудь перед нашей любовью?

— Но у меня нет никакой тайной заботы.

— Пусть так, и все же я не в силах вынести твоего грустного, отчужденного вида. Ты замкнулась в себе, словно воздвигла преграду между мной и собою... — упрекнул ее Митиёри.

Отикубо ответила ему стихами:

*С чем сравню я сердце твое?
Оно, как прибрежная родеа
Возле озера Микумано.
Много цветков на стебле родеи.
Сердце изменника любит многих...*

Услышав это пятистишье, Митиёри сложил другое:

*Пусть у прибрежной родеи,
Что возле озера Микумано
В светлые воды глядится,
Много цветков на одном стебле —
Ты для меня в целом мире одна.*

Люди, верно, наговорили тебе что-то про меня. Скажи мне, в чем дело?

Но так как Отикубо не была уверена в истинности дошедших до нее слухов, то ничего ему не сказала. На другое утро Акого накинута на своего мужа с упреками:

— Твой господин женится, а ты мне ни слова! Возмутительно! До каких же пор можно скрывать?

— Первый раз слышу, — искренне удивился меченосец.

— Чужие люди ходят сюда выражать нам сочувствие, а ты делаешь вид, будто ничего не знаешь.

— Странное дело! Ну, хорошо, я прослежу за моим господином.

Как-то раз, когда Митиёри пришел в Нидзёдоно, он увидел, что жена его любит весенним садом в цвету. Сломив ветку с самого красивого дерева, он подал ее Отикубо со словами:

— Взгляни, как она прекрасна. Может быть, это рассеет твою грусть.

Отикубо ответила ему:

*Пусть минула меня беда,
Не коснулась меня невзгода,
Но всего на свете больней,
Что изменчиво сердце людское,
Как непрочный сливовый цвет.*

Стихи эти восхитили Митиёри и тронули его сердце. «Быть может, Отикубо сказали, что у меня в прошлом был легкомысленный нрав?» — подумал он с грустью.

— Так, значит, ты до сих пор сомневаешься во мне! Но я ни в чем не виноват перед тобой. О, взгляни же в самую глубину моего сердца, ты увидишь его чистоту.

*Не опасаясь невзгод,
В зимний холод раскрылся
Алый сливовый цвет,
Но дыши осторожно,
Налетающий ветер!*

Постарайся же верно читать в моем сердце. Не смущай его напрасными сомнениями.

Отикубо ответила:

*Если вдаль улетит,
Воле ветра покорный,
Алый сливовый цвет,*

Вот все, что я могу тебе сказать. Будь участлив ко мне, прошу тебя. Помни, моя судьба в твоей власти.

Митиёри терялся в догадках, что же такое могла услышать Отикубо. Но вдруг к нему пришла его кормилица.

— Я передала Правому министру в точности все, что вы сказали, от слова до слова, но он ответил: «Возлюбленная его как будто не из знатного рода. Пусть себе иногда к ней ходит, если уж так любит ее. Поговорю с его батюшкой, а в четвертом месяце можно и свадьбу сыграть». Уж так он спешит со свадьбой, что и сказать нельзя. И вы тоже будьте наготове.

Митиёри смущенно усмехнулся:

— Зачем он так настаивает? Вынуждает меня прямо сказать, что я не хочу жениться на его дочери. Я не похож на блестящих молодых людей из высшего света, звание у меня невысокое, стало быть, не такой уж я завидный жених. В какое положение ты меня поставила! Прекрати всякие разговоры о сватовстве! А как понимать твои слова о том, что госпожа Нидзедоно якобы недостойна быть моей женой? Она вовсе не из такого низкого рода, как ты думаешь...

— Вот горе, вот беда! — заохала кормилица. — Батюшка ваш тоже хочет этого брака, приготовления к свадьбе уже на полном ходу... Ах, подумайте еще раз! Как вы ни упрямитесь, но придется вам жениться, если на то будет родительская воля. В наши времена такая уж мода, что молодой человек берет себе женушку с богатой и могущественной родней в придачу, чтобы о нем заботились и содержали его в роскоши. Милая ваша от вас не уйдет, а вы пошлите письмо невесте. Госпожа Нидзёдоно, сразу видно, благородной крови, но ведь имя-то у нее какое низкое: Отикубо! Значит, ее держали в отикубо — домике у ворот, как последнюю служанку, а вы возвысили ее до себя и так с ней носитесь, как будто она драгоценность какая-нибудь. В толк не возьму! Ведь как приятно, когда у женушки богатые и знатные родители. Смотришь, позаботятся о зяте. Чего уж лучше!

Митиёри побагровел от гнева.

— Может быть, я отстал от времени, но я вовсе не стремлюсь жить по моде. Не надо мне чужих забот, не надо жены с богатой

родней. Пусть мою жену зовут Отикубо — хоть Каморкой, хоть Лачужкой, мне все равно! Я поклялся, что никогда ее не оставлю, и никто на свете нас не разлучит. Что чужие люди злословят, это не удивительно, но и ты, кормилица, не отстаешь от них. Ты думаешь, может быть, что жена моя тебя не ценит, напрасно! Скоро в Нидзёдоно и твои услуги понадобятся.

Митиёри встал с оскорбленным видом, чтобы уйти. Меченосец, который все слышал, гневно щелкнул пальцами.

— Это что за разговоры такие? — накинулся он на свою мать. — Ты часто видишься с моей госпожой, неужели за это время ты не поняла, какое у нее благородное сердце? Мои господа так любят друг друга, что их не разлучить никакими человеческими силами. А ты прислуживаешься к министру и хочешь из корыстолюбия, ради собственной выгоды сосватать моему господину богатую невесту. Ах, нет у тебя сердца! Пусть ты простого звания, но все же как ты могла опуститься до такой низости! Да как ты смеешь называть мою госпожу позорной кличкой Отикубо? Совсем уж из ума выжила. Что подумает о тебе госпожа, если услышит? В жизни никогда не смей больше так ее называть. Мне стыдно перед моим господином. Подумай, каково сейчас у него на душе! Неужели тебе так не терпится получить подачку от Правого министра? На что она тебе сдалась? Ведь есть у тебя сын, вот этот самый Корэнари, он и сам тебя прокормит. Жадность — великий грех. Если ты еще раз заикнешься об этом проклятом сватовстве, отрекусь от мира и пойду в монахи замаливать твои грехи. И как ты решилась на такое дело? Разлучить любящих — нет на свете страшнее греха!

— Да что ты не даешь мне и словечка вставить! — вскрикнула кормилица. — Перетолковал все и вкривь и вкось... Разве я учила: «Брось жену, оставь жену»?

— А разве не так выходит? Уж коли берешь другую жену...

— Э-э, раскричался! А хоть бы я и завела речь о сватовстве, что здесь дурного? Зачем поднимать такой шум, будто и свету конец? Сам без памяти влюблен в свою Акого, оттого так и разозлился.

Кормилица в душе уже горько раскаивалась, что затеяла это сватовство, но все же постаралась заткнуть рот своему сыну.

— Ну, ладно, ладно! — засмеялся меченосец. — Ты, верно, будешь и дальше подговаривать моего господина на такие дела. Но только помни, что, если ты разлучишь моих господ, я пойду

в монахи. Тяжкий грех ты возьмешь на душу! Придется мне, как доброму сыну, позаботиться о спасении твоей души. — Меченосец достал бритву и спрятал ее под мышкой. — Как примешься опять за свое, так я и обрею голову начисто, как монаху полагается, — пригрозил он. Кормилица перепугалась, ведь он был ее единственным сыном.

— Ах, не говори таких страшных слов! Я попробую сломать бритву силой моей воли. Стану все думать и думать, что сломаю ее, может, и правда переломится пополам.

Меченосец украдкой засмеялся.

«Молодой господин никогда не согласится, — подумала кормилица, — а мой любимый сынок вот до чего договорился, страшно слушать!»

И она поспешила сообщить Правому министру, что все ее хлопоты кончились ничем.

«Отикубо за последнее время так изменилась ко мне, — подумал Митиёри. — Уж не дошли ли до нее слухи об этом сватовстве?»

Он пошел в Нидзёдоно и сказал своей жене:

— Наконец-то, по счастью, я узнал, почему у тебя такой пасмурный вид.

— Что же ты узнал?

— Всею виною дочка Правого министра.

— О нет, неправда! — улыбнулась Отикубо.

— Какое безумие! Если б сам микадо предложил мне жениться на его дочери, я и то отказал бы ему. Я уже раньше тебе говорил, что только и забочусь о том, как бы не причинить тебе ни малейшего горя. А самая горшая мука для женщины, как я слышал, — это измена любимого. И потому я навсегда отказался даже от мысли о другой любви. Вперед, если люди будут тебе говорить о моей измене, не верь им!

— Пусть я и не поверю им, но все же боюсь, что ты «берег, грозящий обвалом», — ответила Отикубо, намекая на слова песни:

*Непостоянный друг —
Словно грозящий обвалом
Берег над крутизной.
Ты говоришь мне «люблю»,
Сердце боится верить.*

— Хорошо, я буду говорить тебе о моей любви, а ты упрекай

меня сколько хочешь! Я все равно буду стараться ничем не огорчать тебя. Суди же, как глубока моя любовь.

Меченосец сказал Акого:

— Напрасно ты подозреваешь нашего господина в непостоянстве. Ручаюсь тебе, он до конца жизни не изменит своих чувств к Отикубо.

После того как меченосец так сурово ее побранил, кормилица больше не заговаривала о сватовстве. Правый министр, услышав, что Митиёри не собирается порвать со своей возлюбленной, тоже отказался от мысли выдать за него свою дочь.

* * *

После этой небольшой размолвки влюбленные снова зажили счастливой, безмятежной жизнью в полном сердечном согласии. Отикубо понесла в своем чреве дитя, и ее окружили еще более нежными заботами.

В четвертом месяце должен был вновь состояться «Праздник мальвы» святилища Камо. Мать Митиёри захотела вместе со своими дочерьми и внучками-принцессами полюбоваться с высоты особой галереи праздничным шествием.

— Приведи и госпожу Нидзёдоно, — сказала она сыну. — Молодые дамы любят зрелища. Мне давно хочется увидеть твою жену.

Митиёри очень обрадовался словам матери.

— Не знаю почему, — сказал он, — но жена моя не так любит зрелища, как другие. Впрочем, попробую уговорить ее.

Он поспешил во дворец Нидзёдоно и передал Отикубо приглашение свекрови.

— Мне сейчас нездоровится, я так некрасиво располнела... Если я поеду на праздник, то, пожалуй, омрачу общее веселье и буду всем в тягость, — стала отказываться Отикубо.

— Тебя увидят только матушка и младшая сестра, а ведь это все равно что я сам, — уговаривал ее Митиёри.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — наконец сказала она.

От матери Митиёри пришло письмо:

«Прошу вас быть на празднике непременно. Поглядим на интересное зрелище, а потом будем вместе».

Читая это письмо, Отикубо вспомнила, как когда-то родные сестры оставили ее в доме одну, а сами отправились в храм Исияма, и боль старой обиды снова шевельнулась в ее сердце.

На Первом проспекте была возведена великолепная, крытая ко-
рой кипариса галерея. Землю перед ней ровно засыпали песком,
посадили деревья, словно это здание должно было стоять долгие
годы.

На рассвете в день праздника Отикубо приехала туда, чтобы
занять свое место в галерее. Акого и Сёнагон сопровождали ее,
и им казалось, что они попали в царство райского блаженства.

Обе они когда-то терпели брань и поношение за свое учас-
тие к гонимой Отикубо, а теперь с ними обращались почти-
тельно, как с наперсницами знатной госпожи. Счастливая
перемена!

Даже кормилица, которая раньше держала такие обидные
речи, теперь поторопилась выйти к гостям и вертелась возле
них с угодливым видом.

— Где здесь женушка моего сына Корэнари?

Молодые прислужницы, глядя на нее, умирали со смеху.

Мать Митиёри сказала своей невестке:

— Зачем нам сторониться друг друга, словно мы чужие?
Между родителями и детьми должна быть тесная, нерушимая
дружба. Надо полюбить друг друга, это главное, тогда ничто в
будущем не нарушит нашего сердечного согласия.

С этими словами она усадила Отикубо рядом с собой и своей
младшей дочерью.

Поглядев на Отикубо, свекровь нашла, что она ничуть не
уступает в красоте ни ее собственным дочерям, ни принцес-
сам-внучкам. На ней было легкое летнее платье из пурпурно-
го шелка, затканного узорами, а поверх него другое, окра-
шенное соком алых и синих цветов, и еще одна парадная
одежда из тончайшего крепа цвета индиго и густого багрян-
ца. Как прелестна была Отикубо в своем смущении! Сразу
видно: не простая кровь течет в ее жилах, — столько в ней
было утонченного благородства. Она выглядела еще совсем
юной, почти ребенком. На вид ей можно было дать лет
двенадцать, не больше. В ее красоте было что-то трогатель-
ное, детски милое.

Младшая сестра Митиёри, тоже еще совсем юная, смотрела
на Отикубо с восхищением и сразу начала с ней длинный
задушевный разговор. Когда зрелищу пришел конец, велено
было подать экипажи к галерее, чтобы всем ехать домой. Ми-
тиёри хотел было вернуться вместе со своей женой в Нидзёдо-
но, но матушка его с веселой улыбкой сказала Отикубо:

— Здесь очень шумно, нельзя поговорить по душам. Поедем ко мне домой. Мы будем беседовать не спеша день-другой... Почему это сын мой так торопится уехать? Он совсем меня не слушается, негодный упрямец. Пожалуйста, не любите его слишком сильно!

Подали главный экипаж. Спереди в него села младшая дочь и маленькие принцессы, а сзади сама матушка Митиёри вместе с Отикубо. Когда они все чинно, в строгом порядке заняли свои места, то Митиёри сел в другой экипаж вместе со всей женской свитой из Нидзёдоно.

В западном крыле главного здания для молодых были приготовлены роскошные покои. Прислужниц Отикубо поместили в западном павильоне, где раньше жил Митиёри. Всем был оказан почетный прием.

Сам хозяин дома — отец Митиёри — окружил заботами не только Отикубо, жену своего любимого сына, но даже всех прислужниц из ее свиты.

Отикубо провела во дворце родителей мужа несколько счастливых дней и вернулась в Нидзёдоно, пообещав непременно навестить их опять, как только минет трудное для нее время.

После этой встречи матушка Митиёри прониклась еще большей любовью к своей невестке.

* * *

Видя беспримерную любовь к себе своего мужа, Отикубо наконец перестала бояться, что он переменится к ней. Однажды она сказала ему:

— Я хотела бы как можно скорее подать весть о себе моему отцу. Он так стар, что может не сегодня-завтра умереть. Тяжело у меня будет на душе, если я с ним так больше и не увижусь.

— Понимаю тебя, — ответил Митиёри, — но потерпи немного. Еще не время открыть нашу тайну. После того как вы встретитесь, тебе станет так его жалко, что уже нельзя будет досаждать мачехе. А ведь я еще не сполна отомстил ей. И я хотел бы к тому времени, когда ты встретишься со своим отцом, занять еще более высокое положение в свете. С чего бы тюнагону так вдруг и умереть?

Отикубо не раз просила мужа позволить ей увидаться со своим отцом, но, встречая каждый раз один и тот же ответ, под конец уже не решалась заговаривать об этом. Так, без особых тревожений, закончился старый год и наступил новый.

В тринадцатый день первого месяца Отикубо легко разрешилась от бремени сыном-первенцем. Митиёри был безмерно счастлив. Беспокоясь о том, что в доме у него только молодые неопытные служанки, он сказал кормилице:

— Прошу тебя, кормилица, позаботься о моей жене и моем ребенке, как если бы ты была моя родная мать. — И поручил ей уход за женой и руководство всем домом.

Кормилица первым делом омыла роженицу теплой водой. Увидев, как дружелюбно и ласково относится к ней Отикубо, она подумала: «Да, мудреного нет, что молодой господин не изменяет такой жене!»

Я не буду описывать в подробностях, какие богатые подарки прислали новорожденному, предоставляю это воображению читателя. Скажу только, что все вещи были из чистого серебра. Все родные Митиёри шумно веселились, играя на флейтах и цитрах. Только одно огорчало Акоги: Китаноката ничего не знает об этом торжестве. Ах, если б она могла увидеть все собственными глазами! Как бы она бесновалась от зависти!

Кормилицей ребенка была назначена Сёнагон, которая тоже недавно родила.

Садайсё, отец Митиёри, и его супруга обожали маленького внука и лелеяли его, как величайшую драгоценность.

Во время новогоднего производства в чины и звания Митиёри в обход многих получил звание тюнагона, а отец его стал Левым министром, сохранив за собой должность главного начальника Левой гвардии.

По этому случаю он сказал:

— Не успел мой внучек появиться на свет, как и отец его и дедушка получили высокие должности. Этот ребенок принес нам счастье.

В самом деле, Митиёри открылось самое блестящее будущее. Мало того что он стал тюнагоном, его еще поставили во главе Правой императорской стражи и стали титуловать «эмон-но ками».

Высокие награды получил и куро¹до. Ему дали чин тюдзё и возвели в звание государственного советника. Когда в семье тюнагона узнали, что бывший зять вознесся так высоко, то его покинутая жена Саннокими и Госпожа из северных покоев опечалились до слез. Им стало еще больнее и обиднее. И

¹ Для удобства читателей мы и дальше будем называть его куро¹до. (Прим. перев.)

прежде, бывало, Саннокими плакала, видя, что муж готов покинуть ее ради другой, но все же брачный союз их еще не был разорван. Теперь же всему конец, надежды больше не было, осталась только жгучая напрасная зависть!

Митиёри вошел в такую милость у государя, его влияние настолько усилилось, что он мог теперь многими способами унижать и преследовать мачеху и сестер Отикубо. Но, чтобы не наскучить читателю, мы об этом рассказывать не будем.

На следующий год осенью Отикубо вновь родила прелестного мальчика. Госпожа свекровь сказала по этому поводу:

— Молодая наша не теряет времени даром. Каждый год у нее рождается красивое дитя. На этот раз я сама буду растить ребенка, — и перевезла внука вместе с кормилицей в свой дворец.

Меченосец тоже не был обойден судьбой: он получил одновременно должность секретаря в канцелярии Лево́й импера́торской стражи и звание куродо.

Все шло так удачно и счастливо, что лучшего и пожелать нельзя. Одно лишь не сбылось: тюнагон-отец ничего не знал о судьбе своей дочери, и потому Отикубо все время чувствовала, что еще не достигла полноты своего счастья.

Тюнагон тем временем очень ослабел от старости. Погруженный в невеселые думы, он почти перестал выезжать в свет и проводил дни, запершись у себя, в грустном одиночестве.

Принцесса — мать Отикубо — некогда владела прекрасным дворцом Сандзёдоно, он должен был достаться в наследство ее дочери, но тюнагон сказал:

— Отикубо нет больше на свете, я возьму этот дворец себе.

— Разумеется, так и следует сделать, — обрадовалась Китаноката. — А если даже, паче чаяния, она и жива, то женщине, которая пала так низко, не подобает владеть княжеским дворцом. Он такой просторный, как раз подойдет мне и моим дочерям.

Мачеха истратила все доходы, полученные за два года с поместьев тюнагона, чтобы заново отстроить весь дворец, начиная с крытой земляной ограды вокруг него. Были возведены новые здания взамен обветшалых — словом, денег не пожалели.

Между тем прошел слух, что в этом году «Праздник мальвы» будет отпразднован с особым великолепием. Митиёри обещал, что повезет любоваться торжественным зрелищем

всех служанок в доме. Полно им ходить с таким скучающим видом!

К празднику стали готовиться задолго. Починили экипажи, подарили слугам новые нарядные одежды.

— Смотрите, чтобы все было как следует! — приказали молодые господа. В доме поднялась суета.

Наконец наступил долгожданный день.

Возле широкого Первого проспекта, по которому должны были проехать разукрашенные храмовые колесницы, были заранее вбиты в землю колья, чтобы никто другой не поставил в этом месте своих экипажей. Значит, можно было не беспокоиться и не приезжать слишком рано.

Двадцать старших прислужниц разместились в пяти экипажах, еще две повозки подали для девочек-служанок и низшей челяди.

Поскольку сам молодой господин тоже принял участие в поездке, то его сопровождала пышная свита из придворных четвертого и пятого рангов, а впереди бежали скороходы. Вместе с Митиёри поехали и его братья: средний брат, бывший паж императора, а теперь начальник гвардии, и самый младший брат, уже получивший свой первый небольшой чин по ведомству торжества и церемоний.

Всего собралось около двадцати экипажей. Вереницей, в строгом порядке они подъехали к заранее отгороженному месту возле Первого проспекта, откуда можно было хорошо видеть праздничное шествие.

Оглядевшись, Митиёри заметил, что как раз напротив их участка, отмеченного кольями, стоят два экипажа: один очень старый, с верхом, плетеным из листьев ореховой пальмы, и второй — чуть поновее, с верхом, плетеным из бамбука.

Митиери распорядился:

— Поставьте по обе стороны дороги, друг напротив друга, мой экипаж и экипаж моих братьев так, чтобы мы могли легко беседовать между собой и с женщинами нашей семьи и чтоб нам было все хорошо видно...

Челядинцы засуетились.

— Надо подать немного назад ваши экипажи. Мы поставим здесь свои, — сказали они людям, которые расположились по другую сторону дороги, но те, оскорбившись, не тронулись с места.

Митиёри спросил:

— Чьи экипажи?

— Тюнагона Минамото.

— Будь хоть тюнагона, хоть дайнагона, нечего было ставить экипажи там, где огорожена земля, точно другого места не стало. Отодвиньте их немного назад.

Челядинцы Митиёри собрались гурьбой, чтобы отодвинуть назад чужие экипажи, но навстречу им вышли слуги тюнагона и начали словесную перепалку:

— Зачем вы так бесчинствуете? Экие скорые на руку! Да разве ваш надутый спесью господин не такой же тюнагон, как наш? Или ему принадлежит весь Первый проспект из конца в конец? Сапоуправцы!

Но тут один из слуг Митиёри, особенно злой на язык, бросил в ответ:

— И бывший наш государь, и будущий государь, наследник престола, и принцесса-весталка, все уступают дорогу нашему господину, вот он какой, не знаете, что ли?

Другой подхватил:

— Да как вы смее равнять вашего господина с нашим? Такой же тюнагон! Скажут тоже! Болваны!

Слуги старого тюнагона не остались в долгу, они отвечали бранью на брань и ни за что не уступали места.

Митиёри подозвал к себе меченосца и сказал:

— Надо немного осадить вон те экипажи.

Челядинцы, не спрашивая позволения, отодвинули назад чужие экипажи. Их противники оказались в меньшинстве и ничего не могли сделать. Немногочисленные скороходы тюнагона рассудили так:

— Что пользы в ссоре? Лучше не ввязываться в драку, еще наживешь себе беды. У нас хватило бы мужества пнуть ногой в зад самого первого министра, но этот молодой вельможа — другое дело, мы и пальцем не дотронемся даже до его последнего слуги.

И вкатили свои экипажи в ворота первого попавшегося дома. А сидевшие в экипажах женщины только молча поглядывали сквозь плетеные занавески.

Вот до какой степени люди трепетали перед Митиёри.

Жена и дочери тюнагона только вздыхали:

— Бесполезно спорить! Мы бессильны ему отплатить.

Тем бы дело и кончилось, если бы глупый старикашка тэньяку-но сукэ не заявил:

— Почему это они посмели загнать наши экипажи куда-то на задворки? Кто им дал такое право? — И выступив вперед, начал браниться: — Не смеете вы так своевольничать! Если вы наперед огородили место кольями, то, конечно, вольны поставить там свои экипажи, но по какому праву вы велели убрать наши? Ведь они стояли напротив, через дорогу. Погодите, вы еще раскаетесь! Поплачете вы у меня! Я вам отомщу!

Увидев тэнъяку-но сукэ, меченосец подумал: «Ага! Знакомое лицо... Где-то мы с ним встречались... — и вдруг вспомнил: — Так вот это кто! О, вот удача! Попался мне наконец!»

Митиёри тоже заметил ненавистного старика.

— Эй, Корэнари! — крикнул он. — Зачем ты позволяешь ему так ругаться?

Меченосец сразу все понял и подмигнул задорным челядинцам, а те рады стараться, сразу налетели на тэнъяку-но сукэ.

— Что такое! Этот старикашка смеет грозить нам. А нашего господина ты, значит, и в грош не ставишь? Та-а-а, что ли?

Размахивая своими веерами с длинными ручками, они внезапно сбили шапку с головы старика. И все увидели, что жидкие прядки волос связаны у него на макушке в маленький пучок, а голый лоб ярко блестит. Зрители, стоявшие толпами по обе стороны дороги, чуть с ног не упали от смеха.

Тэнъяку-но сукэ побагровел от стыда. Прикрыв свою лысую голову руками, он хотел было спрятаться в экипаже, но челядинцы Митиёри схватили его и давай пинать ногами куда попало, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе! Будешь грозить нам!

Натешились над ним вволю.

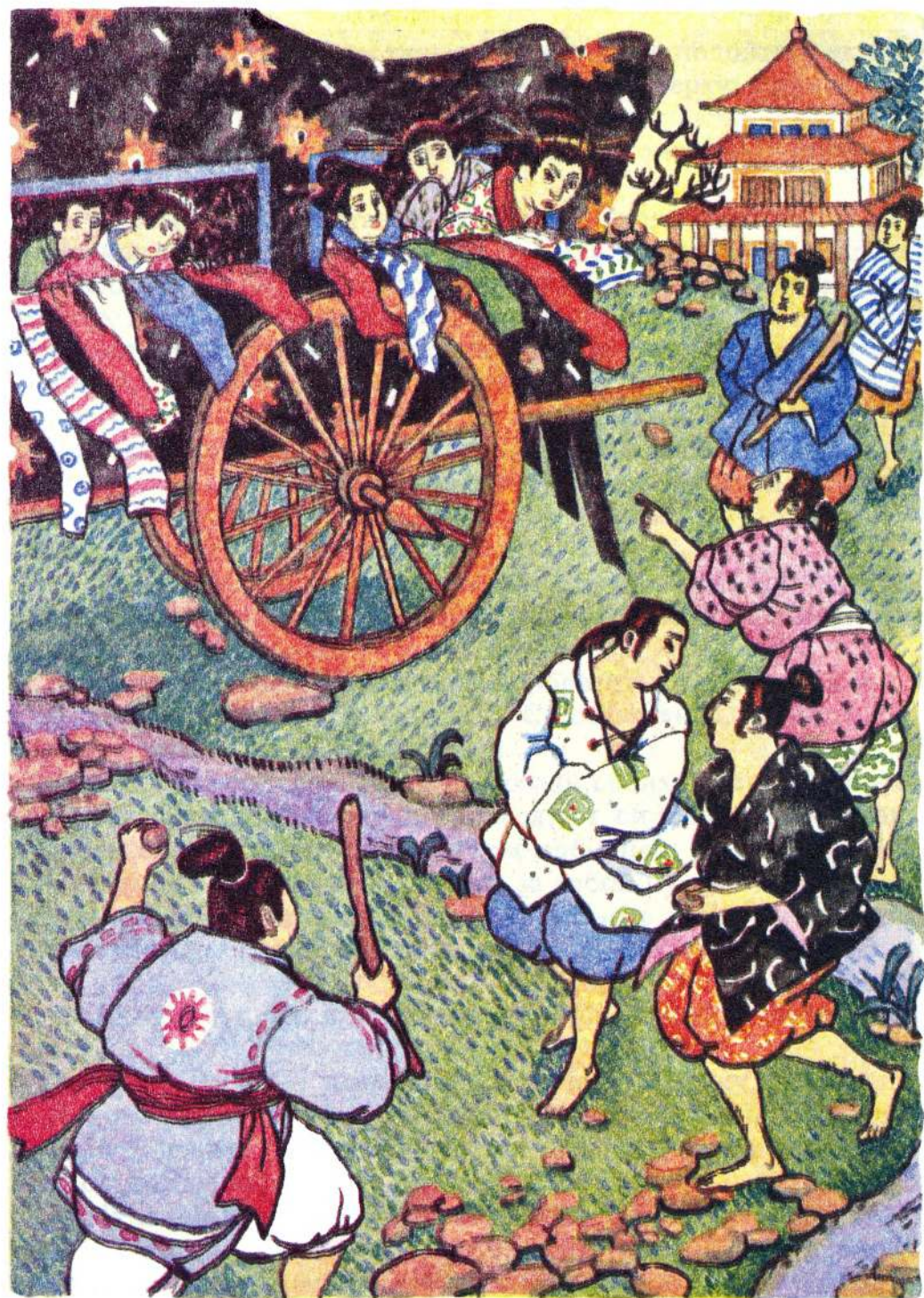
Старик в голос вопил:

— Умираю! Смерть моя пришла! — Но слуги все не унимались. Под конец старик и дышать перестал.

Митиёри кричал только для вида:

— Стойте! Остановитесь! Довольно!

Слуги Митиёри бросили жестоко избитого тэнъяку-но сукэ в главный экипаж, где сидела сама Китаноката, а потом разошлись до того, что начали толкать и пинать экипажи. А слуги тюнагона дрожали от страха и даже близко не осмелились подойти. Они держались в стороне, как будто это их не касалось, и только издали следили за экипажем. Челядинцы Мити-

ёри загнали его в глухой переулочек и бросили там посреди дороги. Лишь тогда слуги тюнагона решились подойти к экипажу. Он стоял, запрокинувшись оглоблями кверху: жалкое зрелище!

Женщины в экипаже — громче всех Китаноката — кричали в голос:

— Не хотим здесь оставаться! Домой! Скорее домой!

Но когда по их просьбе запрягли быка в повозку, оказалось, что челядинцы Митиёри обрезали веревки, которыми был привязан к дрогам плетеный кузов. Он упал посреди дороги, а бык потащил дальше одни опустевшие дроги с колесами. Простолюдины, которые толпились на улице, чтобы поглазеть на процессию, за бока схватились от смеха... Хохот, крики! Слуги тюнагона, следовавшие за экипажем, попадали от неожиданности на землю и некоторое время даже не в силах были подняться...

Щелкая пальцами, они сетовали:

— Ах, видно, нынче выдался особенно злосчастный день! Не следовало сегодня и выезжать за ворота. Такой неслыханный срам на наши головы!

Представляю читателям самим вообразить, что должны были чувствовать женщины в экипаже. Скажу только, что все они горько плакали от обиды и страха.

Китаноката сидела в экипаже позади своих дочерей, и потому, когда кузов внезапно оторвался, от сильного толчка она кубарем вылетела на дорогу. Тем временем бык продолжал невозмутимо шагать дальше, таща за собой пустые дроги. Кое-как, с трудом мачеха взобралась обратно в кузов, но, падая, она поранила себе локти и теперь громко плакала и охала от боли.

— За какие грехи я терплю такое наказание! — причитала она.

— Тише! Тише! — унимали дочки свою матушку.

Наконец подросли слуги. Видят, случилась большая беда.

— Что делать! Понесем кузов на плечах, — стали они совещаться между собою.

— Ну и никудышные же ездоки! — смеялись в толпе.

Слуги тюнагона так растерялись от стыда, что не раскрывали рта и только молча глядели друг на друга как потерянные.

Наконец привезли назад дроги, поставили на них кузов и

тронулись в обратный путь, но перепуганная госпожа Китаноката не переставала вопить:

— Потише! Ай, вывалите!..

Пришлось ехать шагом. Кое-как, медленно-медленно дотащились они до дому. У Госпожи из северных покоев лицо опухло от слез. Ее внесли в дом на руках, так сильно она расшиблась.

— Что случилось? Что случилось? — в испуге закричал тюнагон. Когда он услышал рассказ о том, что вытерпели его жена и дочери, то чуть не умер на месте. — Ужасный стыд! Так меня унижить! Постригусь в монахи! — воскликнул он, но, жалея жену и дочерей, не исполнил своего намерения.

В обществе много толковали, посмеиваясь, об этом происшествии. Отец Митиёри строго спросил своего сына:

— Неужели это правда? До меня дошел слух, что челядь разбила экипаж, в котором ехали женщины, и что среди этих буянов особенно отличились твои слуги из Нидзёдоно. Как мог ты допустить такое бесчинство?

— О нет, слухи преувеличены, — ответил Митиёри. — Ничего особенного не случилось. Я приказал заранее огородить кольями место для наших экипажей. Зачем же слуги тюнагона именно там, как нарочно, поставили экипажи своих господ, хотя всюду вдоль дороги было сколько угодно свободного места? Мои слуги, понятно, не стерпели этого, вот и вспыхнула перебранка. В конце концов челядинцы мои до того разгорячились, что в пылу ссоры перерезали у чужого экипажа веревки, которыми был привязан кузов к дрогам. Один из людей тюнагона стал поносить моих слуг. А те сбили с него шляпу и давай колотить, не слушая никаких уговоров. Оба мои брата были тут же и все видели. Они могут подтвердить мой рассказ. Люди представили вам все дело гораздо страшнее, чем оно было на самом деле.

— Потрудись, однако же, впредь вести себя так, чтобы тебя не порицали, — сказал ему отец. — Я тоже недоволен тобой.

Когда Отикубо услышала о том, что случилось, она сильно опечалилась, жалея и сестер и мачеху.

— Не слишком-то беспокойтесь о них, — сказала ей Акого. — Незачем. Если б в экипаже находился ваш отец, тогда другое дело! А то, подумаешь, избili старикашку тэнъяку-но сукэ, так ему и надо!

— У тебя недоброе сердце, — сказала на это Отикубо. — Можешь идти на службу к моему супругу, а меня оставить. Он такой же мстительный, как ты.

— Хорошо! Отныне буду служить вашему супругу. Он делает все то, что я сама хотела бы сделать, будь за мною сила, и потому он стал мне теперь дороже, чем вы! — ответила Акого.

Супруга тюнагона тяжело заболела после этого происшествия. У постели больной собрались все ее дети и стали молиться богам и буддам, чтобы они послали ей исцеление. Молитвы их были услышаны, и госпожа Китаноката понемногу оправилась от своего недуга.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пока все эти беды сыпались одна за другой на семью тюнагона, работы по восстановлению дворца Сандзёдоно благополучно шли своим чередом. В шестом месяце года должно было состояться новоселье.

Опасаясь, что старый дом приносит несчастье, тюнагон с женой думали отвести от себя беду, переселившись в новый великолепный дворец, и всячески торопили приготовления к переезду. Они собирались взять с собой всех своих дочерей.

Слух об этом дошел до ушей Акого. Улучив время, когда Митиёри отдыхал в покоях своей супруги, она сообщила ему:

— Дворец Сандзёдоно отстроен заново во всей своей бывшей красоте. Ходят слухи, что семья тюнагона собирается в него переехать. А ведь принцесса — покойная матушка вашей супруги — постоянно наказывала своей маленькой дочери: «Смотри, вырастешь, не отдавай наш дом чужим людям, живи здесь сама. Он дорог моему сердцу. Я помню, как прекрасна была в нем жизнь при моем отце». Вот что говорила покойная госпожа про Сандзёдоно! А теперь им хотят силой завладеть посторонние... Как бы помешать этому?

— А есть ли у моей жены крепость на владение землей? — спросил Митиёри.

— Как же, есть, в полной сохранности.

— О, если так, то может случиться прелюбопытная история! Узнай точно, на какое число назначен переезд, — приказал Митиёри.

— О, что ты вновь задумал? Не слушай Акого, она стала очень злобной! Зная твой горячий нрав, нарочно говорит так только для того, чтобы подстрекнуть тебя.

— Ах, так, значит, я стала злобной? Но разве я могу молчать, когда люди творят такие беззакония?..

— А ты впредь старайся не говорить об этом при своей госпоже, — сказал Митиёри. — Она такая мягкосердечная, жалеет даже тех, кто причиняет ей одно только зло. Если послушать мою жену, то выходит, что мстить этим людям — значит прежде всего мучить бедняжку Отикубо.

Акого согласилась с ним:

— Правда, не стоит говорить о таких вещах в присутствии госпожи, — и вышла из комнаты.

Когда наступил шестой месяц года, Акого будто невзначай спросила у одной из своих старых знакомых, служанок тюнагона:

— Когда вы переезжаете в новый дом?

— Да уж скоро, девятнадцатого числа, — ответила та.

Акого поспешила известить об этом своего господина.

— Превосходно, в тот же день, ни раньше, ни позже, и я перевезу туда мою жену. Найми еще несколько молодых служанок. Да нет ли таких в доме тюнагона? Если найдутся, то перемани их к нам на службу. Пусть мачеха выходит из себя от досады...

— Прекрасная мысль, — одобрила Акого.

Увидев, какая радость засияла у нее на лице, Митиёри с удивлением подумал: «Она так же сильно горит жаждой мести, как и я». Он потихоньку стал с ней совещаться, строго-настро-го запретив говорить Отикубо хоть слово об их затее. Жене своей он сказал только:

— Я приобрел у одного человека великолепный дом и без долгих сборов собираюсь перевезти тебя туда. Девятнадцатое число — счастливый день для новоселья. Позаботься, чтобы к этому сроку были готовы новые одежды для слуг. Я собираюсь заново перестроить дворец Нидзёдоно сразу же после твоего отъезда. Поторопись со сборами, времени остается мало.

Вскоре он прислал Отикубо много свертков шелка, окрашенного в цвета марены и пурпура. Не подозревая тайного замысла мужа, она срочно засадила мастериц за работу, чтобы все поспело к назначенному сроку.

Акого через свою посредницу пригласила самых хоро-

шеньких прислужниц из дома тюнагона, и в первую очередь личную камеристку Госпожи из северных покоев. Камеристка эта, по имени Дзидзю, обладавшая необыкновенно красивой наружностью, стояла во главе женской прислуги. Помимо нее были приглашены приближенные служанки Саннокими: госпожа Сукэ и дама Таю, а из низших служанок — некая Мароя.

«Все они хороши собой и держатся благородно», — думала Акого и устами посредницы сообщила каждой из них по секрету:

— Так, мол, и так. Есть в нашей столице дворец одного влиятельного человека, где особенно добры к прислужницам и всячески о них заботятся... Не пропустите же такого случая!

Служанки были молоды, им не нравилось, что господин их от старости стал уже слаб головой. И вот в то самое время, когда все они усиленно искали себе других хозяев, пришла такая приятная весть. Услышав, что их зовут в дом к человеку, о котором в свете идет сейчас громкая слава, все они с радостью согласились поступить к нему на службу и поспешили вернуться к себе домой, в свои родные семьи, чтобы уже оттуда переехать в дом к новому хозяину.

Им и во сне, конечно, не снилось, что госпожой их станет Отикубо и что все они будут служить в одном и том же доме. Поэтому даже самые близкие приятельницы держали в строгом секрете друг от друга место своей новой службы.

За каждой из них по очереди прибыл экипаж из дворца Нидзёдоно. Услышав, что в этом дворце царит неслыханная роскошь, женщины разрядились как нельзя лучше. Все они приехали к одному и тому же дому, вышли из экипажей в одном и том же месте и, увидев друг друга, не могли опомниться от удивления.

Правду гласила молва. В доме находилось не менее двадцати молодых и прекрасных собою прислужниц. Пять или шесть женщин, как видно, старших камеристок, были одеты особенно роскошно: на каждой по две одежды из блестящего белого шелка, длинные шлейфы, окрашенные соком красных и синих цветов, пурпурные хакама... На других были алые хакама и затканые узорами одежды, одно поверх другого, длинные шлейфы из светло-пурпурного зернистого крепа или узорчатого шелка... Все эти роскошно разряженные красавицы тол-

пой обступили новоприбывших. Не мудрено, что тем стало не по себе.

Вместо Отикубо, жестоко страдавшей от жары, сам молодой хозяин дома вышел взглянуть на новых дам из ее свиты. Склонившись перед ним до земли, они, полные смущения, только молча переглядывались между собой. Митиёри поразили их своей красотой и изяществом наряда. На нем были хакама цвета густого пурпура и одежда из сурового шелка, поверх которой была наброшена другая, из тончайшего крепса.

Женщинам показалось, что перед ними вдруг возник тот сказочный образ, который живет только в мечтах.

Митиёри обвел их взглядом и сказал:

— Все как будто недурны собою. Ну, а если они выглядят не совсем так, как следует, то я не буду придирчив, ведь их пригласила Эмон.

Отикубо в соседней комнате услышала его слова и сказала смеясь:

— Вот какое у нас доверие к Эмон!

— Вы говорите, что они выглядят не совсем так, как следует, — отозвалась Эмон. — Позвольте узнать почему? Нходясь безотлучно при моей госпоже, я не успела нарядить их должным образом... Всею виною спешка. — С этими словами Эмон показала на пороге, и все узнали ее. Так вот кто скрывался под этим именем — их старая знакомая Акогои.

Женщины изумились:

— Неужели это наша Акогои? Какое блестящее положение она заняла в этом дворце!

Акогои нарочно сделала вид, будто сама очень удивлена.

— Странно! Мне сдается, будто я с вами уже где-то встречалась...

— А мы сразу вас узнали. Вот счастливый случай!

— Долго-долго нам не удавалось повидаться... Как это было грустно!

Только старые друзья начали беседовать о прежних временах, как вдруг к ним вышла еще одна женщина, держа на своем плече прелестного белолицего мальчика лет трех. Смотрят, да ведь это Сенагон!

— Ах, словно прошлое воскресло снова! Вокруг нас звучат лишь знакомые голоса, — восклицали новоприбывшие. Завязался оживленный разговор. Не буду докучать читателю, пересказывая беседу приятельниц, встретившихся столь неожидан-

но после долгой разлуки. Скажу только, что они говорили друг другу самые радостные, приятные слова.

Новые служанки были очень довольны, что их прежние подруги Акого и Сёнагон пользуются в доме таким большим почётом и могут оказать им покровительство.

А между тем не ведавшая ни о чем семья тюнагона собралась переехать на следующий день во дворец Сандзёдоно. Перевезли туда всю домашнюю утварь, повесили занавеси, плетенные из тростника... Даже вещи слуг — и то уже успели отвезти на новое место.

Когда в Нидзёдоно слышали об этом, то домоправители Тадзима-но ками, Симоцукэ-но ками и главный смотритель дворца Эмон-но сукэ созвали самых надежных и расторопных слуг и сказали им:

— Дворец Сандзёдоно, бесспорно, тоже принадлежит нашему господину, но в самое то время, когда он собирался переехать в него, тюнагон Минамото неизвестно почему решил присвоить этот дом и даже перестроил его заново, не спрося ничьего согласия. А ведь если бы даже тюнагон и имел какое-то основание считать его своим, то и тогда он должен был бы первым делом известить об этом нашего господина и объясниться с ним, а не действовать исподтишка. Говорят, что завтра тюнагон переезжает в Сандзёдоно вместе со всей своей семьей. Поэтому ступайте туда и скажите его слугам: «На каком основании вы самоуправно вторглись в дом, принадлежащий нашему господину?» Не отдавайте им тех вещей, которые они уже успели туда перевезти. Мы сами завтра переедем в Сандзёдоно. Осмотрите хорошенько все строения этого дворца, чтобы решить, где лучше разместить разные службы.

Выслушав приказ, слуги немедленно отправились выполнять его. Они пришли в Сандзёдоно и увидели, что это великолепный дворец. Люди тюнагона хлопочут повсюду, посыпают землю песком, вешают плетеные занавеси... И вдруг, в самый разгар приготовлений, с шумом врывается ватага слуг из дворца Нидзёдоно. Челядинцы тюнагона растерялись:

— Это кто такие? Откуда?

Смотрят, да ведь это приближенные слуги и подручные того самого молодого сановника, от которого их господа терпели уже столько обид и притеснений.

— Дворец Сандзёдоно принадлежит нашему господину, —

объявили слуги Митиёри. — Почему вы самовластно распоряжаетесь в нём? Нам приказано выгнать вас отсюда, чтобы и духу вашего здесь не было. — И стали совещаться, где разместить разные службы: — Вот здесь будет поварня, там людская для младших слуг... Здесь будет то, а там будет это.

До крайности изумленные слуги тюнагона побежали доложить о случившемся.

— Чужие домоправители и слуги ворвались толпой в Сандзёдоно, а нас оттуда выгнали. Говорят, будто эмон-но ками завтра переедет туда собственной персоной, и все строения дворца распределяют по-своему: там будут комнаты для слуг, а тут комната главного смотрителя...

Старик сразу понял, что дело худо, и пришел в страшное смятение.

— Какое неслыханное самоуправство! У меня, правда, не сохранилось бумаги на владение этим дворцом, но ведь дворец принадлежал моей дочери. Кто же, кроме меня, ее родного отца, имеет на него право? Если бы дочь моя, Отикубо, была жива, я бы мог подумать, что она всему причиной, но ведь о ней давно нет ни слуху, ни духу... Что же это, в самом деле! Спорить с таким наглестом бесполезно, лучше я обращусь с жалобой к его отцу.

Тюнагон даже не в силах был одеться должным образом. Еле живой, он поспешил в чем был к Левому министру, отцу Митиёри.

— Мне срочно нужно повидаться с господином министром, — объявил он встретившим его слугам.

Министр принял тюнагона.

— В чем дело?

— С давних пор я владею домом на Третьем проспекте. Недавно я перестроил его заново и думал завтра в нем поселиться. Челядинцы мои уже стали перевозить домашнюю утварь, как вдруг явились слуги сына вашего эмон-но ками и заявили: «По какому праву вы здесь? Этот дом — собственность нашего господина. Как смеете вы хозяйничать в нем без дозволения? Наш господин завтра сам сюда переедет». Они не подпустили моих слуг и близко к дому, и те явились ко мне, растерянные, не зная, что делать. А между тем никто, кроме меня, не имеет никаких прав на дворец Сандзёдоно. Что же это значит? Может быть, в руки к вашему сыну попала каким-нибудь образом бумага на

право владения этим домом? — жаловался он, чуть не плача.

Неохотно выслушав его, министр ответил с видом крайнего недовольства:

— Я ничего не знаю об этом. Если рассказ ваш справедлив, то сын мой поступил незаконно. Но, может быть, он действовал так по какой-нибудь особой причине? Я немедленно потребую от него объяснений и извещу вас. А пока я больше ничего не могу сказать.

Тюнагон не посмел больше настаивать и вернулся домой, вконец удрученный.

— Я попробовал пожаловаться его отцу, но тот и слушать не стал, — сетовал старик. — Что же это такое! Сколько времени строили, строили, не жалели ни денег, ни сил — и вдруг!.. Какое унижение! Мы снова станем всеобщим посмешищем.

В этот день Митиёри прямо из императорского дворца отправился навестить своих родителей, даже не заезжая к себе домой. Отец спросил его:

— Только что у меня был тюнагон и жаловался на тебя. Скажи, неужели он правду говорил?

— Да, это правда. Я давно уже собирался переехать в один дом на Третьем проспекте, как вдруг слышу неожиданную новость: тюнагон хочет поселиться там же! Я не мог опомниться от изумления и сейчас же послал туда слуг, чтоб они проверили, правда ли это.

— Но тюнагон говорит, что этот дом принадлежит только ему, и никому другому. С каких пор ты владеешь этим домом? И есть ли у тебя бумага на право владения? А если есть, откуда она у тебя?

— По правде говоря, дом принадлежит моей жене. Дворец Сандзёдоно перешел к ней в наследство от ее покойного деда с материнской стороны. Тут и спора не может быть, но, видно, тюнагон на старости лет совсем из ума выжил. Он слушается во всем свою жену и по ее наущению совершил много жестоких, безжалостных поступков по отношению к своей дочери. А теперь мачеха из ненависти к падчерице подговорила его захватить этот дом без всякого на то права. Бумага на право владения домом находится у моей жены. А тюнагон утверждает, что единственный владелец он, хотя и не имеет никаких доказательств... Глупо!

— Так нечего с ним и препираться. Покажи ему скорее

бумагу, и дело с концом. У старика был до крайности взволнованный вид.

— Хорошо, сейчас же покажу.

Вернувшись в Нидзёдоно, Митиёри распорядился, кому завтра сопровождать его при переезде в новый дом и в какие экипажи кому садиться.

Тюнагон всю ночь не мог сомкнуть глаз от огорчения и рано утром послал к Левому министру своего старшего сына Кагэдзуми, правителя провинции Этидзэн.

— Отец мой, тюнагон, должен был сам явиться к вам, но вчера, вернувшись домой, он почувствовал себя плохо и просит его извинить. Каков будет ваш ответ? — спросил Кагэдзуми.

— Я тотчас же попросил объяснений у моего сына, и вот что он сообщил мне... — И министр повторил слова своего сына. — Если вы хотите знать дальнейшие подробности, благоволите обратиться к нему самому. Я больше ничего не знаю и не берусь судить, кто прав, кто виноват. Но все же не могу не удивляться, что вы хотели занять дом, не имея никаких бумаг на право владения...

Услышав такой ответ, Кагэдзуми немедленно направился во дворец Митиёри. Митиёри принял его, сидя перед плетеным занавесом, одетый попросту, в легком домашнем платье. Кагэдзуми уселся перед ним в почтительной позе. А позади плетеной занавеси находилась Отикубо... Увидев перед собой своего родного брата в роли униженного просителя, она почувствовала глубокую жалость к нему.

Сёнагон и Акоги только поглядывали друг на друга, пересмеиваясь:

— Подумать только, когда-то мы трепетали перед этим человеком и не знали, как угодить ему!

Между тем ничего не подозревавший Кагэдзуми начал говорить таким образом:

— Я только что был у вашего почтенного отца и говорил с ним. Неужели бумага на владение домом в самом деле находится у вас? Я думаю, что дело можно будет решить лишь после того, как мы внимательно ознакомимся с нею. Если бы отец мой и все мы, его сыновья, имели бы хоть малейшее основание подозревать, что дворец Сандзёдоно принадлежит вам, то этот неприятный спор никогда не возник бы. Но ведь уже два долгих года мы отстраиваем заново этот дворец. За все это время вы ни разу не подали никакого знака — и вдруг, уже накануне нашего переезда, силой пытаетесь нам помешать...

Позволю себе выразить сожаление, что вы прибегли к такому далеко не мирному способу разрешения спора.

— Но ведь бумага на дворец Сандзёдоно находится в моих руках уже давно. Я слышал, дом принадлежит лишь тому, кто владеет такой бумагой, и никому другому. Поэтому я был спокоен и не находил надобности объявлять всем и каждому, что это мой дом, но, когда вы задумали переехать в него, мне пришлось заявить свои права. Кстати, есть у вас какая-нибудь бумага, подтверждающая, что вы владельцы этого дома?

Митиёри говорил мягко, спокойным тоном, играя с сидевшим у него на коленях ребенком. Это был мальчик лет трех, удивительно белолицый и красивый.

Кагэдзуми был возмущен и обижен. Так вести себя во время важного разговора! Легкомысленный и бессердечный человек! Но все же он сдержался.

— К сожалению, мы пока не нашли эту бумагу... Быть может, кто-нибудь продал вам ее? Только это одно и остается предположить, потому что никто, кроме нас, не имеет никакого права на этот дом.

— Нет, я не покупал никакой краденой бумаги. Дом достался мне честным образом, и я, со своей стороны, считаю, что он принадлежит только мне одному. Вот мой совет: признайте справедливость моих слов и примиритесь с тем, что случилось. А отцу вашему, тюнагону, сообщите, что я дам ему возможность самым внимательным образом рассмотреть эту бумагу.

И, прекратив разговор, Митиёри встал и ушел во внутренние покои с ребенком на руках. Кагэдзуми вернулся к отцу ни с чем, опечаленный.

Отикубо слышала весь разговор от слова до слова.

— Так, значит, они хотели сейчас переехать в Сандзёдоно! Подумают еще, что это я преследую их своей злобой. Сколько лет мой отец отстраивал этот дом заново, сколько принял хлопот и расходов, и вдруг в последнюю минуту силой воспрепятствовать его переезду! Как он, должно быть, огорчен! Доставлять горе своим родителям — страшный грех. Мало того, что я не могу заботиться ни об отце, ни о матери, но из-за меня их мучат, преследуют, вот что мне горько! Уж это, наверное, Акогои все придумала...

Сердце Отикубо разрывалось от жалости к своим родным.

— Пусть даже лучшего отца, чем твой, нет во всем поднебесном мире, — сказал ей Митиёри, — но какой простак позволит отнять у себя дом? Твоего отца обидели? Верно, но ты сможешь потом теплыми дочерними заботами искупить этот грех. Если ты не хочешь переезжать в Сандзёдоно, так я все равно перееду туда один вместе с твоей женской свитой. Раз уж я затеял это дело, то бросить его на полдороге было бы глупо. Ты хочешь подарить дворец Сандзёдоно своему отцу? Хорошо, подари после того, как месть моя будет завершена и ты встретишься с ним лицом к лицу.

Отикубо поневоле умолкла.

Вернувшись домой, Кагэдзуми рассказал обо всем тюнагону.

— Дальше настаивать бесполезно. Как ни унижительно для нас, что мы не смогли отстоять наше право на этот дом, но придется от него отступить. Я говорил с эмон-но ками о таком важном для нас деле, а он в это время держал на коленях хорошенького мальчика, своего сына, и играл с ним и мои доводы пропускал мимо ушей. Потом отказал мне наотрез и ушел в дом. Левый министр, его отец, только твердил: «Не знаю ничего. У моего сына бумага на владение домом, значит, он прав». И там я тоже не добился успеха. Почему в свое время мы не взяли себе на хранение эту злосчастную бумагу? Эмон-но ками собирается переехать сегодня же вечером. Приготовление в самом разгаре, только и слышно, каких слуг возьмут с собой, в каких экипажах поедут...

Слушая этот рассказ, тюнагон невзвидел света от огорчения.

— Мать Отикубо отдала на смертном одре эту бумагу своей дочери, а я по беспечности совсем забыл о ней. Подумать только, что из-за этой небрежности мы потеряли такой прекрасный дом! Какие же тут могут быть сомнения — конечно, он купил у кого-то эту бумагу, потому так уверенно и действует. Люди будут над нами смеяться. Если бы я даже пожаловался самому государю, никакого толку не вышло бы, ведь эмон-но ками сейчас в большом фаворе при дворе. Кто нас рассудит, если он выдаст черное за белое? Жаль мне, что я извел столько денег напрасно... Злосчастный я человек, во всем мне неудача, одна беда за другой так и сыплются на мою голову...

Тюнагон грустно задумался, уставив глаза в небо.

Перед тем как переехать в Сандзёдоно, Митиёри подарил каждой даме из свиты своей жены по новому великолепному

наряду. Все они очень обрадовались тому, что за недолгий срок своей службы получили возможность одеться по последней моде.

Тюнагон прислал людей с просьбой вернуть ему хотя бы утварь и вещи, но никого не велено было впускать в ворота. При этом известии Китаноката всплеснула руками от ярости.

— Этот эмон-но ками — наш злейший враг. Он мне всю душу истерзал, проклятый!

Кагэдзуми стал уговаривать ее:

— Успокойтесь, матушка, ведь потерянного не вернешь. Наши люди просили, чтоб им позволили хоть вещи забрать. «Забирайте поскорее», — ответили слуги этого эмон-но ками как будто по-хорошему, а потом вдруг не пустили никого за порог. Нельзя же было нашим людям лезть в драку...

И правда, тюнагону и его семье осталось только одно: всем скопом проклинать обидчика.

Наконец свечерело, наступил час Пса. К дворцу Сандзёдоно длинной вереницей подъехало десять экипажей.

Выйдя из экипажа, Митиёри увидал, что и в самом деле, как говорил тюнагон, главные покои дворца готовы к прибытию господ. Поставлены ширмы, повешены занавеси, настланы циновки... Митиёри понял, что сейчас должны чувствовать тюнагон и его близкие, и ему стало их жаль, но он все же решил довести свою месть до конца.

«Как, должно быть, страдает мой отец!» — думала Отикубо и оставалась безучастной ко всему. Ничто ее не радовало.

Митиёри сказал слугам:

— Смотрите, не потеряйте ни одной чужой вещи. Я хочу вернуть все в сохранности.

В то время как во дворце Сандзёдоно царило веселое и шумное оживление, в доме тюнагона все были полны страха и тревоги.

Наконец пришла весть:

«Торжественный переезд состоялся. Сколько там слуг, сколько экипажей!»

«Значит, всему конец. Теперь уж делу не поможешь», — опечалились тюнагон и его близкие.

Но во дворце Сандзёдоно никто не думал о них. Там люди беззаботно веселились.

Акоги была полна благодарности к своему хозяину за то, что он так умело осуществил все, о чем она едва смела мечтать.

На другой день Кагэдзуми сам явился в Сандзёдоно и попросил:

— Пожалуйста, разрешите мне взять имущество моей семьи.

— Мы три дня не позволим дотронуться ни до одной вещи. На четвертый день присылайте за вашим добром. Все будет возвращено в полной сохранности, — ответили ему слуги и не стали слушать никаких доводов. В доме тюнагона еще больше встревожились...

А в Сандзёдоно три дня подряд не стихала веселая музыка. Праздновали новоселье на самый изысканный новый манер.

В назначенный день рано утром снова появился Кагэдзуми и начал слезно молить:

— Позвольте мне сегодня забрать вещи моей семьи. Мы перевезли сюда все наше имущество, все до мелочи, даже ларчики для женских гребней... Очень трудно обойтись без этих вещей...

Митиёри, торжествуя в душе победу, велел наконец возвратить Кагэдзуми все вещи согласно описи.

— Ах, вспомнил! — вдруг воскликнул Митиёри. — Где-то была еще старая шкатулка для зеркала. Верните шкатулку вместе с прочими вещами, ведь супруга тюнагона, кажется, считает ее бесценным сокровищем.

Акоги с готовностью отозвалась:

— Как же, как же, шкатулка хранится у меня, — и тотчас же принесла ее. Женщины, еще не видевшие этой шкатулки, дружно засмеялись:

— Ах, до чего же она безобразна!

— Надо приложить к ней записку, — сказал Митиёри, подумав, что одна шкатулка сама по себе не произведет должного действия, и попросил Отикубо написать несколько слов.

— Зачем? Если я дам знать о себе в такую тяжкую для моих родных минуту, то причиню им лишнюю боль, — стала отказываться Отикубо.

— И все же напиши, прошу тебя, напиши, — настаивал Митиёри, и в конце концов она написала на оборотной стороне дощечки, лежавшей на дне шкатулки, такое стихотворение:

Утром и вечером

Видело ты, как я слезы лью,

Ясное зеркало.

Но протекли года — и теперь

Память о прошлом сердцу мила.

Завернув шкатулку в несколько слоев цветной бумаги, Отикубо привязала к ней ветку дерева и отдала Акогои.

— Вот, передай моему брату.

Митиёри пригласил к себе Кагэдзуми и сказал ему:

— Вы, должно быть, считаете, что я поступил с вами очень неучтиво. Но, по правде сказать, меня взяла сильная досада, когда я узнал, что вы переезжаете в мой дом, даже не известив меня об этом. Теперь я уже остыл и намерен сам лично принести свои извинения вашему батюшке. И кроме того, показать ему ту бумагу, о которой шла речь. Передайте тюнагону, чтобы он непременно посетил меня сегодня или завтра. Может быть, вы и ваши братья сочтете неудобным для себя сопровождать его, но я буду очень рад, если кто-либо из вас примет участие в нашей беседе.

У Митиёри был такой радостный вид, какой вовсе не соответствовал обстоятельствам. Кагэдзуми был очень этим удивлен.

— Так вы непременно передайте вашему батюшке, чтобы он ко мне пожаловал, и прошу вас, приходите вместе с ним, — повторил Митиёри. Кагэдзуми, выразив свое согласие, удалился. Акогои поджидала его за дверью.

— Попроси-ка гостя подойти сюда, — велела она слуге.

Кагэдзуми это показалось очень странным, но все же он подошел ближе. Из-за плетеного занавеса показался только самый краешек нарядного яркого рукава.

— Пожалуйста, передайте эту вещь Госпоже из северных покоев. Я бережно хранила ее, зная, как дорога она госпоже. А сегодня, когда стали возвращать ваше имущество, я вспомнила и об этой вещице...

Кагэдзуми еще более удивился. Голос показался ему знакомым.

— Но от чьего имени прикажете передать?

— Госпожа ваша матушка сама догадается. Вспомните, как говорится в одной песне:

*Все изменилось здесь,
И лишь кукушки голос
Напомнил о былом...*

Я словно та кукушка. Разве голос мой не напоминает вам о прошлом?

«Ах, да ведь это Акогои! Она у нас когда-то служила», — вспомнил Кагэдзуми.

— Как могу я вести сердечную беседу с той, которая так легко забыла свою родную обитель? Но все же, когда я вновь приду сюда, то по старой памяти навещу вас.

— А вот и еще одна ваша давнишняя знакомая, — послышался голос, и из-за плетеного занавеса выглянула дама. То была Сёнагон!

«Каким образом они оказались здесь вместе?» Не успела эта мысль промелькнуть в голове Кагэдзуми, как раздался еще один знакомый голос:

— А я, ничтожная, верно, уже забыта вами. Где вам помнить обо мне здесь, у вас в столице, где столько женщин

*Красой затмевают друг друга,
Словно кошицы цветов.*

Ну, разумеется, это Дзидзю, любимая прислужница его второй сестры, Наканокими. Когда-то у Кагэдзуми были с Дзидзю любовные встречи... Но что все это значит? Он слышит только знакомые голоса. Растерявшись от неожиданности, Кагэдзуми не находил ответа.

Акоги спросила:

— Скажите, как поживает меньшей ваш брат Сабуро? Состоялся ли уже обряд гэмпуку?

— О да, этой весной он получил звание чиновника пятого ранга.

— Пусть он непременно придет сюда. Передайте ему, что мне о многом хочется поговорить с ним.

— Это нетрудно исполнить, — ответил Кагэдзуми и поспешил домой. Ему не терпелось взглянуть, что за вещь передала ему Акоги с таким таинственным видом.

По дороге он вспоминал все, что ему довелось видеть и слышать в Сандзёдоно, и не мог прийти в себя от изумления. Что за чудеса! Уж не стала ли Отикубо женой этого эмон-но ками? Акоги, видимо, живет недурно, она так разряжена. Все прежние прислужницы собрались в Сандзёдоно словно нарочно. «В чем тут дело?» — терялся в догадках Кагэдзуми.

Ему было приятно встретить столько старых друзей. Никакие опасения не смущали его, ведь в то время, когда Госпожа из северных покоев так жестоко мучила свою падчерицу, Кагэдзуми находился далеко, на службе в глухой провинции, и ничего не знал.

Вернувшись домой, он передал отцу слова Митиёри, а потом отнес своей матери таинственный предмет, плотно завернутый в цветную бумагу. Стали ее разворачивать, и вдруг показалась — кто бы мог ожидать! — старая знакомая шкатулка из-под зеркала. Та самая, которую мачеха когда-то отдала Отикубо. «Что же это значит?» — в смятении думала Китаноката. На дне шкатулки написаны какие-то стихи... Несомненно, рукой Отикубо! Мачеха так и змерла, широко раскрыв глаза и рот.

«Так, значит, весь неслыханный позор, который свалился на наши головы, все наши несчастья в последние годы — все это ее рук дело! Так вот кто наш тайный недруг!»

Словами не описать, какая злоба, какая досада охватили мачеху при этой мысли.

Весь дом тюнагона пришел в смятение.

Но когда сам он узнал, что дворец Сандзёдоно достался не кому иному, как его родной дочери, то старик сразу позабыл все обиды и все унижения прошлых лет.

— Она оказалась самой счастливой из моих дочерей... Как мог я так пренебрегать ею? Дом этот по праву принадлежит Отикубо, он достался ей в наследство от матери, — сказал тюнагон с успокоенным видом.

Эти слова привели в ярость Госпожу из северных покоев.

— Хорошо, пусть она берет себе этот дом, раз уж нельзя иначе. Но мы столько денег потратили на него. Попросите, чтоб нам возвратили хоть кусты и деревья. Ведь какой убыток мы потерпели! Пусть возместят нам хоть часть расходов, чтобы мы могли купить новый дом.

— Что ты говоришь, матушка! — возмутился Кагэдзуми. — Словно речь идет о чужом нам человеке. Не знаю, по какой причине, но в нашей семье нет ни одного приличного зятя. Надоело мне слушать насмешки насчет Беломордого конька! И вдруг с нами породнился молодой сановник — любимец государя. Надо радоваться такому счастью.

Тут в разговор вмешался младший сын — Сабуро:

— Мне нисколько не жаль отдать сестрице этот дом. Но мне было очень жаль смотреть, как мучили сестрицу Отикубо.

— Как мучили? Кто ее мучил? Что такое? — спросил Кагэдзуми.

— Да, мучили! Сколько она, бедняжка, выстрадала! — И Сабуро рассказал обо всем, что было. — Ах, что должна говорить о нас Акого. А уж сестрице мне стыдно и на глаза показаться...

Кагэдзуми вспыхнул от гнева:

— Это ужасно! Я был в провинции и ничего не знал. С ней поступали отвратительно. Не мудрено, что муж ее, эмон-но ками, затаил в душе месть против нашей семьи и причинил нам столько бед. Что он должен о нас думать! Я не решусь теперь и на людях-то показаться. — Так говорил он, охваченный чувством глубокого стыда.

— Ах, замолчите вы! Что было, то было... Глупости все! И слышать не хочу. Это она все по злобе подстроила, — отмахнулась Китаноката.

Видя, что с ней толковать бесполезно, сыновья замолчали.

Прислужницы, слышавшие этот разговор, чуть не умерли от зависти.

— Оказывается, и Сёнагон и Дзидзю поступили на службу к госпоже Отикубо. Счастливицы! А мы-то до сих пор не догадались наведаться туда и погибаем здесь от тоски и скуки. Нет уж, хватит с нас! Сейчас же пойдем в Сандзёдоно. Госпожа Отикубо такая добрая, она непременно возьмет нас на службу, — шептались между собой молодые дамы.

Сестры Отикубо были ошеломлены неожиданной новостью. Особенно страдала Саннокими. Ей было нелегко узнать, что она породнилась с той самой семьей, которая похитила у нее мужа.

Тяжело на душе было и у Синокими. Ведь теперь ей придется встречаться с тем самым человеком, который прислал к ней подставного жениха и сделал ее навеки несчастной... Уж лучше бы породниться с первым встречным, только не с ним!

Синокими зачала сразу после свадьбы, и ее ребенку уже исполнилось три года. Это была прелестная девочка, совсем непохожая на своего отца. Синокими думала, было в порыве отчаяния постричься в монахини, но пожалела свое дитя. Крепчайшие узы — любовь к своему ребенку — привязали ее к нашему суетному миру. Она возненавидела своего мужа и так враждебно к нему относилась, что даже глуповатого хёбу-но сё проняло наконец, и он перестал к ней приходить.

В отличие от своих дочерей тюнагон сразу позабыл все свои прошлые горести. Он так долго и так жестоко страдал оттого, что затмилась былая слава его имени и что люди над ним только смеются. Теперь наконец представилась возможность восстановить честь и славу своего дома. Полный радости, старик сразу же стал собираться в гости к своему новому могущественному зятю.

— Сегодня уже, к сожалению, поздно... Навещу его завтра.

Услышав эти слова, мачеха чуть не обезумела от злобы. Такая жалкая девчонка Отикубо — а так возвысилась над ее собственными дочерьми!

Саннокими и Синокими стали говорить между собой:

— Так вот почему экон-но kami велел спросить у нас во дворе храма Киёмидзу: «Хватит ли с вас этого урока?» О, если бы мы тогда сразу поняли, в чем дело! Мы избежали бы многих бед. Но нет, мы ни о чем не догадались. Служанки покинули нас не случайно — Отикубо переманила их к себе. Сколько горечи накопилось в ее сердце, если она так жестоко нас преследует!

— Так, значит, это Отикубо все время мстила нам! Нет уж, этого моя душа не стерпит. Отплачу ей той же монетой, — неистовствовала Госпожа из северных покоев.

— Что ты, что ты! — стали унимать ее дочери. — Надо забыть о прошлом. Ведь в нашем доме несколько зятьев, приходится терпеть ради них. Вспомни, как страшно избили старика тэнь-яку-но сукэ, а ведь из-за чего? Все из-за того же: мстили за Отикубо по приказу ее мужа, это ясно теперь. — Так толковали между собой всю ночь до рассвета жена и дочери тюнагона.

* * *

На следующее утро прибыло письмо от Митиёри:

«Передал ли вам вчера сын ваш, правитель Этидзэна, мое приглашение? Если у вас есть свободное время, покорнейше прошу посетить меня. Я должен сообщить вам нечто очень важное».

Тюнагон не замедлил с ответом:

«Мой сын вчера передал мне ваше любезное приглашение. Я думал тотчас же отправиться к вам, но было уже поздно. Прошу извинить меня. Я скоро буду у вас».

И начал готовиться к визиту.

Старший сын, Кагэдзуми, сопровождал его, заняв место в экипаже позади отца.

Как только Митиёри сообщили, что тюнагон прибыл в Сандзёдоно, он приказал:

— Приведите его сюда!

Тюнагона провели в глубь дома.

Митиёри принял его в южной галерее главного здания. Отикубо находилась тут же, позади занавеси. Всем ее приближенным женщинам было приказано удалиться в свои покои.

— Я пригласил вас, чтобы принести вам извинения за непри-

ятную историю с этим домом, — начал Митиёри, — но есть у меня и другая цель. Здесь присутствует одна молодая особа, которая давно грустит в разлуке с вами, и я хотел дать вам обоим возможность встретиться. Вы, конечно, имели некоторые основания считать дворец Сандзёдоно своим, но, как видно из бумаги на владение домом, та молодая дама, о которой сейчас шла речь, имеет на него больше прав, чем вы. А между тем вы собрались поселиться здесь, не известив никого, словно нас и за людей не считаете... Оскорбленный таким пренебрежением с вашей стороны, я решил сам немедленно переехать сюда. Однако вы долгое время не щадили ни усилий, ни забот, стараясь вернуть этому дворцу его бывшее величие, а я помешал вам воспользоваться плодами ваших трудов. Это несправедливо. К тому же дама, близкая моему сердцу, умоляет меня, чтобы я уступил вам этот дом. Итак, если вы согласны, то отныне считайте его своим. Я призвал вас сюда, собственно, для того, чтобы подарить вам бумагу на право владения дворцом Сандзёдоно.

— Ваши слова вконец смутили меня, — ответил тюнагон. — С тех пор как дочь моя внезапно исчезла из дому, прошло уже несколько лет... Не имея от нее никаких вестей, я был уверен, что дочери моей уже нет на свете. «Будь бы я, Тадаёри, молод, — думал я, — она могла бы еще надеяться, что судьба вновь сведет нас. Но я глубокий старик и не сегодня-завтра уйду из этого мира... Нет, дочь моя не могла бы так покинуть меня, старика! И если она исчезла, словно в воду канула, значит, нет ее в живых. Дворец этот перешел бы к ней по наследству, будь она жива, но что же делать, ведь ее не вернешь. Теперь, — думал я, — Сандзёдоно принадлежит мне, и надо восстановить его, пока он совсем еще не разрушился». Мне и во сне не снилось, что он отныне ваша собственность. Как бы там ни было, я радуюсь счастливой перемене в судьбе моей дочери и не желал бы для нее ничего лучшего. Но почему вы до сих пор не известили меня ни о чем? Может быть, вы хотели отомстить мне? Или, еще хуже, вы считали унижительным для себя открыто, перед лицом всего света, назвать своим отцом меня, ничтожного старика Тадаёри? Как тяжелы для меня такие сомнения! Зачем мне брать от вас эту бумагу? К чему мне она? Ведь я сам хотел бы подарить своей дочери этот дворец... Ах, я удивлялся тому, что жизнь так долго меня не покидает, но вижу теперь, что не мог умереть,

не повидавшись с моей дорогой дочерью. Я потрясен до глубины души. — И тюнагон печально опустил голову. Митиёри тоже был сильно взволнован.

— Жена моя с самого начала тревожилась о вас. Сколько раз она молила меня позволить ей увидеться с вами! «Ах, что, если этой ночью с отцом что-нибудь случится?» — часто говорила она среди ночи, замирая от страха. Но я все удерживал ее, потому что был у меня в голове один замысел.

Вот в чем дело. Еще тогда, когда дочь ваша жила в маленькой каморке — отикубо — у самых ворот в ваш дом, я стал иногда потихоньку навещать ее и скоро заметил, что с ней обращаются совсем не так, как с другими дочерьми. Девушка нуждалась в самом необходимом. Скажу прямо, что у супруги вашей жестокий нрав. Она всячески преследовала падчерицу, оскорбляла, мучила... Я все видел своими глазами, слышал своими ушами. Вот потому-то я и говорил своей жене: «Еще неизвестно, обрадуется ли твой отец, узнав, что ты жива. Подожди еще немного. Когда я займу более высокое положение в обществе, тогда твоему отцу будет лестно породниться со мной. Он будет доволен, и мы сможем окружить его сыновними заботами».

И еще вот что. Я не мог простить вам того, что вы приказали запереть вашу дочь в кладовой и отдали ее во власть старику тэньяку-но сукэ. «Да если б тюнагон даже узнал, что дочь его умерла, — думал я, — ему, наверно, было бы все равно». Я, Митиери, никак не мог позабыть этой давней обиды, уж слишком у меня на сердце накипело. Впрочем, я всегда винил во всем не столько вас, сколько жестокую, бессердечную Госпожу из северных покоев. С тех пор я только и думал, как бы отомстить ей.

Когда во время празднества Камо я узнал, что мачеха моей жены находится в том самом экипаже, который занял наше место возле дороги, я натравил на нее своих челядинцев и удерживал их только для вида. Сознаюсь, я поступил дурно. Я виноват перед вами. Жена моя все время горько сожалела, что не может, подобно своим сестрам, неотлучно находиться при вас и покоить вашу старость. Я понял при виде ее скорби, какая это великая сила — любовь, связующая воедино родителей и детей. И потом — мои маленькие дети растут, мне захотелось, чтоб вы их увидели...

Слушая Митиёри, тюнагон с ужасом и стыдом вспоминал

свою прежнюю жестокость к дочери. Ему было так совестно, что он долго не находил слов для ответа.

— Нет, я не считал ее хуже других моих дочерей, — наконец вымолвил он, — но у них была родная мать, и она прежде всего заботилась о собственных детях. А я слишком слушался своей жены. Вот почему: случились такие печальные вещи. Я принимаю ваши упреки и не хочу оправдываться. Жестоко и несправедливо, что дочь мою отдали во власть такому жалкому существу, как тэньяку-но сукэ. Какой отец мог бы позволить это? Если б я только знал... Верно, что я в припадке гнева приказал запереть ее в кладовую, потому что мне наговорили, будто она совершила очень дурной поступок. Но как бы там ни было, я хочу взглянуть на свою дочь. Где она? Покажите мне ее поскорее, — просил он.

Митиёри отбросил занавес.

— Вот она, здесь. Покажись своему отцу, — сказал он жене.

Отикубо смущенно выползла вперед на коленях.

Отец залюбовался ею. Как она расцвела за эти годы — настоящая красавица! На ней были одежды из белоснежного узорчатого шелка, а поверх них еще одна, переливчатая, цвета индиго с пурпуром. Чем больше тюнагон смотрел на свою дочь, тем яснее видел, что она превосходит красотой и прелестью всех своих сестер, о которых нежно заботились, думая, что они несравненно лучше ее. Тюнагон сам теперь не понимал, как мог он столь жестоко с ней обойтись, и удивлялся своей прежней слепоте.

— Ты, верно, не давала так долго о себе знать, потому что была в обиде на меня, — сказал он. — Но, поверь мне, я рад, я безгранично счастлив увидеть тебя...

— О нет, я нисколько не в обиде на вас, батюшка, — ответила Отикубо. — Но случилось так, что муж мой был у меня как раз в то время, когда матушка жестоко разгневалась на меня. То, чему он был свидетелем, видно, глубоко запало ему в душу. Долгое время он не позволял мне подавать весть о себе. Мне пришлось покориться. Все обиды и притеснения чинили вам без моего ведома. Я очень страдала при мысли о том, что вы сочтете меня их виновницей.

— Ах, нет, я думал раньше: «Какой позор на мою старую голову! За что эмон-но ками так безжалостен ко мне?» Но, выслушав его сегодня, я все понял. Он так сильно возненавидел нас за то, что в моем доме так худо с тобой обращались.

Поверь, это меня даже радует. Значит, он сильно любит тебя, — сказал тюнагон с улыбкой.

Отикубо была тронута:

— Все равно это непростительно!

Пока отец и дочь беседовали между собой, к ним подошел Митиёри с ребенком на руках.

— Взгляни-ка на него. Он такой добрый, послушный мальчик. Самая злая на свете «старшая жена» и то, кажется, не могла бы его возненавидеть.

— Ах, что ты говоришь! — смутилась Отикубо.

Когда тюнагон увидел внука, то весь расплылся в улыбке. Его стариковское сердце потянулось к ребенку.

— Пойди сюда, мой маленький, пойди сюда!

Он хотел взять внука на руки, но мальчик, испугавшись незнакомого старика, крепко ухватился ручонками за шею отца.

— Нет, кажется, демон и то не устоит перед этим ребенком! — воскликнул тюнагон. — Сколько ему лет?

— Три года, — ответил Митиёри.

— А есть у вас другие дети?

— Как же, есть еще мальчик, поменьше, он сейчас у моих родителей. Есть и дочка, но сегодня как раз день запрета, ее нельзя никому показывать. Вы увидите девочку в следующий раз.

Вскоре подали и угощение. Не было устроено ничего нарочито похожего на пир, но всех слуг тюнагона, вплоть до погонщика быка, накормили вдоволь.

— Акого, Сёнагон! — приказал молодой хозяин. — Вы бы поднесли вина господину правителю Этидзэна.

Акого позвала Кагэдзуми в покои женской свиты. Кагэдзуми некоторое время колебался, идти ему или нет, но потом решил, что он-то уж, во всяком случае, ни в чем не виноват, и, приободрившись, пошел вслед за Акого.

Она провела его в комнату, такую большую, что столбы, подпиравшие кровлю, стояли в ней в три ряда. Пол был очень красиво устлан циновками. В комнате чинно сидели благородные прислужницы, числом не менее двадцати, все как одна безупречно прекрасные собою.

Они удалились сюда по приказу господина, когда он захотел побеседовать с тюнагоном наедине.

Кагэдзуми был большим поклонником хорошеньких женщин.

«Отлично! Вот счастливый случай!» — подумал он, стреляя

глазами во все стороны, да так и замер с раскрытым ртом. Здесь собралось много прежних его приятельниц, некогда служивших в доме его отца. Он узнал в лицо человек пять-шесть... Похоже на то, что всех их переманили сюда на службу.

— Господин наш приказал угостить вас вином. Если вы выйдете отсюда такой же бледный, как вошли, не порозовев от вина, то нам будет очень совестно, — сказала Акого. — Ну же, угощайте гостя.

Прислужницы начали подносить гостю чарку за чаркой, и он опьянел.

— Госпожа Акого, спасите меня! Нельзя же так безжалостно мучить человека...

Он попытался было бежать, но юные красавицы окружили его кольцом и очень ловко преградили дорогу. Пришлось ему остаться, и тут уж его напоили так, что он, мертвецки пьяный, растянулся на полу. Тюнагон тоже, сдавшись на уговоры своего зятя, выпил несколько чарок вина и, захмелев, пустился рассказывать разные истории.

— Отныне я буду заботиться о вас, как только могу, — обещал ему Митиёри. — Я буду рад исполнить любое ваше желание, только скажите мне слово.

Старик был наверху счастья.

Наконец темнота спустилась на землю. Тюнагона на прощание богато одарили: поднесли ему ящик с разными красивыми одеждами. Был там и церемониальный наряд, и даже кожаный пояс замечательной работы — настоящее сокровище!

Не забыт был и Кагэдзуми: ему подарили полный женский наряд для его супруги и вдобавок еще одежду из узорчатого шелка. Вконец охмелевший тюнагон повторил заплетающимся языком:

— Я-то все горевал, что загостился на этом свете, все думал, зачем я живу, а вот сегодня радость-то, радость какая...

Свита его была невелика, и потому все сопровождающие его люди получили богатые подарки: каждому телохранителю пятого ранга пожаловали парадные одежды; телохранителям шестого ранга — каждому по несколько хакама, а простым челядинцам — свертки шелка, накрученного на палочки, чтобы можно было, уходя, заткнуть их за пояс.

Слуги, знавшие, что их господин тюнагон и молодой эмон-ноками враждуют между собой, не могли опомниться от изумления.

Вернувшись домой, тюнагон от слова до слова пересказал своей жене все, что говорил ему Митиёри.

— Правда ли, что дочь мою хотели отдать этому старому негоднику тэньяку-но сукэ? Когда эмон-но ками, понизив голос, рассказывал мне об этом, я чуть не сгорел со стыда... А внучок у меня до чего славный, хорошенький какой! По всему видно, что дочь моя счастливо живет в замужестве.

Госпожа из северных покоев затряслась от злости.

— И слушать не хочу! Раньше ты эту свою дочку и за человека не считал. Кто приказал запереть ее в кладовой? Ты же сам и приказал. Я здесь ни при чем. Оставил молоденькую девушку на произвол судьбы, без всякого присмотра, тут не только что тэньяку-но сукэ, кто хочешь мог к ней сунуться. А теперь, когда ее взял в жены большой человек, ты хочешь свалить свой грех на другого. Но не слишком радуйся! Такое неслыханное счастье не бывает долговечным.

Подвыпивший Кагэдзуми пустился рассказывать, растянувшись на полу, про все, что видел и слышал в Сандзёдоно:

— Так вот, значит, окружило меня со всех сторон множество хорошеньких прислужниц, одна другой краше. Было их, верно, не меньше тридцати. Каждая поднесла мне чарочку и умоляла выпить. И все, заметьте, старые мои знакомые: одна служила у Саннокими, другая — у Синокими. Даже служаночка Мароя и то оказалась там. И все такие нарядные, словно ветки в весеннем саду. Видно, им хорошо живется.

Это услышали спавшие вместе в одной постели Саннокими и Синокими.

— Ах, как грустен наш мир! — плача, говорила старшая сестра. — Давно ли жила она в жалкой каморке у самых ворот и не смела оттуда на свет показаться! Могли ли мы думать тогда, что эта Отикубо так высоко вознесется над нами! Все наши служанки ушли к ней... Стыдно показаться на глаза не только чужим людям, но даже собственным родителям. Как жить дальше? Уж лучше пойти в монахини.

Синокими тоже горько плакала:

— Какой стыд! Какой ужасный стыд! Не ведая, что готовит нам будущее, матушка только о нас, своих родных дочерях, и заботилась, а чужую дочку совсем забросила. Люди, верно, теперь говорят: «Поделом им». Когда я так несчастливо вышла замуж, то думала было постричься в монахини, но скоро понесла дитя под сердцем. А уж как родилась моя дочка, мне стало ее жалко. «Дорашу ее, — думала я, — до разумных лет». Так день за днем и живу.

И обливаясь слезами, Синокими сложила стихотворение:

*«Уж так ему суждено!» —
И я говорила, бывало,
Увидев чужую беду,
А ныне судьбе злосчастной
Досталась в добычу сама.*

Саннокими согласилась с ней и сказала в свою очередь:

*Всех нас рок стережет!
Злая судьба прихотлива,
Словно река Асука.
Там, где сегодня пучина,
Завтра шумит пережат.*

Всю ночь до рассвета проговорили сестры, жалуясь на свою судьбу.

На следующий день тюнагон стал рассматривать полученные им накануне подарки.

— Какие красивые цвета, все такое нарядное, не мне, старику, носить. А в особенности этот пояс — ведь это семейная драгоценность... Как принять такой подарок? Нет, я непременно его верну.

В эту минуту принесли письмо от Митиёри. Все слуги сразу кинулись принять его, каждому хотелось быть первым.

«Я жалел вчера, что ночь разлучила нас слишком быстро, — говорилось в письме. — Мы не рассказали друг другу и сотой доли того, что случилось с нами за эти годы. Если вы не посетите меня, я буду в большой обиде.

Почему вы оставили у меня бумагу, о которой мы говорили? Приезжайте ко мне снова, иначе жена моя будет тревожиться, опасаясь, что ваш гнев на меня не до конца еще рассеялся».

Синокими, в свою очередь, получила письмо от Отикубо:

«Все эти годы ты не выходила у меня из головы. Но как ни хотелось мне подать весть о себе, слишком многое меня удерживало. Помнишь ли ты еще обо мне? Или уже забыла? Мне это было бы грустно.

*Пусть забыли меня,
Не боится любовь моя времени.
Так на «Вечной горе»
Разрастаются густо азалии
Меж безмолвных камней.*

Передай матушке и сестрицам, что я была бы рада повидаться с ними».

Три старшие сестры тоже прочли это письмо, досадуя, что Отикубо обратилась только к одной Синокими. Каждой хотелось получить от нее весточку. Вот как меняются люди! А ведь когда Отикубо жила в своей каморке, ни одна из сестер и не думала ее навестить.

Тюнагон ответил своему зятю:

«Я надеялся быть у вас сегодня же, но, к несчастью, «путь закрыт». Прошу меня извинить. Я с радостью думаю о том, что теперь мы будем видеться часто. Кажется, такое счастье способно вдохнуть в меня новую жизнь. Я говорил еще вчера, что не приму от вас бумагу на право владения дворцом Сандзёдоно. Ваше великодушие пробуждает во мне стыд. Подаренный мне пояс слишком роскошен для такого старика, все равно что парча темной ночью. Я хотел бы вернуть его, но, боясь обидеть вас, оставляю на некоторое время у себя».

Вот что написала Синокими в своем ответном письме к Отикубо:

«Видно, заглохла дорога к нашему дому, и нет никакой отметы у наших ворот, нет даже криптомерий, как поется в старой песне... Я бесконечно рада вашему письму. Но не думайте о себе: «Людям я чужда, хоть не живу в высоких небесах».

*Нет, не стала ты нам чужой,
Ты сама нас, беглянка, покинула,
Позабыла дорогу в свой дом.
Сколько лет по тебе мы печалились...
Кто же любит сильнее, скажи?»*

* * *

С того самого времени молодые супруги стали так заботиться о тюнагоне, что описать нельзя. Старик, можно сказать, не выходил от них. Братья Отикубо, старший — Кагэдзуми и младший — Сабуро, тоже охотно посещали своего знатного зятя. Вначале им было совестно, но скоро они стали чувствовать себя у него как дома, радуясь, что породнились с такой знатной семьей. Отикубо заботилась о младшем брате, как о своем родном детище, стараясь устроить его судьбу.

Однажды она сказала Кагэдзуми:

— Я хотела бы повидать также матушку и сестриц. Ведь моя родная мать умерла, когда я была еще совсем маленькой, и я полюбила Госпожу из северных покоев дочерней любовью. Мое самое горячее

желание — воздать матушке за все ее заботы, но она, верно, сердится на меня... Передайте всем в доме привет от моего имени.

Вернувшись домой, Кагэдзуми сообщил матери и сестрам:

— Вот что сказала сестрица. Она заботится о нас, ее братьях, так заботится...

Госпожа из северных покоев подумала, что раз падчерица стала так богата, то, верно, говорит правду. Зачем ей кривить душой? К тому же, если бы Отикубо затаила злобу против нее, мачехи, то не стала бы так покровительствовать своим братьям. Значит, во всех гонениях на семью тюнагона был повинен муж Отикубо. Ведь не кто иной, как сам Митиёри, помогал ей шить в ту злосчастную ночь. Он все слышал, он знал обо всем. Рассудив так, мачеха пересилила свой строптивый нрав, и они с Отикубо начали обмениваться ласковыми письмами.

* * *

Как-то раз Митиёри стал советоваться со своей женой:

— Отец твой уже очень стар годами. А в свете сейчас принято устраивать празднества в честь престарелых родителей, когда им исполнится пятьдесят или шестьдесят лет. Услаждают их приятной музыкой или в начале нового года подносят им семь первых весенних трав. А иной раз устраивают восемь чтений Сутры лотоса. Словом, всячески стараются порадовать своих родителей. Как ты думаешь, что лучше? Иные старики еще при жизни велят отслужить по себе сорок девять заупокойных молебствий. Но как-то нехорошо детям заживо отпевать своего отца. Скажи, что тебе больше всего по сердцу? Я сделаю так, как ты хочешь.

— Нет лучше утехи, чем музыка, но важней всего позаботиться о спасении души своих родителей. Восемь чтений Сутры лотоса и в этой жизни помогут снискать милость Будды, и в будущей даруют блаженство. Пусть прочтут в честь отца эту святую Сутру.

— Правильно ты рассудила, — одобрил ее слова Митиёри. — Я и сам так думал. Нужно будет устроить восемь чтений Сутры лотоса еще до конца этого года. Отец твой выглядит слабым и грустным, это подбодрит его.

Отикубо уже на следующее утро занялась приготовлениями. Торжество было назначено на восьмой месяц года. Надо было заказать новый список Сутры, поручить мастерам изготовить новые статуи Будды. Митиёри и Отикубо старались устроить все наилучшим образом. Правителям разных провинций было

приказано прислать все необходимое: шелковые ткани и шелковую пряжу, серебро и золото. Ни в чем не было недостатка.

В самый разгар хлопот вдруг тяжело заболел и отрекся от престола царствующий император. Престол унаследовал первый принц крови, сын императора от той самой супруги, которая приходилась родной сестрой Митиёри. Второй сын этой же любимой супруги был назначен наследником престола.

Новый государь немедленно пожаловал Митиёри титул дайнагона — старшего государственного советника. Куродо, муж его другой сестры, стал тюнагоном. Не забыт был и младший брат Митиёри: он тоже был назначен членом Государственного совета. Словом, все члены этой семьи удостоились высоких наград.

Так счастливо для Митиёри началось новое царствование. Лучшего и пожелать было нельзя. Старик тюнагон от всей души радовался возвышению своего зятя, считая, что это великая честь и для него самого.

В середине седьмого месяца при дворе состоялось много торжеств и церемоний, но хотя Митиёри был и очень занят новой службой в должности дайнагона, он все же не оставлял своих забот о восьми чтениях Сутры лотоса. Было решено приступить к ним в двадцать первый день восьмого месяца. Сначала Митиёри думал устроить это торжество в своем собственном дворце Сандзёдоно, но побоялся, что мачеха и сестры Отикубо, пожалуй, не решатся приехать. Уж лучше ему самому с женой посетить дом тюнагона, подумал он.

Митиёри велел заново отстроить дворец своего тестя и посыпать двор песком. Были повешены новые плетеные занавеси, постланы новые циновки.

И муж второй дочери тюнагона, и старший его сын Кагэдзуми служили теперь у Митиёри управителями. На них-то и была возложена подготовка к церемонии. Надо было убрать ширмы и занавеси, служившие перегородками, так чтобы получился большой зал. Покои для дайнагона были устроены в северной галерее, а для его супруги во внутренних покоях на южной стороне, где стены были покрыты блестящим красным лаком.

Митиёри с семьей прибыл во дворец тюнагона накануне того дня, когда должны были начаться чтения Сутры лотоса. Прислужниц взяли с собой меньше обычного, так как старый дом был тесноват. Приехали всего в шести-семи экипажах.

Наконец-то мачеха и сестры встретились лицом к лицу с Отикубо. Одежда на ней была цвета густого пурпура, а поверх нее надета другая,

тканная из синих и желтых нитей и подбитая лазоревым шелком. Наряд этот поражал своим великолепием и чудесным подбором цветов. Многие бывшие тут люди невольно вспомнили, как мачеха когда-то подарила Отикубо в награду за шитье свои старые обноски.

Готовясь к завтрашней церемонии, Отикубо между делом дружески беседовала о старых временах со своими сестрами Саннокими и Синокими.

Она была хороша собой даже и тогда, когда, всеми презираемая, ютилась в каморке, теперь же красота ее достигла полного расцвета. Достоинство, с которым держалась Отикубо как супруга дайнагона, очень шло к ней и еще более усиливало впечатление от ее красоты. Рядом с ней сестры казались совсем невзрачными, а наряды их просто жалким тряпьем.

Госпожа из северных покоев, примирившаяся с тем, что ничего не может поделать с падчерицей, тоже приняла участие в общем разговоре.

— Я ведь взяла вас на воспитание, когда вы были вот такой маленькой, и для меня вы все равно что дочь родная. Но, на беду, я от природы вспыльчива, иной раз сама не помню, что говорю... Боюсь, что вы на меня в обиде.

Отикубо стало в душе смешно.

— Что вы, матушка! — ласково сказала она. — Я нисколько не обижена на вас. Все давно забыто. Теперь я хочу только одного: позвольте мне заботиться о вас так, как должно почтительной дочери, чтобы душа моя была спокойна.

— Вот за это премного благодарна, — ответила мачеха. — В доме моем много никудышных людей: не умеют в жизни устроиться. Поневоле в отчаяние придешь. Как же нам всем не радоваться, что вас посетило такое счастье?

На другой день с самого раннего утра началось торжественное чтение Сутры лотоса. Среди гостей присутствовало много высших сановников. А уж чиновников низших званий и не счесть было!

— Каким образом этот жалкий, вконец одряхлевший старик сумел выдать замуж свою дочь за такого влиятельного человека? — гадали в толпе. — Бывает же людям счастье!

И в самом деле, Митиёри исполнилось всего двадцать лет, а он уже стал дайнагоном, одним из первых сановников страны, и притом был бесподобно красив. Видя его заботливость, тюнагон, умиленный такой честью, ронял по-стариковски обильные слезы.

На чтении Сутры лотоса присутствовали и младший брат Митиёри, и куродо, муж его младшей сестры.

Когда Саннокими увидела куродо, воспоминания о счастливом прошлом нахлынули на нее. Он был очень хорош собою в своем новом великолепном наряде. О, если бы он по-прежнему был ее мужем! Как гордилась бы Саннокими, как радовалась бы, увидев, что куродо не многим уступает даже этому прославленному красавцу дайнагону. А теперь ей оставалось только лить слезы, кляня свою жестокую судьбу.

Саннокими тихо прошептала про себя:

*Помнит ли он обо мне? —
Тщетно хоть проблеск чувства
Силилась я подстеречь.
О, как слаба я сердцем!
Все еще плачу по нем.*

Наконец церемония началась. Множество высших буддийских священников благоговейно приступили к чтению священной Сутры лотоса. Поскольку Сутра эта состоит из восьми книг, то было решено читать каждый день по одной книге, а в девятый прочесть священную Сутру о бодхисаттве Амитабхе, отворяющем двери рая, чья благодать вечна и бесконечна.

И каждый день возносили моления новому изображению Будды, так что всего было девять чтений и девять служб перед девятью статуями божества.

Четыре свитка Сутры лотоса были написаны золотом и серебром на цветной бумаге всевозможных оттенков, а валики для них сделаны из благоухающего черного дерева. Каждый свиток хранился в отдельном ларце, окованном по краям золотом и серебром. Прочие пять свитков были написаны золотом на бумаге цвета индиго и накручены на хрустальные валики. Эти свитки хранились в отдельных ларцах из лака макиэ, и на крышке каждого ларца были написаны золотом главные истины, возведенные в Сутре.

При виде этих великолепных книг и статуй всем стало ясно, что присутствуют они не на обычном молитвенном сборище. Трудно было вспомнить другое подобное торжество. Священники, читавшие сутры, получили в дар шелковые рясы дымчато-серого цвета. Заботясь о том, чтобы ни в чем не было недостатка, Митиёри проявил неслыханную щедрость.

С каждым новым днем чтения становились все торжественнее, а сборища все многочисленнее.

На пятый день состоялось подношение даров. Все молящиеся,

не только знатные сановники, но и люди невысокого звания, принесли их столько, что и класть было некуда. Четки и молитвенные шарфы лежали грудями.

В ту самую минуту, когда должно было начаться торжество, Митиёри получил письмо от своего отца:

«Я думал сегодня хоть один-единственный раз помолиться вместе с вами, но у меня случился такой приступ ломоты в ногах, что я не в силах покинуть постель. Прошу возложить на жертвенник Будды мое скромное приношение».

Отец Митиёри прислал золотую ветку цветущего померанца в горшочке из лазоревого камня. Этот драгоценный дар находился в синем мешочке, привязанном к ветке сосны.

Матушка Митиёри сообщала в письме к Отикубо:

«Я слышала, что вы приняли много забот, готовясь к этому торжеству, отчего же не попросили меня помочь? Позвольте попенять вам, неужели вы до сих пор не поняли, как близки моему сердцу? Я, как женщина, тоже приношу свой дар, хоть и скромный, но полезный, чтобы он снискал мне, грешнице, милость Будды».

Она прислала монашеское облачение из китайского крепа цвета опавших листьев, отливавшего красными и желтыми оттенками, и вдобавок к нему пять рё шелковой пряжи ослепительно пурпурного цвета. К подарку был привязан цветок оминаэси. Пряжа эта предназначалась, видимо, для того, чтобы сплести шнуры для четок.

Только Отикубо собралась написать ответ, как прибыло письмо от младшей сестры Митиёри:

«Замыслили вы святое дело, но не известили меня об этом. Отчего же? Неужели не хотели вы сопричислить меня к тем, которые ищут себе на небесах награду? Мне это весьма прискорбно».

С письмом был прислан золотой цветок лотоса, раскрывший свои лепестки. На листьях, слегка отливавших голубизною, сияли большие серебряные капли росы.

Прибыло послание и от другой сестры Митиёри — супруги императора, — его прислала придворная дама второго ранга. Даму эту приняли с великим почетом и провели в скрытое от людских глаз место, где никто не мог ее увидеть.

Старший брат Отикубо Кагэдзуми и младший Сабуро, — по ходатайству Митиёри он был недавно назначен помощником начальника Левой гвардии, — подносили гостье чарки с вином, всячески стремясь угодить ей.

Государыня изволила написать:

«Сегодня у вас хлопотливый день, посему опускаю обычные приветствия. Прошу только возложить мой дар на жертвенник Будды».

То были четки из священного дерева бодхидрума в золотом ларчике.

Кровные братья и сестры Отикубо и все люди, во множестве присутствовавшие на молебствии, были до крайности изумлены, видя, как соперничают между собой в щедрости знатные родичи ее мужа. Поистине небывалое счастье выпало этой женщине, думал каждый.

Прежде всего Митиёри написал ответ супруге государя:

«Благоговейно получили присланные вами священные четки. Сегодня состоится только обряд подношения даров. Я сам, согласно вашей воле, возложу высочайший дар на жертвенник Будды. Как только церемония закончится, поспешу явиться во дворец, дабы лично выразить свою благодарность».

Посланице государыни были преподнесены подарки: одежда из узорчатого шелка, хакама, китайская накидка цвета опавших листьев и парадный шлейф из тончайшего крепа.

Началась церемония. Высшие сановники и другие знатнейшие люди страны стали торжественно подносить свои дары Будде. Почти все они дарили серебряные и золотые цветы лотоса. Лишь один куродо, в отличие от других, преподнес изделие из серебра в виде кисти для письма. Ручка ее была окрашена под цвет обожженного бамбука, а мешочек для хранения этой драгоценности сделан из прозрачного крепа.

А уж ящикам с платьями и молитвенным шарфам просто счету не было!

Вязки поленьев были сделаны из дерева багряника, слегка подкрашенного в темный цвет, и перевязаны шнурами из красиво сплетенных нитей. Словом, этот день, пятый с начала чтения Сутры лотоса, стоил дороже всего. Денег было потрачено без счета.

Глядя на то, как благороднейшие мужи страны с дарами в руках движутся процессией вокруг жертвенника, все присутствовавшие на церемонии говорили с похвалой:

— Великого счастья и почета удостоился старик тюнагон на склоне своих дней.

— Надо молиться богам и буддам, чтобы послали они хороших дочерей, — восклицали иные.

Так торжественно совершались молебствия в течение всех девяти дней.

Саннокими каждый день тайно надеялась, что бывший муж

ее куродо вот-вот вспомнит о ней, но увы! Этого не случилось. Быть может, измученная душа Саннокими незримо посетила его и он услышал ее зов, но только вдруг уже на самом пороге дома куродо остановился и позвал к себе Сабуро:

— Почему вы сторонитесь меня, словно чужого?

— Как я могу относиться к вам по-родственному? — ответил тот.

— Значит, прошлое забыто? А она? Все по-прежнему здесь?

— Кто это «она»? — спросил Сабуро.

— Вы же знаете кто. Зачем бы я стал спрашивать о другой? Я спросил вас о Саннокими.

— Не знаю. Может быть, здесь, — с нарочитой холодностью бросил в ответ Сабуро.

— Так скажите ей от моего имени:

Вновь увидел я твой дом.

Все в нем так душе знакомо.

Все о прошлом говорит.

Видно, и любовь мою

Время изменить не в силах.

Но такова жизнь! — И с этими словами он ушел.

«Мог бы, по крайней мере, хоть дождаться ответа! — подумал Сабуро. — Но, видно, его бесчувственное сердце не способно хранить память прошлого». И он пошел в женские покои и сообщил сестре слова куродо.

Саннокими была бы рада, если бы куродо заглянул к ней хоть на самое короткое время.

«Зачем он послал мне эту весть? Какая жестокость!» — с горечью думала она.

Ответ явно посылать было ни к чему.

После того как была прочтена вся Сутра лотоса, Митиёри устроил богатый пир по случаю окончания поста и начал собираться домой. Его стали упрашивать побыть еще денек-другой.

— Нет, из-за нас теснота в доме, да и дети мои вас беспокоят. Я лучше как-нибудь снова навещу вас один, — сказал Митиёри и, отклонив все просьбы, решил немедленно возвратиться со своей семьей в Сандзёдоно.

Тюнагон не знал, как выразить свою благодарность. Роняя слезы, он говорил:

— Слов нет, чтение сутр — дело святое! Но мне лестно

также, что столько знатных особ, начиная с государыни и Левого министра, пеклись о спасении моей души. Такая радость воистину способна продлить жизнь. Великая честь выпала мне, старику! Довольно было бы с меня, ничтожного, если бы и один раз прочли какую-нибудь сутру, а тут столько дней подряд молились ради моего будущего спасения...

Отикубо была на вершине счастья, и Митиёри тоже радовался успеху задуманного дела.

Тюнагон сказал еще:

— Есть у меня одна драгоценность, которую берег я в великой тайне от всех моих домашних. Как ни любил я зятя своего куродо в те годы, когда посещал он Саннокими, но и ему не отдал ее. Словно нарочно сберег для вас. Вот она, отдайте моему старшему внуку. — И с этими словами он достал из парчового мешочка великолепную флейту.

Старший внучок расцвел улыбкой и принял подарок с таким важным видом, словно был настоящим музыкантом. Видно было, что флейта очень ему понравилась.

Наконец, уже поздно вечером, Митиёри отбыл с семьей в Сандзёдоно. Он сказал своей жене:

— Тюнагон был безмерно счастлив. Подумай, чем бы нам еще порадовать старика?

* * *

Вскоре после этого торжества Левый министр сказал своему сыну:

— Уж очень я состарился годами. Тяжело мне помимо своей гражданской службы нести еще и службу в гвардии, она подходит только для человека в расцвете сил. — И передал Митиёри свою военную должность начальника Левой гвардии.

Кто посмел бы воспрепятствовать этому в правление государя, исполненного благосклонности к Митиёри и всем его родным?

Тюнагон всей душой радовался блистательным успехам своего зятя, но в то же время заметно было, что он угасает, и не от какого-нибудь тяжелого недуга, а от старости. Наконец тюнагон слег в постель. Отикубо глубоко опечалилась. Настало время, когда она могла порадовать старика отца, но увы! К чему все это теперь?

«О, если б отец пожил еще немного! — думала она. — Я мечтала окружить его заботами, как подобает любящей дочери».

Услышав, что тюнагону в этом году должно исполниться семьдесят лет, Митиёри сказал:

— Когда бы мы могли надеяться, что отец твой проживет на свете еще долгие годы и много раз встретит годовщину своего рождения, то было бы еще простительно отметить ее как обычно. Свет осудит нас за слишком частые торжества, но я все равно думаю пышно отпраздновать семидесятилетие твоего отца. Сколько раз я жестоко мучил его, а порадовал лишь один раз. Это камнем лежит на моей совести! А уж когда он умрет, то поздно будет сетовать на то, что не оказали ему должных почестей. Быть может, нам последний раз дано утешить старика, так сделаем же для этого все, что в наших силах. — И Митиёри стал поспешно готовиться к новому торжеству.

Правители разных областей старались выполнить любое его желание, чтобы войти к нему в милость. Он повелел каждому из них прислать одну из вещей, потребных для празднества, и, таким образом, не слишком их обременяя, без труда собрал все нужное.

Незадолго перед тем меченосец получил новое повышение по службе: он был назначен правителем области Микава. Акого отпросилась всего на семь дней, чтобы проводить своего мужа до места новой службы.

Отикубо со своей обычной добротой и заботливостью пожаловала им много прощальных подарков: дорожные принадлежности, набор серебряных чашек, одежду и прочее.

Сейчас наступила очередь меченосца услужить своему господину. Митиёри послал к нему гонца с просьбой:

«В силу такой-то причины мне требуется немного шелка».

Меченосец тотчас же отправил Митиёри сто свертков белого шелка, а жена его Акого от себя послала Отикубо двадцать свертков шелка, окрашенного соком багряника.

Повелено было созвать со всех сторон прекрасных отроков, чтобы они своими плясками веселили гостей на пиру. Золото лилось рекой, а о деньгах и говорить не приходится.

Отец Митиёри спросил в недоумении:

— Зачем устраивать один за другим такие великолепные праздники? — Но потом добавил: — Впрочем, как знать, долго ли старику еще жить на свете... Чтобы порадовать тюнагона, я в меру своих сил позабочусь о его детях, пока он жив.

И, посоветовавшись со своим сыном, взялся за хлопоты о них. Левый министр так сильно любил Митиёри, что готов был ради него сделать все на свете.

Торжество в честь семидесятилетия тюнагона было назначено на одиннадцатый день одиннадцатого месяца. На этот раз Митиёри

пригласил всех к себе во дворец Сандзёдоно. Опасаясь утомить моих читателей излишними подробностями, я опускаю их. Скажу только, что торжество это поразило всех своим великолепием.

Ширмы в пиршественном зале были украшены множеством чудесных картин. Для того чтобы читатель получил о них понятие, приведу здесь стихи, написанные на створках ширм:

Пробуждение весны.

*В тумане тонет рассвет.
Курятся белою дымкой
Вершины гор Ёсино.
Ах, верно, весна этой ночью
Пришла к нам по горной тропе.*

Второй месяц года. Облетают цветы вишни.

*О вишен летучий цвет!
Забудь свой старинный обычай —
Недолго радовать взор.
Отныне цветы века —
Живой пример долголетия.*

Третий месяц года. Человек срывает ветку с цветущего персикового дерева.

*Волшебный персик зацвел...
Плоды бессмертья он дарит
Лишь раз в три тысячи лет.
Сорву с него ветку, украшу себя —
Хочу в долголетье сравняться с тобой!*

Четвертый месяц года.

*Как долго в ночной темноте
Твой первый негромкий крик
Я ожидал, о кукушка!
Нет, я не забылся сном.
Но вздрогнул, словно очнулся...*

Пятый месяц года. Кукушка кричит перед домом, кровля которого украшена цветущим ирисом.

*Скажи мне, кукушка, зачем
Так звонко кричишь ты в ночной темноте?
Или заметила ты,
Что ирисом край этой кровли увит
И, значит, праздник настал?*

Шестой месяц года. Очищение от грехов.

*Как чиста стремнина реки
В день омовения от грехов,
Прозрачна до самого дна.
Словно в ясном зеркале, в лоне вод
Бессмертный образ твой отражен.*

Седьмой месяц года. Праздник звезд Волопаса и Ткачихи.

*О ты, Небесная река,
Сияющая в звездном небе,
Где нет и тени облаков!
Сейчас челнок свой Волопас
Через тебя, наверно, правит.*

Восьмой месяц года. Служащие императорской канцелярии выкапывают цветы на поле Сага, чтобы пересадить их в свои сады.

*Снешит толпа на поле Сага,
Чтоб с корнем выкопать цветы.
Не плачь, цветок оминаэси,
Родную землю покидая,
Напрасным страхом не томись.*

Девятый месяц года. Дом, возле которого во множестве цветут белые хризантемы.

*«Ах, раньше времени выпал
В этом году первый снег!» —
Так, верно, думают люди,
Приметив возле плетня
Белые хризантемы.*

Десятый месяц года. Путник, идущий по горной тропе, остановился и смотрит, как облетают алые листья клена.

*Поздней осенней порою
Облетают на горном пути
Алые листья клена...
Я готов об их красоте
Говорить до скончания века!*

Двенадцатый месяц года. Женщина печально смотрит из окна дома на дорогу, тонущую в глубоком снегу.

*Как густо сыплет снег,
Высокие сугробы наметая!
Заносит все пути.
Ах, верно, в горную деревню
Уж не придет никто!*

Дорожный посох

*Молился я, срезая этот посох,
Чтоб на «Холме восьми десятилетий»
Тебе опорой он служил.
Так пусть же он дойти тебе поможет
До высочайшей из вершин.*

Было устроено катание по зеркальной глади большого озера на лодках, носы которых были украшены резными изображениями дракона и сказочной водяной птицы. На лодках сидели музыканты, увеселяя слух своей музыкой. Высших сановников и придворных собралось столько, что не для всех нашлось место.

Сам Левый министр почтил праздник своим присутствием и пожаловал гостям бесчисленные подарки. От государыни, старшей сестры Митиёри, тоже были присланы дары: десять платьев, а от куродо, мужа второй сестры, роскошные одежды и еще много других ценных вещей. Все придворные дамы из свиты императрицы и другие дворцовые прислужницы явились в Сандзёдоно полюбоваться великолепным зрелищем.

Болезнь, казалось, оставила старика тюнагона, так он был счастлив.

Празднество длилось несколько дней. Когда же поздно вечером оно закончилось, все гости разошлись, и не было среди

них ни одного, кто не получил бы в подарок нарядную одежду. А особам высокого ранга преподнесли еще и другие дары.

Левый министр подарил старику двух отличных коней и две прославленные на весь свет старинные цитры. А людям из свиты тюнагона пожаловал, каждому соответственно его званию, либо одежду, либо сверток шелковой ткани.

Погостив несколько дней во дворце Сандзёдоно, тюнагон Минамото воротился к себе домой со всей своей семьей.

Отикубо была полна признательности к своему мужу за то, что он доставил столько радости ее старику отцу.

Митиёри тоже был очень доволен успехом своего замысла.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

День ото дня тюнагон слабел все больше.

Тревожась о нем, Митиёри повелел, чтобы повсюду в храмах молились о его выздоровлении.

— К чему это теперь? — сказал старик. — Я оставил мысли о мирском и приготовился к переходу в лучший мир. Зачем утруждать людей, заставляя их молиться о том, кому уже не помочь?

Вскоре он почувствовал приближение конца.

— Ах, дни мои уже сочтены. А хотелось бы еще немного пожить на свете... Безусые юнцы, мальчишки, только-только вступившие на служебное поприще, обогнали меня в чинах и званиях. Вот что меня гнетет! Зять мой, начальник Левой гвардии, в великой чести у нынешнего государя. Я надеялся, что он испросит для меня монаршую милость. Если я сейчас умру, то уж не быть мне дайнагоном. Только об этом одном я и жалею. А иначе о чем бы мне печалиться? Ведь, можно сказать, ни один старик не удостоился таких наград, какие выпали мне при жизни и, твердо верю, ждут меня после смерти.

Когда Митиёри передали эти слова, он проникся глубокой жалостью к старику.

Отикубо стала упрашивать мужа:

— Постарайся, чтобы отца моего возвели в звание дайнагона. Если он побудет дайнагоном хоть один день, то сбудется все, о чем он мечтал в жизни.

Митиёри и самому этого очень хотелось, но свободной дол-

жности дайнагона, как назло, не было. Нельзя же насильно отнять у кого-нибудь это звание!

«Ну, что же, — решил он, — уступлю старику свое собственное», — и тотчас же отправился к своему отцу.

— Вот что я намерен сделать, — сообщил он ему о своем решении. — У меня много маленьких детей, но старик, мой тесть, уже не доживет до того времени, когда внуки его вырастут и смогут позаботиться о нем. Ему хочется стать дайнагоном, и я решил уступить ему свое звание. Какова на это будет ваша отцовская воля?

— Почему ты думаешь, что я буду против? Я очень рад. Постарайся, чтобы государь как можно скорее отдал указ о возведении твоего тестя в этот чин. А для тебя самого безразлично, дайнагон ты или нет.

Левый министр говорил так, зная милость государя к своему сыну. Митиёри был очень обрадован словами отца и скоро испросил у императора желанный указ.

Когда весть об этом дошла до ушей старика, то он заплакал счастливыми слезами. Да, можно сказать, что, доставив такую радость своему отцу, Отикубо совершила один из тех похвальных поступков, которые не остаются без награды ни в этой, ни в будущей жизни!

В приливе счастья вновь назначенный дайнагон нашел в себе силы подняться с постели.

Срок каждой жизни предопределен свыше. Но, зная это, дайнагон Минамото все же повелел возносить моления о своем здравии и сам горячо молился богам и буддам, чтобы они продлили его жизнь. Старик немного оправился, снова воспрянул духом и даже решил отправиться в императорский дворец, чтобы поблагодарить государя за его милость. Был избран счастливый день для этого посещения. Но на всякий случай в предвидении близкой смерти старик позаботился сделать последние распоряжения:

— Семеро детей прижито у меня от моей жены, но кто из них так порадовал меня в этой жизни, кто из них так заботился о спасении моей души, как дочь моя Отикубо? Все мои несчастья посетили меня за то, что я когда-то обидел ее, мою драгоценную дочь, божество в человеческом образе. В доме у меня несколько зятьев, но все они только приносят мне лишние заботы. Мало этого, младший мой зять такой жалкий урод, что людей стыдно. Как можно сравнить с ним супруга Отикубо? Ни самой малой крупинцы своего добра не истратил я на него, а он согрел мою старость. При этой мысли мне так совестно делается, что и сказать не могу. Когда не станет

меня, сыновья мои и дочери, не забывайте его благодеяний, будьте всегда ему верны. Вот вам мой последний завет.

Было видно, что слова эти идут от самого сердца. Китанока-та почувствовала черную ненависть к мужу. «Хоть бы отправил-ся скорее на тот свет», — думала она в душе.

Настал день, назначенный для посещения императорского дворца. Дайнагон Минамото первым делом наведлся в полном парадном одеянии во дворец зятя своего Митиёри и как раз застал его дома. Когда старик собирался сделать церемониаль-ный поклон, зять остановил его:

— Что вы, зачем эти знаки почтения?

— А я даже к самому императору не питаю такого почтения, как к вам, — ответил старик. — В моих глазах вы самый лучший, самый благородный человек на свете. Я уже не смогу при моей жизни отблагодарить вас за вашу доброту, но после моей смерти дух мой станет хранить вас.

Выйдя от своего зятя, новый дайнагон отправился благода-рить императора и в честь этого счастливого случая роздал служилым людям подарки, сколько следует по обычаю.

И старик, словно покончив на этом все свои земные дела, возвратился домой, снова лег в постель и стал быстро угасать.

— Все мои желания исполнились, — повторял он. — Отныне ничто больше не привязывает меня к этому миру. Теперь и умирать можно...

При этом печальном известии Отикубо поспешила к своему отцу. Старик был очень тронут и обрадован ее приходом.

Все пять дочерей дайнагона собрались вокруг его ложа, чтобы ухаживать за больным отцом, но он соглашался прини-мать питье и пищу только из рук одной Отикубо. Только ее одну он был рад видеть возле своего изголовья, а на прочих дочерей и глядеть не хотел.

Чувствуя, что близится его смертный час, дайнагон Минамо-то подумал: «Между сыновьями моими нет настоящей братской дружбы, да и дочери мои живут не в ладу. Если я сам не назначу каждому из них определенную долю наследства, то после моей смерти пойдут в семье ссоры и раздоры».

Он призвал к себе старшего своего сына Кагэдзуми и велел ему принести дарственные бумаги на владение поместьями, а также пояса, украшенные драгоценными камнями, и разделить их между братьями и сестрами, но при этом все самое ценное старик откладывал в сторону для Отикубо.

— Пусть прочие мои дети не завидуют. Все они честно выполнили свой долг сыновнего служения отцу, но лучшую долю наследства всегда полагается оставлять тому из детей, кто занял в свете самое высокое положение. Многие годы вы пользовались моими заботами... Разве это одно не стоит благодарности?

Старик говорил так убедительно, что дети согласились с ним.

— Дом наш уже очень обветшал, но земли при нем много, да и место хорошее... — сказал он и решил оставить дом Отикубо.

Этого уже мачеха не могла вынести и заплакала навзрыд.

— Быть может, ты и прав, но как же мне не обижаться на тебя? С самых моих юных дней я была тебе любящей женой. Я служила тебе верной опорой в старости. Семерых детей мы вместе прижили. Почему же ты не хочешь оставить этот дом мне в наследство? Это несправедливо. Уж не собираешься ли ты отвергнуть собственных детей, обвинив их в сыновней непочтительности? Любящие отцы так не поступают, а больше всего тревожатся о судьбе тех детей, которым в жизни не повезло. Господину начальнику Левой гвардии наш дом не нужен, он и без него прескрасно обойдется. Твой сановный зять, если захочет, может возвести себе великолепные хоромы. Хватит с него, что мы за свой счет выстроили для него прекрасный, как яшма, дворец Сандзёдоно. О сыновьях я не беспокоюсь, они и без собственного дома не пропадут. Ни у одной из наших двух старших замужних дочерей нет собственного дома. Хорошо, пускай обойдутся как-нибудь. Но куда мне идти на старости лет с моими двумя младшими дочерьми, когда нас отсюда выгонят? Не прикажешь ли нам с протянутой рукой просить подаяние на большой дороге?

— Я не бросаю своих детей на произвол судьбы, — ответил старик на ее жалобы. — Если дети мои не получают в наследство роскошный дом, это еще не значит, что им придется просить милостыню на большой дороге. Сын мой Кагэдзуми! На тебя возлагаю заботы о твоей матери. Замени ей меня. А дворец Сандзёдоно, бесспорно, собственность Отикубо. Господин ее супруг сочтет меня слабовольным человеком, если после всей его доброты ко мне я не оставлю ему в наследство ничего хоть мало-мальски ценного. Что бы ты ни говорила, а этого дома я тебе не оставлю. Не терзай же напрасными жалобами больного, который вот-вот переселится в лучший мир. Больше ни слова, прошу тебя! Ах, как мне тяжело!

Китаноката хотела было снова заспорить с мужем, но дети

окружили ее, стали унимать, успокаивать, и она нехотя умолкла.

Отикубо от души пожалела ее и стала уговаривать отца:

— Матушка права! Не оставляйте мне ничего, а разделите все, чем владеете, между моими братьями и сестрами. В этом доме они жили долгие годы, нехорошо отдавать его в чужие руки. Прошу вас, завещайте этот дом матушке.

Но упрямый старик не стал и слушать.

— Нет, ни за что! Я так решил. Когда я умру, исполните в точности мою последнюю волю.

Свои великолепные пояса с драгоценными камнями, все, сколько их было, он оставил в наследство одному Митиёри.

Кагэдзуми в душе был этим несколько недоволен, но не решился оспаривать права дочери, которая лучше всех умела утешить родительское сердце, и предоставил отцу разделить свое имущество так, как тому хотелось. Все свои надежды старик возлагал на одну Отикубо. Она наполняла светом его последние дни.

— Благодаря тебе я восстановил свою утраченную честь, — повторял он без конца. — Когда я умру, то оставлю после себя несколько беспомощных женщин. Прошу тебя, не покидай их на произвол судьбы, будь им опорой в жизни.

— Воля ваша для меня священна, — ответила Отикубо. — Сделаю для них все, что в моих силах.

— Спасибо, утешила ты меня.

И старик дайнагон обратился к другим своим дочерям с наставлением:

— Дочери мои! Слушайтесь во всем госпожу вашу сестру и почитайте ее старшей в семье.

Высказав свою последнюю волю, старик стал отходить в мир иной.

Все его родные и близкие предались глубокой печали.

На седьмой день одиннадцатого месяца дайнагон скончался. Он был уже в таком преклонном возрасте, когда смерть является естественным уделом человека, но, сознавая это, сыновья и дочери все же так оплакивали его, что со стороны глядеть было жалко.

Митиёри вместе со своими детьми продолжал жить в Сандзё-доно, но каждый месяц появлялся возле дома покойного тестя. Чтобы не осквернить себя близостью смерти, он не входил в дом, а проливал слезы скорби, стоя у дверей. Митиёри хотел было взять на себя все хлопоты по устройству похорон, но отец его, Левый министр, решительно воспротивился этому:

— Новый император лишь недавно взшел на престол. Не годится тебе надолго отлучаться из дворца.

Отикубо, со своей стороны, тоже была против этого.

— Я не хочу брать сюда наших детей, — сказала она. — Им пришлось бы тоже поститься вместе с нами. А оставлять таких маленьких детей одних, без присмотра отца и матери, — значит не знать ни минуты покоя. Прошу тебя, побудь с ними в Сандзёдоно, чтобы я могла быть спокойна.

Пришлось Митиёри остаться у себя дома. Он очень тосковал в разлуке с Отикубо и лишь иногда, играя с детьми, на время забывал о своем одиночестве.

«Как быстро угас старик, — думал Митиёри. — Хорошо, что я успел исполнить его заветное желание».

Был избран благоприятный день для погребального обряда, через два дня после смерти дайнагона. Похороны состоялись при великом стечении народа. Среди присутствующих было много знатнейших сановников государства. Как и надеялся покойный дайнагон, ему воздали после смерти небывалые почести.

Вся семья переселилась на время траура в тесный низенький домик, а в опустевших покоях дворца многочисленный клир возглашал день и ночь зауспокойные молитвы.

Митиёри приходил каждый день. Не переступая порога дома, он давал нужные указания разным людям. Отикубо была одета в темно-серую траурную одежду, сотканную из коры глицинии. С лица ее сбежали краски от многодневного поста.

Митиёри сказал ей голосом, полным сердечного сочувствия:

*О слез поток — река печали!
Но если и моя печаль
С потоком слез твоих сольется,
Вместят ли рукава твои
Озера наших слез и скорби?*

Отикубо молвила в ответ:

*От горячих потоков слез
Рукава истлели мои.
Шлю судьбе жестокой укоры...
Оттого из жесткой коры
Соткан траурный мой наряд.*

Они продолжали видаться издали только, пока не окончились тридцать дней траура.

— Вернись к нам скорее, — стал просить Митиёри. — Дети заждались тебя.

— О нет, потерпите еще немного. Я вернусь только после того, как истекут все сорок девять поминальных дней.

Митиёри поневоле стал проводить все ночи в доме покойного тестя, так сильно он стосковался в разлуке с Отикубо.

Быстро летело время. Скоро наступил последний, сорок девятый день. Митиёри пожелал, чтобы усопшего помянули в этот день особенно торжественно. Все родные и близкие дайнагона приняли участие в этом печальном торжестве, каждый соответственно своему рангу. Великолепная была церемония!

Когда заупокойные службы пришли к концу, Митиёри сказал своей жене:

— Ну, теперь едем домой. Смотри, заживешься здесь, опять тебя запрут в кладовой.

— Ах, как ты можешь так шутить! Никогда, никогда не говори таких слов. Если матушка тебя услышит, она подумает, что мы не забыли прошлого, и начнет, пожалуй, сторониться нас. А я хочу теснее сдружиться с ней, ведь она теперь заняла в семье место покойного отца.

— Ну, это само собой. К сестрицам своим ты тоже должна относиться с особенной теплотой, по-родственному.

Услышав, что Митиёри с женой возвращаются к себе домой, Кагэдзуми, во исполнение воли умершего, принес дарственные бумаги на разные поместья и отдал их Митиёри, а в придачу к ним несколько поясов, усыпанных драгоценными камнями.

— Право, сушая безделица, но не судите строго — это последний дар покойного отца.

Митиёри стал рассматривать подарки. Три драгоценных пояса, один из них, самый лучший, он сам когда-то преподнес своему тестю. Бумаги на землю, план дома...

Видно, это была самая лучшая часть наследства.

— Хорошие поместья были у твоего отца, — сказал он Отикубо. — Но почему же он не оставил свой дворец в наследство жене или дочерям? Разве был у него другой?

— О нет, другого не было. Вся семья жила здесь долгие годы. Откажись от этого дома, прошу тебя, отдай его матушке.

— Хорошо, согласен. Тебе он не нужен, ведь ты живешь у

меня. А если ты примешь этот дар, все твои родные еще, пожалуй, возненавидят тебя смертельной ненавистью.

Посоветовавшись с женой, Митиёри позвал Кагэдзуми и сказал ему, смеясь:

— Вы, наверно, посвящены во все подробности дела. С какой стати ваш покойный отец завещал нам так много? Может быть, вы уступаете нам большую часть наследства просто из желания угодить влиятельной семье?

— Нет, что вы! Мой отец в предчувствии близкой смерти сам распорядился своим наследством. Я только выполняю его волю.

— Право, он утруждал себя понапрасну. Как я могу отнять у вас ваш родной дом? Я отказываюсь от него. Пусть им владеет ваша матушка. Эти два пояса оставьте для себя и Сабуро. Я возьму только бумагу на землю в провинции Мино и вот этот пояс. Отказаться от всего — значило бы неуважительно отнестись к добрым чувствам покойного отца.

— Как-то неловко выходит... Ведь если бы даже батюшка сам не назначил вам этой доли, она все равно полагалась бы вам по праву при разделе наследства. А тем более, если такова воля покойного... Не следует ей противиться. Ведь все прочие дети тоже получают свое, каждый понемногу, — отнекивался Кагэдзуми.

— Не говорите пустого. Если бы я потребовал с вас лишнего, вот тогда стоило бы спорить со мной. Жена моя, можно считать, получила завещанный ей дар, ведь отец выразил свою любовь к ней, а это самое драгоценное. Пока я жив, у моей жены ни в чем не будет недостатка. А умру я, будет кому о ней заботиться, у нас ведь трое детей. Но, как я слышал, сестры ваши Саннокими и Синокими остались одни на свете. Я готов взять заботы о них на себя. Отдайте им нашу долю наследства. А что до старших сестер, я позабочусь о хороших местах для их мужей.

Кагэдзуми почтительно выразил свою радость.

— Пойду сообщу ваше решение моим родным, — поднялся он с места.

— Если они захотят возвратить мне эти вещи, то, пожалуйста, не приносите их обратно. Повторять одно и то же — какая скука... — сказал Митиёри.

— Но, может быть, этот пояс мог бы носить кто-нибудь в вашей семье. У вас есть братья. Пожалуйста, отдайте его кому-нибудь из них.

— Если мне самому понадобится в будущем этот пояс, я попрошу его у вас. А при чем тут посторонние люди... — И он заставил Кагэдзуми взять пояс обратно.

Тот поспешил сообщить волю Митиёри своей матушке и сестрам.

Китаноката сделала вид, что очень довольна.

— Вот хорошо! Мне было бы жалко терять этот дом. — Но на самом деле ей была невыносима мысль, что Отикубо дарит ей из милости ее же собственный дом. — Это Отикубо нарочно все подстроила, проклятая! — вдруг сорвалось у нее с языка.

Кагэдзуми вышел из себя:

— Вы в своем уме, матушка? Вспомните, сколько зла вы причинили ей в прошлом! Как вы можете говорить такие слова? Или вы задумали всех нас погубить? Сколько горечи должно было накопиться в сердце у бедняжки, когда вы так жестоко ее преследовали! И чем же она отплатила вам? Только добром. А вы не чувствуете к ней ни малейшей благодарности, мало того, еще клянете ее во всеуслышание. Можно ли вести себя так безумно? Только и слышно: Отикубо, Отикубо... Эта мерзкая кличка просто с языка у вас не сходит... Что, если сестрица узнает об этом?

— А чем я ей обязана? Что она подарила мне мой собственный дом? Да и то она сделала это не ради меня, а из любви к покойному отцу. А ты тоже хорош! Если я нечаянно оговорила, сказала по старой памяти «Отикубо», так ты уже считаешь меня безумной.

— Сердца у вас нет, вот что! — воскликнул с досадой Кагэдзуми. — Вы думаете, что она не оказала вам никакой милости. Ваше дело. Но скажите, разве не ее супругу младший мой брат обязан своим возвышением на службе? Сам я стал управителем в таком знатном семействе, а по чьей милости выпала мне эта честь? Вот каких благодеяний удостоились мы за короткое время. Все ваши сыновья получили хорошие должности только благодаря покровительству ее супруга. А если бы он принял в наследство этот дом, не посчитавшись с вами, куда бы вы отсюда пошли? Вот о чем подумайте хорошенько. Когда опомнитесь немного, так сами увидите, что радоваться должны своему счастью. Я, сын ваш Кагэдзуми, получаю, конечно, небольшой доход как правитель области, но ведь я должен в первую очередь позаботиться о своей жене. Матери я помогать не в состоянии. Выходит, особо заботливым сыном меня не назовешь. Вот видите, в наше время даже родные дети не слишком-то пекутся о своих родителях. А зять ваш только и думает, как вам помочь. Вы бы должны быть счастливы.

Долго старался он убедить свою мать всякими доводами, и та наконец как будто согласилась с ним.

— Какой же ответ мне передать нашему зятю? — спросил у нее Кагэдзуми.

— Уж и сама не знаю. Только успею слово сказать, как его сейчас же перетолкуют. Такой крик поднимут, что оглушат. Ты у меня человек умный, понимаешь, что к чему, сам и решай, что ответить.

— Ведь я не с чужим человеком говорю, — с досадой сказал Кагэдзуми. — Вам же добра желаю. Если господин начальник Левой гвардии берет на себя заботы о вашей судьбе и судьбе Саннокими и Синокими, так единственно потому, что его супруга этого хочет. Пусть мы с ней дети одного отца, но согласитесь, что такой пример родственной любви — редкость в наши дни.

— Может быть, господин зять и наобещал мне золотые горы... Но сбудется ли это? А что я получила на деле? Жалкие крохи от наследства, сущую безделицу. Земельный надел в провинции Тамба, который не приносит и одного то рису в год. Да еще поместье в Эттю, далеко от столицы, попробуй оттуда что-нибудь привезти. А муж Наканокими получил поместье в триста с лишним коку дохода. Это ты, Кагэдзуми, так распорядился — выбрал для меня самые далекие, плохие земли, — стала упрекать своего старшего сына Китаноката, хотя в разделе наследства принимали участие и все другие дети тюнагона.

— Что вы говорите, матушка! Разве мы позволили бы обидеть вас, будь это правдой? — заговорили наперебой ее сыновья и дочери. — Члены одной семьи должны помогать друг другу. Как может родная мать так жадничать? Все мы очень благодарны нашей сестрице...

— Ах, да замолчите вы! — вскинулась на них Китаноката. — Вас не перекричишь. Ополчились все на одну. Вы бедняки, вот и пресмыкаетесь перед богачом.

В эту минуту вошел Сабуро. Слова матери его возмутили.

— Неправда! Благородный человек и в бедности сохраняет красоту своей души, — сказал он. — Когда госпожа сестрица жила в нашем доме, слышал ли кто-нибудь от нее хоть одно-единое слово жалобы? Вы, матушка, столько раз несправедливо бранили сестрицу, а она всегда вас слушалась. Все говорили про нее: «Какая кроткая!» Разве сами вы, матушка, не говорили того же?

— Ах, так! — заплакала Китаноката. — И ты на меня! Лучше мне умереть. Все мои дети ненавидят меня, попрекают, возводят на меня напраслину... Умру, грех вам будет.

— Какие страшные слова! Лучше прекратить этот разговор. Оба сына встали и направились к выходу.

Старуха вдруг опомнилась:

— Стойте, стойте, куда вы? А ответ насчет дома? Надо же передать зятю ответ от меня.

Но они ушли, сделав вид, будто не слышат.

Сабуро сказал брату:

— Вздорная у нас мать и недобрая... Как это печально. Надо молить богов и будд, чтобы они смягчили ее сердце! А нам эти молитвы зачтутся на небесах.

Посоветовавшись между собой, братья решили вернуть Митиёри бумагу на право владения отцовским дворцом. Увидев, что Кагэдзуми уносит с собой эту бумагу, Китаноката испугалась, как бы он в самом деле ее не отдал.

— Куда ты? Вернись, отдай мне бумагу, — позвала она сына назад. — Бумагу отдай.

— Ах, глупости! — отмахнулся тот. — Такой важный документ, а вы — то отдайте его назад, то подайте мне сюда! Сами не знаете, чего хотите.

Возвращая бумаги Митиёри, Кагэдзуми сказал ему:

— Мы очень благодарны вам за вашу доброту. Наша семья теперь возлагает свои надежды только на вас одного. Вы вернули нам дарственные бумаги на поместья. Мы хотели бы отказаться от них, чтобы исполнить волю покойного отца, однако не решились противиться вашему желанию и принимаем ваш щедрый дар! Но покойный отец особенно заботился о том, чтобы дворец его достался именно вам... Просим вас непременно принять эту бумагу в память нашего отца.

Митиёри ответил на эти слова:

— О нет, напротив, дух покойного дайнагона не найдет себе покоя, если этот дом попадет в чужие руки. Пусть Китаноката доживает в нем остаток своей жизни, а после нее он перейдет к ее дочерям Саннокими и Синокими. Возьмите эту бумагу обратно.

И отказавшись от нее, возвратился вместе со своей семьей в Сандзёдоно.

Прощаясь перед отъездом с мачехой и сестрами, Отикубо сказала:

— Скоро я опять побываю здесь, и вы навещайте меня. Я буду заботиться о вас вместо покойного отца. Просите у меня без стеснения все, что нужно, ведь я не чужая вам.

После этого она почти каждый день стала присылать своим

сестрам модные красивые вещи, а мачехе полезные предметы обихода. Даже во времена покойного дайнагона они не видели таких богатых подарков.

Понемногу мачеха начала ценить доброту Отикубо. «Детей у меня много, — думала она, — но сыновья мои не очень-то радеют о матери, и только одна падчерица по-настоящему заботится обо мне и моих дочерях».

Тем временем старый год пришел к концу.

* * *

Во время новогоднего производства в чины и звания отец Митиёри удостоился высшей милости, он был назначен Главным министром, а Митиёри стал вместо него Левым министром.

Муж Наканокими был очень беден, он обратился за покровительством к Отикубо и получил доходную должность правителя области Мино.

Срок службы Кагэдзуми в провинции уже истек, но благодаря заступничеству сестры он без труда получил новый пост правителя области Харима под тем предлогом, что очень хорошо исполнял свою прежнюю должность. Сабуро тоже не был забыт: ему дали звание начальника гвардии.

Братья собрались у своей матери и с радостью стали говорить о том, какими милостями осыпала их Отикубо и как с ее помощью они возвысились в свете.

— Ну как, матушка, вы опять будете повторять, что ничем не обязаны своей падчерице? Хоть теперь-то вы перестанете болтать про нее все, что в голову взбредет? — говорили, посмеиваясь, братья.

Чувствуя правоту их слов, Китаноката наконец «обломала рога своего сердца». В самом деле, вся семья ее вдруг оказалась в большом фаворе.

Многие даже стали роптать:

— В этом году счастье улыбнулось только одной семье. Лишь сыновья и зятья покойного дайнагона Минамото удостоились наград... Другие ничего не получили.

Митиёри не обращал внимания на подобные пересуды. Вся полнота власти в стране была сосредоточена, по существу, в его руках. Даже Главный министр не предпринимал ни одного государственного дела, не посоветовавшись сперва со своим сыном. Если сын говорил ему: «Такая-то и такая мера никуда не годится», — то Главный министр немедленно отказывался от нее, не считаясь с собственным мнением. И наоборот, если ему что-нибудь было не по душе, но Митиёри упорно советовал

это, то главный министр всегда уступал ему. Поэтому производство в чины, от самых высших вплоть до самых низших, зависело только от доброй воли одного Митиёри.

Как родной дядя императора, он пользовался его особой милостью, блистал талантами и, несмотря на свои юные годы, уже носил высокий чин Левого министра. Кто в стране посмел бы противиться его воле? Главный министр до такой степени попал во власть своей безграничной любви к сыну, что даже испытывал перед ним робость. Отец и сын словно поменялись местами. В свете быстро это заметили.

— Лучше идти с просьбой к Левому министру, чем к его отцу. От сына скорее добьешься толку, — говорили люди.

Все, кто только хотел испросить какой-нибудь милости, обращались именно к Митиёри, и в доме его всегда толклось много посетителей.

Когда муж Наканокими собрался ехать к месту своей новой службы, Отикубо послала ему много прощальных подарков. Сам Митиёри тоже особенно благоволил к этому родственнику своей жены, потому что в бытность свою управителем в Сандзёдоно он лучше всех других исправлял свою должность. Пожаловав ему на прощание коня с седлом, Митиёри напутствовал его такими словами:

— Я оказал вам покровительство, потому что жена моя замолвила за вас словечко. Постарайтесь же на новом месте оправдать мое доверие к вам. Если до меня дойдут слухи, что вы нерадиво относитесь к своим обязанностям, то больше ничего от меня не ждите.

Муж Наканокими почтительно выслушал это напутствие, радуясь тому, что судьба послала ему такого влиятельного покровителя. Вернувшись домой, он сказал жене:

— На прощание господин Левый министр наказал мне ревностно исполнять мою службу. Вся наша судьба зависит только от его милостей...

Наканокими разделяла радость мужа.

Митиёри не забыл и о прочих сестрах.

— Как бы мне хотелось найти хороших мужей для Саннокими и Синокими! — все время повторял он. — Но, сколько я ни ищу, подходящих не находится...

Китаноката с дочерьми получили от него столько летних и зимних платьев, сколько и при жизни дайнагона у них никогда не было. Даже вечно всем недовольной мачехе не на что было жаловаться.

Отикубо родила мужу несколько сыновей. Не буду описывать, как радовались родители, когда наступало время надеть на одного из них в первый раз хакама.

Старший сын Таро был не по летам рослым и умным мальчиком. Как только ему исполнилось десять лет, Митиёри подумал, что, пожалуй, он и в императорском дворце не посрамит себя, и включил его в число отроков, приучавшихся к дворцовой службе в свите наследника престола.

Мальчик уже умел читать трудные китайские книги и был очень даровит от природы. Юный император заметил его и сделал товарищем своих забав. Он так полюбил мальчика, что когда играл на многоствольной флейте, то и его учил этому искусству.

По всем этим причинам Митиёри любил старшего сына больше всех остальных своих детей.

Второму его сыну Дзиро, который рос в доме своего деда — Главного министра, исполнилось к этому времени девять лет. Он по-детски позавидовал успехам своего брата.

— Я тоже хочу идти служить во дворец.

Дед души не чаял в мальчике.

— Что же ты до сих пор молчал? — воскликнул он и тотчас же определил внука во дворец.

— Не рано ли? Дзиро еще так мал, — с сомнением сказал Митиёри.

— Ничего подобного. Он куда смышленей старшего, — упорствовал дед. Митиёри посмеялся над его горячностью и не стал спорить.

Деду этого показалось мало. Он отправился к самому императору.

— Прошу для моего второго внука вашей особой благосклонности. Этот мальчик для меня дороже зеницы ока. Он будет служить вам лучше своего брата, — стал просить Главный министр императора.

И дома тоже старик повторял:

— Считайте Дзиро старшим из моих внуков.

Поэтому мальчику дали в семье шутивную кличку: Младший Таро.

Старшей девочке исполнилось восемь лет. Она отличалась такой восхитительной красотой, что родители берегли ее, как величайшую драгоценность.

Были в семье и еще двое детей: девочка шести лет и мальчик четырех лет. Вскоре ожидалось и еще одно счастливое событие.

Не удивительно, что Митиёри так любил свою жену, подарившую ему столько прелестных детей.

В том же году старику — Главному министру — исполнилось шестьдесят лет. Митиёри устроил по этому случаю великолепный пир в самом новом вкусе. Предоставляю это воображению читателей.

Оба старших внука приняли участие в плясках. Ни один из них не уступал другому в искусстве танца, и дед любовался на них, проливая слезы радости.

Все хвалили Митиёри за то, что он не пропустил случая почтить, как должно, своего отца. Добрая слава о нем еще более возросла.

* * *

Наступила первая годовщина со дня смерти дайнагона Ми-намото. Только тогда Отикубо сняла с себя траурную одежду.

Сыновья его, столь преуспевшие в жизни за это короткое время, тоже сполна отдали последний долг памяти своего отца.

Митиёри хотел как можно скорее выдать замуж Саннокими и Синокими. Он уже начал отчаиваться найти им женихов, как вдруг до него дошло известие, что наместник Дадзайфу перед самым отъездом из столицы потерял свою жену. По слухам, это был человек высоких достоинств.

«Вот кто мне нужен!» — подумал Митиёри и, повстречавшись с наместником, даже в императорском дворце не постеснялся завести разговор о новой женитьбе.

— Что ж, я не прочь! — охотно согласился наместник.

— Наконец-то я сыскал достойного жениха, — сказал, вернувшись домой, Митиёри. — Он хороший человек и в большом чине. Которую же из сестер сосватать ему: Саннокими или Синокими?

— На это воля твоя, — ответила Отикубо. — Но я бы хотела, чтоб он достался в мужья Синокими. Вспомни, как ее, несчастную, обидели. Ах, если б ей наконец улыбнулось счастье!

— Наместник в конце этого месяца уезжает в Дадзайфу, надо торопиться. Спроси матушку, согласна ли она. Если она даст свое согласие, то, не теряя времени, отпразднуем свадьбу в моем дворце.

— В письме всего не напишешь, но если я сама поеду к матушке поговорить с нею, то это вызовет шумные толки. Лучше пригласить в наш дом одного из моих братьев.

На следующий день Отикубо вызвала к себе Сабуро и сообщила ему:

— Я сама хотела приехать к вам, чтобы переговорить об одном

важном деле, но побоялась преждевременной огласки... Выслушай меня и посоветуй, как быть. Мой муж сказал мне: «Жизнь одинокой женщины не лишена известной приятности, но кто знает, что может случиться в будущем? Для Синокими сыскался прекрасный жених. Если твои родные не будут против, я приглашу Синокими к нам в дом и позабочусь о ее судьбе».

— Я могу только выразить свою благодарность, — ответил Сабуро. — Мы в любом случае не решились бы отказать такому свату. А тем более, если представилась блестящая партия... Поспешу обрадовать матушку.

Сабуро отправился к Госпоже из северных покоев и сообщил ей:

— Вот что сказала госпожа сестрица. Это большое счастье для Синокими. Если такой могущественный человек, как Левый министр, выдает замуж Синокими из своего дома, словно родную дочь, то ни один жених, хотя бы самый знатный, не посмеет пренебречь ею. В свете издеваются над Синокими из-за Беломордого конька... Верно, зять наш задумал смыть с нее этот позор. Жениху сорок лет с лишним. Он занимает высокое положение. Сам отец, будь он жив, не нашел бы никого лучшего. Уж и не знаю, как благодарить Левого министра! Пусть Синокими сейчас же едет в Сандзёдоно. Нечего мешкать.

— У меня была душа не на месте, как подумаю, что станется с Синокими после моей смерти, — ответила Китаноката. — Уж я, кажется, обрадовалась бы, если б ее взял в жены самый простой провинциальный чинуша. А ты говоришь, что жених — знатный сановник? Вот это удача! Спасибо зятю за его заботу. Я благодарна ему гораздо больше, чем своей падчерице.

— Но ведь он осыпает нас милостями только из любви к своей жене. Она часто просит его: «Если любишь меня, то помоги выйти в люди моим братьям. Не забудь и моих сестер!» Поэтому-то нам и улыбнулось счастье. Мы, ничтожные, мои братья и я, только и думаем, как бы завести роман с какой-нибудь красоткой, а зять наш на вершине могущества и власти ведет себя так, будто в целом мире нет другой женщины, кроме его супруги. Во дворце счету нет красивым дамам, а он никогда не пошутит с ними, не бросит на них ни одного взгляда. Все ночи он проводит дома... Чуть освободится от дел, тотчас же торопится к своей жене. Вот образец верной супружеской любви! Но довольно об этом! Узнайте у сестры, согласна ли она.

— Позовите сюда мою младшую дочь, — приказала Китаноката служанкам. — Господин Левый министр сосватал тебе хорошего жениха, — сообщила она дочери. — Для тебя, осмеянной всеми, опозоренной, это большое счастье. Так считаем мы, твои родные, но скажи, что ты сама об этом думаешь?

Синокими залилась румянцем.

— Я бы рада, но, верно, он не знает правды обо мне... Если б он только слышал про мой позор... Как я могу выйти за него замуж? Мне будет стыдно перед ним, да и мужа сестрицы я в отплату за его доброту осрамлю перед целым светом. Нет уж, мне, несчастной, одна дорога — в монахини. Еще пока матушка жива, я останусь в миру, чтобы отплатить дочерними заботами за ее доброту к моему бедному ребенку, а уж потом... — И Синокими залилась слезами. У Сабуро из сочувствия тоже брызнули слезы из глаз.

— Ах, не говори таких зловещих слов! — закричала Китаноката. — С чего ты собралась в монахини? Как поживешь хоть немного в богатстве и чести, так в свете не то заговорят. Все будут завидовать твоему счастью. Послушайся меня, прими это предложение, о чем тут долго думать!

— Так что же мне сказать в ответ? — спросил Сабуро.

— Ты видишь, она ломается, но я, со своей стороны, считаю, что ничего лучшего для нее и придумать нельзя. Ты уж сам решай, как лучше ответить.

— Хорошо, — сказал Сабуро и отправился в Сандзёдоно.

Когда Отикубо узнала о сомнениях Синокими, она от души ее пожалела.

— Не мудрено, что у нее такие опасения, но вы, братец, развеите их, научите ее смотреть на вещи более здраво, ведь в жизни еще и не то бывает... Нет числа печальным примерам!

Митиёри, со своей стороны, сказал Сабуро:

— Главное, чтобы ваша матушка согласна была. Сыграем свадьбу, не слушая отговорок невесты. Наместник уезжает в конце этого месяца и просит нас поторопиться со свадьбой. Скорей привезите Синокими сюда.

Посмотрели в календарь и нашли, что счастливый день в этом месяце приходится на седьмое число.

«Какие еще могут быть препятствия? — подумал Митиёри. — Парадные платья для прислужниц давно уже готовы. Свадьбу можно сыграть в западном павильоне». И сейчас же приказал отделать его заново.

— Доставьте скорее Синокими ко мне во дворец, — послал он приказ ее родным. Все в доме, начиная с Госпожи из северных покоев, принялись собирать Синокими в дорогу, но она все медлила, все тянула с отъездом, опечаленная тем, что ее приневоливают к новому замужеству.

— Как это можно не поехать, если господин министр приказал, — ужасались окружающие. — Своевольная упрямица!

Наконец Синокими усадили в экипаж. Ее сопровождала небольшая свита: две взрослые прислужницы и одна малолетняя.

Дочери Синокими уже исполнилось к этому времени десять лет. Она была очень мила собой и совсем не походила на своего уродливого отца. Девочка непременно хотела поехать вместе с матерью, пришлось ее удерживать силой, и Синокими пролила много слез, расставаясь со своей любимой дочуркой.

Митиёри, нетерпеливо ожидавший приезда Синокими, тотчас же принял ее и начал беседовать с ней, но она смущалась даже больше, чем тогда, когда первый раз выходила замуж, и почти не находила слов для ответа.

Синокими была еще молода. Четырнадцать лет она вышла замуж, а в пятнадцать стала матерью. Ей только-только исполнилось двадцать пять лет.

Отикубо, которая была старше ее на три года и находилась в самом цветущем возрасте, по-матерински заботилась о ней.

Наступил день свадьбы. Синокими вместе со своей свитой перешла в роскошно убранный западный павильон. Отикубо заметила, что прислужницы невесты не слишком хорошо одеты для такого случая, и подарила каждой из них полный парадный наряд. Она позаботилась и о том, чтобы у сестры была многочисленная свита, как полагается иметь знатной даме. Покои невесты поражали своим великолепием. Все родные Синокими собрались в западном павильоне.

Перед самым вечером в павильон пожаловал хозяин дома и начал распоряжаться приготовлениями к свадьбе. Брат невесты, Сабуро, был очень этим польщен. Когда на землю спустились сумерки, появился и сам жених. Сабуро почтительно встретил его у входа.

Синокими поняла, что не может дольше отказываться. Против жениха сказать ей было нечего, и к тому же сосватал его сам Митиёри. Она смирилась со своей судьбой и вышла навстречу своему нареченному.

*«С чем я могу сравнить
Думы мои о тебе
После любовной встречи?
Нет им числа, как песчинкам
На берегу морском.*

Ах, верно говорится в старой песне:

*Когда же я успел
Так сильно полюбить тебя?»*

— Напиши ему скорее ответ, — стала упрашивать сестру Отикубо, но Синокими отмалчивалась.

Стоя перед задернутым пологом, Митиёри громко требовал, чтоб ему тотчас же показали письмо.

— Отчего тебе так не терпится взглянуть на него? — И Отикубо подала письмо мужу.

— Хо-хо, не слишком-то оно длинное, — заметил Митиёри. — Ну же, не медлите с ответом.

И, вернув письмо, приказал немедленно подать Синокими тушечницу и бумагу.

Синокими смутилась при мысли, что Митиёри прочтет ее ответное стихотворение, и не могла собраться с мыслями. Но Отикубо не давала ей покоя:

— Скорее, скорее... Что подумает твой муж! Медлить неприлично!

Наконец Синокими начала писать, словно в каком-то забытьи:

*Сколько любовных встреч,
Только — увы! — не со мною,
Память твоя хранит.
Больше их, чем песчинок
На берегу морском.*

— Дайте взглянуть! — воскликнул Митиёри. — Я сгораю от любопытства...

У него был при этом очень забавный вид.

Посланцу наместника вручили письмо Синокими, наградив, по обычаю, подарком.

Наместник собирался двадцать восьмого числа этого месяца

отплыть на корабле в Дадзайфу. Значит, он должен был покинуть столицу еще ранее этого срока.

Митиёри устроил такое великолепное торжество по случаю третьей ночи, словно Синокими первый раз выдавали замуж.

— Муж больше ценит свою жену, если видит, что в родительском доме ее окружают вниманием и заботами, — сказал он Отикубо. — Любовь его от этого возрастает. Позаботься, чтобы у Синокими ни в чем не было недостатка. Вникай в каждую мелочь. Раз мы выдаем ее замуж из нашего дома, то стыдно нам было бы отнестись к ней так, словно мы торопимся ее с рук сбыть.

Отикубо вдруг пришла на память та ночь, когда Митиёри впервые посетил ее.

— Помнишь нашу первую встречу? Что у тебя тогда было в мыслях? — спросила она. — Акоги так боялась, что ты меня бросишь! Скажи, почему ты, как только увидел меня, так сразу полюбил?

Митиёри лукаво улыбнулся.

— Акоги боялась, что я брошу тебя? Вот уж напрасно! — И он пододвинулся к Отикубо поближе. — Ты мне стала еще дороже с той самой ночи, когда я услышал, как мачеха оскорбляет тебя: «Отикубо такая! Отикубо сякая!» Всю эту ночь до зари я строил планы, как отомстить ей. И я исполнил все, что задумал. Ради моей мести я не пощадил даже бедняжку Синокими, вот почему я теперь стараюсь вознаградить ее за прошлое. Мачеха твоя как будто оттаяла, а Кагэдзуми — так тот, видно, человек неглупый, все отлично понимает.

— Матушка не раз тепло благодарила нас, — ответила Отикубо.

Только стало смеркаться, как пожаловал наместник. По случаю торжества в честь третьей брачной ночи все его спутники были щедро одарены.

Начиная со следующего утра наместник, по обычаю, стал возвращаться домой, не таясь от людей, когда солнце уже стояло высоко в небе. Он был красив собой, держался с достоинством. Какое может быть сравнение с Беломордым коньком!

— Близится день моего отъезда, — сказал он Синокими, — а у меня многое еще не готово. Каждый вечер я спешу сюда, утром тороплюсь обратно, на это уходит много времени... Переезжай ко мне в мой дом, там нет хозяйки. А потом поедем вместе в Дадзайфу. Выбери прислужниц себе по сердцу и

собирайся скорее в дорогу. До отъезда остается только десять дней.

— Как? — испуганно воскликнула Синокими. — Ехать так далеко, покинув всех своих родных?

— Значит, ты отпускаешь меня одного? Всего несколько дней, как мы женаты, и уже всему конец? — Наместник так весело смеялся, что на него было приятно глядеть.

В душе он думал, что жена его хоть и очень мила собой, но чего-то в ней недостает. Однако не могло быть и речи, чтобы покинуть ее под предлогом скорого отъезда, раз он получил невесту из рук такого знатного человека.

— Будь всегда в сердечном согласии со мной, и все будет хорошо, — сказал он и решил немедленно перевезти к себе жену.

— Вот это всем зятьям зять, — сказал, смеясь, Митиёри. — Умчал с собой жену в мгновение ока, мы и опомниться не успели.

Чтобы достойным образом проводить Синокими в ее новый дом, Митиёри послал с ней самых достойных слуг, выбрав таких, к которым она уже привыкла.

Отбыли в трех экипажах.

Служанки из Сандзёдоно, которых приставили к Синокими, отказались было ехать с нею и начали роптать:

— Не хотим сопровождать чужую госпожу. Не наше это дело. Но Отикубо строго сказала им:

— Извольте слушаться, — и отправила их с Синокими.

Высокое положение в свете не позволяло Отикубо самой сопровождать свою сестру.

Служанки в доме наместника всполошились:

— Новая хозяйка приехала. Какова-то она окажется! Начнет еще, чего доброго, обижать детей — ах, как жаль их, маленьких! Наверно, капризов от нее не оберешься, ведь, говорят, она свояченица нынешнего фаворита...

От первой жены у наместника было двое взрослых сыновей. От второй — той, что недавно скончалась, — осталось трое детей: девочка в возрасте десяти лет и два мальчика помоложе. Наместник души не чаял в своих малышах.

Оба старших сына испросили отпуск у императорского двора, чтобы сопровождать своего отца в Дадзайфу.

Наместник должен был по случаю своего отъезда раздать много наград разным людям. Он дал Синокими двести кусков

шелка и еще немало кусков цветных тканей с тем, чтобы сшить наряды для подарков. Но Синокими не была приучена дома ни к какой полезной работе. Она расстелила ткани перед собой и только беспомощно глядела на них, не зная, как взяться за дело. С горя Синокими позвала на помощь свою мать.

— Мой муж дал мне много кусков шелка, чтобы сшить из них наряды. Что мне делать теперь? Все прислужницы из Сандзёдоно молоды годами, ни одна не может мне помочь. Навестите меня потихоньку, матушка, мне очень хочется повидаваться и с вами и с моей дочкой.

Китаноката позвала к себе Сабуро.

— Синокими зовет меня. Сегодня ночью я тайком привезу к ней ее дочь. Приготовь экипаж.

— Как вы ни прячьтесь от людских глаз, вас наверняка заметят. Не следует Синокими брать свою дочку с собой, — начал возражать Сабуро. — Когда Синокими торжественно тронется в путь как супруга наместника в сопровождении пышной свиты, ребенок будет только стеснять ее. Я слышал также, что наместник не расстается с собственной дочкой, прелестной девочкой лет десяти. Зачем на первых порах навязывать ему чужую дочь? Впрочем, посоветуйтесь с супругой Левого министра. Если она согласна, то поезжайте.

«Вот уже это лишнее», — подумала Китаноката и разразилась потоком жалоб:

— Кажется, я имею право попроситься с моей дочкой перед долгой разлукой и без соизволения ее светлости. Не смей и шагу ступить без чужого согласия, вот до чего дошло. Бывало, я приказывала людям, а теперь мною помыкает всякий, кому не лень. Несчастливая я. Родные дети, моя собственная плоть и кровь, восстают против меня.

Сабуро увидел, что Китаноката опять пришла в неистовство.

— Как вам не стыдно, матушка? Вам, кроме меня, не с кем было посоветоваться. Я и высказал свое мнение. А вы на меня так напустились... — И скорее убежал.

Китаноката день и ночь твердила о том, как она благодарна своим благодетелям, но снова дал знать себя ее необузданно вспыльчивый нрав.

Сабуро поспешил во дворец к Отикубо и сказал ей, что старуха тайком собралась к своей дочери, но, умолчав о настоящей причине задуманного посещения, добавил только:

— Матушка очень стосковалась по Синокими.

— Как же, как же, это ее любимая дочь. Пусть едет к ней поскорее.

— Но ведь наместник не приглашал к себе матушку. Удобно ли ей вдруг ни с того ни с сего явиться к нему в дом незваной?

— Это верно. Так сделай вот что. Поезжай сам в дом наместника под тем предлогом, что привез Синокими письмо от матери, и скажи ему: «Матушка моя стосковалась по Синокими. Она умоляет отпустить к ней дочь хоть на самое короткое время, чтобы проститься перед долгой разлукой. Чем ближе надвигается день отъезда, тем больше матушка горюет и плачет. Ей страшно отпускать свою дочь в далекие края. Пусть Синокими побудет с ней последние дни перед разлукой и успокоит материнское сердце». Послушай, что тебе ответит наместник, и сообразно этому поступай. Храните в тайне прошлое сестры. Когда наместник увидит маленькую дочку Синокими, не говорите ему, кто ее мать. Если же Синокими все-таки надумает взять девочку с собой в Дадзайфу, то пусть сошлется на дорожную скуку, одиночество, тоску по родным... Матушка, мол, посылает к ней эту девочку.

«Как она умна и проницательна! — подумал Сабуро. — Есть ли ей равные на свете! А матушка только злится на нее без всякой причины». Вслух он сказал:

— Прекрасный совет! Я так и сделаю.

Сабуро было не слишком приятно идти к наместнику с такой просьбой, но он пересилил себя из чувства жалости к своей матери.

К счастью, наместник как раз находился в покоях своей жены.

— У меня к вам нижайшая просьба, — начал Сабуро.

— Прошу вас, не стесняйтесь, я вас слушаю, — любезно ответил наместник.

Сабуро стал говорить так, как его научила Отикубо.

— Ах, и мне тоже хотелось бы повидаться с матушкой, — присоединила и Синокими свой голос к просьбе Сабуро. — Я уж вчера говорила мужу, как тоскую по ней.

— Но ведь тогда мне опять придется ездить к тебе. Это очень сложно и неудобно. Проще всего, если твоя матушка пожелает сюда. Здесь посторонних нет, вот разве дети... Но если дети ей помешают, можно всегда отправить их на время в другое место. Мы скоро уедем в дальние края, как же, в самом деле, тебе не повидаться с родной матерью! — сказал наместник.

Это было как раз то, чего желал Сабуро.

— Да, матушка глаз не осушает от слез!

— Везите же ее сюда скорей! Мне бы не хотелось отпускать свою жену из дому... Да еще в самый разгар дорожных сборов.

— Я тотчас же передам вашу волю матушке. — С этими словами Сабуро встал, собираясь уходить.

— Ты смотри, хорошенько попроси ее, чтоб она скорей приезжала ко мне, — сказала вслед ему Синокими.

— Постараюсь. — И Сабуро поспешил домой.

Вернувшись, он увидел свою мать еще во власти гнева, со вспухшими на лбу синими жилами. Вид ее был страшен! Сабуро поторопился передать ей весь свой разговор с Отикубо.

— Дело небольшое, но теперь вы видите, почему ее так любят. Она всегда добра и отзывчива.

Китаноката обрадовалась тому, что может наконец беспрепятственно ехать к своей дочери.

— Правда, она посоветовала умно. Так ты говоришь, Синокими зовет меня? Еду, еду сейчас же!

— К чему такая поспешность? Уже поздно. Поедете завтра, — остановил ее Сабуро.

С первыми лучами солнца Китаноката стала тщательно наряжаться для парадного выезда в дом зятя. Она перебрала все свои платья, но, к ее досаде, все они показались ей недостаточно хорошими.

— Нет ли в кладовой чего-нибудь получше? — спросила она.

Но вдруг в эту самую минуту — какое счастье! — из дворца Отикубо принесли новый роскошный наряд. Для девочки тоже были присланы красивые платья.

— Это для вашей внучки. В дороге ее могут увидеть люди, — передал посланец Отикубо слова своей госпожи.

Мачеху и ту проняло до слез.

— Семерых детей я родила, но настоящую заботу о себе вижу только от падчерицы. Я так огорчалась, что внучка моя поедет в старом платье...

Под вечер два экипажа тронулись в путь.

Синокими радостно встретила мать. Рассказам конца не было. Она нашла, что дочка ее подросла за это время и очень мила в своем новом наряде.

— Я все время ломаю голову, под каким предлогом взять ее с собою, — говорила она, лаская девочку, — но боюсь сказать мужу правду...

— Вот что посоветовала госпожа супруга Левого министра, — сообщила ей Китаноката слова Отикубо. — Лучше не придумаешь. И новые платья для меня и твоей дочки тоже она подарила.

— Вот видите, какая она добрая. Не поминает прошлого. По-матерински заботится обо мне, прислала в подарок великолепный столовый прибор. Да только ли это одно... Платья для моих служанок, занавеси, ширмы. Подумайте, как мне было бы стыдно перед старыми служанками этого дома...

— Правда, правда! Смотри не обижай детей своего мужа. Береги их пуще собственного детища. Если бы я не обижала свою падчерицу, не пришлось бы мне принять столько сраму на старости лет.

— Никогда не обижу их, матушка, — обещала ей Синокими.

Новый зять понравился Госпоже из северных покоев. Она нашла, что у него внушительный и благородный вид. «Сразу видно настоящего аристократа!» — думала Китаноката, принимаясь помогать своей дочери.

В доме не стихала суeta. Все время приходили наниматься новые служанки. Глядя на счастье своей сестры, чувствительный Сабуро со слезами благодарности думал о том, как много сделали для его близких Митиэри с женой.

Он поторопился известить своего старшего брата Кагэдзуми, который находился на службе в провинции Харима:

«Господин Левый министр выдал замуж сестру нашу Синокими. Двадцать восьмого числа этого месяца она должна отплыть на корабле в страну Цукуси вместе со своим супругом, наместником Дадзайфу. Прошу тебя устроить им почетную встречу, когда они будут плыть мимо берегов Харима».

Добрый и отзывчивый от природы Кагэдзуми очень обрадовался, узнав о счастливой перемене в судьбе своей сестры. Он поставил всех своих подчиненных на ноги, стараясь устроить наместнику наилучший прием.

Между тем дорожные сборы были в полном разгаре. Служанки из Сандзёдоно попросили разрешения вернуться обратно, но Отикубо послала им строгий приказ:

— Оставайтесь в доме наместника до его отъезда. Если кто-нибудь из вас захочет, может даже ехать с ними в Цукуси.

В этом доме прислужниц не слишком обременяли обязанностями, но новые господа, по их мнению, не шли ни в какое сравнение с господами Сандзёдоно. «Уж если бы мы с самого

начала служили наместнику, — думали они, — пришлось бы, пожалуй, последовать за ними из чувства долга, но оставить своих любимых господ, оставить Сандзёдоно, где нам живется, как в раю, чтобы поехать в дальний край с незнакомыми людьми, — просто безумие!» Все отказались наотрез, даже служанки, которых держали для черной работы.

Согласились поехать только прислуга наместника, числом более тридцати человек.

Пока в доме шли такие приготовления и все ближе надвигался день отъезда, сестры Синокими собрались у нее и стали вспоминать старые дни.

Одна из них сказала, глядя на разряженных в новые платья прислужниц:

— Пожалуй, после супруги Левого министра Синокими самая счастливая из нас.

Но другая заметила:

— А кому обязана Синокими своим замужеством? На нее упал только отблеск счастья госпожи из дворца Сандзёдоно.

Синокими отправилась проститься с Отикубо. Выезд Синокими состоял всего из трех экипажей, потому что она хотела избежать лишней сумятицы.

Отикубо сердечно приняла ее, но не буду долго распространяться об их беседе. Скажу только, что каждой из женщин, сопровождавших Синокими, были пожалованы богатые подарки: двадцать вееров отличной работы, перламутровые гребни, белила для лица в лакированных шкатулках. Посылая их, Отикубо велела передать от своего имени:

— Это вам на память обо мне.

Прислужницы ее с большой радостью вручили эти подарки гостям.

Женщины из свиты Синокими приняли подарки, рассыпаясь в уверениях в своей преданности. Вернувшись домой, они стали шептаться между собой:

— Мы-то думали, что нет богаче нашего дома. Но он не может идти ни в какое сравнение с Сандзёдоно! Вот бы попасть туда на службу!

На другое утро пришло письмо от Отикубо:

«Мне так много хотелось сказать тебе вчера, ведь мы теперь долго не увидимся... Никогда еще ночь не казалась мне столь короткой. Ах, жизнь человеческая неверна — кто знает, встретимся ли мы вновь?

*Как белое облако
Уплывает к далекой вершине,
Ты покинешь родину,
И в предчувствии долгой разлуки
Я невольно роняю слезы...*

Посылаю тебе несколько вещей, полезных в дороге».

Отикубо прислала два доверху набитых дорожных ящика. В одном были платья и хакама для подарков прислуге. В другом — три полных наряда для самой Синокими.

На крышке этого ящика лежал большой, размером с него самого, шелковый мешок, в котором находилось сто вееров для приношения богам — хранителям путников. Два маленьких ящика предназначались для дочери Синокими. В одном были наряды, а в другом маленький золотой ларчик с белилами, вложенный в шкатулку побольше, красивый ларчик для гребней и еще много других чудесных вещей.

Отикубо написала девочке:

«Если я и теперь уже грущу в ожидании скорой разлуки с тобой, то, как говорится в одной песне:

*Что ж будет со мною потом,
Когда к далеким вершинам гор
Белое облачко улетит?*

Я все время думаю о тебе.

*Грустно тебе уезжать,
Но ты не вольна остаться...
Близок разлуки час.
Ах, сердце мое готово
Вдаль лететь за тобой».*

Увидев подарки, наместник воскликнул:

— Ого, как их много! Можно бы и не присылать столько, — и щедрой рукой наградил посланцев Отикубо.

Синокими написала в ответ:

*«Прихоти ветра покорно,
Вдаль от родной стороны*

*Белое облачко мчится...
Ах, кто скажет куда?
Оно и само не знает.*

Все мои домочадцы не устают любоваться вашими дивными подарками. Восторгам конца-краю нет!»

Маленькая дочь Синокими, не желая отставать от матери, сочинила такое письмецо к Отикубо:

«И мне тоже хотелось бы рассказать вам о многом до моего отъезда, милая тетушка.

Один поэт жалуется в своей песне, что не может, уезжая, оставить свое сердце любимой. Как я понимаю его теперь!

*О, зачем не могу я
Вырвать сердце свое из груди
И оставить с тобою!
Я б не стала тогда грустить
Даже там, в далеком краю».*

Когда Китаноката прочла эти прощальные письма, она дала волю своему горю и пролила ручьи слез. Синокими всегда была ее любимицей.

— Мне уже скоро исполнится семьдесят. Как могу я надеяться прожить еще пять-шесть лет? Верно, придется мне умереть в разлуке с тобою.

— Но разве я хотела этого замужества? — сквозь слезы ответила ей Синокими. — Вы сами же первая требовали, чтоб я согласилась. А теперь отступать уже поздно. Успокойтесь, матушка, ведь не навек мы с вами расстаемся.

— Я, что ли, выдала тебя замуж? — сердито возразила Китаноката. — Это все Левый министр нарочно затеял, чтобы насолить мне. А я-то, глупая, обрадовалась!

— К чему теперь все эти жалобы! Видно, разлука нам на роду написана, против судьбы не пойдешь, — пыталась утихомирить свою мать Синокими.

Сабуро, в свою очередь, тоже вставил слово:

— Успокойтесь, матушка! Разве вы первая расстаетесь с дочерью? Другим родителям тоже приходится провожать своих детей в далекий путь, да они не твердят без конца о вечной разлуке. Слушать неприятно!

Наместник нанес прощальный визит Левому министру. Ми-

тиёри охотно принял своего нового родственника и, беседуя с ним, сказал:

— Я питал к вам чувство горячей дружбы даже тогда, когда мы были с вами чужие друг другу, теперь же я еще больше полюбил вас. Не откажите мне в одной просьбе. С супругой вашей едет маленькая девочка, позаботьтесь о ней. Она была любимицей покойного дайнагона, и я хотел было сам взять ее на воспитание в свой дом, но вдова дайнагона боится, что дочь ее будет тосковать вдали от близких, и посылает с ней эту девочку, чтобы она послужила Синокими радостью и утешением.

— Позабочусь о девочке, как могу, — заверил его наместник. К вечеру он стал собираться домой. На прощание Митиёри подарил ему двух великолепных коней и еще многое другое, нужное в дороге.

— Левый министр очень просил меня позаботиться о девочке, которую ты берешь с собой, — сообщил наместник своей жене. — Сколько ей лет?

— Одиннадцатый год пошел.

— Должно быть, дайнагон прижил ее на старости лет. Забавно! У такого старика и такая маленькая дочь, — засмеялся ничего не подозревавший наместник. — А что ты собираешься подарить служанкам из Сандзёдоно? Скоро они покинут наш дом.

— Ну зачем непременно всех одаривать? Нет у меня ничего наготове...

— Не говори пустого! Неужели ты всерьез хоть одну минуту думала, что можно отправить этих женщин из нашего дома с пустыми руками? После того как они столько тебе служили, — сказал наместник с таким видом, будто ему стало стыдно за свою жену. В душе он с грустью подумал, что, видно, Синокими не очень умна от природы, и сам распорядился принести все, что еще оставалось из подарочных вещей. Старшим прислужницам он пожаловал по четыре куска простого шелка и еще по куску узорчатого и алого шелка, а девочкам и низшим служанкам немного поменьше. Все они остались очень довольны.

Наконец наступил последний день перед отъездом. С первыми лучами солнца в доме поднялась страшная суматоха.

Китаноката в голос рыдала, не выпуская из своих объятий Синокими. Вдруг в это самое время какой-то человек принес большой золотой ларец с ажурным узором. Он был красиво

перевязан пурпурными шнурами и обернут крепом цвета опавших листьев.

— От кого это? — спросили слуги, принимая драгоценный подарок.

— Госпожа ваша сама поймет, от кого, — коротко ответил неизвестный и скрылся.

Синокими не могла опомниться от изумления. Открыла крышку и увидела, что внутри ларец затянут тончайшим шелком цвета морской воды. В ларце находился золотой поднос, а на нем был искусно устроен крошечный островок, во всем похожий на настоящий, с множеством деревьев и лодочкой, выточенной из ароматного дерева алоэ.

Синокими стала искать, нет ли какой-нибудь сопроводительной записки, и увидела, что возле лодочки приклеен клочок бумаги, мелко исписанный тушью. Она оторвала его и прочла:

*«Скоро белым шарфом своим,
Проплывая мимо на корабле,
В знак прощания ты махнешь,
Я останусь, безутешный, один
На пустынном морском берегу.*

Хотел бы я последний раз увидеться с тобою, но боюсь людских пересудов. Больше не скажу ни слова».

Ведь это рука Беломордого конька. Вот неожиданность! «Кто-нибудь подучил этого глупца», — испугалась Китанока-та. Синокими никогда не любила хёбу-но сё и даже настоящим мужем его не считала, но тут она впервые за долгое время вспомнила о нем, и невольная жалость закралась ей в душу.

— Отдай этот подарок маленькой дочке Левого министра, — посоветовал Сабуро.

Жадная мачеха всполошилась:

— Вот еще! Такую ценную вещь! И не вздумай отдавать.

Но Синокими захотелось отблагодарить хоть чем-нибудь свою сестру.

— Непременно подарю, — решила она.

— Так и сделай, — поддержал ее Сабуро. — Я сам и отнесу.

Беломордый конек, конечно, не смог бы до этого додуматься. Его научили младшие сестры, считавшие, что супруги не

должны совсем позабыть друг друга, раз у них есть общий ребенок.

Уже глубокой ночью Китаноката, плача, вернулась к себе домой. Рано утром, в час Тигра, из ворот дома наместника потянулась вереница экипажей. Их было не меньше десяти. Наместник получил от императора приказ торопиться к месту своего назначения и потому даже не мог задержаться в Ямадзакки, чтобы, по обычаю, устроить прощальный пир и за чаркой вина в последний раз погрузиться о разлуке с любимой столицей. Наградив сопровождавших его людей, наместник отпустил их и быстро поехал дальше. Кагэдзуми устроил ему торжественную встречу по дороге, и вскоре путешественники благополучно добрались до морского побережья, а оттуда на корабле прибыли в Цукуси.

Возвратившись из дома наместника обратно в Сандзёдоно, служанки стали рассказывать обо всем, что видели и слышали.

Когда они передали, какую глупость сказала мачеха Синокими: «Тебя выдали замуж мне назло», — Митиери и Отикубо разразились громким смехом.

Мачеха первое время в голос плакала и причитала, даже слушать было тошно, но потом вдруг сразу успокоилась, как ни в чем не бывало.

— Ну, одну сестру я пристроил, — сказал Митиёри. — Осталось пристроить вторую.

* * *

И снова для супругов потекли годы безоблачного счастья, принося с собой только радостные и веселые события. В семье дважды торжественно встречали день совершеннолетия старших детей. Таро исполнилось уже четырнадцать лет, а дочери — двенадцать.

Главный министр пожелал устроить торжество и в честь совершеннолетия своего любимого внука Дзиро.

— Ого, как мои сыновья соревнуются между собой, — смеялся Митиёри.

Желая, чтобы дочь их была принята при дворе, родители с начала нового года окружили ее особым вниманием и уходом. Год промелькнул, как сновидение. Весною девушка была принята на службу в императорский дворец. По этому случаю состоялась церемония, великолепие которой я не берусь описать.

Дочь Митиёри и Отикубо обладала чарующей красотой и к

тому же была родной племянницей императрицы. Не мудрено, что она сразу оставила в тени всех прочих придворных дам.

Между тем Главный министр почувствовал, что годы сказываются на его здоровье, и пожелал выйти в отставку, но император не хотел слышать об этом.

— Я стал уже стар и слаб. Пора мне подумать и о спасении своей души. Неотложные государственные дела помешали бы мне молиться в тишине и уединении. Отпустите меня, государь, а на мою должность назначьте сына моего, Левого министра. Он обладает достаточными знаниями и талантами и будет служить вам лучше меня, старика.

Супруга императора тоже стала просить об этом, и в конце концов государь согласился:

— Хорошо, пусть уйдет на покой. Быть может, это продлит его дни, — и назначил Митиёри Главным министром. Все изумились: «Как! Он стал Главным министром, не достигнув еще и сорока лет. Небывалый случай!»

Дочь Митиёри впоследствии была возведена в ранг императрицы. Оба его сына служили в гвардии. Когда старшего повысили в чине, дед стал роптать:

— А почему моего воспитанника обошли чином?

— Напрасно вы сердитесь, отец, — ответил Митиери. — Не могу же я раздавать награды только собственным сыновьям. Что скажут люди?

— Он теперь больше мой сын, чем твой, и потому никто не посмеет роптать, если ты повысишь его в должности. Таро стал младшим начальникомлевой гвардии, почему же Дзиро обойден? Дай ему такой же чин в Правой гвардии, — упрямо требовал старик.

— Нет, и не просите. Я не согласен, — отказал наотрез Митиёри.

Но отец его обратился с настойчивой просьбой прямо к государю и в конце концов добился своего. Дзиро занял должность наравне со своим старшим братом.

— Ну, теперь я немного успокоился. Будь Дзиро постарше годами, я бы уступил мою должность именно ему, — сказал старик.

Вот до чего дошла его безумная любовь к внуку!

Повсюду только и говорили о счастье Отикубо.

«Могла ли она думать, когда, закутанная в одни лохмотья, дрожала от холода в своей каморке, что станет женой Главного

министра и матерью императрицы?» — говорили между собой те из служанок, которые еще помнили былые дни.

Саннокими получила почетную должность при дворе младшей императрицы. В ее обязанности входило следить за туалетом государыни.

Когда окончился срок службы наместника, он благополучно возвратился в столицу вместе со своей женой.

Можно себе представить, как обрадовалась Китаноката!

Боги позволили ей дожить до глубокой старости, верно, для того чтобы она дольше могла наслаждаться счастьем своих детей и внуков.

Отикубо стала уговаривать ее:

— В вашем возрасте пора уже подумать о будущей награде на небесах.

В конце концов мачеха поддалась на ее уговоры. Обряд пострижения был совершен самым торжественным образом. Об этом позаботилась Отикубо.

Мачеха иной раз повторяла в умилении:

— Вот, люди, учитесь на этом примере! Никогда, никогда не обижайте своих пасынков. Я всем на свете обязана неродной дочери.

Но стоило ей рассердиться, как она начинала ворчать:

— Уговорила меня постричься в монахини, а я рыбу в рот не беру. О чужой матери сердце не болит. Одним словом, падчерица!

Когда же Китаноката отошла в мир иной, Отикубо устроила ей роскошные похороны.

Акоги счастливо жила в замужестве и родила много детей. Она часто навещала Сандзёдоно, и ее всегда принимали с большим почетом.

Расскажу о других наших героях.

Сыновья Митиёри продолжали соревноваться между собой и вместе поднимались по лестнице почестей и славы.

Старик отец много раз просил Митиёри перед смертью:

— Если тебе дорога моя память, то позаботься о том, чтобы Дзиро ни в чем не отставал от старшего брата.

Понемногу Митиёри стал равно любить обоих сыновей. Когда он назначил старшего начальникомлевой гвардии, то младшего возвел в чин начальника Правой гвардии.

Легко вообразить, как радовалась Отикубо успехам своих детей.

Наместник получил звание дайнагона. Сабуро тоже достиг высоких должностей.

Лишь двоих постигла злая судьба. Беломордый конек тяжело заболел и пошел в монахи. Никто не знает, где настигла его смерть.

Что касается старика тяньяку-но сукэ, то он отправился на тот свет вскоре же после нанесенных ему побоев.

— Не довелось ему видеть, как возвысилась обиженная им девушка, — сказал Митиёри. — А жаль! Напрасно его так избили, пусть бы еще пожил на свете...

Все другие герои нашей повести могли бы служить примером долголетия и счастья.

Говорят даже, что Акого дожила до двухсот лет.

КОММЕНТАРИИ

Японские народные сказки

Гэта — японская национальная обувь. Деревянная подошва на двух поперечных подставках, удерживается на пальцах ноги при помощи двух петель.

Месяц зайца — четвертый месяц в году, соответствует примерно нашему маю. В Японии для исчисления времени применялись особые циклические знаки: название двенадцати животных и пяти стихий природы.

Новый год — японский Новый год — празднуется в начале февраля и считается первым днем весны. В этот день перед воротами домов выставляются украшения из сосновых веток и стеблей бамбука — символов долголетия и стойкости.

Праздник цветения персиков — празднуется 3 марта. Одновременно праздник девочек. В этот день девочки ходят друг к другу в гости. На полочках выставляются куколки (хина), изображающие придворных сановников, дам, воинов и даже оркестр. Куколками-хина не играют, ими только любуются.

День рождения Будды — празднуется 8 апреля.

Пестрые карпы — 5 мая в Японии справляется праздник мальчиков. Возле домов, где есть маленькие мальчики, вывешиваются на шестах бумажные карпы. Карп, плывущий против течения, считается символом стойкости.

Вечер «Встречи двух звезд» (Танабата) — справляется 7 июля. Согласно древней легенде, лишь в этот вечер, один раз в году встречаются две влюбленные друг в друга звезды: Ткачиха (Вега) и Пастух (Альтаир). Сороки строят для них мост через небесную реку (Млечный путь). Но если в этот вечер упадет хоть одна капля дождя, звезды не смогут встретиться, так как Небесная река разольется. В день Танабата дети пишут на полосках цветной бумаги разные надписи и стихи на тему праздника. Тушь для письма разводится на утренней росе. Полоски с надписями прикрепляют к веткам бамбука, а на четвертый день эти ветки пускают по течению реки.

Ночь осеннего полнолуния (август) — народный праздник Японии.

Бог Сумиёси — Покровитель мореплавателей. Храм его находится на побережье Сумиёси, где ныне на месте простой рыбацкой деревушки вырос город Осака.

Повелитель драконов — Бог водной стихии. Он живет на дне моря в роскошном дворце с дочерью Отохимэ и является людям в образе величественного старика.

Каппа — японский водяной. Согласно поверьям, он небольшого роста, покрыт чешуей, пучеглазый, между пальцами перепонки. На голове венчик волос, посреди которого ямка, где находится вода. Если вода выльется в то время, когда каппа находится на земле, он потеряет силу.

Жрицы - мико — исполняют в храмах священные пляски, также занимаются гаданием, врачеванием недугов, изгоняют болезни с помощью магии.

...Длинные иглы — в народной медицине на Дальнем Востоке широко распространен способ лечения всех болезней путем уколов особыми иглами (акупунктура). Уколы наносятся в определенные точки тела. Врач определяет, сколько нужно сделать уколов, куда и на какую глубину погрузить иглы.

Храмы Исэ (о-в Хонсю) — самые древние и почитаемые в стране храмы. Посвящены синтоистскому культу, древней

религии Японии, в основе которой лежит поклонение силам природы и духам предков.

...В огненную колесницу ада. — Согласно буддийским поверьям, грешные души уносит в ад огненная колесница.

Каннон — богиня милосердия. Согласно буддийским поверьям, она помогает людям, появляясь в тридцати трех образах.

Сэцубун — праздник весеннего солнцеворота.

Годы Хорэки — 1751 — 1764 гг.

Мацумаэ — старинное название острова Хоккайдо.

Компира — буддийское божество, охраняющее мореплавателей. Ияхико — бог синтоистского пантеона, чтимый в Ниигата.

Деревня Окадзак — находится в префектуре Канагава. Варианты данной легенды широко распространены в Японии. Согласно некоторым из них, богач сам останавливает солнце взмахом веера, но терпит за это жестокое наказание.

Страна Аидзу — название местности, расположенной в западной части префектуры Фукусима.

Кукловод из театра Авадзи. — На острове Авадзи и поныне сохранился старинный кукольный театр. Куклы в этом театре большие, в две трети человеческого роста. Устроены они очень сложно, могут двигать пальцами, бровями, раскрывать рот. Водят их на тростях. Кукловоды управляют ими на глазах публики, но только главный мастер появляется с открытым лицом в церемониальном костюме, на остальных надеты черные капюшоны с отверстиями для глаз.

Такэмото Гидаю (1651 — 1714) — выступал в кукольном театре Такэмото-дза в Осака с таким успехом, что имя «гидаю» стало нарицательным для рассказчика этого жанра. Гидаю читает весь текст пьесы в особой декламационной манере, переходящей в музыкальный речитатив; дзёрури — здесь название театрального жанра: пьесы для кукольного театра.

Город Комацу — находился в старинной провинции Кага (ныне часть префектуры Исикава).

Поэт Сюка (ум. в 1774 г.) — был известным в свое время сочинителем хокку.

Деревня Адзума — находится в префектуре Фукусима на северо-востоке острова Хонсю. До сих пор в этой деревне показывают место, где стояла гигантская криптомерия, и поют о ней песни. Шепчущий мост простоял до середины XIX века, когда был заменен земляной насыпью.

Страна Кии — название старинной области на юго-востоке острова Хонсю (ныне входит в состав префектур Вакаяма и Миэ).

Город Сиракава — находится в префектуре Фукусима. До сих пор показывают в нем могилу Антина.

Буддийский храм Додзёдзи — находится в префектуре Вакаяма; прославлен легендой о раскаленном колоколе.

Острова Мацусима — считаются одним из красивейших мест Японии.

Равнина Миягино — находится на морском побережье, к востоку от города Сэндай. В старину славилась красотой своих осенних трав.

Асо-дзиндзя — храм синтоистского культа.

Эноки — железное дерево из семейства вязовых.

Странствия молодого Юривака. — В древней Японии существовало сказание о великане и могучем стрелке Юривака. До сих пор показывают отпечатки его исполинских ступней и отверстия в скалах, пробитые его стрелами.

Левый министр — в древней Японии самая важная в стране должность после Главного министра.

Девять провинций — находились на западном побережье Японии.

Си ра ги — одно из древних царств Кореи.

Бун го — одна из девяти западных провинций.

Певец с оторванными ушами — бродячий певец.

Сямисен — трехструнный музыкальный инструмент.

ПОВЕСТЬ О ПРЕКРАСНОЙ ОТИКУБО

Тю на го н — второй государственный советник.

Дай на го н — старший государственный советник, высокое придворное звание.

Госпожа из северных покоев — старинный японский дом был строго ориентирован по частям света: главный вход с южной стороны, дальние (женские) покои — на северной.

Оти кубо — домик служебного назначения с низким полом.

...Пусть и зовут ее Оти кубо. — Девушек в знатных семьях называли или согласно порядковым номерам — первая, вторая и т.д., или же согласно зданиям, где они проживали, например: «Павильон глициний», «Яшмовый дворец». Прозвище «Отикубо» носило издевательски уничижительный характер.

Ци тра - ко то — японский национальный инструмент.

Ку ро до — придворные, находящиеся при особе императора для личных услуг.

Ха ка ма — широкие шаровары или складчатые штаны, напоминающие юбку.

Небесная река — Млечный путь.

Церемониальный занавес (китё) — загораживал знатных дам от постороннего взгляда.

...Их союз был заключен еще в прежней жизни. — Согласно буддийским верованиям, душа проходит через ряд земных воплощений, возрождаясь в человеческом образе или в образе животного, растения.

Хитоз — одежда без подкладки.

Химмэгими — так почтительно называли девушек из благородных семей.

Моти — свадебное угощение. Изготавливалось из отбитого в ступке вареного риса.

О-дзэн — японский низенький столик для еды.

Час Пса — время с шести до восьми часов вечера.

Сёдзи — в японском доме легкие раздвижные перегородки, оклеенные бумагой.

Лак макиэ — лак, украшенный золотом и серебром.

...В торжественных плясках на празднике мальвы в храме Камо — Синтоистский храм Камо, расположенный к северу от столицы, устраивал торжественные празднества дважды в год (в четвертый и одиннадцатый месяцы). Первый из них именуется «праздник мальвы». В этот день листьями китайской мальвы украшали шапки, экипажи и т.д. Из дворца в храм Камо отправлялось торжественное шествие во главе с императорским посланцем.

Ситагасанэ — нижняя одежда (придворная) с шлейфом, длина которого регламентировалась согласно чину и званию.

Бэн-но-сесе — бэн — гражданская должность цензора, сёсё — воинское звание.

Тэньяку-но сукэ — помощник начальника дворцовой службы лекарственных трав, незначительная придворная должность.

Хоть он и шестого ранга... — Знатным особам полагалась свита из придворных невысокого ранга. В такой свите и состоял меченосец.

...Ах, верно, я совершила какой-нибудь страшный грех в прежних рождениях. — Согласно буддийским верованиям карма, т.е. высший закон возмездия за поступки, совершенные в этой жизни или в прежних рождениях, предопределяет судьбу человека.

Хёбу-но сё — самый младший чин в военном ведомстве.

Час Овна — время с двенадцати часов до двух часов дня.

Тюдзё — второй по старшинству начальник императорской гвардии.

Храм Киёмидзу — буддийский храм в окрестностях столицы, в котором чтили богиню Каннон.

Обряд гэмпуку — заключался в том, что отроку (от 12 до 16 лет) впервые делали мужскую прическу и надевали на него шапку взрослого мужчины. С этого времени отрок считался совершеннолетним и даже получал новое имя.

День Запрета — особые дни ритуального запрета, когда нельзя было покидать дом, общаться с посторонними, есть мясо.

Восемь чтений Сутры лотоса. — Сутра лотоса — одна из священных буддийских книг. В течение четырех дней дважды в день, утром и вечером, читали толкование этой Сутры.

Боддхисатва Амитабха — божество буддийского пантеона.

Рё — старинная мера веса.

О минаэси — один из семи осенних цветов, прославленных в японской классической поэзии.

Бодхидрума — священное дерево, сидя под которым Будда Гаутама, согласно легенде, достиг прозрения.

Сорок девять поминальных дней — буддийские заупокойные молитвы читаются в течение сорока девяти дней.

То — мера емкости, равная 18 литрам.

Коку — мера емкости для сыпучих тел, равная 180 литрам.

Младший Таро — имя Таро, по японскому обычаю, дается старшему брату, имя Дзиро — второму.

Час Тигра — с 2 до 4-х часов утра.

Ямадзакки — название местности, расположенной на пути из Хэйана (ныне Киото) к морскому берегу.

Содержание

СОЛОВЬИНЫЙ ДОМ

ГДЕ СВЕТУ КОНЕЦ?	7
ГЛАЗА ЗМЕИ	9
ОТКУДА ПОШЛИ ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ	13
СЫНОК-УЛИТКА	15
СОЛОВЬИНЫЙ ДОМ	22
КОЛПАК «ЧУТКИЕ УШИ»	24
ОГНЕВОЙ ТАРО	29
ЖЕНА-ЛИСИЦА	33
ЧУДЕСНЫЙ КУВШИНЧИК	39
ПЕПЕЛЬНИК	43
ЖИВАЯ ИГЛА, МЕРТВАЯ ИГЛА И ЛЕТУЧАЯ КОЛЕСНИЦА	51
КАК ЖУРАВЛЬ ЗА ДОБРО ЗАПЛАТИЛ	55
КАТИ-КАТИ-ГОРОШИНКА	58
ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ	63
ОТЧЕГО В МОРЕ ВОДА СОЛОНА	67
ЭЙ, КРАБ, КОСО-КОСО!	70
ПОЧЕМУ У ОСЬМИНОГА НЕТ КОСТЕЙ	73
ЛЯГУШКА ИЗ КИОТО И ЛЯГУШКА ИЗ ОСАКА	75
САБУРО БИТАЯ МИСКА	77
СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ КАП-КАП	81
ДЛИННОЕ ИМЯ	82
КАК ГЛУПОГО СЫНА ТОРГОВАТЬ ПОСЫЛАЛИ	84
ЧЕРНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ	86
ВОЛШЕБНАЯ КОЛОТУШКА	89
ТРИ СОКРОВИЩА	93
КРАСАВИЦА НА ПОРТРЕТЕ	96
ПОДАРОК ДЕВЫ ОЗЕРА	98
МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ КОШЕК	102
СЧАСТЛИВАЯ СОЛОМИНКА	105
СТРАНА ОДНОГЛАЗЫХ	108
ЗАМОК ПОВЕЛИТЕЛЯ МУРАВЬЕВ	108
ПОЛОТНО, ВЫБЕЛЕННОЕ НА ЛУННОМ СВЕТУ	110
ТАНЦУЮЩИЙ СКЕЛЕТ	111
ДВОРЕЦ КОРОЛЕВЫ КОШЕК	113

НОППЭРАПОН	116
ПОСЛЕДНЕЕ ЩУПАЛЬЦЕ ОСЬМИНОГА.....	118
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК	119
ЧУДО МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ	121
ПЯТЬ ТАНОВІ ЗЕМЛИ.....	123
КАК ВПЕРВЫЕ ВЫПАЛ СНЕГ	124
МОРСКОЙ РАК И ВОРОН	126
ВАЯТЕЛЬ И ЯЩЕРИЦА	127
ЖАЛОБЫ КУКОЛ	128
БАРСУК — ЛЮБИТЕЛЬ СТИХОВ	130
ШЕПЧУЩИЙ МОСТ.....	131
РАСКАЛЕННЫЙ КОЛОКОЛ	133
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ	134
СТАРУХА НИТОЧНИЦА.....	136
ЛУНА НА ВЕТКЕ.....	137
СТРАНСТВИЯ МОЛОДОГО ЮРИВАКА	139
ПЕВЕЦ С ОТОРВАННЫМИ УШАМИ	142
ГОРШОК БЕЛЫХ ХРИЗАНТЕМ	146

ПОВЕСТЬ О ПРЕКРАСНОЙ ОТИКУБО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	149
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	209
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	269
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	306
КОММЕНТАРИИ	341

ШИРМА С ДРАКОНОМ

Редактор
Е. Мовчан

Художник
В. Волипец

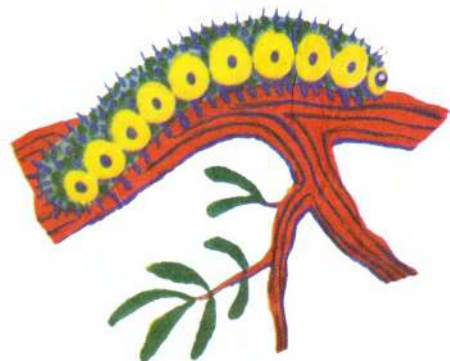
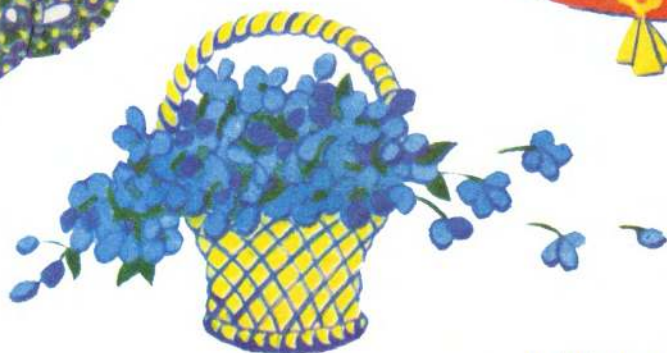
Технический редактор
А. Щербаков

Корректор
С. Цыганова

Сдано в набор 01.IX.93. Подписано в печать 08.X.93. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 25,25. Тираж 100000 экз. 1-й з-д (1—50000).
Заказ № 31472.

Полиграфкомбинат Государственного департамента Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
277004, г. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Дорогой читатель!

ТОО «БИБЛИОПОЛИС» (г. Санкт-Петербург), фирма «РИТА» (г. Москва) и издательство «КИМОС—АРД» (г. Москва) приступили к выпуску 20-томной серии «Сказка за сказкой».

Серия откроет перед Вами безграничное богатство сказочного мира, который принадлежит всем нам, но прежде всего — нашим детям, — они и есть главный адресат наших книг.

Группа молодых художников подготовила красочное и оригинальное оформление серии, что в сочетании с известными и подчас малоизвестными сказками доставит детям истинную радость чтения.

Вышли из печати:

Жил-был король...

Сказки писателей Европы

Золотая ладья

Сказки и легенды с лазурной Адриатики

Шутка черного лешего

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе

Подарки феи

Сказки о феях, троллях и эльфах

Готовятся к выходу в свет:

Братец Лис и Братец Кролик

Сказочные истории из жизни птиц и зверей

Заколдованный халат

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь»

Джованнино и Пульчероза, а также Чиполлино и другие

Итальянские сказки

Великанья изба, колбасная крыша

В стране гор, великанов и змеев

Тринадцать заколдованных котов

Сказки народов Британии

и другие...

Заявки на оптовые поставки тиража принимаются:

Москва

☎ (095) 176-80-04

Санкт-Петербург

☎ (812) 110-15-12

**Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома**